

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2016

Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры <i>Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Спасовский Ю.Н.</i>	5
Каменный инвентарь святилища Кокшаровский холм <i>Шорин А.Ф., Вилисов Е.В.</i>	20
Укрепленные поселения энеолита таежного Приобья <i>Борзунов В.А.</i>	34
Кавказ в свете археологии и геногеографии <i>Ковалевская В.Б.</i>	45
Погребения саргатской культуры: новый взгляд на известные факты <i>Шарапова С.В., Ражев Д.И.</i>	60
Колчаны Урартского царства <i>Кастеллучча М., Дан Р.</i>	73
Проблема датировки кинжалов типа Rosmuš и их кавказские аналоги <i>Козубова А., Скаков А.Ю.</i>	84
Захоронения и останки людей на поселениях лесостепной Скифии: состояние источников <i>Разуваев Ю.Д.</i>	102
Сасанидская гемма из Нижнелубянского могильника <i>Афанасьев Г.Е.</i>	121

Публикации

Новая находка каменного диска-навершия (к вопросу о перфорированных каменных дисках в Среднем Зауралье) <i>Савченко С.Н., Жилин М.Г.</i>	136
Новые данные о поселении Кюльтепе I в Нахчыване <i>Бахшалиев В.Б.</i>	152
Раннесарматские погребения у пгт. Акимовка Запорожской области <i>Болтрик Ю.В., Кропотов В.В.</i>	156
Клад византийских фоллисов из Иерихона <i>Абрамзон М.Г., Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Зайцев В.В.</i>	163

История науки

Древние карелы в финляндской и отечественной историографии <i>Кочкуркина С.И.</i>	172
--	-----

Хроника

Международная научная конференция «Социальная стратификация населения Кавказа в конце Античности и начале Средневековья: археологические данные». Сухум, Абхазия, 2015 г.

<i>Авидзба В.Ш., Мاستыкова А.В.</i>	184
Памяти Юрия Александровича Смирнова	
<i>Кашкин А.В., Цетлин Ю.Б., Фролов М.В.</i>	189
Памяти Ольги Николаевны Енуковой	
<i>Винников А.З., Кашкин А.В., Леонтьев А.Е., Обломский А.М., Пушкина Т.А.</i>	191

Сдано в набор 14.04.2016 г. Подписано к печати 07.07.2016 г. Дата выхода в свет 27.07.2016 г. Формат 60 × 80 ¹/₈
Цифровая печать Усл. печ. л. 24.0 Усл.кр.-отт. 9.2 тыс. Уч.-изд.л. 25.5 Бум.л. 12.0
Тираж 374 экз. Зак. 349 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство «Наука» РАН
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

No. 3, 2016

The new data on the Neolithic of the North-West Caucasus from the Mezmaiskaia cave <i>Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V., Kulkova M.A., Sapelko T.V., Spasovskii Yu.N.</i>	5
Stone stock of the Koksharovskii Holm sanctuary <i>Shorin A.F., Vilisov E.V.</i>	20
Fortified Eneolithic settlements in the taiga zone of the Ob River valley <i>Borzunov V.A.</i>	34
The Caucasus in the light of archaeology and genogeography <i>Kovalevskaya V.B.</i>	45
Burials of the Sargat culture: afresh look at known facts <i>Sharapova S.V., Razhev D.I.</i>	60
Quivers of the Urartian Kingdom <i>Castelluccia M., Dan R.</i>	73
The dating of daggers of the Posmuş type and their Caucasian analogies <i>Kozubova A., Skakov A.Yu.</i>	84
Burials and human remains on habitation sites of the steppe-forest Scythia: the state of sources <i>Razuvaev Yu.D.</i>	102
A Sasanid igem from the Nizhnelubianskii cemetery <i>Afanasjev G.E.</i>	121

Publications

A new find of a stone disc-finial (concerning perforated stone discs in the Middle Transurals area) <i>Savchenko S.N., Zhilin M.G.</i>	136
The new data on the Kültepe I settlement in Nakhchivan <i>Bakhshaliev V.B.</i>	152
An Early Sarmatian burials near the township of Akimovo in the Zaporozhye oblast <i>Boltrik Yu.V., Kropotov V.V.</i>	156
A hoard of Byzantine folles from Jericho <i>Abramzon M.G., Beliaev L.A., Voroshilov A.N., Zaitsev V.V.</i>	163

History of Science

Ancient Karelians in Finnish and Russian historiography <i>Kochkurkina S.I.</i>	172
--	-----

Chronicle

International Scholarly Conference “Social stratification of the population of the Caucasus in the late Classical and early medieval time from the archaeological record”. Sukhum, Abkhazia, 2015

<i>Avidzba V.Sh., Mastykova A.V.</i>	184
In memory of Yuri Aleksandrovich Smirnov	
<i>Kashkin A.V., Frolov M.V., Tsetlin Yu.B.</i>	189
In memory of Olga Nikolaevna Erukova	
<i>Vinnikov A.Z., Kashkin A.V., Leontiev A.E., Oblomskii A.M., Pushkina T.A.</i>	191

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ИЗ МЕЗМАЙСКОЙ ПЕЩЕРЫ

© 2016 г. Л.В. Голованова*, В.Б. Дороничев*, Е.В. Дороничева**,
М.А. Кулькова***, Т.В. Сапелко****, Ю.Н. Спасовский*****

*Автономная некоммерческая организация “Лаборатория доистории”, Санкт-Петербург
(labprehistory@yandex.ru)

**Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

***Российский педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург

****Институт озераведения РАН, Санкт-Петербург

*****Кавказский государственный природный биосферный заповедник
им. Х.Г. Шапошникова, Майкоп

В статье представлены предварительные результаты изучения неолитической стоянки в Мезмайской пещере (Северо-Западный Кавказ). В начале атлантического периода (8–7.5 тыс. л.н.) пещера служила сезонной охотничьей стоянкой. Изучение источников кремня свидетельствует о широком освоении человеком данного региона в неолите.

Ключевые слова: неолит, кремневая индустрия, керамика, Кавказ.

Изучение становления производящего хозяйства является одной из важнейших проблем в исследовании процессов эволюции человека и развития его культуры. Ключевым регионом, где начались процессы трансформации обществ охотников-собирателей с присваивающей экономикой в общества земледельцев-скотоводов с производящим хозяйством был Ближний Восток. Процессы неолитизации как Северо-Западного Кавказа, так и Кавказа в целом, неразрывно связаны с Ближним Востоком. На многочисленные культурные аналогии этих двух регионов указывали все исследователи, касавшиеся вопросов генезиса неолита на Кавказе (Формозов, 1965; Амирханов, 1987; Бжания, 1996).

Современные подходы к изучению стратегий жизнеобеспечения человеческих коллективов неразрывно связаны с исследованием динамики климата и палеоэкологии. Активное изучение неолита на Ближнем Востоке позволяет обсуждать вопросы распространения неолитических инноваций, различия этого процесса в разных регионах. Неолитическая революция на Ближнем Востоке в настоящее время рассматривается как длительный процесс прогрессивно возрастающих, но не имеющих однозначной направленности культурных изменений (Gorring-Morris, Belfer-Cohen, 2011).

В последнее время многие исследователи отмечают слабую изученность неолита как на Кавказе

в целом, так и на Северо-Западном Кавказе в частности. Проблема связана с небольшим количеством раскопанных стоянок, а также с тем, что многие годы не было специалиста, который бы целенаправленно занимался данной проблематикой. В свете обозначенной ситуации новая информация об эпохе неолита в Закубанье, которая получена при изучении Мезмайской пещеры (рис. 1), представляется особенно важной.

Мезмайская пещера, расположенная в эскарпе р. Сухой Курджипс, левобережного притока р. Белая (бассейн р. Кубань), широко известна как стоянка среднего палеолита, 7 хроноклиматических этапов которого датируются от 75 до 40 тыс. л.н. (Голованова и др., 1998, Golovanova, 2015). В глубине пещеры сохранилось 8 слоев верхнего палеолита, от 39 до 15–12 тыс. л.н.) (Golovanova, Doronichev, 2012). Памятник исследуется 25 лет, но только в 2013 г. были изучены (8 м²) голоценовые отложения *in situ* (рис. 2). В глубине пещеры на разрезе Z11F11 выделено 6 голоценовых слоев, в которых прослеживается 4 уровня кострищ (рис. 3). Выше уровня брекчии, который коррелируется с молодым дриасом, залегает самый ранний голоценовый слой 1-2В, являющийся уровнем активного обитания.

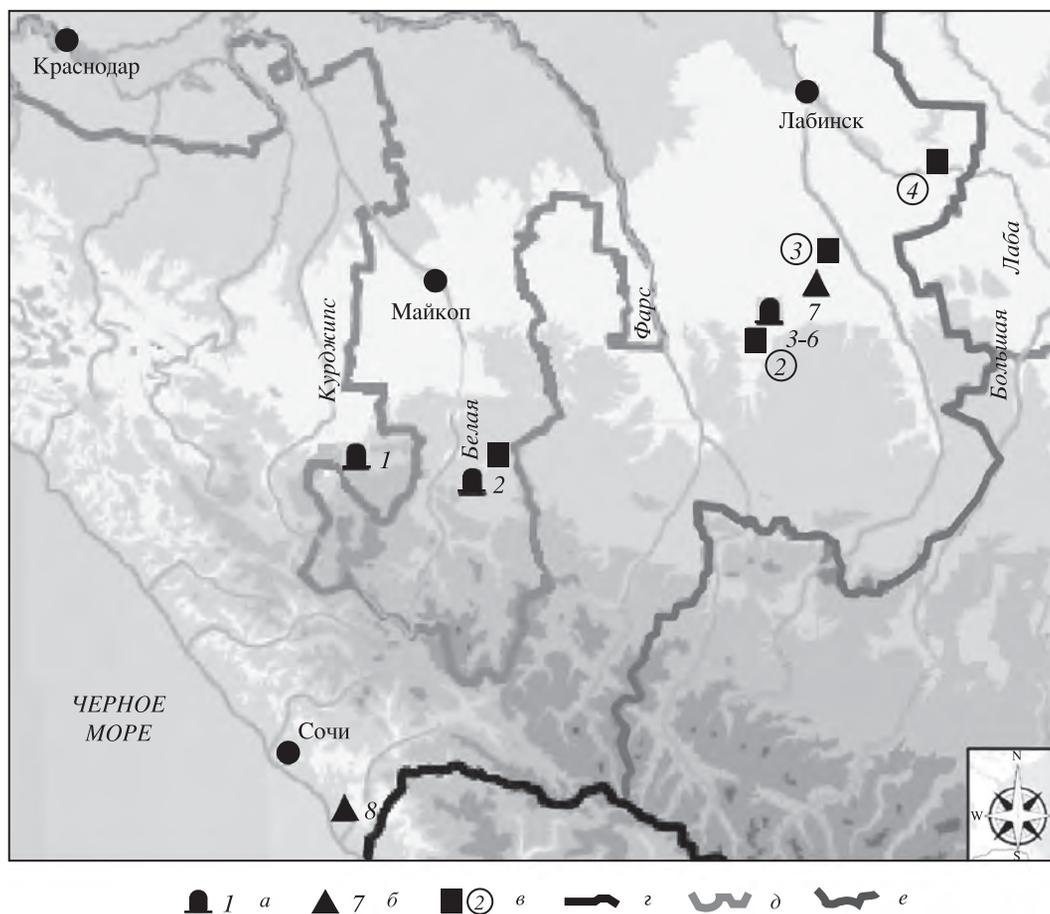

Рис. 1. Карта неолитических стоянок и месторождений кремня на Северо-Западном Кавказе. Стоянки: 1 – Мезмайская; 2 – Каменномостская; 3–6 – Баракаевская, Двойная, Чыгай, Губский 7 (Сатанай); 7 – Бесленеевская; 8 – Нижнешиловская. Месторождения (цифры в круге): 1 – Шахан 3; 2 – Губское; 3 – Шедок 3; 4 – Ахмет-кая 3. Условные обозначения: а – пещеры; б – стоянки открытого типа; в – месторождения кремня; з – граница Российской Федерации; д – граница Республики Адыгея; е – граница Республики Карачаево-Черкесия.

Таблица 1. Радиоуглеродное датирование отложений конца плейстоцена – начала голоцена в Мезмайской пещере

Слой	Горизонт	Квадрат	Материал	Дата ^{14}C (л.н., ВР)	Календарный возраст (л.н., calBP), по шкале CalPal_2007_HULU и 68% диапазон возраста (л.н., calBP)	Лабораторный номер
1-3	1	Л-9	19 фрагментов костей <i>in situ</i>	10 400±150	12 255±278 11 977–12 533	SPb-1117
Брекчия			Молодой дриас Пребореал Бореал		11 900–12 600 10 000–11 900 8300–10 000	
1-2В	3	Л-11	Углистозолистая масса из кост- рища	6569±70	7489±55 7433–7544	SPb-1069
1-2В	3	Л-9, Л-10	6 фрагментов костей <i>in situ</i>	5447±80	6220±92 6127–6312	SPb-1337
1-2В	1	М-9, Н-9	9 фрагментов костей <i>in situ</i>	7060±80	7880±75 7804–7955	SPb-1339

Радиоуглеродное датирование. В Мезмайской пещере для отложений рубежа плейстоцена и голоцена получена серия радиоуглеродных дат (табл. 1).

Радиоуглеродная дата самого верхнего горизонта 1 слоя 1-3 хорошо определяет конец заселения пещеры в плейстоцене около 12.5-12 календарных (кал.) тыс. л.н. Мощный (до 10 см) горизонт прочной кальцитово-карбонатной брекчии разграничивает эпоху плейстоцена и голоцена. Этот горизонт четко коррелируется с периодом похолодания, относящегося к позднему дриасу, который датируется 12.6–11.9 кал. тыс. л.н. (Carlson, 2013).

Сейчас сложно определить наличие в Мезмайской пещере отложений, которые имеют возраст между 12 и 8 кал. тыс. л.н. Ранее для слоя 1-2А Мезмайской пещеры была получена дата по кости 8720±70 л.н. (SPb-85): 9732±124 кал. л.н. Слой 1-2А залегает стратиграфически выше слоя 1-2В на новых разрезах в глубине пещеры, но образец был взят на участке, где слои 1-2А и 1-2В не разделялись по литологическим характеристикам. Особенность стратиграфии поздних отложений Мезмайской пещеры – увеличение мощности и “расщепление” слоев, появление новых литологических подразделений в глубине пещеры.

В настоящее время на Северо-Западном Кавказе только на стоянках Губского ущелья выявлены отложения возрастом 12–10 тыс. л.н. в навесе Чыгай и 10–9 тыс. л.н. в пещере Двойная (Леонова, 2009). Также для 1-го горизонта навеса Сатанай (Губский 7) имеется дата 7950±140 л.н. (LE-4981), а для 2-го горизонта 7780±200 л.н. (LE-4982); 8815±180 кал. л.н. и 8674±244 кал. л.н. соответственно. Эти данные указывают на возможное присутствие стоянок в интервале между 9 и 8 тыс. л.н. на Северо-Западном Кавказе. Однако для подтверждения этой гипотезы необходимо проведение новых исследований.

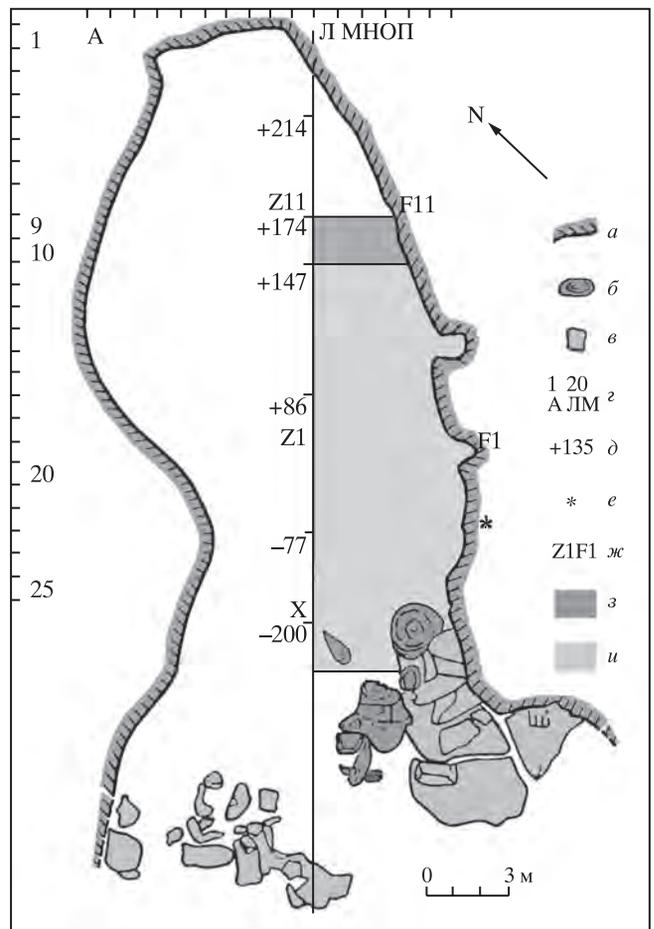

Рис. 2. План Мезмайской пещеры. Условные обозначения: *a* – скальная стена пещеры; *b* – сталактиты; *v* – глыбы известняка; *z* – обозначения квадратной сетки; *d* – нивелировочные отметки дневной поверхности; *e* – нулевая отметка; *ж* – обозначения разрезов; *z* – раскоп 2013 г.; *u* – раскопы 1987–2012 гг.

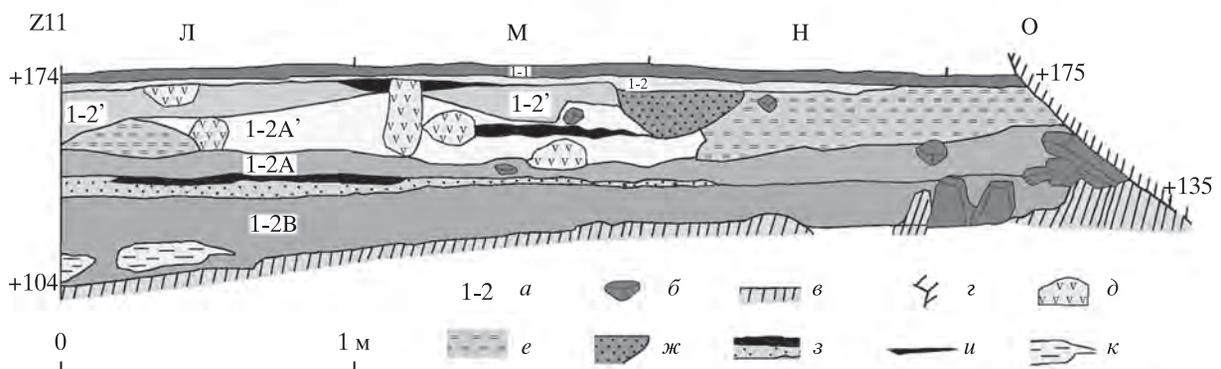

Рис. 3. Поперечный разрез Z11F11 в Мезмайской пещере. Условные обозначения: *a* – номера слоев; *b* – камни; *v* – брекчия; *z* – скальная стена пещеры; *d* – кротовины; *e* – эрозионные линзы; *ж* – яма; *z* – углисто-золистый горизонт; *u* – углистые прослойки; *к* – углисто-золистая брекчия.

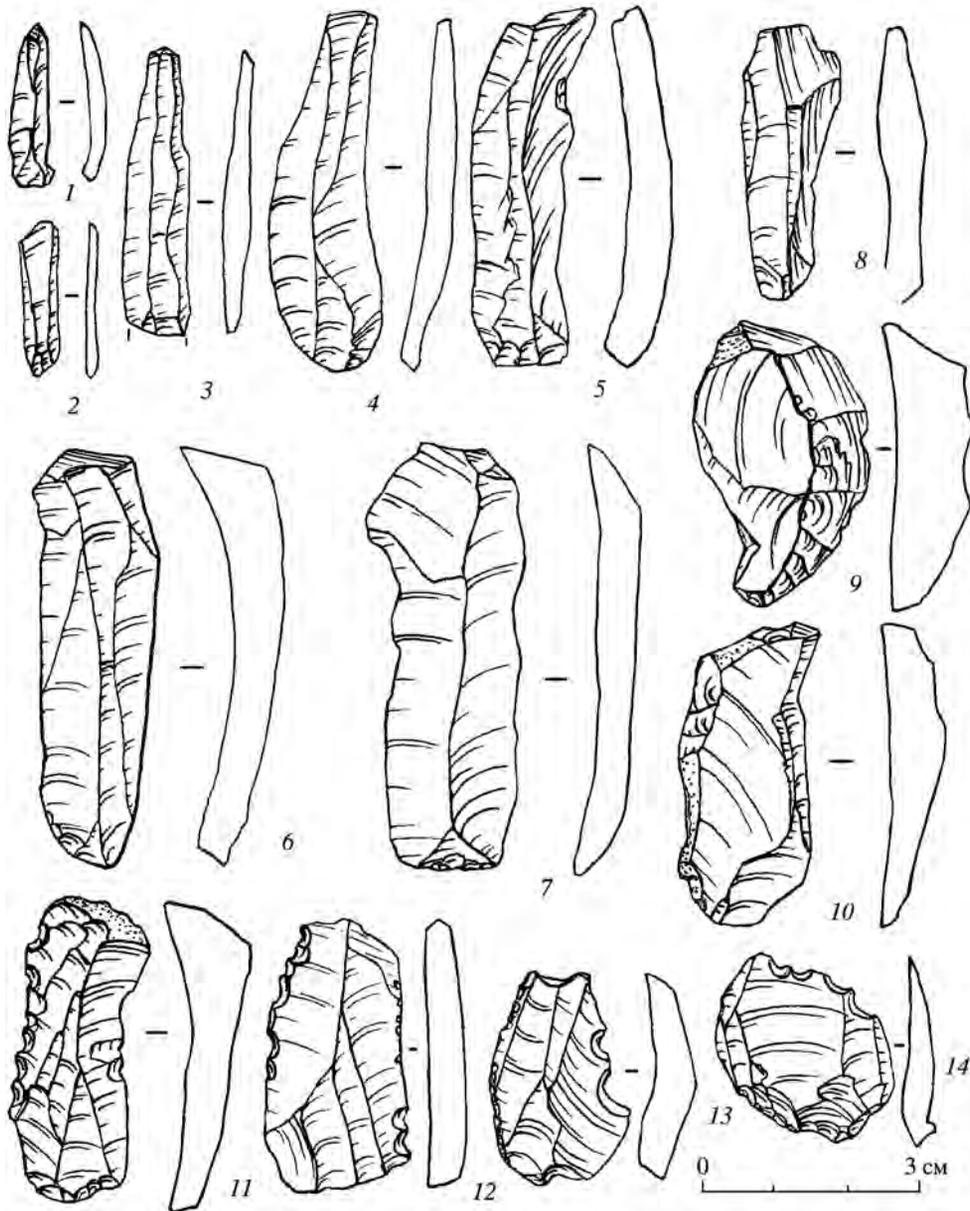

Рис. 4. Кремневые изделия из слоя 1-2В. 1, 2 – микропластинки; 3 – пластинка; 4–7 – пластины; 8–10 – технические сколы; 11–14 – сколы с зубчатой ретушью.

Следующий этап представлен слоем 1-2В в Мезмайской пещере, который залегает непосредственно на брекчии. Даты из нижнего горизонта 3, полученные по углисто-золистой массе и кости, имеют разброс календарного возраста от 7.5 до 6.2 тыс. л.н. (табл. 1). Наиболее древняя дата получена по кости из самого верхнего горизонта 1 – около 8 тыс. л.н. Отметим, что даты, полученные по разным материалам из одного слоя, характеризуются значительным разбросом. Датирование углисто-золивого слоя было проведено по гуминовым кислотам. В этом случае возраст формирования органического вещества может быть связан как с более поздними,

так и с более молодыми процессами гумификации. Разброс дат, полученный по костному материалу, возможно, обусловлен резервуарным эффектом (Ascough et al., 2012), а также процессами загрязнения костного материала более молодыми гуминами. Предварительная оценка наиболее раннего возраста формирования слоя 1-2В – 8–7.5 кал. тыс. л.н. Следовательно, этот слой можно коррелировать с началом теплого атлантического периода, который датируется 8.3–5.2 кал. тыс. л.н.

Планиграфия. Слой 1-2В был изучен на площади квадратов (кв.) Л-М-Н-О-9, 10 (рис. 2). На участке кв. Л-9 и примыкавших к нему кв. Л-10 и М-9, 10

Таблица 2. Распределение костных остатков на исследованной площади слоя 1-2В

Квадрат/Линия	Л	М	Н	О
9	42/475	26/128	40/195	11/83
10	28/216	29/105	26/178	22/94

Примечание. В числителе – кости, зафиксированные *in situ*, в знаменателе – кости из промывки, включая фрагменты более 1 см, но без учета костей грызунов.

Таблица 3. Распределение кремневых изделий на исследованной площади слоя 1-2В

Квадрат/Линия	Л	М	Н	О
9	18/57	3/23	6/47	1/7
10	5/31	8/14	6/27	5/10

Примечание. В числителе – артефакты, зафиксированные *in situ*, в знаменателе – находки из промывки, включая микрочешуйки размером 1 мм.

Таблица 4. Характеристика пластинчатого компонента в слое 1-2В

Компонент	Фрагменты			Целые	Всего
	дистальные	срединные	проксимальные		
Пластины	4	13	5	10	32
Пластинки	15	38	18	11	82
Микропластинки	5	5	6	8	24

был расчищен очаг, разрушенный в период формирования этого слоя. Очаг располагался в центральной части пещеры. Мощный (до 10–15 см) горизонт прочной брекчированной углисто-золистой массы залегал в нижней части слоя (рис. 3). По периметру углистого пятна был расчищен развал глинистой массы. Петрографические исследования показали, что это рыхлые, сцементированные отложения. Состав: глинистые частицы (20%), слабо окатанные зерна кварца (5%), углистые частицы (30%), карбонатный цемент (45%), отдельные зерна кальцита, гипса и натечных карбонатов. Вероятно, это остатки разрушенной обмазки очага.

С участком очага связана наибольшая концентрация как костных остатков, так и изделий из кремня (табл. 2, 3). Средняя насыщенность составляет более 33 изделий на 1 м² (при мощности слоя в среднем 20 см), а костей с учетом мелких обломков – более 212 экз. на 1 м². Немногочисленные фрагменты керамики также преимущественно найдены рядом с очагом на кв. Л-10 и М-9. Значительное количество костей (16.1%) подверглось воздействию огня. Встречаются также обожженные кремневые изделия (2.4%).

Кремневая индустрия. Слой 1-2В содержит многочисленную для столь небольшого участка

коллекцию изделий из кремня – 268 экз. О технике расщепления можно сделать предварительные заключения на основании анализа сколов (180 экз.), так как нуклеусы не найдены. Отходы расщепления (обломки – 3 экз., осколки – 23, чешуйки – 62) составляют до 1/3 (32.8%) коллекции, что свидетельствует о том, что на стоянке осуществлялось расщепление и ретуширование орудий. Сколы с коркой немногочисленны (9 экз., около 5%). В коллекции присутствуют технические сколы (9 экз., 5%): таблетки (рис. 4, 9), реберчатые сколы (рис. 4, 10), краевые пластинки (рис. 4, 8).

Преобладающая часть отщепов имеет негативы снятия параллельных сколов (рис. 4, 14). Среди сколов пластинчатый компонент составляет 76.7% (138 экз.). Преобладают (82 экз., 59.4%) пластинки (рис. 4, 3; 5, 3, 5, 7–14, 16–19). Крупных пластин значительно меньше (32 экз., 23.2%), причем целыми сохранились единичные экземпляры (рис. 4, 4–7; 5, 6). Микропластинки (рис. 4, 1, 2) составляют 17.4% (24 экз.).

Состав сколов слоя 1-2В позволяет предположить, что первичная подготовка нуклеусов к расщеплению не проводилась, поскольку только небольшое число сколов имеет участки корки. Вероятно, нуклеусы доставлялись в пещеру готовыми к расщеп-

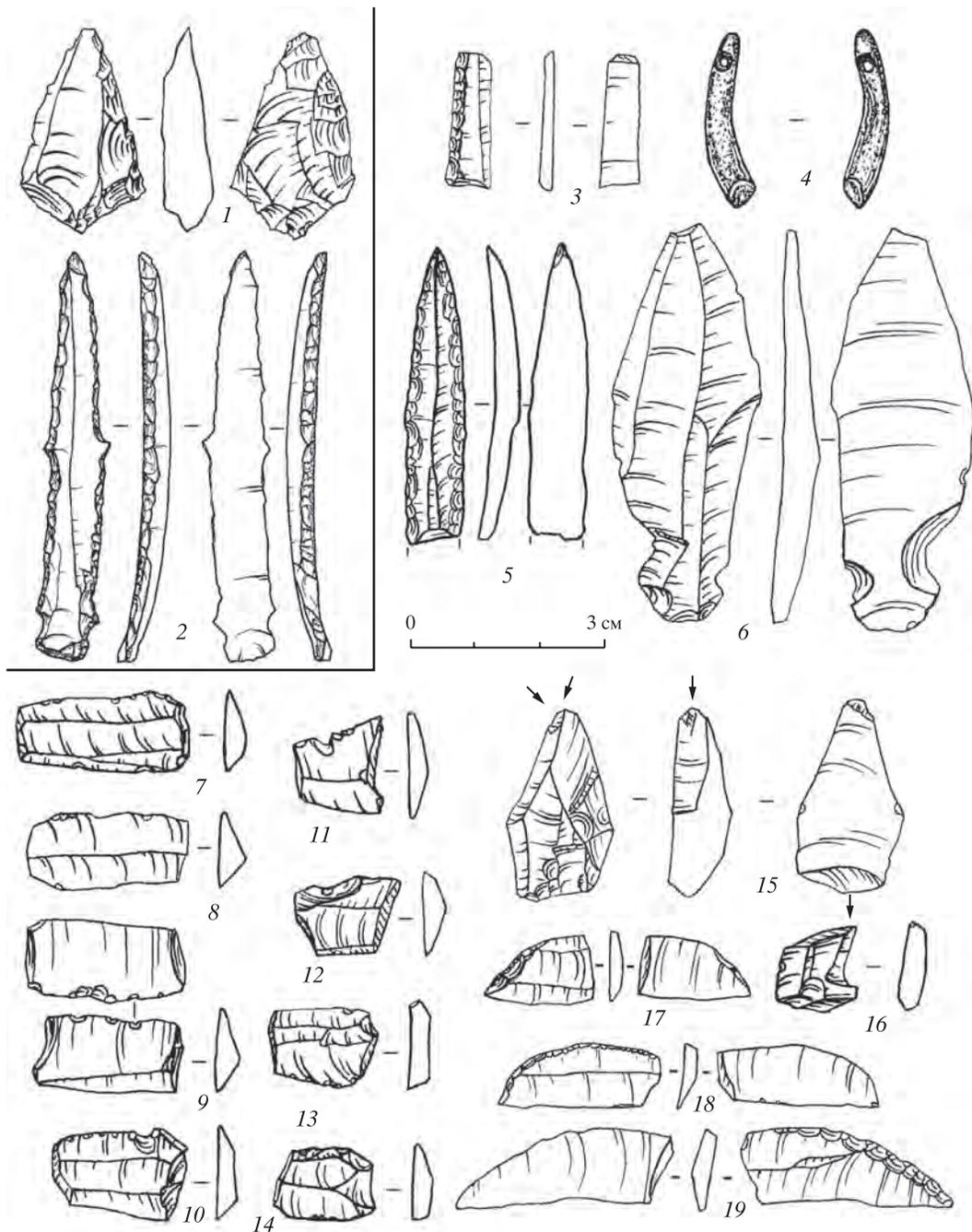

Рис. 5. Кремневые орудия из Мезмайской пещеры. 1 – наконечник, дневная поверхность; 2 – наконечник, эрозийная яма; 3–19 – орудия из слоя 1-2В: 3 – ППК; 4 – подвеска их резца козла; 5, 6 – острия; 7–14 – сечения пластинок; 15 – срединный резец; 16 – микрорезец; 17–19 – фрагменты сегментов.

лению. Расщепление было ограниченным; на это указывает небольшое количество технических сколов (9 экз.), обломков (3 экз.) и осколков (23 экз.). Часть сколов-заготовок была принесена в пещеру.

Расщепление было направлено преимущественно на получение пластинок и в меньшей степени крупных пластин и микропластинок. Преобладающая часть орудий (71.9 %) также изготовлена на пластинках.

Среди орудий (64 экз.) следует отметить два острия с черешком, особенно крупное острие с черешком на пластине (рис. 5, 6); черешок выделен двумя симметричными выемками с бруска. В коллекции также имеется крупное ретушированное симметричное острие на пластинке (рис. 5, 5); базальный конец его фрагментирован.

Пластинки с притупленным краем (ППК) представлены фрагментами (3 экз.), преимущественно

медиальными частями (рис. 5, 3). Резцы мало-численны (2 экз.), скребки отсутствуют. Найден срединный резец, изготовленный на фрагменте массивной пластины из красного кремня (рис. 5, 15). Угловой микрорезец сделан на пластинке (рис. 5, 16); проксимальный конец фрагментирован. Геометрические микролиты (4 экз.) представлены фрагментами крупных сегментов на пластинках (рис. 5, 17–19).

Четверть (16 экз., 25%) орудий в коллекции – пластины (рис. 4, 11, 12), пластинки и отщепы с зубчатой ретушью (рис. 4, 13, 14), а также выемчатое орудие (1.6%). На некоторых изделиях отмечена пильчатая ретушь (рис. 5, 11). Обращает на себя внимание серия сечений пластин (10 экз.) и пластинок (25 экз.) с микрозубчатой ретушью, которая, возможно, является ретушью утилизации. Они представлены как более крупными (рис. 5, 7–10), так и более мелкими (рис. 5, 11–14) экземплярами.

Следует отметить, что большинство пластин, пластинок и микропластинок представлены в обломках (табл. 4). Особенно активно фрагментировались пластинки (86.6%), преобладают медиальные фрагменты.

Завершая рассмотрение состава каменной индустрии, следует отметить орудие из небольшой (80 × 27 × 17 мм), удлиненной и уплощенной гальки песчаника. На ее закругленном правом дистальном углу прослеживаются глубокие линейные следы от работы по твердому материалу (рис. 6, 4).

Анализ каменного сырья в слое 1-2В. За исключением одного маленького фрагмента кальцита и орудия на гальке песчаника, все предметы сделаны из кремня. На основании петрографических анализов определено поступление кремня из четырех месторождений. Все они расположены к северо-востоку от стоянки (рис. 1): шаханское месторождение (КР-9/10) – 30–40 км; губское (КР-7/8) – около 50 км; Шедок 3 (КР-23) – 60–70 км; Ахмет-кая 3 (КР-42) – 90–100 км (Дороничева и др., 2013). Из кремня, происхождение которого определить не удалось (НК), сделано 29% находок.

Примечательно, что местные источники низкокачественного кремня из месторождения Азиш-тау (КР/1), расположенные всего в 2 км от Мезмайской пещеры, либо не были известны, либо не использовались по причине того, что не удовлетворяли требованиям пластинчатой технологии расщепления.

Для определения источников поступления кремня проведено петрографическое изучение выборки изделий из слоя 1-2В. Образцы сопоставлены с данными по известным месторождениям. Остальная часть коллекции артефактов из слоя проанали-

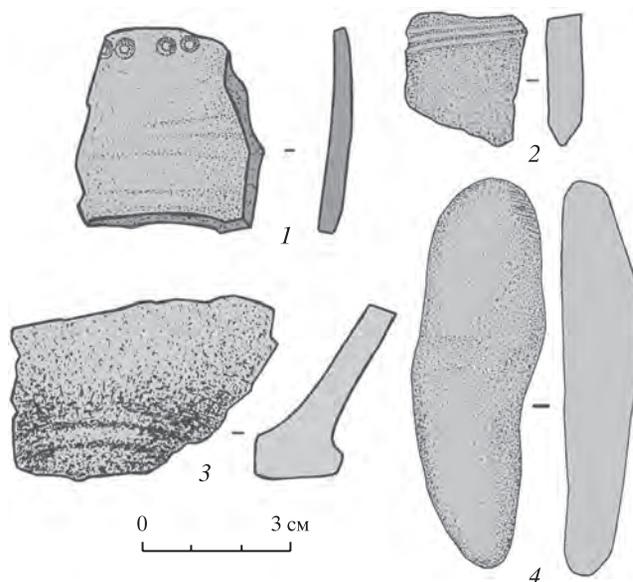

Рис. 6. Мезмайская пещера. Слой 1-2В. 1–3 – фрагменты керамики; 4 – галечное орудие.

зирована с использованием эталонной коллекции сырья.

Результаты показывают, что наиболее активно человек изготавливал изделия из шаханского кремня (32%). Петрографические характеристики образца из **месторождения Шахан 3** (рис. 7, А): кремень серо-бежевого цвета, полупрозрачный, кварцевый, содержащий большое количество органических кремневых скелетов, замещенных карбонатом. В шлифе цвет светло-серый. Структура алевролитовая мелкозернистая, размер зерен – 0.014 мм. Состав: преобладает кварц, размер зерен – 0.014 и меньше, отдельные зерна, размером более 0.014 мм, угловатые, погасание волнистое. В небольших трещинках наблюдается развитие концентрически-зональных кристаллов халцедона, размеры жезд до 0.3 мм. Большое количество (около 40%) органических кремневых скелетов морских организмов (раковин, спикул), размером 0.1–0.7 мм. Выделены отдельные зерна оливина, размером 0.1 мм. На границах зерен встречаются тонко рассеянные образования гетита и гидрогетита, изотропные, без скрещенных николей – черного и темно-коричневого цветов. Лимонитизации подвержены зоны патинизации. Лимонит представлен овоидными образованиями, коллоидными, аморфными включениями. Цемент базальный, на границе с органическими остатками – регенерационный.

Доминирование шаханского кремня в коллекции может быть обусловлено тем, что это месторождение по сравнению с другими установленными источниками качественного кремня расположено ближе всего к стоянке. Из этого кремня изготовле-

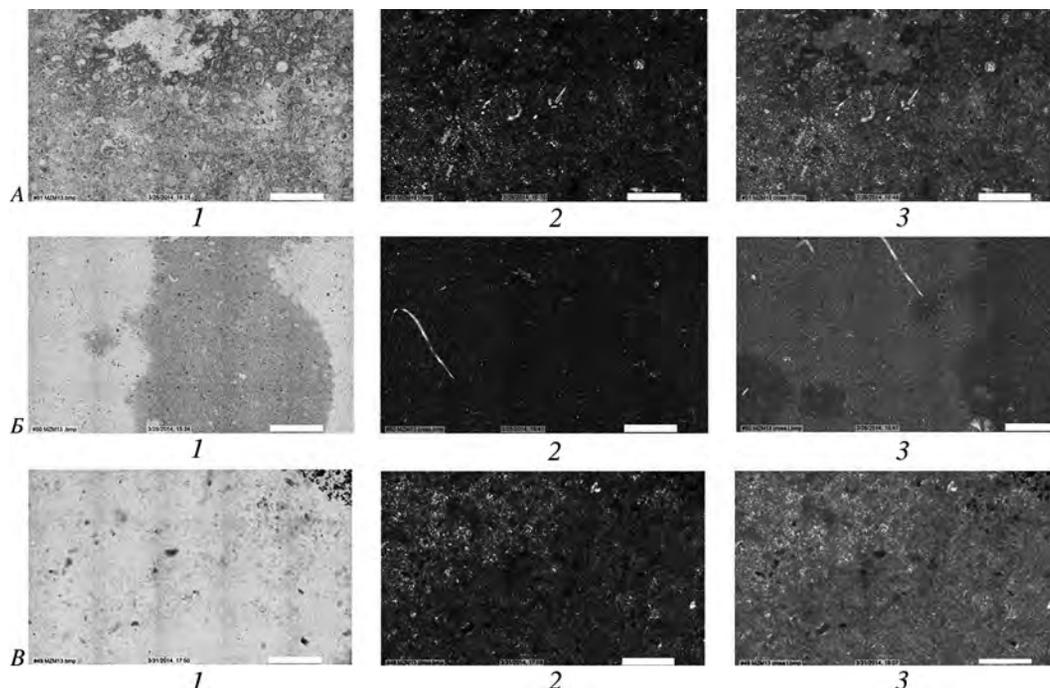

Рис. 7. Макрофотографии образцов (А–В) кремневых изделий из слоя 1-2В, в шлифах. 1 – без анализаторов, 500 мкм; 2 – в поляризационном свете, линейка 500 мкм; 3 – в поляризационном свете с кварцевой пластинкой, 500 мкм.

ны как предметы, относящиеся к первичному расщеплению (технические сколы, отщепы с коркой), так и сколы, орудия и чешуйки (табл. 5).

Многочисленными изделиями (11%) представлен кремнь из **губского месторождения** (КР-7/8). Петрографические характеристики образца (рис. 7, В): кремнь серо-бежевого цвета, халцедоновый, светлой окраски, с низким содержанием гетита. В шлифе цвет светло-серый, с патиной. Структура алевролитовая тонкозернистая, размер зерен – меньше 0.0007 мм. Состав – халцедон 90%. Органогенные включения (фораминиферы). Присутствует небольшое количество тонкорассеянного гетита и гидрогетита (10%). Цемент базальный.

Предметы, которые могут быть отнесены к первичному расщеплению, единичны: выделен только один технический скол. Есть пластинчатые снятия, среди которых больше всего пластинок (табл. 5). Из орудий отмечены зубчатая форма и пластинка с ретушью. Немногочисленные чешуйки указывают на изготовление и подправку орудий на стоянке.

Изделия из красного кремня бесленеевского пласта (КР/23) (месторождение Шедок 3?), представлены в основном фрагментами пластинчатых сколов (табл. 5), сечениями пластинок и чешуйками.

Кремнь из **месторождения Ахмет-кая 3** (КР/42) составляет в коллекции 13%. Все орудия

Таблица 5. Распределение видов кремневого сырья в индустрии слоя 1-2В

Сырье	Обломки	Осколки	Отщепы без корки	Отщепы с коркой	Технические сколы	Пластинчатые сколы			Чешуйки	Орудия	Всего
						пластины	пластинки	микрорепластинки			
КР-7	–	2	3	1	1	1	3	2	9	3	25
КР-8	–	1	1	–	–	1	2	–	2	–	7
КР-9/10	1	11	7	2	5	1	14	4	19	19	83
КР-23 (?)	–	2	2	–	–	3	2	1	10	14	34
КР-42	–	3	4	1	–	3	9	1	12	7	40
ГК (рыжий)	–	–	–	–	–	1	2	1	–	1	5
НК	2	4	2	1	3	4	26	2	10	20	74
Всего	3	23	19	5	9	14	58	11	62	64	268

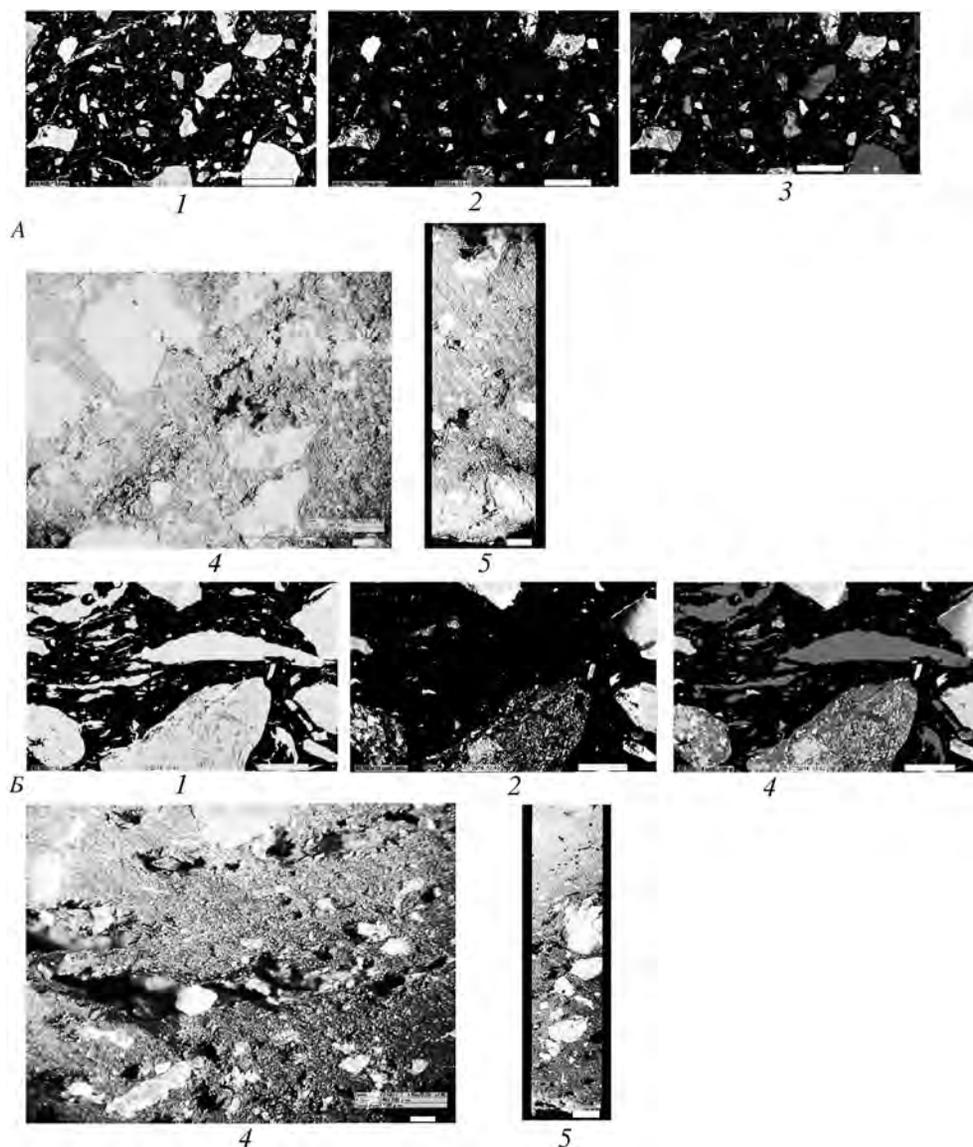

Рис. 8. Состав и текстурные особенности фрагментов керамики (А, Б) из слоя 1-2В, в шлифах. 1 – без анализаторов, 500 мкм; 2 – в поляризованном свете, линейка 500 мкм; 3 – в поляризованном свете с кварцевой пластинкой, 500 мкм; 4, 5 – под оптическим микроскопом: 4 – линейка 1000 мкм; 5 – линейка 2000 мкм.

представлены зубчатыми формами. Многочисленны чешуйки. Петрографические характеристики образца из месторождения Ахмет-кая 3 (рис. 7, Б): кремнь серого цвета с карбонатной коркой. Халцедоновый кремнь с высоким содержанием тонко рассеянного гетита. В шлифе цвет светло-серый. Структура: алевролитовая тонкозернистая, размер зерен – меньше 0.0007 мм. Состав – халцедон 90%. Органогенные включения единичны (спикулы). Присутствует большое количество тонкорассеянного гетита и гидрогетита (10%). Цемент базальный.

Анализ кремневого сырья в данной коллекции показывает, что в период формирования слоя 1-2В

человек предпочитал использовать качественное сырье, даже при необходимости транспортировать его на большие расстояния. Использовались кремни верхнемелового (месторождения Шедок 3, Ахмет-кая 3) и верхнеюрского (месторождения Губское и Шахан 3) пластов.

Изделия из кости. В слое 1-2В найдена подвеска из резца копытного (Сарга sp.), отверстие в которой сделано техникой биконического сверления (рис. 5, 4). Также из слоя происходит небольшой фрагмент (12 × 18 × 11 мм) костяного посредника.

Анализ керамики. В слое 1-2В обнаружены многочисленные фрагменты керамики, большая часть которых найдена рядом с очагом. Особенно

Таблица 6. Соотношение числа костных фрагментов (NISP) и предполагаемого минимального числа особей (MNI) животных для слоя 1-2В

Животные	Фрагменты NISP	Особь MNI
<i>Bison sp.</i>	3	3
<i>Cervus elaphus</i>	18	12
<i>Capreolus capreolus</i>	18	10
<i>Capra caucasica</i>	15	10
<i>Sus scrofa</i>	4	3
<i>Ursus arctos</i>	1	1
<i>Vulpes vulpes</i>	1	1
<i>Lepus europaeus</i>	1	1
<i>Marmota sp.</i>	5	3
<i>Cricetus sp.</i>	1	1
<i>Spalax sp.</i>	3	1
<i>Microtus sp.</i>	60	15
<i>Chiroptera indet.</i>	1	1
Итого	131	62
Неопределимые	1798	–

интересен фрагмент лепной плоскодонной миски (кв. Л-10). Профиль этого сосуда (рис. 6, 3) похож на плоскодонную миску из Нижнешиловской стоянки под Адлером (Бжания, 1996. Рис. 25, 9). В неолитическом слое Каменноостской пещеры также была найдена плоскодонная миска (Формозов, 1965).

Петрографическая характеристика фрагмента миски (рис. 8, А): керамика тонкостенная (7 мм), плотная, черного цвета. Перед обжигом покрыта тонкоотмученной глиной с большим количеством слюды. Состав теста – глины смектитового состава (жирные), в классической составляющей (5%): полевой шпат, карбонаты, актинолит. Содержит большое количество выгоревших остатков, включения водной органики, железистые включения. Отощитель – крупнозернистый песок (35%), угловатые неокатанные зерна (0.5–3 мм). Состав: интрузивные и эффузивные породы среднего и основного составов, серпентиниты, карбонаты, песчаник. Источники вещества – смектитовые суглинки с органическими включениями. Пористость 15%, тонкие, узкие, длинные поры (до 1 мм) от выгорания органики. Обжиг среднетемпературный, долговременный (700–800 °С), в восстановительных условиях.

На соседнем кв. М-9 в слое зафиксирован фрагмент стенки лепного сосуда с прочерченным орнаментом (рис. 6, 2). Поверхность фрагмента кера-

мики покрыта тонкоотмученной глиной темного цвета, на которой прослеживаются три параллельные прочерченные линии.

У стены пещеры найден фрагмент стенки лепного сосуда с ямочным орнаментом (рис. 6, 1). Петрографические характеристики образца (рис. 8, Б): керамика тонкостенная (5 мм), плотная, черного цвета. Перед обжигом покрыта тонкоотмученной глиной с большим количеством слюды. Состав теста – глины смектитового состава (жирные), в классической составляющей (5%): полевой шпат, карбонаты, актинолит. Содержит включения водной органики, остатки угольков, железистые включения. Отощитель – крупнозернистый песок (35%), угловатые неокатанные зерна (0.5–2 мм). Состав: интрузивные и эффузивные породы среднего и основного составов, серпентиниты, карбонаты, обломки брекчии. Источники вещества – смектитовые суглинки с органическими включениями. Пористость – 7%, тонкие, узкие, длинные (до 1 мм) поры от растрескивания при усадке и выгорании органики. Обжиг среднетемпературный, долговременный (700–800 °С), в восстановительных условиях.

Фаунистическая коллекция слоя 1-2В включает 1929 экз. Зафиксировано *in situ* 224 кости. Большая часть костей собрана при промывке заполнителя – 1705 экз. Это преимущественно мелкие неопределимые обломки костей, обломки зубов и определенных костей, а также кости грызунов.

Большая часть остеологического материала представлена мелкими фрагментами, определить видовую принадлежность которых невозможно. Среди определимых остатков крупных млекопитающих (табл. 6) преобладают олень (*Cervus elaphus*), козуля (*Capreolus capreolus*) и горный козел (*Capra caucasica*). В целом они составляют 38.9%, а кости зубра (*Bison sp.*) немногим более 2%. Также немногочисленны (3.1%) кости дикого кабана (*Sus scrofa*). Единичными находками представлены хищные – медведь (*Ursus arctos*) и лисица (*Vulpes vulpes*).

Фауну слоя характеризуют идентифицированные грызуны и зайцеобразные (3%): заяц (*Lepus europaeus*), сурок (*Marmota sp.*), хомяк (*Cricetus sp.*) и слепыш (*Spalax sp.*). Из мелких грызунов определены кости полевков (*Microtus sp.*) – 45.8%. К сожалению, большинство материала представлено разрозненными костями конечностей и фрагментами зубов. Лишь в нескольких случаях идентифицированы фрагменты нижних челюстей с первыми молярами, что позволило определить их до вида – полевка обыкновенная (*Microtus arvalis*). Из других животных найдены единичные остатки летучих мышей (*Chiroptera indet.*).

Таблица 7. Анатомическая структура остатков охотничьих видов животных в слое 1-2В

Элементы скелета	<i>Cervus elaphus</i> , %	<i>Capreolus capreolus</i> , %	<i>Capra caucasica</i> , %	<i>Sus scrofa</i> , %
Рога (Cor)	–	–	6.7	–
Нижняя челюсть (Man)	5.6	–	–	–
Зубы (Den)	66.7	94.4	80.0	75.0
Позвоночник (Ver)	–	–	–	–
Плечевая (Hum)	–	–	6.7	–
Локтевая (Uln)	–	–	–	–
Бедренная (Fem)	–	–	–	–
Кости голени (Tib+Fib)	–	–	–	25.0
Пястные, плюсневые (Mc+Mt)	16.7	–	6.7	–
Запястье, заплюсна (Ast)	11.1	–	–	–
Фаланги пальцев (Ph I–III)	–	5.6	–	–
Всего костей, %	100	100	100	100
Всего костей, экз.	18	18	15	4

Присутствие грызунов альпийских лугов (*Marmota sp.* и *Cricetus sp.*) и типичного высокогорного копытного (*Capra caucasica*) позволяет предполагать, что во время формирования слоя 1-2В пояс альпийских лугов располагался гораздо ближе к пещере, нежели в настоящее время.

На костях отмечены многочисленные следы использования человеком: порезки каменными орудиями, следы раскалывания, встречаются костяные отщепы. Большое количество (16.1%) костей обожжены. Сильная раздробленность костей говорит в пользу того, что это остатки охотничьих трофеев, которые использовались в пищу. Представленность различных частей скелета в процентах (табл. 7) по отношению к общему числу определимых костей данного вида показывает, что целыми у промысловых видов сохранились в основном зубы, фрагменты челюстей, пястные, фаланги, очень редко рога. У горного козла сохранились плечевые (6.7%), у дикой свиньи – кости голени (25%).

Реконструкция палеоклимата для раннеголоценового слоя 1-2В. Мезмайская пещера расположена в среднегорье на высоте 1310 м над уровнем моря, в зоне буковых и темно-хвойных лесов. Палинологическое изучение образцов из слоя 1-2В обнаружило очень высокую концентрацию пыльцы. Преобладает пыльца древесных пород (более 50%), в основном сосны и пихты. Количество пыльцы березы, ольхи, можжевельника не превышает 1%. Среди древесных пород также периодически отмечается пыльца *Ulmus*, *Carpinus*, *Fagus*, *Acer*, *Corylys*, *Pterocarya*, *Taxus*. Общее количество пыльцы трав не превышает 10%. Доминирует пыльца *Poaceae*, *Cyperaceae*, *Polygonaceae*. Периодически встречается пыльца сорных трав, а также прибрежно-водных растений.

Среди спор преобладают папоротники (до 30%). В больших количествах представлен *Polypodium vulgare*.

Слой 1-2В формировался в период, когда растительность была представлена лесами с доминированием пихты и с примесью сосны, ели, бука, граба, вяза. Во втором ярусе смешанных лесов появляется тисс ягодный. О влажности климата свидетельствует находка пыльцы лапины, а также прибрежно-водные растения. Учитывая данные палеонтологии, можно предполагать, что пещера в период формирования слоя 1-2В находилась в верхнем лесном поясе, на границе с альпийскими лугами.

Итак, изучение раннеголоценовых отложений Мезмайской пещеры заставило обратиться к широкому спектру проблем, связанных с неолитом Северо-Западного Кавказа. Ситуация достаточно сложная, поскольку проблемы неолитизации данного региона целенаправленно не изучались уже несколько десятилетий. Небольшое количество неолитических стоянок, в основном раскопанных более 50 лет назад (Формозов, 1965), эпизодические упоминания о неолите на памятниках палеолитического периода (Ловпаче, 1994), отсутствие новых стоянок, раскопанных и исследованных на современном уровне, привело в настоящее время к тому, что была инициирована дискуссия «А существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит?» (Трифонов, 2009). В ее рамках отмечено отсутствие в данном регионе памятников между палеолитом и энеолитом, т.е. между 10 и 6 тыс. л.н., и поставлено под сомнение существование неолита (Зайцева и др., 2014. С. 263).

Поскольку процесс неолитизации как Северо-Западного Кавказа, так и Кавказа в целом тради-

ционно связывают с Ближним Востоком, полезно обратиться к результатам, которые получены за последние 15–20 лет активных междисциплинарных исследований. Эти данные позволяют понять, насколько сложным и зависимым от природных условий был процесс неолитизации (Gorring-Morris, Belfer-Cohen, 2011).

Быстрое похолодание в начале молодого дриаса (12600–11900 кал. л.н.) привело к кризису экономики в Леванте. Засушливые и бесплодные территории по всему Леванту были покинуты во время докерамического неолита А (12/11.8–11 кал. тыс. л.н.) и повторно заселены людьми во время докерамического неолита Б. На юге Леванта докерамический неолит А во многом связан с предшествующим натуфиеном. Экономика была основана на культивировании растений. Есть свидетельства доместикировки животных. К концу этого периода большинство поселений были оставлены людьми из-за изменения климата и уменьшения урожаев. На севере Леванта, напротив, отмечено развитие докерамического неолита А в докерамический неолит Б (10.95–8.4 кал. тыс. л.н.).

Время докерамического неолита Б совпадает с раннеголоценовым потеплением пребореального и бореального периодов. В начале этого периода центр неолитических инноваций переместился в Северный Левант. Здесь значительно увеличивается количество и размер поселений, развивается сельское хозяйство, начинается выпас скота, но охота и рыболовство остаются основой экономики. На юге Леванта разрыв преемственности между докерамическим неолитом А и докерамическим неолитом Б выражен достаточно резко; здесь представлены только средний и заключительный этапы докерамического неолита Б. Упадок докерамического неолита Б в Леванте связывают с комбинацией ряда факторов, важнейшим из которых было ухудшение климата – так называемый климатический эпизод или похолодание 8.2 кал. тыс. л.н. Ранний керамический неолит по современным оценкам определяется здесь в пределах 8.4–7.5 кал. тыс. л.н.

Для объяснения появления такой важной неолитической новации, как керамика, в последнее время широко распространена гипотеза о независимом изобретении керамики в разных центрах и в разное время. Наиболее ранние свидетельства о начале производства керамики в настоящее время имеются в Восточной Азии. Некоторые авторы датируют ее появление около 20 кал. тыс. л.н. (Wu et al., 2012), другие – несколько более поздним интервалом – около 17–15 кал. тыс. л.н. (Kuzmin, 2006).

В некоторых областях Ближнего Востока (Загрос, Анатолия, Северный Левант) наиболее ранняя

керамика датируется 9.75–9.25 кал. тыс. л.н. В последнее время отмечены свидетельства появления керамики в докерамическом неолите Б Северного Леванта около 9.5–9 кал. тыс. л.н. Предполагается, что различие между этими двумя периодами на данной территории заключается не в присутствии/отсутствии керамики, а в интенсивности ее изготовления (Biton et al., 2014). В то же время западноанатолийский и эгейский керамический неолит датируется не ранее 9–8.4 кал. тыс. л.н. (Pinhasi, 2013).

В прилегающих к Кавказу регионах Восточной Европы благодаря интенсивной работе нескольких поколений исследователей к настоящему времени накоплен большой объем материала. Многие авторы отмечают обострившуюся дискуссию о “путях, формах и моделях” неолитических инноваций (Мазуркевич и др., 2013). В Днепро-Двинском междуречье – ближайшем к Северо-Западному Кавказу регионе Восточной Европы – самая ранняя керамика датируется 10–9 кал. тыс. л.н. и связывается с миграцией носителей неолитической новации. Для раннего неолита Восточной Европы, где появление керамики – единственная неолитическая инновация, предложен термин “керамическая революция” (Мазуркевич и др., 2013). Распространение неолитических новаций связывается с анатолийско-ближневосточным ареалом.

Обращаясь к соседним регионам Кавказа, следует отметить, что на Малом Кавказе представлен поздний неолит с керамическим производством, архитектурой, земледелием и другими характерными чертами (культура Шомутепе-Шулавери). Самый ранний в Азербайджане и Армении поздний неолит сейчас датируют 8–7.5 кал. тыс. л.н. (Nishiaki et al., 2015). Также в Азербайджане выделяют культуру Камилтепе, датируемую не ранее 7.5 кал. тыс. л.н., и культуру Сиони, которая распространяется в Азербайджане, Армении, Южной Грузии, Северо-Западном Иране и Восточной Турции в 7 кал. тыс. л.н. (Lyonnet et al., 2012).

На территории Западной Грузии в 2008–2010 гг. была проведена ревизия неолитических стоянок. Она показала, что большинство памятников содержит разновременный материал, происходящий преимущественно из современного перепаханного гумуса (Мешвелиани, 2013). Автор предполагает, что к неолиту, вероятно, относятся так называемые энеолитические слои в пещерах Самеле-Клде, Дзудзуана, Самерцхле Клде и др., где прослеживаются следы оседлого хозяйства.

На Северо-Восточном Кавказе наиболее известна Чохская неолитическая стоянка в Дагестане. Исследователь отмечает преемственность неолита с

предшествующим этапом мезолита в кремневой индустрии и неолитические новации, выражающиеся в появлении керамики и производящего хозяйства (Амирханов, 1987). К сожалению, для этого памятника до сих пор не получены абсолютные даты.

На Северо-Западном Кавказе (рис. 1) кроме наиболее известных Каменноостской и Нижнешиловской стоянок (Бжания, 1996) наличие неолитических находок упоминается в навесе Чыгай (Леонова, 2009. С. 106) и в Баракаевской пещере (Ловпаче, 1994. С. 165). Также в Губском навесе 7 (Саганай) полученные радиоуглеродные даты указывают, что календарный возраст верхних горизонтов может оцениваться от 8.5 до 9 тыс. л.н.

Возвращаясь к вопросу “есть ли на Северо-Западном Кавказе неолит”, следует еще раз отметить, что значительный прорыв в изучении процессов неолитизации, который сделан во многих сопредельных регионах, обусловлен целенаправленным изучением памятников неолита. На Северо-Западном Кавказе даже те ограниченные данные по неолиту, которые имеются, в большинстве своем получены в ходе изучения стоянок палеолита в пещерах. Следствием этого и является отсутствие современных научных результатов по данной проблеме.

В заключение подчеркнем, что исследования одного полевого сезона в Мезмайской пещере показали, что в слое 1-2В, который формировался в начале атлантического периода около 8–7.5 кал. тыс. л.н., сохранилась неолитическая стоянка. По времени она совпадает с началом керамического неолита в Леванте (Gorring-Morris, Belfer-Cohen, 2011). Состав каменной индустрии, которая содержит наконечник с черешком на пластине, сегменты, многочисленные сечения пластинок, ППК, зубчатые орудия, имеет аналогии в материалах памятников неолита. Особенно показательно наличие наконечника с симметричным черешком. В Мезмайской пещере ранее найдены острия, имеющие определенные аналогии в неолите Леванта. Одно из них (рис. 5, 2) обнаружено в эрозионной яме. Эта форма отдаленно напоминает острие *El-Khiam*, хотя полностью тождественные формы не обнаружены. Второе острие, найденное на современной поверхности (рис. 5, 1), имеет определенные аналогии с остриями *Biblos* (Shea, 2006. P. 828. Fig. 3). В неолите Кавказа также известны острия с черешком (Бжания, 1996. С. 77. Рис. 23), но детали обработки отличаются. Керамика имеет аналогии в коллекциях неолитических памятников региона (Каменноостская, Нижнешиловская).

Слой 1-2В фиксирует хроноклиматический этап, в течение которого древний человек неоднократно посещал пещеру. Доказательством этому служат ре-

зультаты изучения каменного сырья, которое было принесено в пещеру из нескольких месторождений, расположенных на расстоянии до 100 км от стоянки (рис. 1). Анализ фауны показал, что это была сезонная охотничья стоянка. Многочисленные орудия и кости животных, в том числе обожженные, свидетельствуют, что человек мог проживать в пещере достаточно длительное время. Однако данные палеонтологии и палеонтологии позволяют говорить, что климат в среднегорье, где расположена Мезмайская пещера, в этот период был более прохладным, чем современный. Поэтому пещера как место стоянки для неолитических охотников была наиболее пригодна в летние месяцы.

Расположение стоянки высоко в горах, вероятно, объясняет и отсутствие культурных остатков между 12 и 8 тыс. л.н., т.е. от похолодания “молодой дриас” до похолодания 8.2 тыс. л.н. Хотя, как показано выше, вероятность обнаружения на Северо-Западном Кавказе стоянок бореального периода (10–8,3 тыс. л.н.) достаточно велика.

Мезмайская пещера в неолите использовалась как место сезонных стоянок с узкой хозяйственной специализацией. Результаты, полученные на основании анализа неолитического слоя, свидетельствуют о широком освоении человеком Северо-Западного Кавказа. Однако только специальные исследования, направленные на изучение неолита, смогут определить реальные хронологические рамки и культурно-хозяйственные особенности процесса неолитизации в этом регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А. Чохское поселение. М.: Наука, 1987. 116 с.
- Бжания В.В. Неолит Кавказа // Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996 (Археология). С. 73–86.
- Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П. Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987–95 гг.) // РА. 1998. № 3. С. 85–98.
- Дороницева Е.В., Кулькова М.А., Шекли М.С. Использование каменного сырья в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа // Археология, антропология и этнография Евразии. 2013. № 2 (54). С. 40–53.
- Зайцева Г.И., Трифонов В.А., Дергачев В.А. Проблема неолитизации Западного Кавказа и изменение окружающей среды // Труды IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 263–266.
- Леонова Е.В. О хронологии и периодизации позднелепесточных–раннеголоценовых памятников Северо-

- Западного Кавказа (по материалам исследований в Губском ущелье) // РА. 2009. № 4. С. 94–107.
- Ловначев Н.Г. Керамический материал голоценового слоя Баракаевской пещеры // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп: Меоты, 1994. С. 165–174.
- Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 3. СПб., 2013. С. 27–109.
- Мешвельяни Т.К. К вопросу о возникновении неолита в Западной Грузии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 61–72.
- Трифонов В.А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб.: Теза, 2009. С. 84–93.
- Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 166 с.
- Ascough P.L., Church M.J., Cook G.T., Dunbar E., Gestsdóttir H., McGovern T.H., Dugmore A.J., Friðriksson A., Edwards K.J. Radiocarbon reservoir effects in human bone collagen from northern Iceland // JAS. 2012. V. 39. № 7. P. 2261–2271.
- Biton R., Goren Y., Goring-Morris A.N. Ceramics in the Levantine Pre-Pottery Neolithic B: Evidence from Kfar HaHoresh, Israel // JAS. 2014. V. 41. P. 740–748.
- Carlson A.E. The Younger Dryas Climate Event // The Encyclopedia of Quaternary Science. Second Edition. V. 3. Amsterdam: Elsevier, 2013. P. 126–134.
- Golovanova L.V. Les hommes de Néandertal du Caucase du Nord : entre l'Ouest et l'Est // L'Anthropologie. 2015. V. 119, № 2. P. 254–301.
- Golovanova L.V., Doronichev V.B. EUP of the Caucasus: In context of Western Euro-Asian sources // The Aurignacian of Yafteh cave and its context (2005–2008 excavations). Liege, 2012 (Etudes et Recherches Archeologiques de l'Universite de Liege; № 132). P. 137–160.
- Goring-Morris A.N., Belfer-Cohen A. Neolithization Processes in the Levant. The Outer Envelope // Current Anthropology. 2011. V. 52. Suppl. 4. P. 195–208.
- Kuzmin Y.V. Chronology of the earliest pottery in East Asia: Progress and pitfalls // Antiquity. 2006. № 80. P. 362–371.
- Lyonnnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhuvala G., Astruc L., Baster-Lamprichs K., Bebermeier W., Becker F., Benecke N., Bouquet L., Bruley-Chabot G., Courcier A., D'Anna M.B., Decaix A., Fassbinder J., Fontugne M., Geitelf., Goren A., Hamon C., Koch J., Le Dosseur G., Lincot A., Link R., Neef R., Neuman D., Ollivier V., Raymond P., Ricci A., Samzun A., Schorr S., Schültz F., Shillito L., Ullrich M., Whal J. Ancient Kura 2010–2011: the first two seasons of joint field work in the Southern Caucasus // Archeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 44. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, 2012. P. 1–190.
- Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S. Chronological contexts of the earliest pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon dates for Göytepe and Haci Elamxanlı Tepe, Azerbaijan // American J. of Archaeology. 2015. V. 119. № 3. P. 279–294.
- Pinhasi R. Europe: Neolithic colonization // The Encyclopedia of Global Human Migration. V. 1: Prehistory / Ed. I. Ness. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2013. P. 1–10.
- Shea J.J. The origins of lithic projectile point technology: evidence from Africa, the Levant, and Europe // JAS. 2006. V. 33. № 6. P. 823–846.
- Wu X., Zhang C., Goldberg P., Cohen D., Pan Y., Arpin T., Bar-Yosef O. Early Pottery at 20,000 Years Ago in Xianrendong Cave, China // Science. 2012. V. 336. № 6089. P. 1696–1700.

THE NEW DATA ON THE NEOLITHIC OF THE NORTH-WEST CAUCASUS FROM THE MEZMAISKAIA CAVE

Liubov V. Golovanova*, **Vladimir B. Doronichev***,
Ekaterina V. Doronicheva**, **Marianna A. Kulkova*****,
Tatiana V. Sapelko****, **Iurii N. Spasovskii*******

*Autonomic non-commercial organization “Laboratory of prehistory”,
St.-Petersburg (labprehistory@yandex.ru)

**Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS, St.-Petersburg
(labprehistory@yandex.ru)

***The Herzen State Pedagogical University of Russia, St.-Petersburg (edoronicheva@hotmail.ru)

****The Institute of limnology RAS, St.-Petersburg (tsapelko@mail.ru)

*****The Shaposhnikov Caucasian State Natural Biosphere Reserve, Maikop (b.bonus@mail.ru)

The article presents preliminary results of studying the Neolithic settlement in the Mezaiskaya cave (North-western Caucasus). In the beginning of the Atlantic period (8–7.5 million years ago) the cave served as a seasonal hunting seat. The studying of silicon reservoirs testifies the wide development of the region by a human of this region in the Neolithic Age.

Key words: the Neolithic, silicon industry, ceramics, Caucasus.

REFERENCES

- Amirkhanov Kh.A.*, 1987. Chokhskoe poselenie [Chokhskoye settlement] Radiocarbon reservoir effects in human bone collagen from northern Iceland. *J. of Archaeological Science*, vol. 39, no. 7, pp. 2261–2271.
- Biton R., Goren Y., Goring-Morris A.N.*, 2014. Ceramics in the Levantine Pre-Pottery Neolithic B: Evidence from Kfar HaHoresh, Israel. *J. of Archaeological Science*, 41, pp. 740–748.
- Bzhaniya V.V.*, 1996. Neolit Kavkaza [The Neolithic of Caucasus]. *Neolit Severnoy Evrazii [Neolithic of Northern Eurasia]*. Moscow: Nauka, pp. 73–86. (Arkheologiya).
- Carlson A.E.*, 2013. The Younger Dryas Climate Event. *The Encyclopedia of Quaternary Science*, 3. Second Edition. Amsterdam: Elsevier, pp. 126–134.
- Doronicheva E.V., Kul'kova M.A., Shekli M.S.*, 2013. Ispol'zovanie kamennogo syr'ya v verkhnem paleolite Severo-Zapadnogo Kavkaza [The use of stone raw material in the Upper Paleolithic of the Northern-Western Caucasus]. *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Evrazii [Archaeology, anthropology and ethnology of Eurasia]*, 2 (54), pp. 40–53.
- Formozov A.A.*, 1965. Kamenny vek i eneolit Prikuban'ya [Stone Age and the Neolithic of Kuban Region]. Moscow: Nauka. 166 p.
- Golovanova L.V.*, 2015. Les hommes de Néandertal du Caucase du Nord : entre l'Ouest et l'Est. *L'Anthropologie*, vol. 119, no. 2, pp. 254–301.
- Golovanova L.V., Doronichev V.B.*, 2012. EUP of the Caucasus: In context of Western Euro-Asian sources. *The Aurignacian of Yafteh cave and its context (2005–2008 excavations)*. Liege, pp. 137–160. (Etudes et Recherches Archeologiques de l'Universite de Liege, 132).
- Golovanova L.V., Khoffeker D.F., Kharitonov V.M., Romanova G.P.*, 1998. Mezmayaskaya peshchera (rezul'taty predvaritel'nogo izucheniya 1987–95 gg.) [Mezmaiskaya Cave (the results of the preliminary researches of 1987–1995)]. *RA [RA]*, 3, pp. 85–98.
- Goring-Morris A.N., Belfer-Cohen A.*, 2011. Neolithization Processes in the Levant. The Outer Envelope. *Current Anthropology*, 52, Suppl. 4, pp. 195–208.
- Kuzmin Y.V.*, 2006. Chronology of the earliest pottery in East Asia: Progress and pitfalls. *Antiquity*, 80, pp. 362–371.
- Leonova E.V.*, 2009. O khronologii i periodizatsii pozdnepleystotsenovykh–rannegolotsenovykh pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam issledovaniy v Gubskom ushel'e) [On the chronology and periodization of the Late Pleistocene – the Early Holocene sites of the Northern-Western Caucasus (on the materials of researches in Gubskoye Gorge)]. *RA [RA]*, 4, pp. 94–107.
- Lovpache N.G.*, 1994. Keramicheskiy material golotsenovogo sloya Barakaevskoy peshchery [Ceramic material of the Holocene layer of the Barakayevskaya Cave]. *Neandertal'tsy Gupsskogo ushel'ya na Severnom Kavkaze [Neanderthal men of the Gubskoye Gorge in the Northern Caucasus]*. Maykop: Meoty, pp. 165–174.
- Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhuvala G., Astruc L., Baster-Lamprichs K., Bebermeier W., Becker F., Benecke N., Bouquet L., Bruley-Chabot G., Courcier A., D'Anna M.B., Decaix A., Fassbinder J., Fontugne M., Geittel F., Goren A., Hamon C., Koch J., Le Dosseur G., Lincot A., Link R., Neef R., Neuman D., Ollivier V., Raymond P., Ricci A., Samzun A., Schorr S., Schültz F., Shillito L., Ullrich M., Whal J.*, 2012. Ancient Kura 2010–2011: the first two seasons of joint field work in the Southern Caucasus. *Archeaologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 44. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, pp. 1–190.
- Mazurkevich A.N., Dolbunova E.V., Kul'kova M.A.*, 2013. Keramicheskie traditsii v rannem neolite Vostochnoy Evropy [Ceramic traditions in the Early Neolithic of the Eastern Europe]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian Archaeological annual]*, 3. St. Petersburg, pp. 27–109.
- Meshveliani T.K.*, 2013. K voprosu o vozniknovenii neolita v Zapadnoy Gruzii [To the problem of the forming of the Neolithic in Western Georgia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, anthropology and ethnology of Eurasia]*, 2 (54), pp. 61–72.
- Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S.*, 2015. Chronological contexts of the earliest pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon dates for Göytepe and Hacı Elamxanlı Tepe, Azerbaijan. *American J. of Archaeology*, vol. 119, no. 3, pp. 279–294.
- Pinhasi R.*, 2013. Europe: Neolithic colonization. *The Encyclopedia of Global Human Migration*, 1: Prehistory. I. Ness, ed. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., pp. 1–10.
- Shea J.J.*, 2006. The origins of lithic projectile point technology: evidence from Africa, the Levant, and Europe. *J. of Archaeological Science*, vol. 33, no. 6, pp. 823–846.
- Trifonov V.A.*, 2009. Sushchestvoval li na Severo-Zapadnom Kavkaze neolit? [Was there the Neolithic in the Northern-Western Caucasus]. *Adaptatsiya kul'tur paleolita – eneolita k izmeneniyam prirodnoy sredy na Severo-Zapadnom Kavkaze [Adaption of the cultures of the Paleolithuc – Eneolithic to the environment in the Northern-Western Caucasus]*. St. Petersburg: Teza, pp. 84–93.
- Wu X., Zhang C., Goldberg P., Cohen D., Pan Y., Arpin T., Bar-Yosef O.*, 2012. Early Pottery at 20,000 Years Ago in Xianrendong Cave, China. *Science*, vol. 336, no. 6089, pp. 1696–1700.
- Zaytseva G.I., Trifonov V.A., Dergachev V.A.*, 2014. Problema neolitizatsii Zapadnogo Kavkaza i izmenenie okruzhayushchey sredy [Problems of the neolitization of the Western Caucasus and changes of the environment]. *Trudy IV (XX) Vseros. arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Transactions of IV (XX) of the All-Russian archaeological Congress in Kazan]*, I. Kazan': Otechestvo, pp. 263–266.

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ СВАТИЛИЩА КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ

© 2016 г. А.Ф. Шорин, Е.В. Вилисов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург (iia-history@mail.ru)

В статье анализируются категории массового каменного инвентаря неолитического святилища Кокшаровский холм в Среднем Зауралье. Используя статистический метод сопоставления разных категорий подобного инвентаря с одновременным святилищу Юрьинским поселением, в центре которого находится Кокшаровский холм, а также с каменным инвентарем поселенческих неолитических памятников Зауралья, выделены те типы изделий, что могли быть задействованы в культовых обрядах, проводимых на святилище. Среди них – нуклеусы, наконечники стрел, целые экземпляры пластин без вторичной обработки, абразивы, а также небольшая часть изделий, которые на основе морфологического анализа можно считать культовыми: навершие булавы, сланцевый нож с орнитоморфным навершием, тальковые стержни с насечками.

Ключевые слова: неолит, Среднее Зауралье, святилище Кокшаровский холм, Юрьинское поселение, каменный инвентарь, культовая практика.

Наличие в едином культурно-хронологическом неолитическом комплексе разных по функциональному назначению археологических памятников: святилище Кокшаровский холм и Юрьинское поселение (рис. 1, А), которые функционировали с рубежа VII–VI до третьей четверти V тыс. до н.э. (даты калиброванные), создает возможность уже на уровне первичного статистико-типологического анализа выявить степень сходства и различий в массовых категориях инвентаря, в том числе каменного, и попытаться понять, возможно ли через такое сравнение рассматривать некоторые категории массового каменного инвентаря, найденного в культурных слоях святилища, в контексте использования в культовой обрядности. Такой же анализ соотношения категорий каменных артефактов в поселенческих комплексах этой эпохи Зауралья и сопредельных территорий и сравнение его с комплексом святилища (таблица)¹ позволяет аргументацию вопроса, могли ли определенные категории каменного инвентаря Кокшаровского холма быть задействованы в культовой практике, считать более достоверной.

В статье анализируется коллекция предметов из камня отмеченного комплекса археологических памятников, насчитывающая около 25.5 тыс. экз.

Подавляющая часть из них, более 23 тыс., происходит с Кокшаровского холма (таблица). Специфика формирования святилища, а это искусственное сооружение, насыпанное путем массовых неоднократных подсыпок, грунт для которых брался в том числе из культурного слоя Юрьинского поселения (Шорин, 2001. С. 165), позволяет только редкие артефакты связать с конкретными культовыми объектами. Это прежде всего сосуды, перевернутые вверх дном. Остальные артефакты, которые в силу их морфологической оригинальности и единичности можно считать культовыми (они имеют аналогии в других культовых комплексах либо оцениваются специалистами в том числе и как культовые²) могли залегать как внутри, так и вне культовых объектов Холма. Это глиняные “утюжки” и предметы сферической формы, а также небольшая часть изделий из камня: навершие булавы в виде головы медведя или бобра, орнитоморфный сланцевый нож, тальковые стержни с насечками, в том числе один из них с поперечным желобком – мог быть также утюжком или его имитацией (рис. 1, Б).

Подавляющая же часть материала, происходящего со святилища, типологически мало чем отлича-

¹ Таблица составлена по следующим работам: Старков, 1980; Сериков, 1981, 1991; Ковалева, Сериков, 1982; Алексашенко, 1984; Корякова, Стефанова, 1984; Кернер, 1991; Ковалева, Ивасько, 1991; Баранов, Волков, 2001; Волков, 2001; Шаманав, 2001; Шилов и др., 2002.

² Изделия со святилища, которые по морфологическим признакам отнесены к культовым, опубликованы (Шорин, 2010. Рис. 3; 5, 6; 6, 1; Шорин, 2013. С. 181–183. Рис. 1; Шорин, Шорина, 2011. С. 71–73. Рис. 4, 5), поэтому нет необходимости их подробно описывать. Количество их с каждым годом работ на святилище растет. В частности, число тальковых стержней с насечками возросло уже до 16 экз.

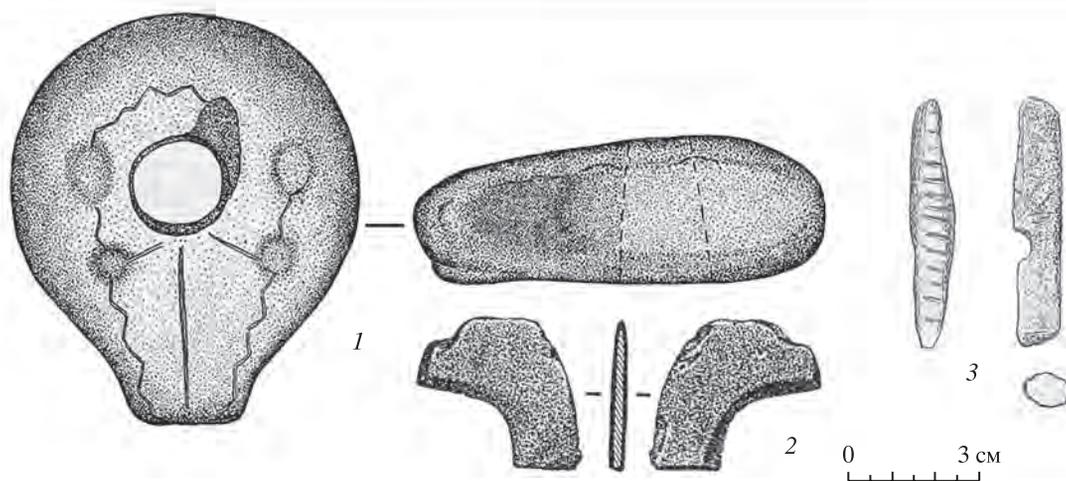
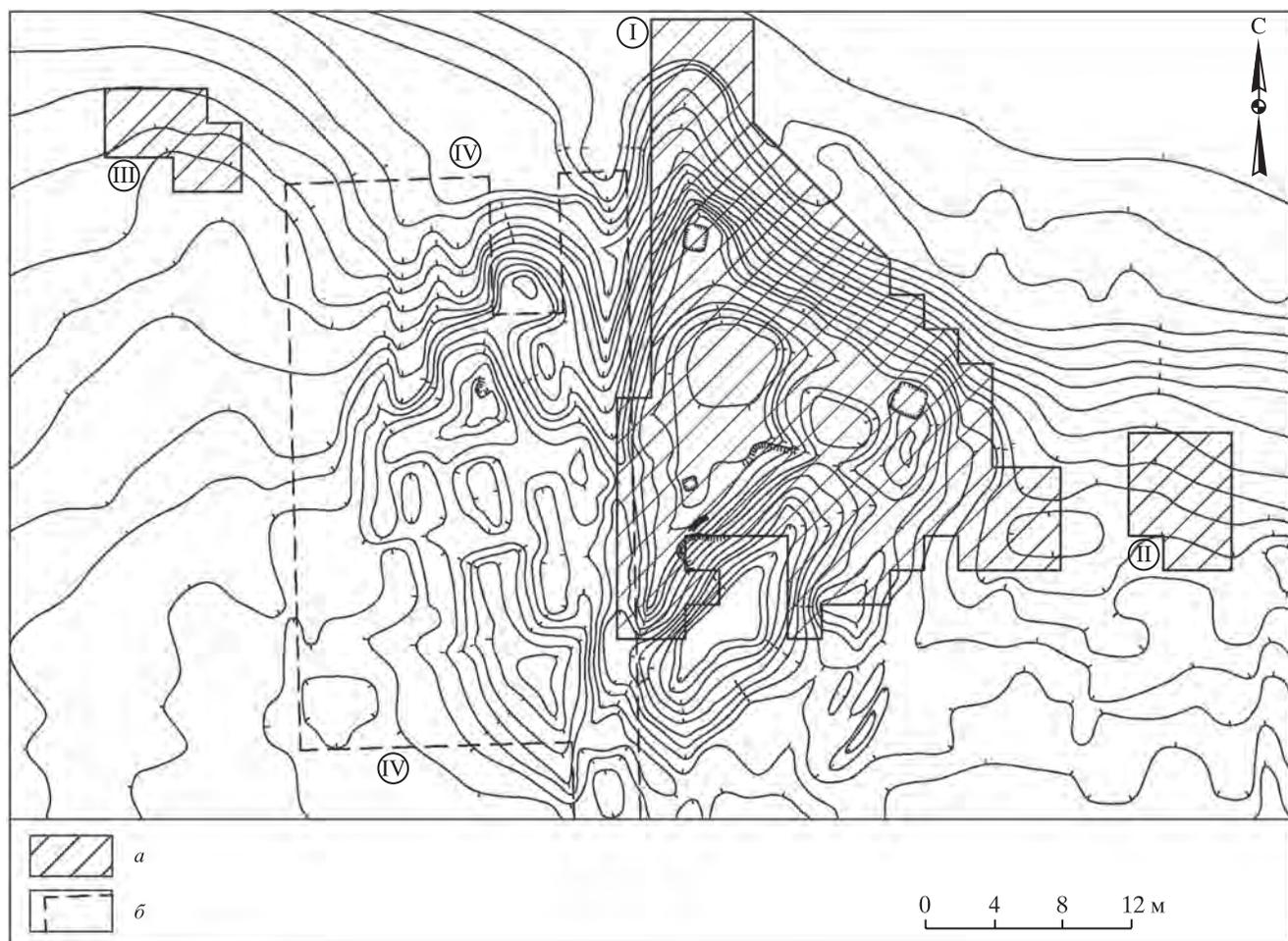

Рис. 1. А – схема расположения раскопов на территории Кокшаровского холма и Юрьинского поселения. I, IV – Кокшаровский холм: I – раскопы А.Ф. Шорина 1995–2013 гг.; IV – раскопы А.И. Россадович 1955, 1957, 1960 гг.; II, III – Юрьинское поселение: II – раскоп А.А. Шориной 2011 г.; III – раскопы А.Ф. Шорина и М.Ю. Баранова 1997–1998 гг. Горизонталы проведены через 0,2 м. Условные обозначения: а – раскопы в сетке, принятой в 1995 г.; б – раскопы А.И. Россадович конца 1950 – начала 1960-х годов; Б – изделия из камня. 1 – навершие булавы; 2 – орнитоморфный нож; 3 – тальковый стержень с насечками.

ется от поселенческих комплексов неолита Среднего Зауралья и сопредельных территорий. Это куски сырья, пренуклеусы, нуклеусы, технические снятия, заготовки орудий, разнообразные орудия, а также отходы их производства (таблица). Значительная часть такого каменного инвентаря действительно может быть не связана с культовой обрядностью, а привнесена на территорию святилища в ходе уже упомянутых неоднократных подсыпок сакральной площадки грунтом Юрьинского поселения. В том числе этим грунтом после вывода из ритуальной практики (на Холме раскопано более 10 таких объектов) засыпались или “погребались” культовые объекты (Шорин, 2010. С. 32, 33). Поэтому однозначно объединить массовые категории артефактов, найденные в пределах сакральной площадки, в ритуальные комплексы отдельных культовых объектов, пусть даже если эти предметы фиксируются в засыпке или рядом с конкретными культовыми объектами, часто невозможно. Это обстоятельство создает трудности выделения в категориях находок из святилища тех, что непосредственно были задействованы в ритуалах.

Однако среди каменных артефактов в культурных слоях Холма найдено значительное количество крупных и, несомненно, ценных для поселенцев предметов, случайное попадание которых на памятник, в том числе с привнесенным грунтом поселения, сомнительно. Кроме того, планиграфический анализ части материала показал, что характер залегания некоторых типов таких находок не случаен. Он может быть связан с культовыми объектами (Вилисов, 2006. С. 192–195). Особенно в этом плане показателен культовый объект 15. На его перекрытии найдены два сосуда кошкинской культуры, а также 225 каменных артефактов, 213 из которых происходят от одной крупной отдельности сырья (Шорин, Вилисов, 2008).

Особо следует оговорить некоторые методологические допущения, способные повлиять на представленные ниже выводы. Во-первых, как уже отмечено, слои святилища могут содержать материалы, привнесенные с Юрьинского поселения. Но археологическими методами не всегда можно определить, утилитарный или сакральный статус нес предмет (Шорин, 2011). Во-вторых, Кокшаровский холм функционировал на протяжении всего неолита. Использовалась его насыпь также в энеолитическое время (конец третьей и последняя четверть V тыс. до н.э.) и населением батырской культуры в период начала VII – середины VIII в. (Шорин, Шорина, 2011. С. 75–77; Шорин и др., 2013). Причем в энеолитическое время использование возвышенной площадки Холма в культовых целях не очевид-

но. Каменные изделия и продукты их производства, относящиеся к этому периоду и вошедшие в подсчет массовых каменных артефактов (таблица), оставлены, скорее всего, в результате хозяйственно-бытовой деятельности.

В-третьих, сведения о каменном инвентаре других памятников подобного типа – Усть-Вагильском, Махтыльском, Чертовой горе (Старков, 1969; Панина, 2008; Сладкова, 2008), зачастую фрагментарны либо не опубликованы. Поэтому они мало информативны для сравнения и выделения на основе материалов известных немногочисленных святилищ подобного типа категорий каменного инвентаря, задействованных в ритуальной практике. В-четвертых, данная работа не ставит целью подробное типологическое описание инвентаря.

Сравнение велось по процентному соотношению массовых категорий артефактов. Вместе с тем очевидно, что статистико-типологический метод не всегда объективно отражает специфику памятника и происходивших на нем производственных и иных процессов. Соотношение типов изделий в ассамбляже, полученном в ходе раскопок, величина многофакторная. Помимо объективных факторов (тип памятника, продолжительность бытования, хронология и т.д.) оно может зависеть от вскрытой площади и функционального назначения исследованных объектов, условий и методики раскопок. Некоторые из этих аспектов учитывались при анализе материала. Тем не менее соотношение категорий находок – один из первостепенных показателей для определения функционального назначения памятника (Алексашенко, 2004. С. 94). Кроме того, каменные изделия в неолитических комплексах Среднего Зауралья и сопредельных территорий немногочисленны и редко превышают 200–300 экз. (таблица). Такая статистическая выборка может быть не всегда достаточно корректна для объективного сравнения этих поселенческих памятников с коллекцией Холма, насчитывающей более 20 тыс. каменных артефактов.

Каменный инвентарь Кокшаровского холма. Сырьевой состав коллекции разнообразен. Помимо кремня разных оттенков и качества для изготовления орудий применялись кремнистые породы, сланцы, яшмы, халцедон, кварц, кварцит, песчаник, гранитоиды, хрусталь и другие виды пород и минералов. Довольно подробно состав и специализация сырья рассмотрены по материалам раскопа 1995 г. в работе Н.А. Алексашенко (2004. С. 95–97. Табл. 1, 2).

Около 1800 находок (более 8% всего каменного материала) представлены камнями без следов преднамеренной обработки, а также обломками,

Типологический состав коллекций каменного инвентаря неолитических памятников

Памятник Категория	Кокшаровский холм (материалы 1995– 2011 гг.)	Юрынское поселе- ние (раскоп А.А. Шо- риной)	Юрынское поселе- ние (раскоп В.Ф. Старкова)	Юрынское поселе- ние (раскоп А.Ф. Шо- рина, М.Ю. Баранова)	Исетское Правобе- режное	ЮАО XIIIа	Ташково I	Полденька I	ЮАО XII	Уральские Зори II	Лешин I	Ново-Шадрино	Двухозерное I	ЮАО XV	Пикшук I
Пренуклеусы, нуклеусы, нуклеидные куски	616 (2.5)	46 (3.8)	2 (0.2)	30 (5.5)	59 (1.3)	6 (0.3)	12 (1.2)	18 (6)	10 (3.6)	1 (0.7)	1 (0.7)	8 (6.9)	3 (2.7)	1 (1)	7 (7.1)
Технические снятия	607 (2.5)	14 (0.9)	?	19 (3.4)	77 (1.7)	?	38? (3.8)	-	-	3 (2.1)	-	-	?	?	2 (2)
Пластины без об- работки	4310 (18.6)	44 (3.9)	6 (0.7)	222 (40.8)	479 (10.5)	423 (18.6)	132 (13.1)	9 (3)	35 (12.7)	31 (21.2)	-	12 (10.3)	19 (17.4)	16 (15.7)	22 (22.4)
Орудия на пла- стинах	1394 (6)	108 (9.5)	34? (4.1)	35 (6)	206 (4.5)	135 (5.9)	125 (12.4)	7 (2.3)	88 (31.9)	-	19 (13.9)	14 (12.1)	14 (12.8)	18 (17.6)	22 (22.4)
Отщепы и че- шуйки	9014 (38.8)	371 (32.5)	?	202 (37.1)	2958 (65.1)	1241 (54.6)	545 (54.2)	132 (44.1)	64 (23.2)	70 (47.9)	83 (60.6)	15 (12.9)	5 (4.6)	24 (23.5)	7 (7.1)
Орудия на опще- пах	356 (1.5)	92 (8)	53 (6.4)	-	155 (3.4)	49 (2.2)	20 (2)	10 (3.3)	25 (9)	5 (3.4)	8 (5.8)	-	13 (11.9)	23 (22.5)	4 (4.1)
Скребки, скребла, скобели	799 (3.4)	109 (8.8)	76 (9.1)	17 (3.1)	156 (3.4)	45 (2)	34 (3.4)	43 (14.4)	21 (7.6)	4 (2.7)	11 (8)	5 (4.3)	7 (6.4)	9 (8.8)	24 (24.5)
Острия	173 (0.7)	15 (1.3)	6? (0.7)	2 (0.4)	15 (0.3)	40 (1.8)	8 (0.8)	5 (1.7)	10 (3.6)	-	2 (1.5)	-	-	3 (2.9)	4 (4.1)
Наконечники	218 (0.9)	10 (0.9)	37 (4.5)	-	5 (0.1)	5 (0.2)	-	5 (1.7)	4 (1.4)	1 (0.7)	6 (4.4)	-	3 (2.7)	1 (1)	1 (1)
Шлифованные орудия [целые/ обломки/сколы]	710 [25/95/590] (3.1)	45 (3.9)	79 (9.5)	10 (1.8)	149 (3.1)	118 (5.2)	7 (0.7)	9 (3)	11 (8/3/0)	2 (1.4)	3 (2.2)	5 (4.3)	5 (5.5)	7 (6.9)	5 [1/0/4] (5.1)
Абразивы, оселки	1538 (6.6)	70 (6.1)	134 (16.1)	4 (0.7)	60 (1.3)	?	23 (2.3)	3 (1)	7 (2.5)	-	3 (2.2)	2 (1.7)	3 (2.7)	?	-
Другие категории артефактов	3486 (15)	218 (19.1)	403 (48.5)	5 (0.9)	221 (4.9)	211 (9.3)	62 (6.2)	58 (19.4)	1 (0.4)	29 (19.8)	1 (0.7)	55 (47.4)	37 (33.9)	-	-
Итого	23221	1142	830	544	4540	2273	1005	299	276	146	137	116	109	102	98

Примечание. Знак ? – данные не указаны или могут быть не точны. В круглых скобках – процент каменных артефактов от их общего количества на памятнике.

кусками породы и фрагментами кремневых и гранитных плиток. В некоторых случаях на камнях присутствуют следы воздействия огня. Вопрос о возможном использовании таких предметов остается открытым.

Наиболее многочисленная категория находок на святилище – отщепы и чешуйки – более 9000 экз., 38,8% (таблица). Однако их доля, несмотря на возможность привнесения значительной их части с грунтом Юринского поселения, меньше, чем в крупных поселенческих комплексах, где этот показатель довольно стабилен и составляет 44–65% комплекса. Относительно низкий процент отходов производства может указывать на ограниченную роль первичной камнеобработки и изготовления орудий в производственных или даже культово-производственных процессах на Холме. Часть отщепов могла быть получена при совершении обрядовых действий, что зафиксировано в уже упомянутом объекте 15 кошкинской культуры (Шорин, Вилисов, 2008). В нем обнаружено 196 отщепов, 4 из них с ретушью утилизации. Найдены также 4 ребристые пластины, скол с нуклеуса, 11 пластин и пластина с ретушью. Все предметы были сколоты с отдельности серо-зеленого глинистого кремня.

Подобные скопления отщепов, происхождение которых связано скорее с ритуальной практикой, нежели с производственными процессами, известны для культовых памятников (святилищ, писаниц) Урала и Западной Сибири (Бадер, 1954; Жилина, Петрин, 1989; Петрин, 1992; Широков, Чаиркин, 1997). В.Т. Петрин, обобщая подобные факты, предполагал наличие в древности неких обрядов, в которых был “важен сам факт расщепления кремнистого сырья” (Петрин, 1992. С. 82). Возможно с подобной культовой деятельностью можно связать и расколотые гальки, найденные на святилище (321 экз., 1,4%). Скопления целых или расколотых галек известны на ряде памятников, интерпретируемых исследователями как культовые (Сериков, 2004).

Ретушированные отщепы насчитывают 356 экз., 1,5% от всего комплекса. Причем большая часть из них со следами утилизации в виде нерегулярной ретуши, образовавшейся, вероятно, от непродолжительного использования. Среди орудий на отщепках преобладают скребки. Доля этой категории изделий, заготовками для которых служили также пластины и плитки, составляет 3,4% комплекса, что сопоставимо или меньше, чем на поселениях. Примечательно, что многие из скребков имеют начальную стадию сработанности и предназначены для тонкой работы по дереву: выскабливание, вырезание рельефных линий (Алексащенко, 2004. С. 102).

Значительной серией представлены на памятнике нуклеусы и нуклеидные куски – 602 экз. или 2,5% от общего количества предметов из камня. Также в коллекции имеется 14 пренуклеусов. Степень сработанности ядрищ разнообразна: от предметов с 1–2 негативами пластинчатых сколов до полностью истощенных экземпляров. Подавляющее большинство из них предназначено для снятия микропластин. С 6 экз. уплощенной формы скалы-валысы заготовки шириной 11–27 мм (рис. 2, 1, 2; 6).

Доля нуклеусов на неолитических стоянках региона сравнительно невелика. В крупных комплексах (более 1000 экз.) этот показатель составляет 0,3–1,3%, что по крайней мере в 2 раза меньше, чем на Холме (таблица). Интересно отметить, что нуклеусы для производства широких пластин крайне редки и встречаются преимущественно в боборыкинских комплексах (ЮАО V, Ново-Шадрино I). Однако подобные изделия известны для мастерских (Матюшин, 1976. С. 49. Рис. 5). Не исключено, что широкие пластины могли производиться в специализированных мастерских в местах выхода подходящего сырья. На поселения в таком случае попадали уже готовые заготовки для орудий. Если последнее предположение верно, то наряду с не характерной для поселений высокой долей нуклеусов на Холме наличие крупных уплощенных форм может свидетельствовать о важной роли регулярного расщепления на заготовки в производственных, а может быть, и производственно-культовых, процессах на памятнике.

Об этом свидетельствует и значительная доля пластин (рис. 2, 3, 7, 8) без вторичной обработки: более 4000 экз., или 18,5%. Данный показатель сопоставим с материалами некоторых поселенческих комплексов, таких как ЮАО XIIIа, Двухозерное I, Пикушка I, Уральские Зори II. На других памятниках доля пластин без обработки меньше в 1,5–2 раза (таблица). Примечательно, что значительное количество регулярных пластин на Кокшаровском холме (19%) – целые экземпляры. Они, вероятно, были выключены из производственного цикла сразу после изготовления. Количество орудий на пластинах, напротив, невелико – около 6% от всего материала. Значительная их часть представлена ретушированными пластинами (рис. 2, 4). Трасологический анализ, проведенный Н.А. Алексащенко (2004. С. 104), показал, что среди них преобладали мясные ножи. Кроме того, пластины служили заготовками широкого спектра орудий: скребков, резцов, резчиков, острий и т.д.

Значительной серией на святилище представлены наконечники стрел – более 200 экз., 0,9% (рис. 2, 5, 9–19). Причем около половины из них фрагментированы. Это самая представительная коллекция наконечников на памятниках Среднего Зауралья. Больше

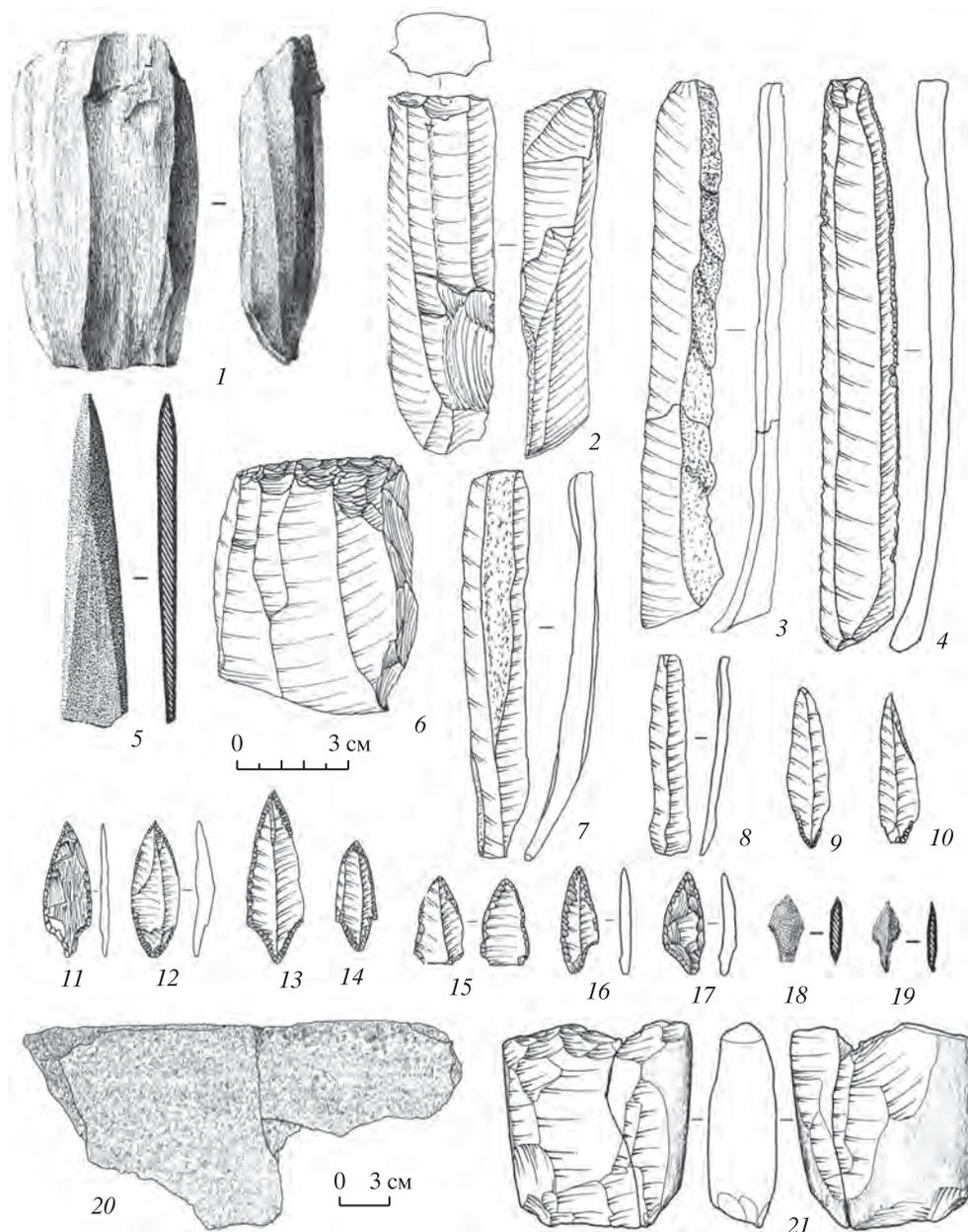

Рис. 2. Кокшаровский холм. Изделия из камня. 1, 2, 6 – нуклеусы; 3, 7, 8 – пластины без обработки; 4 – пластина с ретушью; 5, 9–19 – наконечники; 20 – абразив; 21 – фрагмент рубящего орудия.

только коллекция Камня Дыроватого на р. Чусовая, тоже святилища (Сериков, 1996). В поселенческих комплексах эпохи неолита наконечники (об их роли в культовой практике см. ниже) малочисленны (не более 5-6 экз.) или вообще отсутствуют (таблица).

Необычайно велика на Холме доля абразивов – более 1500 экз. (6.6% от всех изделий). Этот показатель в 3–5 раз выше, чем в поселенческих комплексах (таблица). Значительная часть абразивов представлена относительно мелкими расколотыми плитками гранитоида в начальной стадии сработанности. Апплицирование части абразивов

позволило установить, что они фрагментированы преднамеренно, а не в процессе утилизации (рис. 2, 20). После раскалывания большинство из них не использовалось (Алексащенко, 2004. С. 102).

Одним из вариантов объяснения значительного количества абразивных инструментов может быть специализированное производство, например изготовление шлифованных орудий. Однако, во-первых, их доля на святилище относительно мала (2.5%), что сопоставимо или меньше, чем на поселениях (таблица). Во-вторых, на памятнике единичны заготовки для производства подобных

орудий. Среди более чем 700 предметов со следами шлифовки лишь 25 относительно целые (топоры, тесла, ножи). Остальные найдены в виде обломков (95 экз.) и сколов с орудий (590 экз.). Подобное соотношение целых и фрагментированных орудий характерно для ряда неолитических поселений: Исетское Правобережное, ЮАО ХШа (таблица). Ремонт одного орудия из коллекции показал, что фрагментация не была следствием утилизации или попыток переоформления, а проведена специально (рис. 2, 21).

Остальные категории изделий – остря, орудия на плитках, грузила, пилы, наковальни, отбойники, ретушеры, ложила и т.д. – относительно малочисленны. Их использование в деятельности на святилище, вероятно, носило эпизодический характер. Часть из них могла также попасть сюда с грунтом Юрьинского поселения.

На данном этапе исследований характер деятельности на святилище, в котором могли быть задействованы те или иные категории каменного инвентаря, можно реконструировать лишь в общих чертах. Во-первых, не исключено, важным ее элементом было регулярное расщепление камня на пластинчатые заготовки. Этому производственному действию в определенных случаях мог придаваться особый, культовый, статус. После снятия как минимум пятая часть пластин исключалась из производственного процесса. Вероятно, аналогичная картина характерна и для части заготовок в виде отщепов. Во-вторых, вторичная обработка, изготовление и/или использование орудий на сакральной площадке носило ограниченный характер. Среди инструментов преобладают мясные ножи и орудия для мелкой работы по дереву. В-третьих, одним из видов деятельности на памятнике была преднамеренная фрагментация орудий труда. В первую очередь абразивов, а возможно, шлифованных орудий и наконечников стрел. Удар как форма культового действия и изменения статуса предмета в ходе культовых, особенно погребальных церемоний, – распространенная черта ритуальной практики древних и традиционных обществ.

Следует еще раз оговориться, что предложенные выводы носят предварительный характер и основаны лишь на типологическом анализе коллекции и некоторых трасологических данных, представленных Н.А. Алексашенко.

В свете изложенных наблюдений интересно сравнить сходство и различия в массовых категориях каменного инвентаря взаимосвязанных памятников: Юрьинского поселения и святилища Кокшаровский холм.

Каменный инвентарь Юрьинского поселения. На поселении в разные годы было заложено три раскопа.

В западной от Холма части раскопом 1998–1999 гг. вскрыт участок площадью 36 м² (Баранов, Волков, 2001). Восточную часть поселения, прилегающую к святилищу, исследовали В.Ф. Старков (1980. С. 66–70) и А.А. Шорина (2013). Раскоп в западной части поселения заложен на относительно, не менее 14–22 м, удалении от края святилища, т.е. это была “чисто” поселенческая (профанная) площадка. Раскопы в восточной части поселения, особенно раскоп 2011 г. почти вплотную примыкал ко рвам, которые отделяли сакральное пространство святилища от профанного (рис. 1, А).

В раскопе в западной части поселения среди керамических комплексов преобладали фрагменты кошкинского (46.6%) и полуденского (32.1%) типов при незначительном количестве кокшаровско-юрьинских и басьяновских (17 и 4.3% соответственно) (Шорина, 2013). Каменный инвентарь имеет преимущественно микролитический облик³, в большом количестве присутствуют нуклеусы для снятия микропластин, технические сколы и отщепы, пластины без вторичной обработки. Доля орудий с вторичной обработкой невелика. Среди орудий преобладают ретушированные пластины и скребки (Баранов, Волков, 2001). В целом по статистико-типологическим параметрам комплекс сопоставим с поселенческими памятниками. Очевидных проявлений каких-либо ритуальных действий и самих культовых предметов здесь нет.

В раскопе 2011 г. площадью 44 м², расположенному к востоку от Холма, выявлена преимущественно керамика кокшаровско-юрьинского и полуденского типов, с преобладанием последнего (37.5 и 50.6% соответственно), что характерно для начала поздненеолитического этапа (конец VI – начало V тыс. до н.э.) функционирования рассматриваемого комплекса археологических памятников (Шорин, Шорина, 2011. С. 75–77). Эта же керамика преобладала и в заполнении раскопанной примерно наполовину наземной постройки размерами не менее 2 × 4 м (Шорина, 2013. С. 38). Кошкинской керамики в раскопе немного (11.9%); басьяновские фрагменты единичны (1.8 %) (Шорина, 2013. С. 39).

Коллекция каменных предметов составляет 1142 экз. Ее сырьевой состав аналогичен материа-

³ Микролитический комплекс в западной части поселения характеризует, скорее всего, начальный этап освоения данного пространства южного берега Юрьинского озера коллективом кошкинской культуры. Часть материала может быть связана с полуденскими группами населения, также селившимися в этой части памятника. Относительная хронология кокшаровско-юрьинских комплексов в этой части поселения до конца не ясна. Выделяемый авторами в раскопе объект (Баранов, Волков, 2001. С. 4, 9–11. Рис. 1, А, Б) имеет очень распылчатые маркеры, чтобы определить его функциональное назначение. Он может иметь и естественное происхождение.

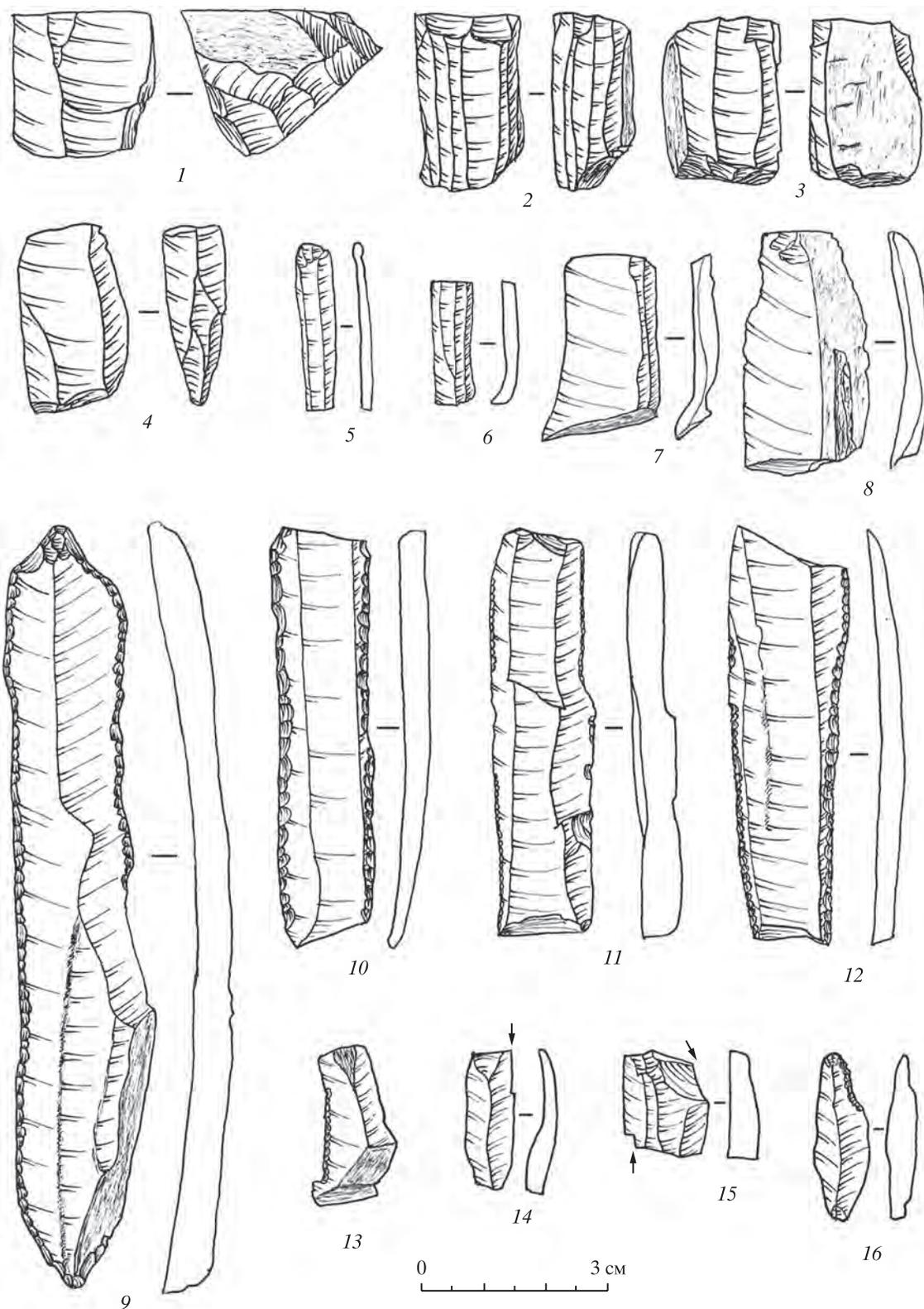

Рис. 3. Юринское поселение. Изделия из камня. 1 – пренуклеус; 2, 3 – нуклеусы; 4 – нуклеидный кусок; 5–8 – пластины без обработки; 9–12 – пластины с ретушью; 13 – пластина с ретушированной выемкой; 14, 15 – резцы; 16 – резчик.

лам Холма. Около 10% находок представлено камнями без следов преднамеренной обработки, фрагментами плиток, расколотыми гальками и обломками (соответственно 13, 51, 5 и 48 экз.). Доля нуклеусов и нуклевидных кусков (рис. 3, 1–4) составляет 3.8% от всего комплекса. Серия нуклеусов незначительна – 11 экз. Один из них использовался для получения широких заготовок длиной не менее 100 мм, с остальных скалывались микропластины. Более представительны нуклевидные куски (33 экз.), предназначенные для снятия отщепов и пластинчатых отщепов. Пластины без вторичной обработки (рис. 3, 5–8) насчитывают всего 44 экз. (3,9%). Около трети из них представлены целыми массивными снятиями шириной 15–45 мм. Орудия на пластинах (рис. 3, 9–16) составляют 108 экз., или 9,5%. Преобладают пластины с ретушью (49 экз.) и ретушью утилизации (31 экз.). Примечательно, что в отличие от Холма, где около половины пластин имеют ширину 10 мм и менее, на поселении преобладают массивные снятия шириной в среднем 12–38 мм и длиной до 128.

Треть материала – это отщепы и чешуйки: 371 экз., или 32.5%. Ретушированные отщепы насчитывают 92 экз. (8%). Подавляющая часть изделий несет следы утилизации в виде мелкой нерегулярной ретуши, образовавшейся, вероятно, от непродолжительного использования (85 экз.). Наиболее многочисленная категория орудий – скребки (101 экз., 8.8% комплекса). Относительно велика и серия наконечников – 10 экз. Половина из них фрагментирована. Доли шлифованных изделий и абразивов в этом раскопе и на Холме в процентном выражении практически совпадают (таблица). Так же, как и на святилище, большая часть из них фрагментирована. Кроме того, в коллекции присутствуют острия (15 экз.), орудия на плитках (15 экз.), долотовидное орудие, пест, орудие на камне неясного назначения, поперечно-желобчатое орудие и 79 мелких фрагментов талька.

Очевидно, в описанном комплексе каменных изделий присутствуют материалы нескольких индустрий. Одна из них, самая малочисленная, связана с производством микропластин и представлена нуклеусами, техническими сколами, заготовками и орудиями на микропластинах. Возможно с ней связана и немногочисленная в раскопе кошкинская керамика.

Вторая связана с использованием в качестве орудий широких (более 15 мм) длинных пластин. Эта индустрия представлена на памятнике нуклеусом и преимущественно готовыми изделиями. И, наконец, третья индустрия связана с использованием в качестве заготовок отщепов, пластинчатых отщепов и нерегулярных массивных пластин укороченных пропорций. Заготовки снимались с

крупных отдельностей сырья без предварительной либо с минимальной технологической подготовкой. Зачастую снятия использовались в качестве орудий без вторичной обработки. Вероятно эти индустрии связаны с преобладающим в раскопе позднекокшаровско-юринско – полуденским керамическим комплексом.

Схожие материалы получены и в раскопе В.Ф. Старкова (1980. С. 66–68), располагавшемся близко к раскопу 2011 г. При незначительном количестве нуклеусов и пластин⁴, среди находок преобладали отщепы с ретушью (6.4%), скребки (9.1%), шлифованные орудия (9.5%) и абразивы (16.1%). Значительной серией представлены и наконечники (37 экз., 4.5% от всех находок). Автор раскопок также отмечал, что “особенностью каменного инвентаря стоянки является сочетание архаичных и относительно поздних приемов обработки камня при преобладании последних. Пластинчатая техника, доминирующая на таких памятниках, как Козлов Мыс I, Евстюниха⁵, здесь занимает подчиненное положение, вытесняясь другой техникой обработки камня, связанной с широким использованием отщепов и изготовлением крупных, в том числе шлифованных, орудий из различных пород камня” (Старков, 1980. С. 66, 67). В керамическом комплексе раскопа, судя по описанию и рисункам (Старков, 1980. С. 65, 66. Табл. VII, 18–21; VIII, 11–14; IX, 1–4; X, 11–13; XI, 10; XII, 8; XIII, 1, 5, 9, 14, 15; XIV, 1, 5–7, 14), преобладала керамика полуденского и кокшаровско-юринского типов⁶.

Различия в каменном инвентаре, полученном со святилища Кокшаровский холм и в раскопах в восточной части Юринского поселения, как показано ниже, менее разительны, чем с поселениями из других регионов Среднего Зауралья и сопредельных территорий. Более того, в процентном отношении многие категории каменного инвентаря со святилища и из упомянутых раскопов поселения, очень близки между собой (см. таблицу). Присутствуют наконечники стрел, абразивы, шлифованные орудия, особенно в обломках и сколах. В отличие от святилища на поселении относительно малочисленны нуклеусы для снятия пластин и сколы без

⁴ В.Ф. Старков отмечает, что “почти все ножевидные пластинки – крупного размера, за исключением шести микролитических вкладышей без ретуши. Семь пластинок не имеют вторичной обработки, а из остальных изготовлены наконечники стрел, ножи, сверла, скребки и проколка” (1980. С. 67).

⁵ Эти памятники в то время, когда писалась монография, считались раннеолитическими и относились к козловской фазе уральского неолита.

⁶ В раскопе выделены и две постройки. Одна из них прямоугольной в плане формы размерами 4.9 × 2.8 м хозяйственного назначения. Выделение другой, двухкамерной, проведено очень неопределенно (см. Старков, 1980. С. 68, 69. Рис. 4).

вторичной обработки. Правда, более высок на святилище процент пластинчатой, особенно микропластинчатой, но зато менее выражена отщеповая индустрия. Но это объяснимо, так как восточная часть поселения интенсивно осваивалась прежде всего в поздненеолитическое время (Старков, 1980. С. 64–70; Шорина, 2013).

Несколько больше различий выявлено в материалах Холма с раскопом в западной части поселения (таблица). Здесь заметно преобладание изделий микролитического облика, отсутствуют наконечники стрел и куски талька, нет целых и обломков шлифованных орудий, а только 10 сколов с них, всего 4 абразива. Не отмечены изделия (как из камня, так и из глины), морфологические свойства которых позволяют считать их культовыми. Но в целом, как уже подчеркивалось, облик каменной индустрии этого раскопа, во-первых, ранне-неолитический и, во-вторых, бытовой, поселенческий.

Отмеченное выше значительное сходство между категориями каменного инвентаря святилища и из раскопов в восточной части поселения может обуславливаться следующими обстоятельствами. Раскопы В.Ф. Старкова и А.А. Шориной практически вплотную примыкают к рвам святилища. Рвы же, хотя и маркировали на позднем (позднекокшаровско-юринско – полуденском) этапе границу между сакральным и обыденным поселенческим пространством этого комплекса памятников, но в то же время они могли выполнять и чисто утилитарную функцию. В них и за их пределы, т.е. уже на территорию поселения, прилегающую к рвам, могли выбрасываться с площадки святилища вышедшие из употребления ритуальные вещи (Шорин, 2010. С. 35). На этой поселенческой площадке около рвов могла подготавливаться культовая атрибутика, задействованная в ритуалах, проводимых в пределах сакральной зоны.

Иными словами, раскопы в восточной части поселения в отличие от раскопа в западной его части неизбежно содержат некоторое количество предметов, ранее использованных и в культовой практике. В пользу этого свидетельствуют находки в раскопе 2011 г. сломанного глиняного утюжка, шести фрагментов керамики с рельефными налепами симбиозного позднекокшаровско-юринско – полуденского типа, а в раскопе В.Ф. Старкова – глиняного наконечника стрелы с глухим отверстием в месте насады древка⁷, подвески из хрусталя в виде кулона с ушком для крепления, а также двух фрагментов керамики с рельефными налепами (Старков, 1980.

С. 68). Это была локальная поселенческая площадка, где артефакты культового и производственно-бытового назначения могли просто механически перемещиваться. То же самое происходило на сакральной площадке святилища, куда, как уже отмечалось, предметы поселенческого слоя попадали вместе с грунтом (даже в массовом количестве).

Итак, соотношение категорий каменных изделий на святилище Кокшаровский холм по ряду показателей отличается от поселенческих комплексов, включая материалы раскопа в западной части Юрьинского поселения. Это позволяет выделять даже среди массовых категорий каменного инвентаря святилища Кокшаровский холм те, что с большой долей вероятности могли быть задействованы в ритуалах. Есть также основания интерпретировать некоторые стороны самих культовых церемоний, среди которых можно предполагать следующие.

1. Обряды, связанные с расщеплением камня на отщепы и пластины, что иллюстрирует большое количество целых заготовок без обработки при незначительной доле орудий. Ритуальные действия могли быть насыщены глубоким смыслом преобразования природы, когда из бесформенного куска камня⁸ появлялась заготовка (пластина, отщеп), что рождала орудие (наконечник стрелы, скребок и пр.), служившее инструментом, призванным обеспечить стабильное существование первобытного коллектива. Доля отщепов и чешуек на святилище меньше, чем в поселенческих комплексах. Это косвенно может свидетельствовать о том, что появление их в культурных слоях святилища результат скорее не столько производственной деятельности по изготовлению орудий труда, сколько производственно-культовой.

2. Сходным по форме, но, видимо, не по содержанию был обряд фрагментации готовых орудий труда: шлифованных орудий и абразивов. Причем после раскалывания большинство фрагментов не использовалось (Алексашенко, 2004. С. 102).

Может быть, две отмеченные традиции расщепления камня в ритуальных действиях, совершавшихся на святилище, сосуществовали. Они маркировали два важных обряда перехода – рождения и перехода в иной мир (статус), которые играли ключевую роль в календарно-культовой обрядности архаичных и традиционных обществ. Возможно с подобной культовой практикой можно связать и расколотые гальки, найденные на святилище.

⁷ В.Ф. Старков назвал это изделие “игрушкой”. Но это вполне мог быть и ритуальный предмет. Если это так, то он ярко подчеркивает значительную роль наконечника стрелы в ритуальных действиях, проводимых на святилище.

⁸ Первичная обработка (формирование пренуклеуса) могла в ряде случаев проводиться и вне пределов памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. Особую роль в совершении ритуальных действий во все периоды существования Холма играли обряды, в которых были задействованы наконечники стрел. Определенное их число представлено шлифованными, а также вотивными. Оба эти типа могли изготавливаться преднамеренно для совершения ритуального действия. Но для интерпретации содержания этих ритуалов в имеющихся материалах оснований практически нет. Сделаем только ссылку на ряд работ, посвященных или затрагивающих сущность ритуалов, в которых были задействованы наконечники стрел (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 22, 23; Кызласов, 1999; Худяков, 2004; Сериков, 2005. С. 71–86; 2011). Допускаем полисемантический характер ритуалов, в которых использовались на святилище наконечники стрел. Это и “умерщвление (уничтожение)” вышедшей из употребления вещи или придание ей иного статуса, высвобождение “души” предмета при смене статуса или нечто подобное; и ритуальная стрельба из лука (оба эти обряда объясняют наличие в комплексе Холма фрагментированных наконечников); и приношение стрел в виде даров, например при рождении сына, что зафиксировано в этнографии манси и ханты; и выстрел (стрела) как оплодотворяющее мужское начало, отмеченный у многих народов в различные исторические эпохи, и пр. Все эти ритуалы также фиксируют ключевые обряды перехода, свойственные календарно-культурной обрядности архаичных и традиционных обществ: рождение, свадьба, смерть.

Таким образом, сравнительный анализ инвентаря святилища Кокшаровский холм и поселенческих комплексов региона позволяет с определенной долей вероятности считать, что некоторые категории массового каменного инвентаря, происходящего с сакральной площадки святилища, могли быть задействованы в обрядовой практике (даже если их нельзя связать с конкретными культовыми объектами). Это нуклеусы, наконечники стрел, шлифованные орудия, абразивы и продукты фрагментации этих трех категорий изделий, пластины (отщепы) в виде целых экземпляров без следов сработанности при сравнительной немногочисленности орудий на них. Эти артефакты, как и единичные или представленные малым числом категории каменных и иных изделий, на основе формального сравнительно-типологического (морфологического) анализа можно относить к культовым. Они могли входить в фонд ритуальных предметов жителей Юрьинского поселения, которые совершали обрядовые действия на созданном ими в центре поселения святилище Кокшаровский холм.

Работа выполнена по Комплексной программе УрО РАН, проект № 15-13-6-12.

- Алексащенко Н.А.* Промысловые стоянки Леуши I // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1984. С. 55–61.
- Алексащенко Н.А.* Камень со святилища // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 94–108.
- Бадер О.Н.* Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. 1954. Т. XXI. С. 241–258.
- Баранов М.Ю., Волков Р.Б.* Результаты работ на Юрьинском поселении эпохи неолита (предварительные итоги) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 3–11.
- Вилисов Е.В.* Микролитический комплекс святилища Кокшаровский холм // Уральский исторический вестник. 2006. № 14. С. 177–196.
- Волков Е.Н.* Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное 1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 12–25.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Жилина И.В., Петрин В.Т.* Оригинальная индустрия из Кыштымского озера края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя. Свердловск: ИИиА УрО АН СССР, 1989. С. 46–48.
- Кернер В.Ф.* Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.
- Ковалева В.Т., Ивасько Л.В.* Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112–131.
- Ковалева В.Т., Сериков Ю.Б.* Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 39–52.
- Корякова Л.Н., Стефанова Н.К.* Памятники у д. Новошадрино на юге Тюменской области // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1984. С. 105–114.
- Кызласов И.Л.* Камень Дыроватый (символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука) // ЭО. 1999. № 4. С. 37–50.
- Матюшин Г.Н.* Поселение с мастерской Карабалыкты V на Южном Урале // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 37–56.
- Панина С.Н.* Археологические исследования на Усть-Вагильском холме // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 137–146.
- Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 206 с.

- Сериков Ю.Б.* Комплекс каменных изделий из жилища неолитической стоянки Полуденка I // СА. 1981. № 1. С. 261–266.
- Сериков Ю.Б.* Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. Свердловск УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.
- Сериков Ю.Б.* Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) // РА. 1996. № 4. С. 121–140.
- Сериков Ю.Б.* Культурные пещеры р. Чусовой // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 38–62.
- Сериков Ю.Б.* Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. 163 с.
- Сериков Ю.Б.* Вотивные наконечники стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом (Среднее Зауралье) // РА. 2011. № 4. С. 102–113.
- Сладкова Л.Н.* Чертова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 147–158.
- Старков В.Ф.* О так называемых “Богатых буграх” в Лесном Зауралье // Вестник Моск. ун-та 1969. № 5. С. 65–70.
- Старков В.Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.
- Худяков Ю.С.* О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // ЭО. 2004. № 1. С. 102–113.
- Шаманаев А.В.* Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 146–153.
- Шилов С.Н., Зырянова С.Ю., Шаманаев А.В.* Комплекс боборыкинской культуры поселения Пикушка I // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 90–118.
- Широков В.Н., Чауркин С.Е.* Писаница Старичная (река Нейва, Средний Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во “Екатеринбург”, 1997. С. 41–48.
- Шорин А.Ф.* Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997–1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 162–169.
- Шорин А.Ф.* Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 32–42.
- Шорин А.Ф.* Святилище Кокшаровский холм и Юрьинское поселение: сходство и различие в категориях артефактов // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, ИА РАН, ИАЭ СО РАН, 2011. С. 207.
- Шорин А.Ф.* О некоторых параллелях между неолитическим культовым комплексом Кокшаровский холм и святилищами коренных народов Урала XIX–XX вв. // РА. 2013. № 2. С. 27–36.
- Шорин А.Ф., Вилисов Е.В.* Объект 15 кошкинской культуры Кокшаровского холма: версии использования // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 128–136.
- Шорин А.Ф., Зыков А.П., Вилисов Е.В.* Средневековый комплекс Кокшаровского холма // РА. 2013. № 1. С. 181–191.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А.* Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 70–77.
- Шорина А.А.* Юрьинское поселение эпохи неолита: стратиграфия и планиграфия керамических комплексов // Новые материалы и методы археологического исследования: мат-лы конф. М.: ИА РАН, 2013. С. 37–39.

STONE STOCK OF THE KOKSHAROVSKII HOLM SANCTUARY

Alexander F. Shorin, Evgenii V. Vilisov

The Institute of history and archaeology of the Ural Department RAS, Ekaterinburg (iia-history@mail.ru)

The article analyzes the mass stone goods of the Neolithic sanctuary of Koksharovskii hill on the Middle Transurals. Using the statistic approach of comparing different categories of such goods with Iurinskii population of the same period as the sanctuary in the centre of which there is the Koksharovskii hill, and also with the stone goods of the Neolithic settlement sites of Transurals the types which could have taken part in cult rituals taken place in the sanctuary have been distinguished. Among them are cores, arrowheads, whole examples of broad bases without reworking, abrasives and also small part of objects which could be identified as cult ones based on the morphological analysis. Such as a macehead's knob, fissile knife with ornitomorphical knob, talc pivots with notches.

Key words: the Neolithic, Middle Transurals, sanctuary of the Koksharovskii hill, Iurinskoye settlement, stone goods, cult practice.

REFERENCES

- Aleksashenko N.A.*, 1984. Promyslovye stoyanki Leushi I [Trade sites of Leushi]. *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri [Ancient settlements of Ural and Western Siberia]*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. univ., pp. 55–61.
- Aleksashenko N.A.*, 2004. Kamen' so svyatilishcha [Stone from the sanctuary]. *Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala [Cult sites of the mountain-forest Ural]*. Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 94–108.
- Bader O.N.*, 1954. Zhertvennoe mesto pod Pisanym kamnem na r. Vishere [Sacrifice place under Pisanii stone on the river Vishera]. *SA [SA]*, XXI, pp. 241–258.
- Baranov M.Yu., Volkov R.B.*, 2001. Rezul'taty rabot na Yur'inskom poselenii epokhi neolita (predvaritel'nye itogi) [Results of the works on the Yurinskoye settlements of the Neolithic]. *Problemy izucheniya neolita Zapadnoy Sibiri [Problems of the Neolithic studies on the Western Siberia]*. Tyumen': IPOS SO RAN, pp. 3–11.
- Gemuev I.N., Sagalaev A.M.*, 1986. Religiya naroda mansi. Kul'tovye mesta (XIX – nachalo XX v.) [Religion of Mansi. Cult places (19th – the beginning of 20th cc.)]. Novosibirsk: Nauka. 192 p.
- Kerner V.F.*, 1991. Poselenie Isetskoe Pravoberezhnoe [Settlement of the right bank of the river Iset]. *Neoliticheskie pamyatniki Urala [Neolithic sites of Ural]*. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, pp. 46–67.
- Khudyakov Yu.S.*, 2004. O simvolike strel drevnikh i srednevekovykh kochevnikov Tsentral'noy Azii [On the symbolics of the arrows of the ancient and medieval nomads of the Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 1, pp. 102–113.
- Koryakova L.N., Stefanova N.K.*, 1984. Pamyatniki u d. Novo-Shadrino na yuge Tyumenskoj oblasti [Sites at the village of Novo-Shadrino on the south of Tiumen Oblast]. *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri [Ancient settlements of the Ural and Western Siberia]*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. univ., pp. 105–114.
- Kovaleva V.T., Ivas'ko L.V.*, 1991. Neoliticheskie komplekсы poseleniya Tashkovo I na Iseti [Neolithic complexes of the settlement of Tashkovo I on the Iset River]. *Neoliticheskie pamyatniki Urala [Neolithic sites of Ural]*. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, pp. 112–131.
- Kovaleva V.T., Serikov Yu.B.*, 1982. Poselenie boborykinskogo tipa na Andreevskom ozere u g. Tyumeni [Settlement of the Boborykino type on the Andreevskoye lake at the city Tiumen]. *Arkheologicheskie issledovaniya Severa Evrazii [Archaeological researches of the North of Eurasia]*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. univ., pp. 39–52.
- Kyzlasov I.L.*, 1999. Kamen' Dyrovatyy (simvolika peshchernykh svyatilishch i kul'tovoy strel'by iz luka) [Stone Dyrovatii (symbolics of the cave sanctuaries and cult arrows from the bow)]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 4, pp. 37–50.
- Matyushin G.N.*, 1976. Poselenie s masterskoy Karabalykty V na Yuzhnom Urale [A settlement with a workshop Karabalykty V on the Southern Ural]. *Vostochnaya Evropa v epokhu kamnya i bronzy [Eastern Europe in the Stone and Bronze Age]*. Moscow: Nauka, pp. 37–56.
- Panina S.N.*, 2008. Arkheologicheskie issledovaniya na Ust'-Vagil'skom kholme [Archaeological researches on the Ust'-Vagil'skii hill]. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of Ural Archaeology]*, 25. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 137–146.
- Petrin V.T.*, 1992. Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoy peshchere na Yuzhnom Urale [Paleolithic sanctuary in Ignatyevskaya Cave on the Southern Ural]. Novosibirsk: Nauka. 206 p.
- Serikov Yu.B.*, 1981. Kompleks kamennykh izdeliy iz zhilishcha neoliticheskoy stoyanki Poludenka I [Complex of the stone items from the dwelling of the Neolithic site Poludenka I]. *SA [SA]*, 1, pp. 261–266.
- Serikov Yu.B.*, 1991. Ural'skie Zori II – odnosloynnyy neoliticheskiy pamyatnik novogo tipa [Ural dawns II – one layer Neolithic site of a new type]. *Neoliticheskie pamyatniki Urala [Neolithic sites of Ural]*. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, pp. 32–45.
- Serikov Yu.B.*, 1996. Kamen' Dyrovatyy – unikal'noe peshchernoe svyatilishche na reke Chusovoy (pervye rezul'taty issledovaniy) [Stone Dyrovatii – unique cave sanctuary on the river Chusovaya (first results of the researches)]. *RA [RA]*, 4, pp. 121–140.
- Serikov Yu.B.*, 2004. Kul'tovye peshchery r. Chusovoy [Cult caves of the river Chusovaya]. *Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala [Cult sites of the mountain-forest Ural]*. Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 38–62.
- Serikov Yu.B.*, 2005. Problemy arkheologii i drevney istorii Urala [Problems of the archaeology and ancient history of Ural]. Nizhniy Tagil: NTGSPA. 163 p.
- Serikov Yu.B.*, 2011. Votivnye nakonechniki strel s peshchernogo svyatilishcha na Kamne Dyrovatom (Srednee Zaural'e) [Votive tips of arrows from the cave sanctuary on the stone Dyrovatii (Middle Transural)]. *RA [RA]*, 4, pp. 102–113.
- Shamanaev A.V.*, 2001. Kamennaya industriya koshkinskoy kul'tury (po materialam pamyatnikov oz. Andreevskogo) [Stone industry of Koshkino culture (on the materials of the sites of the lake Andreevskoye)]. *Problemy izucheniya neolita Zapadnoy Sibiri [Problems of studying of the Neolithic of the Western Siberia]*. Tyumen': IPOS SO RAN, pp. 146–153.
- Shilov S.N., Zyryanova S.Yu., Shamanaev A.V.*, 2002. Kompleks boborykinskoy kul'tury poseleniya Pikushka I [Complex of Boborykino culture of the settlement Pikushka I]. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of the Archaeology of Ural]*, 24. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. univ., pp. 90–118.
- Shirokov V.N., Chairkin S.E.*, 1997. Pisanitsa Starichnaya (reka Neyva, Sredniy Ural) [Carving Starichnaya (river Neiva, Middle Ural)]. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale [Rescue archaeological researches on the Middle Ural]*, 1. Ekaterinburg: Izd-vo "Ekaterinburg", pp. 41–48.

- Shorin A.F., 2001. Pervye predvaritel'nye itogi izucheniya Koksharovskogo kholma (po materialam ras-kopok v 1995, 1997–1999 gg.) [First preliminary results of the studying of Koksharovskii hill (on the materials of the excavations in 1995, 1997-1999)]. *Problemy izucheniya neolita Zapadnoy Sibiri [Problems of the studying of the Neolithic of the Western Siberia]*. Tyumen': IPOS SO RAN, pp. 162–169.
- Shorin A.F., 2010. Svyatilishche Koksharovskiy kholm v Srednem Zaural'e: markery sakral'nogo prostranstva [Sanctuary Koksharovskii hill in the Middle Transural: markers of the sacral place]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical bulletin]*, 1 (26), pp. 32–42.
- Shorin A.F., 2011. Svyatilishche Koksharovskiy kholm i Yur'inskoe poselenie: skhodstvo i razlichie v kategoriyakh artefaktov [Sanctuary of Koksharovskii hill and Yurinskoye settlement: resemblance and difference of the artefacts]. *Trudy III (XIX) Vseros. arkhеologicheskogo s"ezda [Transactions of the 3rd (19) All-Russian archaeological Congress]*, I. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Novgorodskiy tekhnopark, p. 207.
- Shorin A.F., 2013. O nekotorykh paralelyakh mezhdru neoliticheskimi kul'tovym kompleksom Koksharovskiy kholm i svyatilishchami korennykh narodov Urala XIX–XX vv. [On some parallels between Neolithic cult complexes of the Koksharovskii hill and sanctuaries of the original peoples of Ural of the 19th – 20th cc.]. *RA [RA]*, 2, pp. 27–36.
- Shorin A.F., Shorina A.A., 2011. Khronostratigrafiya neoliticheskikh kompleksov svyatilishche Koksharovskiy kholm [Chronostratigraphy of the Neolithic complexes of the sanctuary Koksharovskii hill]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]*, 3 (47), pp. 70–77.
- Shorin A.F., Vilisov E.V., 2008. Ob"ekt 15 koshkinskoy kul'tury Koksharovskogo kholma: versii ispol'zovaniya [Object 15 of the Koshkino culture of Koksharovskii hill: versions of the use]. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of Ural Archaeology]*, 25. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 128–136.
- Shorin A.F., Zykov A.P., Vilisov E.V., 2013. Srednevekovyy kompleks Koksharovskogo kholma [Medieval complex of Koksharovskii hill]. *RA [RA]*, 1, pp. 181–191.
- Shorina A.A., 2013. Yur'inskoe poselenie epokhi neolita: stratigrafiya i planigrafiya keramicheskikh kompleksov [Yurinskoye settlement of the Neolithic: stratigraphy and planigraphy of the ceramics complexes]. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: materialy konferentsii [New materials and methods of the archaeological research: materials of the conference]*. Moscow: IA RAN, pp. 37–39.
- Sladkova L.N., 2008. Chertova Gora – neoliticheskii pamyatnik v bassejne Kondy [Chertova Gora – the Neolithic site in the basin of the river Konda]. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of Ural Archaeology]*, 25. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 147–158.
- Starkov V.F., 1969. O tak nazyvaemykh “Bogatykh bugryakh” v Lesnom Zaural'e [On the so called “Bogatye Bugry” in forest Transural]. *Vestnik Mosk. univ. [Moscow University Bulletin]*, 5, pp. 65–70.
- Starkov V.F., 1980. Mezolit i neolit lesnogo Zaural'ya [Mesolithic and Neolithic of the forest Transural]. Moscow: Nauka. 220 p.
- Vilisov E.V., 2006. Mikroliticheskii kompleks svyatilishcha Koksharovskiy kholm [Microlithic complex of the sanctuary of Koksharovskii hill]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical bulletin]*, 14, pp. 177–196.
- Volkov E.N., 2001. Boborykinskiy kompleks poseleniya Dvukhozernoye 1 [Boborykino complex of the Dvukhozernoye 1 settlement]. *Problemy izucheniya neolita Zapadnoy Sibiri [Problems of the studying of the Neolithic of the Western Siberia]*. Tyumen': IPOS SO RAN, pp. 12–25.
- Zhilina I.V., Petrin V.T., 1989. Original'naya industriya iz Kyshtymskogo ozernogo kraya (k probleme poyavleniya kul'tovykh mest na Urale) [Original industry from Kyshtymskii lake region (to the problem of the appearance of cult places on the Ural)]. *Tekhnicheskii i sotsial'nyy progress v epokhu pervobytno-obshchinnogo stroya [Technical and social progress in the epoch of the primitive communal system]*. Sverdlovsk: IiA UrO AN SSSR, pp. 46–48.

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЭНЕОЛИТА ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ

© 2016 г. В.А. Борзунов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
(victor.borzunov@mail.ru)

В статье охарактеризованы самые северные в Евразии и мире энеолитические укрепленные поселения. Энеолит на севере Западной Сибири (конец IV–III тыс. до н.э.) был относительно холодным, влажным и мирным периодом. Небольшие (1900–2000 м²) мысовые городища с деревоземляной жилой и оборонной архитектурой, появившиеся здесь еще в неолите, сохранились только на восточных окраинах Сургутского Приобья. Одновременно и повсеместно на мысах стали возводиться укрепления иного типа: большие (200–400 м²) одиночные слабо углубленные или наземные дома разнообразной конструкции, окруженные рвами и, как исключение, дополнительными защитными стенами. Эти простейшие деревоземляные “крепости” были центрами общинных территорий, местами сосредоточения разнообразной деятельности местного населения, отчасти форпостами переселенцев, закрепившихся на новых территориях в глубинах западносибирской тайги. По всей видимости, лесные укрепления эпохи камня были построены и, возможно, изобретены коллективами рыболовов и охотников, не знакомыми с производящим хозяйством.

Ключевые слова: укрепленное поселение, энеолит, север Западной Сибири, тайга.

Этапы распространения древних укреплений в Западной Сибири. Первый, неолитический, этап зарождения и функционирования древнейших в таежном Приобье, Западной Сибири и в целом на севере Евразии городищ и их прототипов – укрепленных жилищ – датируется VI–IV тыс. до н.э. Отчасти он синхронен двум первым волнам распространения укрепленных поселков в Старом Свете (VIII–VI; V–IV тыс. до н.э.). Следующие четыре этапа их развития в Евразии приходятся на первую половину и конец эпохи бронзы (XXII/XXI–XV; XII–IX/VIII вв. до н.э.), а также первую (VIII/VII–IV вв. до н.э.) и вторую (IV/III в. до н.э. – III в. н.э.) половины раннего железного века (Борзунов, 2013. С. 20, 25).

Неолитические “крепости” Западной Сибири и Зауралья подробно охарактеризованы в предыдущих работах (Борзунов, 1994. С. 207–210, 213, 214. Рис. 11, 1, 4; 2011; 2012; 2013). В данной публикации рассматриваются укрепленные поселения энеолита таежного Приобья (конец IV–III тыс. до н.э.).

Общая характеристика приобских энеолитических укреплений. На севере Западной Сибири, в Сургутском Приобье, известно как минимум два древнейших городища: Имньёган 2.1 – разведка А.Н. Бессмертных, К.Г. Карачарова 1995 г. (Бессмертных, Карачаров, 1996; Карачаров, 2004; Первалова, Карачаров, 2006. С. 46, 47; Борзунов, 2013. Рис. 3); Нёх-урий 3.3 – разведка С.А. Мыз-

никова 2004 г. (Карачаров, Носкова, 2005. С. 28–33. Рис. 27). Оба они локализуются на правом берегу Оби, в бассейне р. Аган, левом притоке Тромьёгана (рис. 1–3). Данные памятники их исследователи и автор этих строк ранее относили к позднему неолиту. Последнему не противоречат найденные на них материалы: гранитный шлифовальник и обломки глиняных шлифованных лоцил, орнаментированные гребенчатой елочкой (Имньёган 2.1), а главное – фрагменты баночных сосудов. Последние снаружи и изнутри покрыты “текстильными” отпечатками, а также украшены под венчиком пояском круглых ямок, а на тулове – шагающей гребенкой, волнисто-прочерченными и отступающе-накольчатными узорами (Карачаров, 2004. С. 469; Первалова, Карачаров, 2006. С. 46, 47; Борзунов, 2011. С. 181–183; 2013. С. 25. Рис. 1). В то же время повторный анализ керамики городища Нёх-урий 3.3 и соседнего Нивагальское 20, проведенный В.И. Стефановым и К.Г. Карачаровым, позволил скорректировать хронологию двух последних памятников в сторону омоложения: до конца неолита – энеолита либо только до энеолита.

Третье подобное, по мнению К.Г. Карачарова, мысовое укрепленное энеолитическое поселение (Каюково 1), было открыто им в 1991 г. в Обь-Иртышском междуречье, на водоразделе Салыма и Югана. Памятник находится на невысокой (1.5 м)

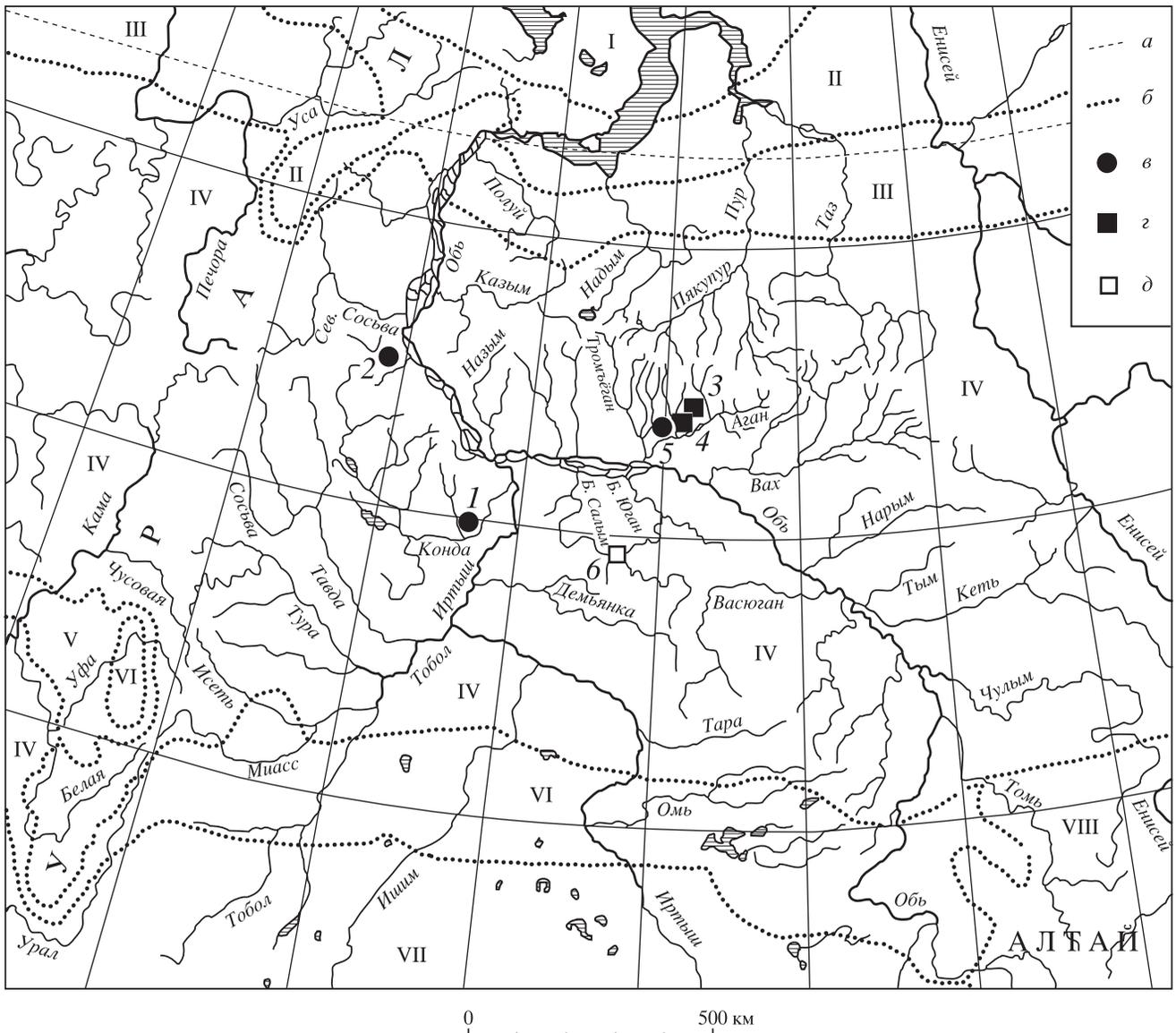

Рис. 1. Карта укрепленных поселений и их прототипов таежного Приобья конца неолита – энеолита (3, 4), энеолита (1, 6), энеолита – ранней бронзы (?) (2, 5). 1 – Волвонча I (нижний горизонт)*; 2 – Теплый Ручей II; 3 – Имньёган 2.1; 4 – Нёх-урий 3.3; 5 – Нивагальское 20*; 6 – Каюково 1. Условные обозначения: а – Северный полярный круг; б – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственно-лесная; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); в – укрепленное жилище; з – городище; д – предполагаемое городище. * – памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи.

гриве у заболоченной поймы, рядом с неолитическим городищем Каюково 2 (Карачаров, 1992, 2000). Тем не менее до проведения стационарных археологических работ на Каюково 1 это только гипотеза. На остальных таежных территориях, в том числе в Нижнем Приобье и бассейне Конды, неолитические городища пока не обнаружены.

Параллельно с этим, в энеолите, в приобской тайге начали возводиться оригинальные деревоземляные укрепленные жилища второго типа. Об этом свидетельствуют ранний горизонт поселения Волвонча I на протоке Польшьятской в бассейне р.

Конда – разведка А.В. Малышкина 1977 г., раскопки Н.К. Стефановой 1979 г. (Стефанова, 1980. С. 235; Стефанова, Кокшаров, 1988; Борзунов, 1994. С. 211, 212; 1999. Рис. 6), городище Нивагальское 20, расположенное на берегу р. Нонкъяган, правом притоке р. Аган, в Сургутском Приобье – разведки Е.А. Данилова, К.Г. Карачарова, 2010, 2011 гг.; рекогносцировочные раскопки П.С. Бахарева 2011 г. (Данилов, 2011. С. 30, 31, 36. Рис. 4, 31–35) и укрепленное жилище Теплый Ручей II, открытое в верховьях Малой Сосьвы, правом притоке Северной Сосьвы, в Нижнем Приобье – разведка С.Ф. Кок-

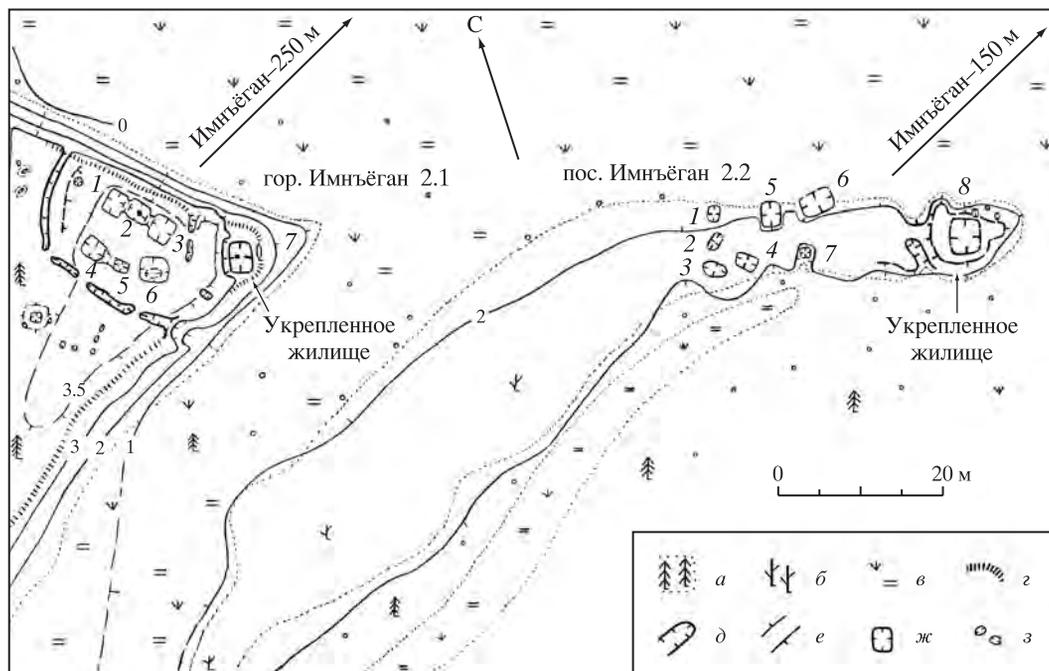

Рис. 2. Городище Имньёган 2.1 и поселение Имньёган 2.2 с остатками укрепленных жилищ (1–7 и 1–8). Сургутское Приобье. Имньёган 2.1 – конец неолита – энеолит; Имньёган 2.2 – датировка не определена. Разведка А.Н. Бессмертных и К.Г. Карачарова. Общий план (сечение горизонталей – 1 м). Условные обозначения: *a* – лес; *b* – вырубка; *v* – болото, заболоченная пойма; *z* – обваловка; *d* – ров; *e* – вал; *ж* – жилищная впадина; *з* – ямы. На рис. 2–6 север – истинный.

шарова 1990 г. (Кокшаров, 1991. С. 31, 32. Рис. 70; 2010. Карта 1, 28). Кроме того, такие же укрепленные жилища были составной частью городищ Имньёган 2.1 и Нёх-урий 3.3.

Из перечисленных выше памятников стационарно исследовано только поселение Волвонча I. На городище (укрепленном жилище) Нивагальское 20 заложена траншея, на остальных укреплениях – лишь разведочные шурфы.

Городища Имньёган 2.1 конца неолита – энеолита (рис. 2) и энеолитическое Нёх-урий 3.3 (рис. 3) по топографии, планиграфии и размерам близки самому древнему укреплению Северной Евразии – раннеэнеолитическому городищу Амня I, открытому в бассейне Казыма, в Нижнем Приобье (ср.: Морозов, Стефанов, 1993; Борзунов, 1994. С. 207, 208. Рис. 11, 1; 2011. С. 181–183. Ил. 3; 2013. Рис. 2; Стефанов и др., 1999, 2001). Памятники Имньёган 2.1 и Нёх-урий 3.3 расположены на остроугольных песчаных мысах высотой, соответственно, 4 и 6–7 м, вдающихся в заболоченные поймы рек. Укрепления двухплощадочные, ограничены с напольной стороны дуговидными валами и рвами. При этом первую площадку на каждом из них образует оконтуренное ровом укрепленное жилище площадью 360 (Имньёган 2.1, объект 7) и 250 м² (Нёх-урий 3.3, объект 1), находящееся на оконечности мыса. На второй площадке размещались средней величины землянки, в

том числе с покрытыми охрой полами (Имньёган 2.1, объекты 2 и 7). Размеры памятников практически равны: 62 × 30–35 м (1900 м²) и 65 × 35 м (2000 м²).

Двухслойный памятник Волвонча I находится на левобережье р. Конда, на границе ее среднего и нижнего течения, на обширном мысовидном выступе урочища, ограниченного протокой Польшмятская и проточным оз. Деревенское. Раннюю, энеолитическую, постройку данного поселения (рис. 4) С.Ф. Кокшаров и Н.К. Стефанова реконструировали как жилище “шатрового типа” с котлованом размерами 16 × 13 × 0.8–0.9 м (~208 м²) (1993. С. 56). “Большая площадь постройки при ее незначительной глубине предполагает достаточно мощную несущую конструкцию. С ее остатками связаны наиболее глубокие (0.3 м и более) ямки. По-видимому, на них укреплялась подпрямоугольная рама, которая служила основой для сооружения наклонных стен и кровли. Снаружи стены присыпались грунтом, вынутым из котлована и канавы” (Кокшаров, 2009. С. 105). При этом столбовые ямки от опорных столбов были сгруппированы по две-три в ряд вдоль всех бортов котлована, за исключением западного. От стенок углубления они были удалены на 2–4 м. Очаг энеолитического жилища был уничтожен при прокопке котлована нового жилища –

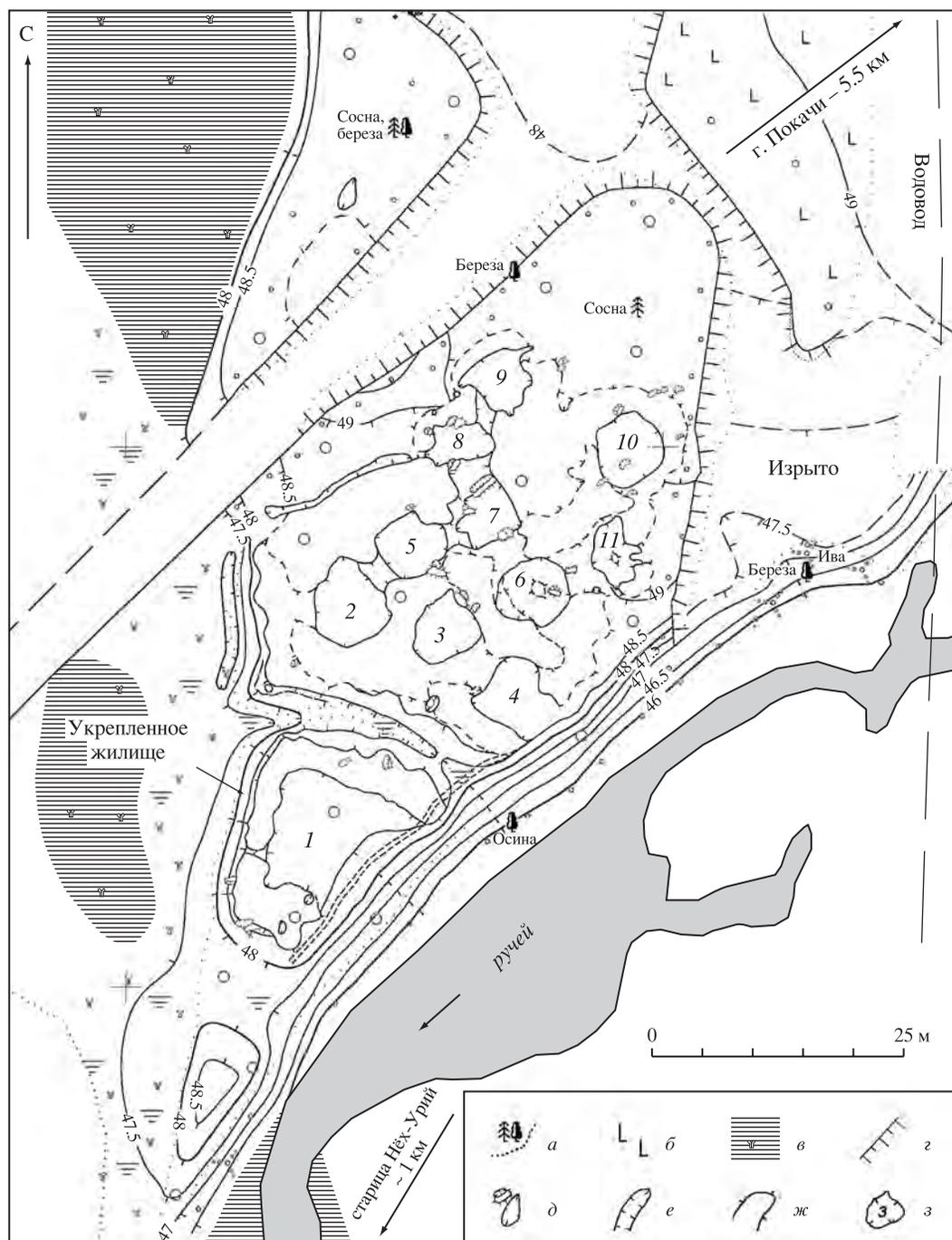

Рис. 3. Поселение (городище) Нêх-урий 3.3. Сургутское Приобье. Конец неолита (?) – энеолит. Бассейн р. Аган, старица Нêх-урий. Разведка С.А. Мызникова 2004 г. Общий план (сечение горизонталей – 1 м; полугоризонталей – 0.5 м). Условные обозначения: *а* – лес; *б* – вырубка; *в* – болото, заболоченная пойма; *г* – откос; *д* – ямы от выворотней; *е* – ровик, ров; *ж* – вал, обваловка жилищной впадины; *з* – жилищная впадина.

начала эпохи бронзы с керамикой полымьятского типа. В целом же со стороны данное сооружение в древности выглядело как песчаный холм. Аналогия ему – “наземная шатровая постройка” двухслойного памятника эпохи бронзы Пашкин Бор I, расположенного неподалеку, на противоположном правом берегу Конды (Стефанова, Кокшаров,

1988; Кокшаров, Стефанова, 1993. С. 56. Рис. 1, Б; Кокшаров, 2009. С. 105, 234. Рис. 54; 102, 21).

Представленная реконструкция энеолитического сооружения Волвончи I не совсем верна. Зафиксированная при раскопках подквадратная в плане канавка с отводом в юго-восточном углу осталась не от основания жилища каркасно-столбовой

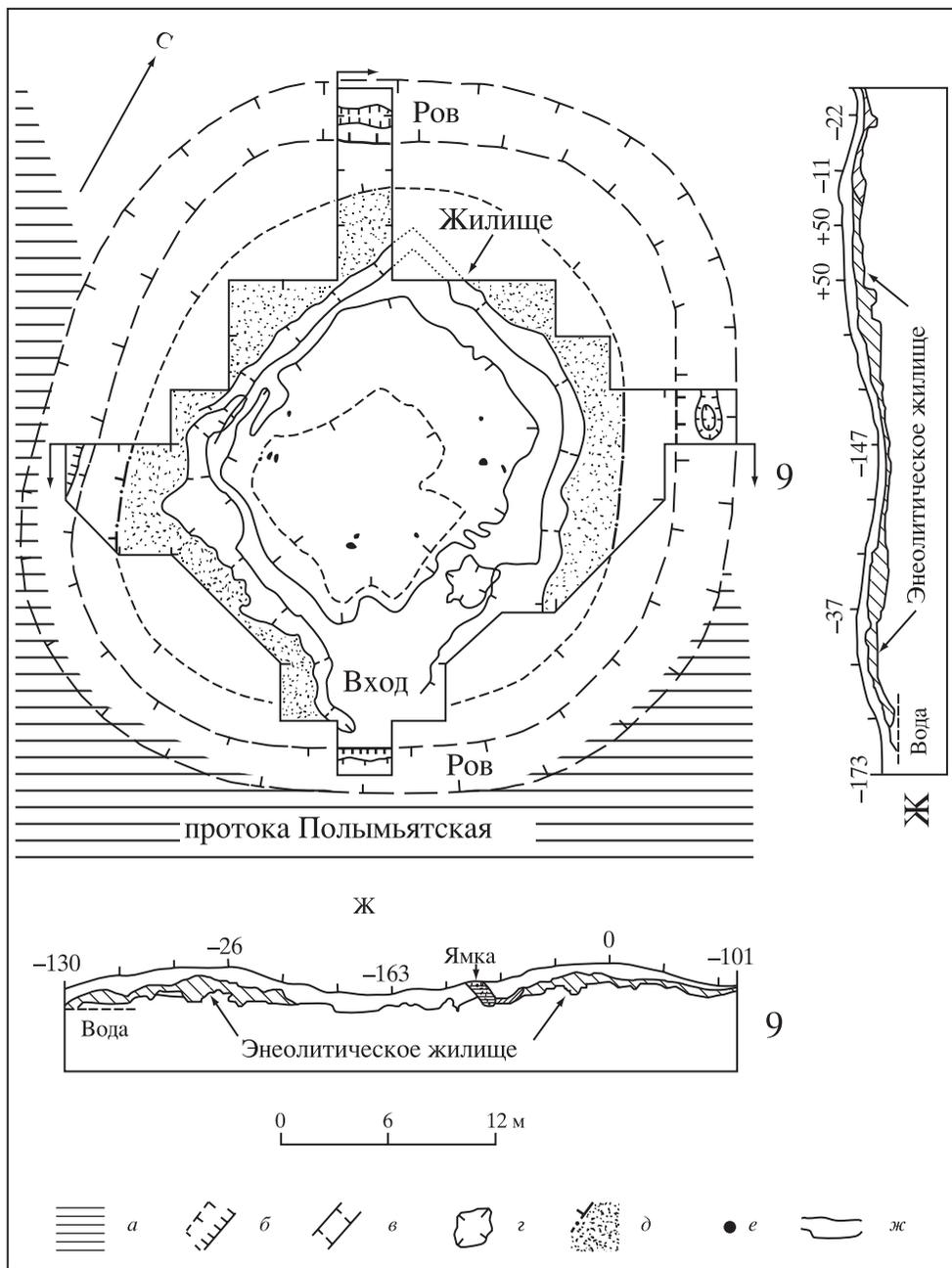

Рис. 4. Поселение (укрепленное жилище) Волонча I. Бассейн Конды, протока Польшьятская. Горизонт энеолита. Раскопки Н. К. Стефановой 1979 г. Условные обозначения: *a* – водоем; *b* – ров; *v* – канавка в основании стен энеолитического жилища; *z* – котлован жилища, яма; *d* – песчаная обваловка основания стен энеолитического жилища; *e* – столбовая ямка; *ж* – горизонт жилища ранней бронзы.

конструкции в виде усеченной пирамиды. Скорее всего, в древности в нее были уложены, причем горизонтально, друг на друга, нижние венцы вертикальных бревенчатых стен жилища. Сама постройка была слабо углубленная, в плане подквадратная (20×15 – 20 м), с наземной частью призматической формы и выступавшим наружу крытым входом-коридором. Перекрытие дома, набранное из жердей и тонких бревен, могло быть как двух-, так и

четырёхскатным. Оно покоилось на стенах и системе лаг, установленных на вертикальных опорных столбах, которые находились в помещении. Снаружи постройка была укреплена невысокой песчаной завалинкой и окружена кольцевым рвом шириной около 3 м (Борзунов, 1994. С. 211; 1999. С. 16, 17).

“Топография памятника и трудозатраты на возведение дома, – по мнению С.Ф. Кокшарова, – сви-

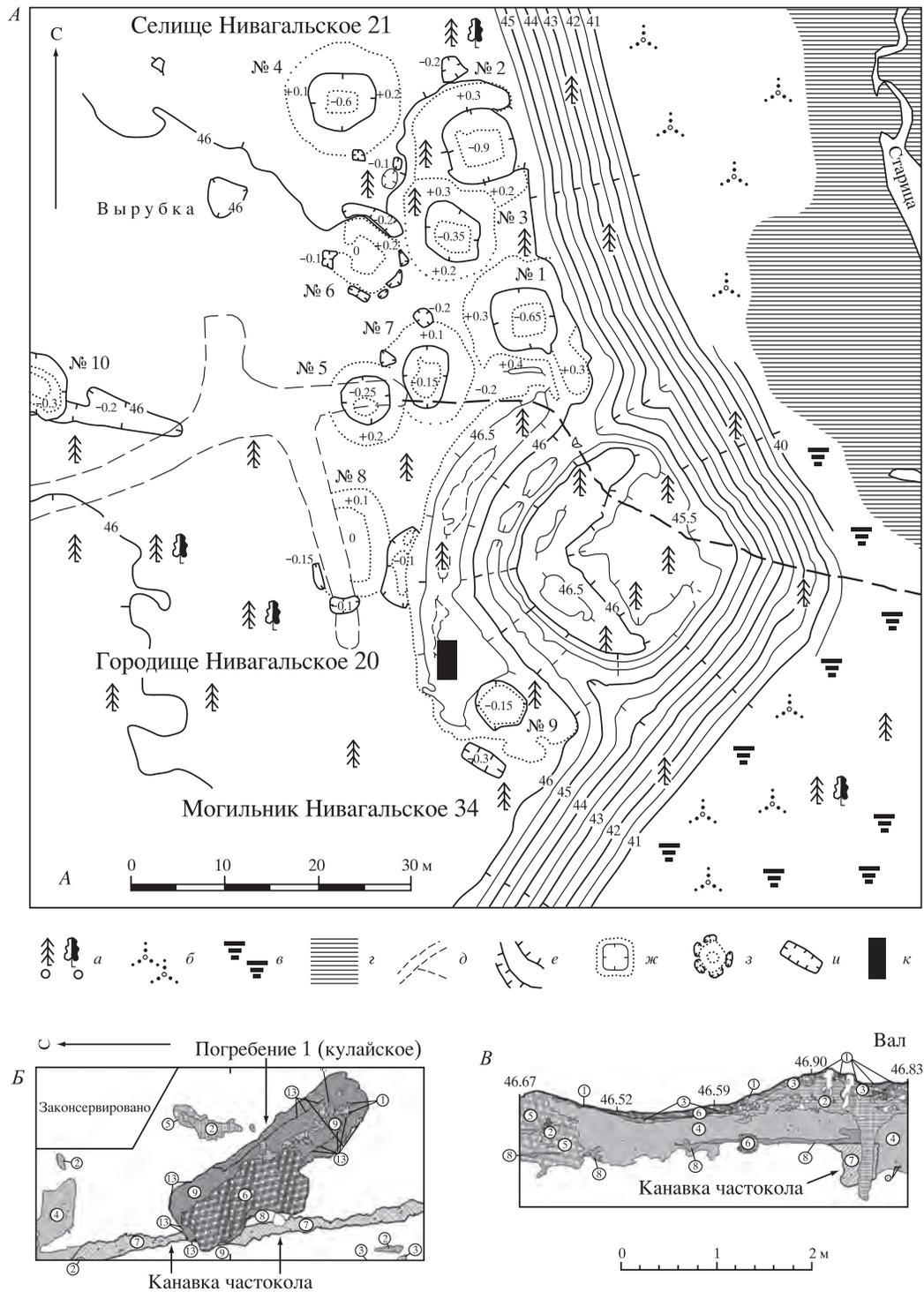

Рис. 5. Городище (укрепленное жилище) Нивагальское 20. Сургутское Приобье, р. Аган. Энеолит. В основе – инструментальный план Е.А. Данилова 2010–2011 гг. Рекогносцировочные раскопки П.С. Бахарева 2011 г. *А* – общий план (сечение горизонталей – 1 м; полугоризонталей – 0,5 м); *Б* – план шурфа; *В* – профиль западной стенки шурфа: 1 – “дерн” (лесная подстилка и гумус); 2 – белый и серый оподзоленный песок (подзол); 3 – переотложенный песок с “дерном” и подзолом; 4 – переотложенный желто-коричневый песок (вал городища); 5 – перемешанный желто-коричневый с “дерном” и подзолом песок (выворотень сосны); 6 – переотложенный серо-коричневый песок (отвал грабительского шурфа); 7 – серо-желтый с мелкими угольками песок (канавка оборонительной стены); 8 – серый песок; 13 – темно-серый песок, насыщенный органическим тленом (стенки и дно кулайского погребения). Условные обозначения: *а* – лес; *б* – кусты; *в* – болото; *г* – заболоченная пойма вокруг старицы; *д* – лесная грунтовая дорога и тропа; *е* – ров и вал укрепленного жилища; *ж* – жилищная впадина с обваловкой; *з* – наземная приподнятая площадка, окруженная ямами; *и* – погребение кулайского могильника; *к* – траншея 2011 г.

детельствуют, что здесь обитал крупный таежный коллектив, объединенный ведением общего хозяйства. Долговременность поселения устанавливается также по количеству и составу археологических находок, представленных керамической посудой и рыболовными грузилами” (2009. С. 234).

Энеолитическое городище (точнее, укрепленное жилище) Нивагальское 20, построенное на тупоугольном мысовидном выступе высотой 4–4.5 м, как полагают его исследователи, представляло собой “единую”, точнее монолитную, дерево-земляную наземную постройку. Ее остатки имеют вид подквадратной (20–23 × 20–23 м) площадки, оконтуренной дуговидным песчаным валом шириной 5.7 и высотой 1 м. Снаружи от насыпи прослеживается напольный дуговидный ров шириной 5 м, глубиной 0.8, а также более узкий и высокий (5 × 1.3 м) внешний вал. Перепад высот между внутренним валом и рвом – порядка 1.2 м, между внешним валом и рвом – 1.5. В разведочном шурфе (4 × 2 м), заложенном у внешней полы второго вала, вскрыт отрезок канавы длиной 4.2 м, шириной 0.07–0.2, глубиной от современной поверхности 0.7–1.1 (рис. 5). Он остался от основания оборонительной стены, типа частокола, защищавшей укрепленное жилище. Сохранившаяся площадь памятника – 900–950 м² (35 × 30 м), собственно жилой постройки – порядка 400 м² (Данилов, 2011. С. 30, 31, 36. Рис. 4, 31–35).

Остатки укрепленного жилища Теплый Ручей II находятся в Нижнем Приобье, в бассейне р. Малая Сосьва, на мысовидном выступе правого коренного берега р. Ем-Ёган (правый приток Большого Ем-Ёгана), в 58–60 м от современного русла реки и ручья Теплый. Высота мыска от поймы – 4 м. В рельефе на нем прослеживается большая (12 × 11 м) трапециевидная в плане впадина глубиной 1.7 м, оконтуренная песчаным валом шириной до 4 м и узким внешним ровиком (рис. 6). Площадь памятника – 360 м² (Кокшаров, 1991. С. 31, 32. Рис. 70).

Глиняная энеолитическая посуда поселения Волонча I (свыше 300 сосудов), богато декорированная гребенчато-ямочными узорами (так называемый сетчатый геометризм, включающий зоо-антропоморфные элементы), относится к волончинскому типу. На данном памятнике ее сопровождали черепки от более ранних энеолитических сосудов атымьинского и ушьянского типов, глиняные грузила от рыболовных сетей – сигаровидные с притупленными концами-шляпками для подвешивания и архаичные биконические, а также шлифованные тесла из зеленокаменной породы (Кокшаров, Стефанова, 1993. С. 55–63; Кокшаров,

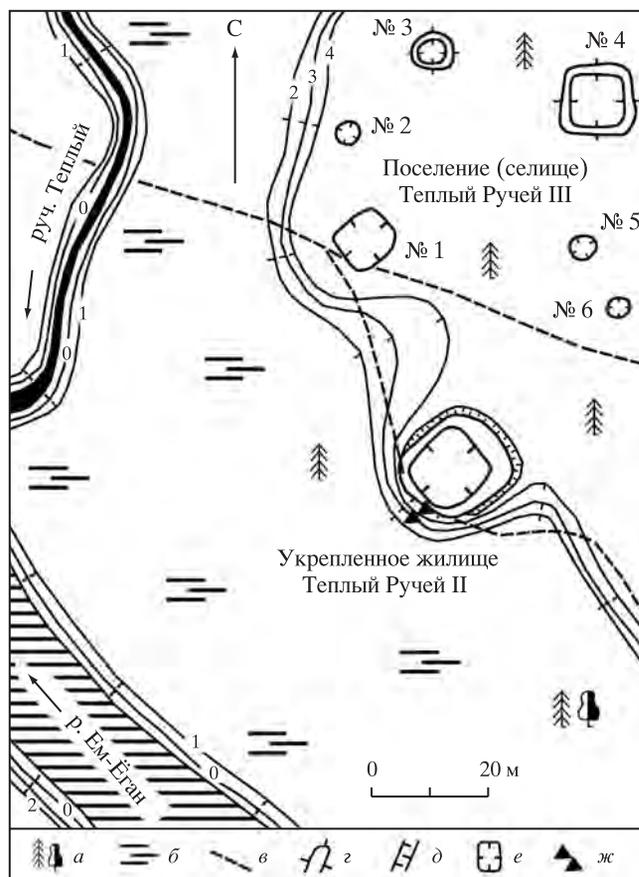

Рис. 6. Укрепленное жилище Теплый Ручей II. Нижнее Приобье, р. Ем-Ёган. Энеолит – ранняя бронза (?). Разведка С.Ф. Кокшарова 1990 г. Общий план памятника и соседних объектов (сечение горизонталей – 1 м). Условные обозначения: а – лес; б – болото, заболоченная пойма; в – тропа; г – вал, обваловка; д – ров; е – жилищные впадины; ж – керамика.

2009. С. 105–111. Рис. 55–58; 59, 5, 6). По-видимому, волончинский поселок был основан на месте более ранних энеолитических стоянок. Отнесение его к позднему энеолиту помимо керамического материала подтверждают две радиоуглеродные даты, полученные по углю из ранней постройки: 4240±40 и 3900±60 л.н. (ЛЕ-1453, 1448). Три других образца угля относятся к более раннему времени: 5950±80, 5260±40, 4720±60 л.н. (ЛЕ-1451, 14452, 1450) (Кокшаров, Стефанова, 1993. С. 63).

На поселении (городище) Нёх-урий 3.3 обнаружены каменные (халцедон, кварц, сланец) наконечники стрел и абразив на четырехугольной плитке (Карачаров, Носкова, 2005. С. 33. Рис. 45–47). Немногочисленная энеолитическая керамика городища (укрепленного жилища) Нивагальское 20, украшенная наколами, гребенчатыми оттисками и отпечатками ткани, пока культурно не диагностирована. Наличие среди нее обломков сосудов с налипшими валиками и особым гребенчато-ямочным

декором (Данилов, 2011. Рис. 59, 1, 2) не исключает того, что данное укрепление могло быть перестроено в начале эпохи бронзы, как и поселение Волвонча I. Рядом с поселением Теплый Ручей II найден обломок глиняного биконического рыболовного грузила. С поверхности вала жилища собраны осколки глиняной посуды, украшенной ямками, оттисками гребенки и прочерченными желобками. С.Ф. Кокшаров считает ее энеолитической (1991. С. 32. Рис. 72, 1–3), но некоторые элементы декора напоминают раннебронзовые узоры.

Анализ. Энеолит на севере Западной Сибири (конец IV–III тыс. до н.э.), определяемый иногда как переходный период между неолитом и бронзовым веком (Косарев, 1981. С. 22), совпал с очередным плювиалом – относительно холодным и влажным временем, пришедшим на смену неолитическому ксеротерму. Вследствие этого энеолит был относительно мирным периодом экстенсивного освоения богатых биоресурсами (рыба, зверь, птица, ягоды, орехи и т.д.) глубинных северных лесных территорий. В таежном Приобье он отмечен некоторым увеличением количества селищ и стоянок, прежде всего в бассейне Конды и Нижнем Приобье (Кокшаров, 2009. С. 177, 178. Карты 1–6). Между тем количество энеолитических памятников в тайге не идет ни в какое сравнение с соседними, более южными областями лесостепного Тоболо-Иртышья и лесного Зауралья, где их насчитываются десятки и даже сотни. Другие характерные черты таежного энеолита – повсеместное перемещение стационарных поселков на более высокие места, широкое использование приемов коллективной загонной охоты с помощью изгородей, сетей и ловчих ям наряду с индивидуальным промыслом зверя, а также сочетание в системе хозяйства лесного населения сетевого и заборного рыболовства.

Заметно усилилась в энеолите оседлость населения. Жилые и производственно-жилые постройки в стационарных (“базовых”) долговременных круглогодичных и зимних поселениях западносибирской тайги представлены квадратными и прямоугольными землянками, на сезонных охотничье-рыболовческих стоянках (“промысловых лагерях”) и производственных площадках, функционировавших в теплое время года, – малыми каркасно-столбовыми полуземлянками, а также наземными каркасными сооружениями типа шалашей, балаганов и чумов. В ряде случаев земляные полы в жилищах были покрыты охрой (Чемякин, Карачаров, 2002. С. 21; Чемякин, 2008. С. 27; Кокшаров, 2009. С. 14, 22, 23; 29–33, 47, 53–61, 81, 232–234 и сл.; Васильев, Глызин, 2010).

Увеличение населения тайги в этот период было обусловлено как естественным ростом, так и, возможно, продолжающимся притоком переселенцев с юга, начавшимся еще в неолите. Впрочем в энеолите этот поток, вероятно, уменьшился. Миграции в лесной зоне имели место (Васильев, 2010. С. 516), но стали, по-видимому, более редкими и локальными. Изменение этнокультурной карты региона по сравнению с неолитом нашло отражение в формировании новых групп населения с керамической посудой, богато украшенной гребенчатым, гребенчато-ямочным и накольчатыми узорами, а также “текстильными” отпечатками – свидетельством особой технологии формовки и обработки глиняных сосудов.

В целом же северный энеолит с точки зрения орудийного комплекса – завершающая фаза эпохи камня. По крайней мере материалы, свидетельствующие о наличии на энеолитических памятниках севера Западной Сибири металлических изделий или следов металлообработки, не обнаружены. Бронзовый век в таежном Приобье наступил позже: не ранее первой трети II тыс. до н.э. Рудных источников на Западносибирской равнине нет, поэтому первые и довольно редкие собственные изделия из привозного цветного металла появились здесь – по региональной периодизации – только в начале эпохи бронзы.

В энеолите в приобской тайге единичные неолитические городища с деревоземляной жилой и оборонной архитектурой доживали свой век на востоке Сургутского Приобья – в бассейне р. Аган, а также, возможно, на водоразделе Салыма и Югана. Далее они исчезли и не появлялись в западносибирской тайге вплоть до конца бронзового – начала железного веков.

Одновременно с этим в энеолите на севере Западной Сибири происходило формирование укрепленных жилищ второго типа: обширных бревенчато-земляных построек, окруженных с напольной стороны рвами и, возможно, дополнительными защитными стенами. Располагались такие объекты на мысах и краях коренных террас (Борзунов, 1995, 1999). Прототипом их были береговые поселения Быстрый Кульёган 66 и Усть-Тара XXVIII (Борзунов, 2013. С. 29, 30. Рис. 7), а также большие одиночные неукрепленные зимние жилища, находившиеся в глубине речных террас. Этот процесс завершился в первой половине бронзового века и был отмечен второй волной распространения укреплений в западносибирской тайге. В этом периоде, в частности, на месте разрушенной энеолитической постройки Волвонча I было возведено новое укрепленное жилище, по-видимому, несколько иной конструкции

(Стефанова, Кокшаров, 1993. С. 63, 65). Напомним также, что укрепленные жилища первого типа – обычные землянки, окруженные на небольшом удалении стеной и рвом, – появились в северной и средней тайге здесь еще в неолите (Амня I – первая площадка, Большая Умытья 9) (Борзунов, 2013. Рис. 2, 6).

Все эти древнейшие таежные “крепости” рассматриваются как стационарные круглогодичные поселения, являвшиеся центрами общинных территорий, местами сосредоточения хозяйственной, производственной, социальной и, вероятно, культовой деятельности местного населения, отчасти форпостами переселенцев, закрепившихся на новых территориях в глубинах западносибирской тайги.

За пределами таежного Приобья – в лесной полосе Евразии и евразийских степях – такие городища и укрепленные жилища не выявлены. Это позволяет предположить, что все перечисленные типы и прототипы укрепленных поселений были построены и, возможно, изобретены первобытными коллективами рыболовов и охотников, не знакомыми с производящим хозяйством. В эпоху камня они были единственными укреплениями в лесной полосе Евразии, а также самыми северными городищами и укрепленными жилищами в мире.

Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ, НИР № 1913, тема 008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессмертных А.Н., Карачаров К.Г.* Экспертные работы в Нижневартовском и Сургутском районах Тюменской области // АО 1995 г. М.: Наука, 1996. С. 314–315.
- Борзунов В.А.* Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. I. Томск: ТГУ, 1994. С. 203–251.
- Борзунов В.А.* Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа. Историч. чтения, посв. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне: тез. докл. Екатеринбург: Волот, 1995. С. 19–24.
- Борзунов В.А.* Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. 1999. № 4. С. 5–23.
- Борзунов В.А.* У истоков оборонного зодчества севера Евразии: проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 9. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2011. С. 170–238.
- Борзунов В.А.* Неолитические укрепленные поселения и их прототипы таежного Приобья и Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 4–16.
- Борзунов В.А.* Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // РА. 2013. № 4. С. 20–34.
- Васильев Е.А.* Древности Конды: субъективные заметки (Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во НППМ “Волот”, 2009) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2010. С. 514–518.
- Васильев Е.А., Глызин И.П.* Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний: мат-лы конф. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 121–124.
- Данилов Е.А.* Отчет о НИР: Археолого-топографические исследования в 2011 году на Покачевском месторождении нефти, разрабатываемом ТПП “Покачевнефтегаз” в Нижневартовском районе ХМАО – Югры // Архив НПО “Северная археология–1”. Нефтеюганск, 2011. Ф. 1. Д. 330.
- Карачаров К.Г.* Отчет об археологической разведке в южной части Нефтеюганского района в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 16094, 16095.
- Карачаров К.Г.* Отчет о НИР: Археологическое обследование объектов обустройства месторождений ОАО “Юганскнефтегаз” в Нефтеюганском и Сургутском районах Ханты-Мансийского автономного округа, 1999 г. // Архив Ассоциации “Северная археология”. Екатеринбург, 2000. Ф. 1. Д. 41.
- Карачаров К.Г.* Археологические исследования на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2004. С. 469.
- Карачаров К.Г., Носкова Л.В.* Отчет о НИР: Археологическое обследование Кечимовского, Нонг-Ёганского, Северо-Покачевского и Покачевского месторождений нефти в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО в 2004 году // Архив Ассоциации “Северная археология”. Екатеринбург, 2005. Ф. 1. Д. 169.
- Кокшаров С.Ф.* Отчет об археологических исследованиях в Советском районе Тюменской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. 1991. Р-1. № 14940.
- Кокшаров С.Ф.* Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 272 с.
- Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К.* Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 54–67.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Морозов В.М., Стефанов В.И.* Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 143–169.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия “Графо”, 2006. 352 с.

- Стефанов В.И., Борзунов В.А., Корочкова О.Н., Морозов В.М., Погодин А.А. Работы Казымской экспедиции // АО 2000 г. М.: Наука, 2001. С. 253–255.
- Стефанов В.И., Борзунов В.А., Погодин А.А., Корочкова О.Н. Городище каменного века Амня I: новые данные // XIV Уральское археологическое совещание: тез. докл. Челябинск: Рифей, 1999. С. 43–44.
- Стефанова Н.К. Исследования в Кондинском районе // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 235.
- Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3. С. 161–174.
- Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного земледользования хантов: мат-лы к атласу. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

FORTIFIED ENEOLITHIC SETTLEMENTS IN THE TAIGA ZONE OF THE OB RIVER VALLEY

Victor A. Borzunov

Ural Federal University, Ekaterinburg
(victor.borzunov@mail.ru)

The characteristics of the most northern Eneolithic fortified settlements in the Eurasia and the world are presented in the article. The Eneolithic in the north of the Western Siberia (the end of the 4th–3rd millennium of BC) was a comparatively cold, humid and peaceful period. Small (1900–2000 m²) promontory forts with earth-timber residential and defensive architecture appeared there in the Neolithic had been saved only on the eastern vicinities of the Surgut Priobye. Simultaneously and ubiquitously the fortifications of another type started being raised. They were large (200–400 m²) single lightly recessed or ground houses of the various constructions, surrounded by ditches and as an exception complementary safety walls. These simplest earth-timber “fortresses” were the centres of community territories, the assembly sites of different activities of the local population and partially the forts of the migrants that had fixed on new territories in the depths of the Western Siberian Taiga. Presumably, the forest forts of the Stone Age were built and probably invented by the groups of fishermen and hunters unfamiliar with producing economy.

Key words: fortified settlement, the Eneolithic, the north of the Western Siberia, the Taiga.

REFERENCES

- Bessmertnykh A.N., Karacharov K.G., 1996. Ekspertnye raboty v Nizhnevartovskom i Surgutskom rayonakh Tyumenskoy oblasti [Expert works in Nizhnevartovsk and Surgut regions of Tyumen Oblast]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1995 g. [Archaeological discoveries of 1995]*. Moscow: Nauka, pp. 314–315.
- Borzunov V.A., 1994. Ukreplennye poseleniya Zapadnoy Sibiri kamennogo, bronzovogo i pervoy poloviny zhelezno-go vekov [Fortified settlements of the Western Siberia of the Stone, Bronze and the first half of the Iron Age]. *Oчерки kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri [Essays on the culture genesis of the peoples of the Western Siberia]*, 1. *Poseleniya i zhilishcha [Settlements and dwellings]*, I. Tomsk: Tomskiy gos. univ., pp. 203–251.
- Borzunov V.A., 1995. Ukreplennye zhilishcha Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Fortified dwellings of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Velikiy podvig naroda. Istoricheskie chteniya, posvyashchennye 50-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne: tezisy dokladov [The great deed of the people. Historical readings devoted to the 50th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: theses]*. Ekaterinburg: Volot, pp. 19–24.
- Borzunov V.A., 1999. Novyy areal ukreplennykh zhilishch na severe Evrazii [New areal of the fortified dwellings in the north of Eurasia]. *RA [RA]*, 4, pp. 5–23.
- Borzunov V.A., 2011. U istokov oboronno-go zodchestva severa Evrazii: problema neoliticheskikh ukreplenykh Zapadnoy Sibiri [At the origins of the defense art of the north of Eurasia: problem of the Neolithic of the Western Siberia]. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the mirror of the past]*, 9. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy gos. univ., pp. 170–238.
- Borzunov V.A., 2012. Neoliticheskie ukreplennye poseleniya i ikh prototipy taezhnogo Priob'ya i Zaural'ya [The Neolithic fortified settlements and their prototypes of the Taiga Priobye and Trans-Urals]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Vestnik of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 4 (19), pp. 4–16.
- Borzunov V.A., 2013. Neoliticheskie ukreplennye poseleniya Zapadnoy Sibiri i Zaural'ya [The Neolithic fortified

- settlements of the Western Siberia and Trans-Urals]. *RA [RA]*, 4, pp. 20–34.
- Chemyakin Yu.P., 2008. Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' [Barsova mountain: Essays of the archaeology of Surgut Priobye. The Antiquity]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechati. 224 p.
- Chemyakin Yu.P., Karacharov K.G., 2002. Drevnyaya istoriya Surgutskogo Priob'ya [Ancient history of Surgut Priobye]. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khantov: materialy k atlasu [Essays on the history of traditional husbandry of the Khanty: materials to the atlas]*. Ekaterinburg: Tezis, pp. 5–74.
- Danilov E.A., 2011. Otchet o NIR: Arkheologo-topograficheskie issledovaniya v 2011 godu na Pokachevskom mestorozhdenii nefti, razrabatyvaemom TPP "Pokachevneftegaz" v Nizhneartovskom rayone KhMAO – Yugry [Report on R&D work: Archaeological-topographical researches in 2011 on the Pokachevskiy oil field developed by the territorial manufacturing plant "Pokachevneftegaz" in Nizhneartovsk region of KhMAO – Yugra]. *Arkhir Nauchno-proizvodstvennogo ob"edineniya "Severnaya arkheologiya-1" [Archive of the Scientific-Production Association "Northern archaeology-1"]*. Nefteyugansk, F. 1, D. 330 (unpublished).
- Karacharov K.G., Noskova L.V., 2005. Otchet o NIR: Arkheologicheskoe obsledovanie Kechimovskogo, Nongeganskogo, Severo-Pokachevskogo i Pokachevskogo mestorozhdeniy nefti v Surgutskom i Nizhneartovskom rayonakh KhMAO v 2004 godu [Report on R&D work: Archaeological investigation of Kechimskiy, Nongeganskiy, Northern Pokachevskiy and Pokachevskiy oil field in Surgut and Nizhneartovsk regions of KhMAO in 2004]. *Arkhir Assotsiatsii "Severnaya arkheologiya" [Archive of the Association "Northern Archaeology"]*. Ekaterinburg, F. 1, D. 169 (unpublished).
- Karacharov K.G., 1992. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v yuzhnoy chasti Nefteyuganskogo rayona v 1991 g. [Report on the archaeological reconnaissance in the southern part of Nefteyugansk region in 1991]. *Arkhir IA RAN [Archive of IA RAS]*, R-1, № 16094, 16095 (unpublished).
- Karacharov K.G., 2000. Otchet o NIR: Arkheologicheskoe obsledovanie ob"ektov obustroystva mestorozhdeniy OAO "Yuganskneftegaz" v Nefteyuganskom i Surgutskom rayonakh Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga, 1999 g. [Report on R&D work: Archaeological investigation of the objects of the facilities of the oil field of JSCo "Yuganskneftegaz" in Nefteyugansk and Surgut regions of KhMAO, 1999]. *Arkhir Assotsiatsii "Severnaya arkheologiya" [Archive of the Association "Northern Archaeology"]*. Ekaterinburg, F. 1, D. 41 (unpublished).
- Karacharov K.G., 2004. Arkheologicheskie issledovaniya na r. Agane [Archaeological researches on the river Agana]. *Khanty-Mansiyskiy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansiysk in the mirror of the past]*, 2. Tomsk; Khanty-Mansiysk, p. 469.
- Koksharov S.F., 1991. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Sovetskom rayone Tyumenskoy oblasti v 1990 g. [Report on the archaeological researches in Sovetskiy region of the Tyumen Oblast in 1990]. *Arkhir IA RAN [Archive of IA RAS]*, R-1, № 14940 (unpublished).
- Koksharov S.F., 2009. Pamyatniki eneolita severa Zapadnoy Sibiri [Sites of the Eneolithic of the north of the Western Siberia]. Ekaterinburg: Volot. 272 p.
- Koksharov S.F., Stefanova N.K., 1993. Poselenie Volvoncha I na r. Konde [The settlement of Volvoncha I on the river Konda]. *Pamyatniki drevney kul'tury Urala i Zapadnoy Sibiri [Sites of ancient culture of Ural and Western Siberia]*. Ekaterinburg: Nauka, pp. 54–67.
- Kosarev M.F., 1981. Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri [Bronze Age of the Western Siberia]. Moscow: Nauka. 278 p.
- Morozov V.M., Stefanov V.I., 1993. Amnya I – drevneyshee gorodishche Severnoy Evrazii? [Amnya I, the most ancient fortified settlement of Northern Eurasia]. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of Ural Archaeology]*, 21. Ekaterinburg: Ural. gos. univ., pp. 143–169.
- Perevalova E.V., Karacharov K.G., 2006. Reka Agan i ee obitateli [The river Agan and its inhabitants]. Ekaterinburg; Nizhneartovsk: UrO RAN; Studiya "Grafo". 352 p.
- Stefanov V.I., Borzunov V.A., Korochkova O.N., Morozov V.M., Pogodin A.A., 2001. Raboty Kazym'skoy ekspeditsii [The works of Kazym expedition]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2000 g. [Archaeological discoveries of 2000]*. Moscow: Nauka, pp. 253–255.
- Stefanov V.I., Borzunov V.A., Pogodin A.A., Korochkova O.N., 1999. Gorodishche kamennogo veka Amnya I: novye dannye [The fortified settlement of the Stone Age Amnya I: new data]. *XIV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: tez. [14th Ural Archaeological Meeting: theses]*. Chelyabinsk: Rifey, pp. 43–44.
- Stefanova N.K., 1980. Issledovaniya v Kondinskom rayone [Researches in Kondinskiy region]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1979 g. [Archaeological discoveries of 1979]*. Moscow: Nauka, pp. 235.
- Stefanova N.K., Koksharov S.F., 1988. Poselenie bronzovogo veka na r. Konde [The settlement of the Bronze Age on the river Konda]. *SA [SA]*, 3, pp. 161–174.
- Vasil'ev E.A., 2010. Drevnosti Kondy: sub'yektivnye zametki (Koksharov S.F. Pamyatniki eneolita severa Zapadnoy Sibiri. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Nauchno-proizvodstvennogo mnogoprofil'nogo predpriyatiya "Volot", 2009) [Antiquities of Konda: subjective notices (Koksharov S. F. Sites of the Eneolithic of the north of the Western Siberia. Ekaterinburg: "Volot", 2009)]. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansiysk in the mirror of the past]*, 8. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy gos. univ., pp. 514–518.
- Vasil'ev E.A., Glyzin I.P., 2010. Yasunskaya eneoliticheskaya kul'tura severa Zapadnoy Sibiri [Yasunskaya Eneolithic culture of the north of the Western Siberia]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt zapadnosibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy: materialy konferentsii [Culture as a system in historical context: the experience of the Western Siberian Archaeological-Ethnographical meetings: materials of the conference]*. Tomsk: Agraf-Press, pp. 121–124.

КАВКАЗ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ И ГЕНОГЕОГРАФИИ

© 2016 г. В.Б. Ковалевская

Институт археологии РАН, Москва (ver.kov@mail.ru)

Кавказ может рассматриваться как некая историко-культурная общность, имевшая на протяжении тысячелетий постоянные связи с Восточным Средиземноморьем, Ближним Востоком и Северным Причерноморьем и характеризующаяся особым лингвистическим, антропологическим, этническим и природным разнообразием. На протяжении различных исторических периодов отмечаются изменения направления этнокультурных связей. Исследования базируются прежде всего на археологических данных, для интерпретации которых привлекаются некоторые группы экстраархеологических источников. Геногеография является радикально новым источником исторической информации, позволяющим определить миграции людей на основании распространения генов. Введение компьютерного геногеографического картирования в археологические исследования существенно усилили исследовательские возможности. С помощью методов сплайн- и средневзвешенной интерполяции можно создавать количественные модели распределения различных явлений и сравнивать их между собой. Сопоставление геногеографических и археологических карт показало, что почти все важнейшие культурные явления отражаются в распределении групп генов местного населения. Карты главных компонент рисуют нам факторы, которые стоят за распределением генов и артефактов. В V–I тыс. до н.э. Кавказ находился между молотом и наковальней. С одной стороны, в северокавказских степях появились подвижные скотоводы, которые приняли активное участие в этнокультурной жизни Кавказа на протяжении тысячелетий. С другой стороны, в V–IV тыс. до н.э. в связи с аридизацией климата, имели место миграции населения из районов Ближнего Востока в Закавказье. Южное Закавказье стало частью ближневосточного мира.

Ключевые слова: Кавказ, Ближний Восток, Северное Причерноморье, геногеография, генофонд, картирование, миграции.

Кавказ на протяжении тысячелетий являлся единой и изолированной историко-культурной областью, связанной с миром Восточного Средиземноморья и Передней Азии, с одной стороны, и миром евразийских степей – с другой. Его исключительная языковая, этническая, археологическая, антропологическая пестрота, наряду с разнообразием географических ландшафтов, климата, фауны и флоры, позволяет использовать различные категории источников для воссоздания историко-культурной картины жизни на различных этапах истории.

Между тем, один из самых насыщенных историческими свидетельствами о прошлой жизни источник – генетическое разнообразие современного населения, генофонд народов Кавказа – остается, как правило, за рамками исторических реконструкций, поэтому следует рассмотреть те возможности, которые дает археологии знакомство с геногеографическими картами Кавказа и близлежащих территорий.

Я остановлюсь на двух вопросах. Во-первых, какой форме и с помощью каких методов мы можем

полноценно использовать для историко-археологических и этнокультурных построений информацию, заложенную в генетическом исследовании местного кавказского и соседнего с ним населения; во-вторых, в какую форму мы должны облечь археологическую информацию в целях наиболее корректного и эффективного ее сравнения с геногеографическими данными.

Первым опытом обращения к проблеме использования геногеографических карт в качестве самостоятельного источника новой информации для археологии Кавказа была совместная работа автора с антропологом и генетиком Юрием Григорьевичем Рычковым, посвященная этнокультурной ситуации на Кавказе, начиная с начала девяностых годов прошлого века. В процессе исследований, проводимых при поддержке различных научных фондов, в 1994 году для альманаха “Наука и человечество” проф. Ю.Г. Рычковым и мною была подготовлена статья “Геногеография и археология под перекрестным взглядом археолога и генетика”, или, во втором

варианте, “На перекрестке археологии и генетики”. От публикации этой статьи тогда мы отказались, так как уровень обобщения археологических материалов для надежного сопоставления с геногеографическими данными был недостаточен. Прежде всего не были в необходимой мере обработаны массовые материалы эпохи энеолита и бронзы, позволявшие строить археологические карты для территории европейских степей, Кавказа и Передней Азии, которые можно было бы сопоставлять с геногеографическими. Многие мысли и положения, выдвинутые нами в 1994 г., были разработаны позднее и нашли свое отражение в ряде совместных статей, начиная с доклада (Ковалевская, Рычков, 1996)¹.

С 1995–1996 гг. начата работа по специальной адаптации пакета географических программ GMAG, Datstat и Mapstat, разрабатывающихся с 1984 г. в лаборатории генетики человека ИОГен РАН под руководством проф. Ю.Г. Рычкова применительно к анализу генетических материалов, позднее — к исследованию археологических данных (Грехова, Балановская, Рычков, 1995; Ковалевская, Рычков, Жукова, 1997, и др.). Работа проводилась и проводится в рамках разных фондов (Международного Научного фонда, РФФИ и РГНФ), объединив для решения поставленных задач математиков, программистов, генетиков, биологов и археологов. Возможность адаптации методики основывалась на явном соответствии руководящих признаков в археологическом исследовании гена в геногеографическом исследовании. Общим являлась возможность выразить признак через частоту, массовость и разнообразие, характер пространственного распространения признаков с их локальными максимумами и минимумами, связанными с величиной концентрации признака. Отличие заключается в том, что анализ распространения гена в генофонде подчиняется статистическим закономерностям и мерилам, используемым в естественных науках, тогда как случаи применимости этих же мерил к археологическим данным должны оговариваться особо, поскольку многие явления в археологии, связанные с развитием культур и типов, анализом редких событий, динамикой сложных систем, являют собой примеры устойчивых негауссовых (ципфовых) распределений (Ковалевская, 1995; 2002).

Предвидя вполне правомочный вопрос, на каком основании, располагая данными о генах современного

населения, мы пытаемся судить о событиях далекого прошлого, позволим себе простую аналогию. Как многослойный хорошо стратифицированный археологический памятник является свидетелем многовековой истории, так и гены ныне живущего человека и популяции в целом имеют различную хронологическую глубину. Именно на языке генов в природе передаются вести из прошлого в будущее и от точности этой передачи зависит воспроизведение всех форм жизни, в том числе и этнической формы. Как пишет Ю.Г. Рычков: “Нет этноса без своеобразного этнического генофонда и нет своеобразия генофонда вне конкретной истории этноса. Разнообразии генофондов строго связано с этногенезом: увеличение разнообразия генофонда идет бок о бок с увеличением этнического разнообразия (сокращение того и другого также обоюдно)”. Задача заключается в расшифровке пространственно-временной характеристики генов и определении пути их передвижения через различные барьеры, которые ставили природа и социум.

Количественный метод построения геногеографических карт задает непрерывный характер изображения и позволяет читать карту как процесс изменения рельефа: хотя изображение фиксировано, его динамика видна благодаря непрерывным переходам. На карте обнаруживаются направления изменений в виде географически ориентированных систематических сдвигов частоты гена, имеющих фронт той или иной протяженности и читающихся как направление распространения гена. Могут встречаться кольцевые или полукольцевые структуры с максимумом или минимумом в центре, указывающие на диффузию гена от центра к периферии. Структуры островного типа указывают на изолированное положение этой области среди окружающих. Встречаются клинообразные структуры, которые в зависимости от протяженности и географии, могут указывать на направленное перемещение генов (с их носителями), или на какую-либо преграду в процессе распространения генов. Для изучения кавказского генофонда в лаборатории генетики человека было картировано около сотни независимых генов для Кавказа, построенных по данным о генах нынешних поколений населения, являющегося коренным на картируемой территории. По словам Ю.Г. Рычкова, “История у любого региона действительно одна, но времен, эпох, поворотных событий в этой истории множество и в разные времена исторический процесс захватывал разные племена, народы, культуры, а с ними и разные группы генов... Хотя все они дошли до современности, но донесли до нее разную информацию из разного прошлого. Множество карт передает это накопившееся во времени разнообразие, изображая множество русел, струй, плесов,

¹ Публикуемая статья по своему замыслу и содержанию близка написанной в 1994 г. совместной работе. Высказанные в ней Ю.Г. Рычковым в 1994 г. положения очень важны и должны быть сохранены в авторской редакции, в связи с чем мы приводим обширные выдержки из этой работы без отсылки к списку литературы.

стремнин и завихрений исторического потока". Карт археологических явлений и типов тоже построено множество сотен (Тематические Атласы карт), можно их сопоставлять с картами отдельных генов, выводить коэффициенты корреляции, но иметь дело с таким разнообразием неудобно. Поэтому из множества карт мы используем лишь несколько наиболее красноречивых и информативных, а именно – синтетических. Синтетические карты главных компонент отражают накопленное за всю историю геногеографическое разнообразие и указывают на наиболее существенные географические черты исторического процесса. Синтетические карты имеют свой ранг значимости (1-й – высший). Этот ранг обусловлен тем, сколь большое число независимых генов оказалось активно вовлечено в исторический процесс при том его географическом направлении, которое изображено на синтетической карте. Следовательно, от карты отдельного гена мы переходим к карте генофонда. Генофонд – это совокупность генов, но совокупность системно организованная, и системообразующим фактором для генофонда, как показывают исследования Ю.Г. Рычкова, является История (Рычков и др., 1999. С. 118). Отдельные ее события в разное время захватывают разные гены и разные географические части ареала генофонда. Но если в истории присутствовали моменты не локального, а регионального и глобального значения, то они затрагивали весь генофонд или крупные его подразделения. География генофонда – это более высокая ступень геногеографического исследования. Из различных методов обобщения Ю.Г. Рычков прибегает к так называемому методу главных компонент, который позволяет выделить и картировать факторы, управлявшие развитием всего генофонда и географическим распределением всех, а не отдельных генов. По его мнению, "Картировать такие факторы равносильно тому, что картировать географический ход исторического процесса. Более того, в ходе такого картирования определяются удельные веса каждого из географических направлений, своего рода приоритеты Истории в выборе этих направлений".

Ю.Г. Рычков приводит правила чтения этих карт. Синтетическая карта читается по-иному, чем карта отдельного гена, потому что картируемый признак – не ген, а некий фактор, определяющий главное географическое направление изменений генофонда, а именно – географическую ось этих изменений. У всякой оси – два полюса. На картах они показаны крайними значениями и цветами. Поэтому чтение карты начинается с отыскания этих полюсов действия фактора – областей приложения противоположно направленных сил его действия. Второй важный момент – прослеживание хода изолиний, их форма может указать направление изменений,

поскольку купол дугообразно изогнутой изолинии возникает под давлением от центра к периметру. Достаточно информативна также область среднего значения фактора. Изолиния среднего интервала указывает на положение на карте той области, где кончается влияние одного из полюсов и начинается притяжение другого – своего рода экватор. Для карты главной компоненты Кавказа – это Кавказский хребет. Географическое положение полюсов (евразийские степи и Ближний Восток) интересно тем, что в них локализованы источники исторического процесса. Полюсы синтетических геногеографических карт не обязательно находятся на краю или за краем изучаемой территории, так же как экватор не обязательно посередине между полюсами, главное, что они всегда имеются в наличии и помогают правильно прочесть карту. Выделенные и картированные факторы всегда ортогональны друг другу, следовательно, взаимонезависимы, что практически выражается в обязательно разном расположении полюсов на разных картах².

Поскольку геногеографические карты мы сопоставляем с археологическими, мы должны остановиться на том, как должна обрабатываться археологическая информация. Прежде всего должен быть выбран массовый материал, а именно достаточно представительные серии данных (погребальный обряд, типы поселений, оружие, поясные наборы, фибулы, зеркала, бусы и т.д.), изменяющиеся в пространстве и во времени. Залогом успешной компьютерной обработки материала является создание новой типологии, единой для широкой территории, непротиворечивой и по своей дробности значительно превышающей классификации, принятые ранее.

Компьютерное картирование массового материала, объединенного в археолого-географические базы данных, дает новую информацию. Она позволяет более надежно и объективно относить анализируемые факты к определенной точке пространственно-временного континуума, прогнозировать и интерпретировать связи, определять происхождение и пути перемещения отдельных категорий вещей (хронологические индикаторы, этнокультурные маркеры) и стоящих за этим передвижением исторических событий. Для каждого сравниваемого археологического явления (тип поселения или оружия, погребального сооружения или бусины и т.д.) должна быть отмечена его принадлежность к определенному

² Работа по сопоставлению геногеографических и археологических карт проводилась коллективом археологов, генетиков и программистов в рамках грантов РГНФ, РФФИ и Международного Научного фонда под руководством Ю.Г. Рычкова, М.Н. Погребовой и В.Б. Ковалевской.

пункту на карте. Последний должен быть снабжен координатами, а тип артефакта выражен в частотах.

Работа опиралась на ряд баз данных: памятники VII в. до н.э. – IX в. н.э. Северного Кавказа (1214 памятников – три хронологических периода – 12 признаков); поясные наборы V–IX вв. Евразии (сотни памятников – сотня типов – 6000 экз.); геральдические пояса Европы VI–VII вв. (97 памятников – 128 типов – 1500 экз.); бусы Восточной Европы (62 памятника – 311 типов – 3 хронологических среза – 40 761 экз. бус) и т.д. Для сгруппированных и отдельных признаков производились различные виды картографо-статистического анализа, строятся карты, которые можно сравнивать между собой в синхронии и диахронии с дальнейшим построением связных графов.

Построение цифровой модели картографируемого признака по его значениям в каждом из памятников (нерегулярные точки) рассчитывается программой GGMAG и Map Developer Studio для всех узлов равномерной прямоугольной сетки заданного размера, нанесенной на карту (для карт памятников I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. это 100×70 , для геногеографических карт – 70×74 , для бус Кавказа и Крыма – 100×40). В результате в каждом из узлов сетки рассматриваемого пространства (в нерегулярных точках, число которых колеблется от 60 до 1270, и дополнительно еще в 4000–7000 точках) мы получаем численную характеристику исследуемого признака по отношению к его среднему, зависящую от всех точек (от их частоты и их расстояния до данного узла). Именно этот факт отличает полученную карту от традиционных, т.к. в ее построении участвуют все эмпирические наблюдения, выражен ли признак через ноль или положительную величину.

Программа, учитывая изменения признака в нерегулярных точках и в узлах регулярной сетки и переводя их из дискретной формы к непрерывному распределению, объединяет эти значения в интервалы и, послойно их раскрашивая, рисует на карте в привычной нам форме геоморфологическое пространство распределения изучаемого признака. Сходство с географическими картами подкрепляется выбранными цветами шкалы интервалов: максимальные концентрации, вершины окрашены красным, возвышенности – двумя оттенками коричневого, пространства долин – зеленым, впадины и их глубины – синим и белым. При построении карты отдельных признаков могут быть использованы процедуры аналитической сплайн- или средневзвешенной интерполяции, перспективной проекции поверхности и т.д. Применение на одном и разных материалах различных процедур, сравнение полученных карт между собой и с результатами их содержательного

анализа, позволяет нам получать объективную информацию в виде Атласа электронных карт.

От традиционных карт распространения отдельного признака компьютерные карты отдельных типов отличает то, что мы получаем модель распространения изучаемого признака на изучаемом пространстве для каждого участка карты, которая оказывается разделенной изолиниями на территории, характеризующиеся одинаковой частотой, вычисленной на основании эмпирических данных. Мы видим области максимальной концентрации (центры) и пути передвижения вещей (по постепенной минимизации частоты признака). Методика построения и чтения карт разработана на генетическом материале (Рычков, 1984; Рычков, Балановская, 1992; Рычков и др., 1999; Генофонд и геногеография народонаселения, 2000; 2003).

При указанном непрерывном картировании генетического (или археологического) явления, содержащего историческую информацию, карта помогает определить географическое положение источника явления (когда он находится внутри или вне пределов рассматриваемого окна карты), направления его влияния на периферию, векторизованный или диффузионный характер распространения явления и затронутые им территории.

В ряде случаев передвижения вещей отражают передвижения людей при расселении, “переселении народов”, воинских походах, инфильтрации отдельных групп населения в инокультурную среду. В этих случаях картирование разнородного массового материала свидетельствует об этих передвижениях, отражая их пути, интенсивность использования, темпы и маршруты. Компьютерное картирование может являться методом анализа и прогноза, источником новой информации, не только подтверждая и формализуя уже имеющиеся данные, но и моделируя процесс распространения руководящих признаков и их комплексов по территории и в конечном счете отражая географический ход исторического процесса.

В данной статье мы рассмотрим карту первой главной компоненты всего Кавказского генофонда, потому что в ней отражено действие наиболее генетически весомого фактора истории населения. Вес этого фактора, как показали исследования Ю.Г. Рычкова, можно представить как произведение числа людей – носителей генов – на время, в течение которого люди и гены перемещались в показываемом картой направлении, создавая поток во времени, видимый на карте как движение в географическом пространстве.

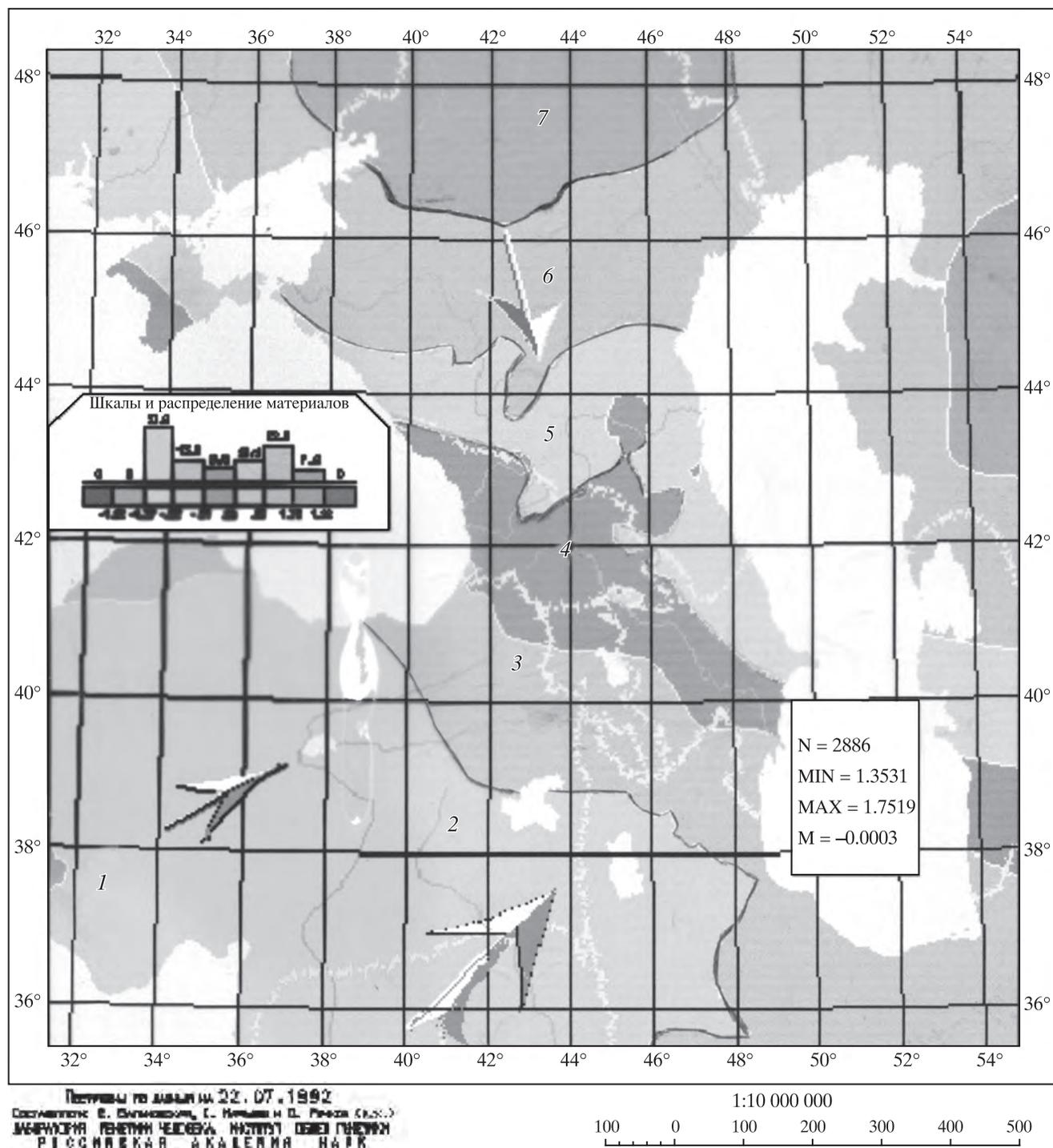

Рис. 1. Первая главная компонента изменчивости генофонда народов Кавказа.

Мы покажем на нескольких примерах как геногеографическая карта может быть сопоставлена с археологической картой.

На карте (рис. 1) первой компоненты изменчивости генофонда народов Кавказа (Ковалевская, 2005. С. 364. Карта 2) мы видим Кавказ как арену проникновения северных степных и южных,

малоазийско-ближневосточных импульсов. На этой карте изолинии северных импульсов направлены параллельно расположению Большого кавказского хребта, указывая на снижение плотности распределения от степей к горам с проникновением в Закавказье центрально-кавказским Дарьяльским и приморским Каспийским путями.

Как писал в 1994 г. Ю.Г. Рычков: “Карта 1-ой главной компоненты показывает географию действия фактора наиболее весомого в истории кавказского генофонда. В этом весе соединены сила влияния и время действия фактора. Это значит, что влияние могло быть в каждый момент небольшим, но постоянным, долгим и повсеместным. Повсеместность действия выражена в постепенности изменений и значительной однородности больших территорий. Что касается времени действия картированного фактора, то скорее всего на карте отражены самые разные времена, в которые географическое направление исторического процесса было таким, как оно видно на карте, начиная со времени заселения Кавказа. Древнейший период отражен в общей конструкции карты, на которой Кавказ с Предкавказьем выглядят как выдающаяся на север часть Ближнего Востока, как полуостров, ограниченный не только двумя морями, но и какой-то преградой с севера. В географии этой преграды (на карте это интервал между изолиниями значений 0.83 и 1.37) видно соответствие Хазарской трансгрессии Каспийского моря, когда оно соединялось Кума-Манычским проливом с Черным, так что совпадение хода изолинии 0.83 с излучиной р. Кумы едва ли случайно. За проливом начинался иной Евразийский географический и исторический мир, еще не взаимодействовавший с Кавказом, который, таким образом, был открыт только южным влиянием. Карта показывает южный – Ближневосточный – источник и путь заселения Кавказа”.

Среди проанализированных исследователями культурных явлений Кавказа и Ближнего Востока, которые помогают нам в чтении геногеографических карт, важную информацию содержит монография крупнейшего грузинского археолога Александра Ивановича Джавахишвили “Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до н.э.” с публикацией карты поселений с круглыми и прямоугольными в плане сооружениями X–III тыс. до н.э. (Джавахишвили, 1973. Табл. 23).

Приведенные А.И. Джавахишвили данные по жилым и хозяйственным сооружениям X–III тыс. до н.э. Передней Азии и Кавказа, расчлененные типологически и хронологически, дают возможность сопоставить ареалы обоих типов сооружений (круглых и прямоугольных) в диахронии. Прямоугольные постройки X–VI тыс. до н.э. имели первоначальный ареал, вытянутый почти точно с запада на восток и соединявший три важнейших центра: Западную и Восточную Анатолию и Загрос (рис. 2). Первые пять тысячелетий характеризуются процессом скорее диффузионного типа, медленным и постепенным без выраженных направлений. Именно в конце этого периода, по представлениям

К. Ламберг-Карловски и Дж. Саблова, эти регионы особенно тесно были связаны между собой. В V–III тыс. до н.э. происходит некоторое расширение ареала к югу и продвижение, с одной стороны, на северо-запад на Балканы, с другой – на юго-восток к Персидскому заливу. Рассмотрение динамики распространения прямоугольных жилищ в X–III тыс. до н.э. указывает на большую широтную протяженность фронта от Анатолии через Месопотамию до Ирана³.

Распространение круглоплановых сооружений, рассмотренное А.И. Джавахишвили по тем же хронологическим этапам, соответствует иной модели (рис. 3). В X–VI тыс. до н.э. ареал вытянут узкой полосой с юго-запада на северо-восток. Причем только в начале (X–VII тыс. до н.э.) он целиком расположен на Ближнем Востоке (от Палестины до оз. Урмия). В VI–V тыс. до н.э., доходя на западе до Восточной Анатолии (правда только одним памятником), ареал круглоплановых домов острием стрелы достигает южного Закавказья. Еще более наглядно это видно на распространении круглоплановых сооружений в IV тыс. до н.э., когда их ареал в Закавказье занимает наибольшую площадь, но при этом сохраняет неизменным направление и конфигурацию предшествующего периода. Здесь мы безусловно имеем дело с направленным движением носителей культурной традиции, что могло быть связано с переносом генов. Ю.Г. Рычков задает вопрос: “Что из этих археологически установленных движений культур и их носителей IV–III тысячелетий сохранено в генетической памяти поколений и запечатлено в современной географии генов? Среди геногеографических карт выделяется целая серия, по которой можно определить это же направление переселения, начинавшегося в исходной территории Анатолии и пересекавшего Закавказье в районе Центрального Кавказа вплоть до Каспийского побережья. Это можно видеть на ряде карт генов групп крови и эритроцитарных ферментов”. Мы не приводим эти карты, поскольку нагляднее всего их обобщает приводимая нами и проанализированная карта на рис. 1.

Начиная с IX–VIII тыс. до н.э., когда перестал существовать Азово-Каспийский пролив, отделявший Кавказ от евразийских степей, последние стали играть важнейшую роль в историко-культурных связях. Мы подробно обращали на это внимание

³ В последнее время в работах кавказоведов, занимающихся исследованием памятников энеолитического и раннебронзового времени в Азербайджане, Армении, Грузии и Дагестане выделены цепочки памятников, связанные между собой и с Ближним Востоком наличием импортной высококачественной гончарной и расписной керамики (Археология, этнография и фольклористика Кавказа, 2007. С. 8, 9, 47–55, 61–67, 72, 73).

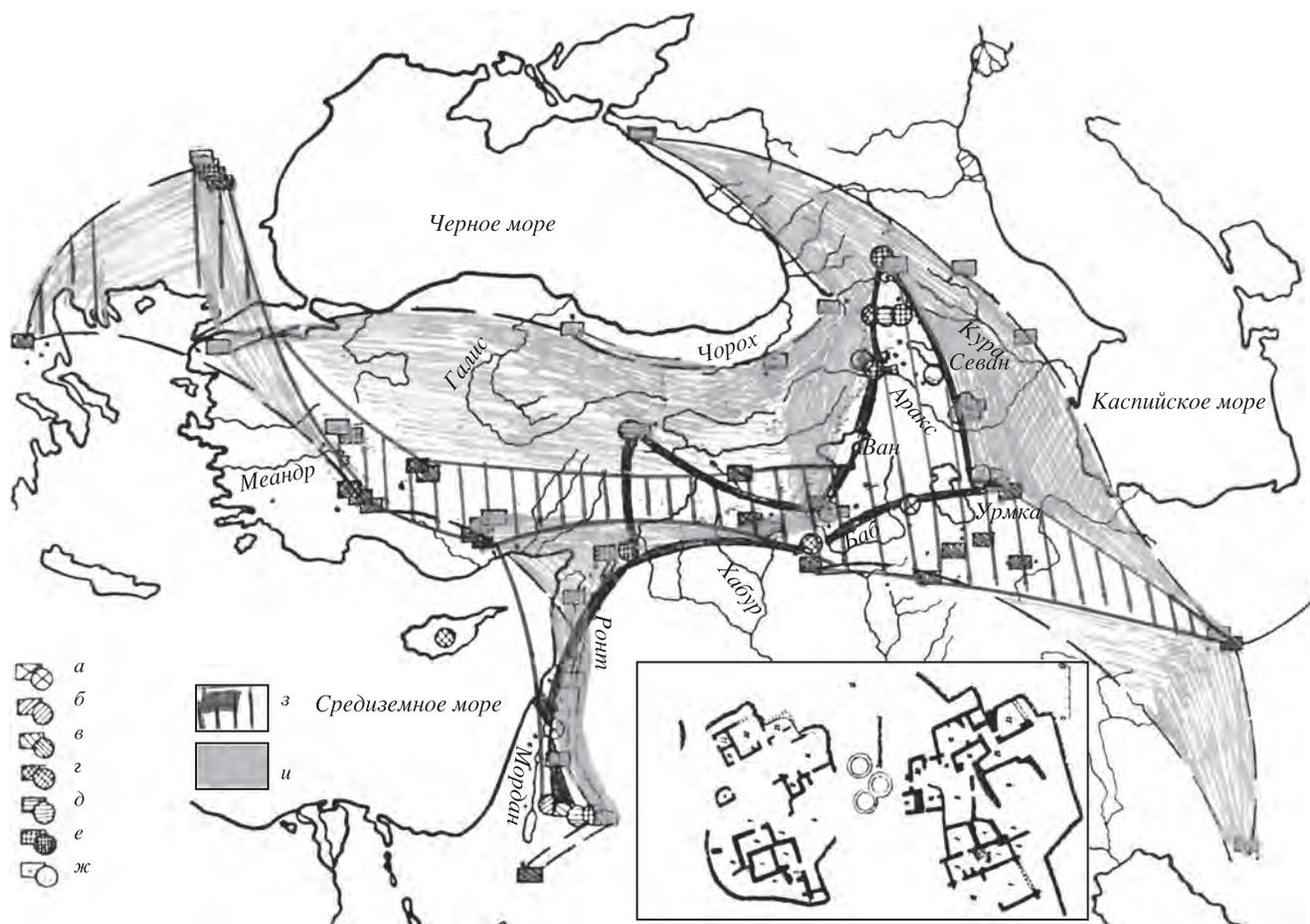

Рис. 2. Распространение прямоугольных в плане построек на Ближнем Востоке и Южном Кавказе в X–III тыс. до н.э. Условные обозначения: а – X тыс. до н.э.; б – VIII тыс. до н.э.; в – VII тыс. до н.э.; г – VI тыс. до н.э.; д – V тыс. до н.э.; e – IV тыс. до н.э.; ж – III тыс. до н.э.; з – X–VI тыс. до н.э.; и – V–III тыс. до н.э. На врезке – план сооружений на поселении Хассуна Ic (по Джавахишвили, 1973. Табл. 18,б).

читателей в монографии “Кавказ – скифы, сарматы, аланы” (Ковалевская, 2005. С. 20–24. Карты 2–10, 13–16, 28, 29, 40–42) и здесь постараемся не столько повторить, сколько расширить чтение и сопоставление с археологическими данными северной части карты первой главной компоненты кавказского генофонда (рис. 1), свидетельствующей о роли степных импульсов для археологии Кавказа. В дополнение к написанному ранее приведу чтение Ю.Г. Рычковым карты второй главной компоненты, построенной в Атласе геногеографических карт Кавказа и не приводимой нами в качестве иллюстрации. “Карта второй главной компоненты показывает географию действия второго по значимости фактора истории кавказского генофонда. Главные события этой истории происходят в стороне от Кавказа в степном поясе Евразии. Полюсами здесь оказываются южно-русские степи и казахстанские степи, а экватором – междуречье Дона и Волги. Можно предположить, что так в карте кавказского генофонда, как бы

глядя с Кавказских гор, видится евразийская степь эпохи раннего железа... Кавказ находится целиком в орбите скифского влияния, что соответствует периоду скифского владычества на Кавказе и в Закавказье и скифских походов в Малую Азию... На карте можно видеть конфигурацию изолиний, обозначающую проникновение степняков в Малую Азию еще далее на юго-запад от оз. Ван строго в направлении, заданном степными влияниями предшествующей эпохи бронзы”.

Приведенная выдержка из статьи 1994 г., с одной стороны, показывает, что степной импульс читается на двух картах первых главных компонент изменчивости Кавказского генофонда, а с другой стороны, подтверждает ту нашу мысль, что 15 лет назад не был еще подготовлен к использованию материал о меридиональных связях степей Поволжья и Подонья с Кавказом в эпоху неолита/энеолита, а хорошо известные сведения о связях Кавказа со скифским степным миром перевешивали наши сведения

о более ранних эпохах, которые требовали специального изучения.

При анализе разных факторов, управляющих развитием генофонда Восточной Европы, Ю. Г. Рычков и его соавторы подчеркивают роль степного давления из Закаспия, выраженного в карте второй главной компоненты (Рычков и др., 1999. С. 123–125. Рис. VI, 4). На карте Восточной Европы оно направлено с северо-востока на юго-запад, захватывая в своем движении Предкавказье, проникая вплоть до Главного Кавказского хребта. Более расчлененно в своей фронтальной области этот степной импульс обозначен в северной части карты первой компоненты изменчивости генофонда народов Кавказа (рис. 1). Анализ хода изолиний, их изогнутости и точек перегиба указывают на направление изменений, поскольку, как мы говорили, купол дугообразно изогнутой изолинии возникает под давлением от центра к периметру. Соединив отрезками прямой линии точки перегиба, обращенные на юг, мы получаем маршрут проникновения евразийских степных влияний от Приазовья, Дона и Поволжья через Предкавказье вплоть до Южного Кавказа и истоков р. Тигра. Поступив также с точками выгиба изолиний на север, мы получим маршрут проникновения Месопотамских и Западноиранских влияний через оз. Урмия в Закавказье, о чем мы говорили ранее, и через Кодорский и Крестовый перевалы в Предкавказье. Эти два – более западный и более восточный – пути проникновения соответственно северных и южных генетических и культурных импульсов одновременны. Южные импульсы мы рассматривали ранее на примере распространения традиций круглопланового домостроительства халафской, убейдской и урукской керамики, распространения древних повозок из Шумера на север. А северные рассмотрим сейчас с учетом последних разработок ряда специалистов по археологии эпохи неолита/энеолита в Восточной Европе.

Здесь одним из важнейших фактов явилось обоснование точки зрения о первичном приручении и одомашнивании коня в конце VI–V тыс. до н. э. в степях Восточной Европы, “где были диагностированы домашние лошади с высотой в холке 130–145 см, с увеличенной шириной, высотой, объемом мозговой части черепа..., что характерно для домашних лошадей” (Петренко, 2007. С. 135, 136). Подробно мною это рассмотрено в находящейся в печати статье “Кони евразийских степей, Кавказа и Ближнего Востока в V–III тыс. до н. э.”, и сейчас этого вопроса я коснусь очень кратко.

На протяжении V–III тыс. до н. э. наблюдается постепенное увеличение ареала домашних лошадей из Поволжья на запад (Нижнее Подунавье,

Центральная Европа вплоть до Скандинавии, Британии и Ирландии (Венеcke, 2006. Р. 98), на юг – через Северный Кавказ в Закавказье вплоть до Армянского нагорья (Симонян, 2001. С. 31, 32; Межлумян, 1991. С. 156).

Понять характер и направление распространения domesticiрованного коня в энеолитическую эпоху в Евразии можно по картам распространения конеголовых скипетров (Дергачев, 2007. Карты 1 и 2). На этих картах наглядно виден центр концентрации этих скипетров в районе Средней Волги и южная и юго-восточная иррадиация (восточная – до Аркаима) вплоть до Предкавказья, связь которого в предмайкопское время с волжско-днепровско-донецким населением рассматривается в ряде исследований (Кореневский, 2006). Не включаясь в дискуссию по вопросам интерпретации конеголовых скипетров, скажу только, что анализ скульптурных изображений конского оголовья позволяет реконструировать специфические и оригинальные средства обуздания коня в виде трех типов цельнокроенных кожаных намордников, одного типа недоуздка и двух типов трензельной и безтрензельной уздечки, указывающих на изменения способов взнуздывания.

Специфика указанных средств управления конем наилучшим образом отражает тот общеиндоевропейский термин, который связан с первыми шагами приручения и возможного использования коня – “укрощать”, “приручать”, “принуждать”, “изнурять” (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 483). Если же сопоставлять те сведения, которые мы имеем относительно распространения домашнего коня и конеголовых скипетров с картой первой компоненты изменчивости генофонда народов Кавказа (рис. 1), то мы можем отметить, что для V–IV тыс. до н. э. ареал конеголовых скипетров и, очевидно, domesticiрованного коня, занимал в северной части карты 7, 6 и, частично, 5 зону, выделенную изолиниями на геногеографической карте, т. е. доходил примерно до 43° с. ш., чтобы в IV–III тыс. до н. э., судя по палеозоологическим данным, дойти до Армянского нагорья, что соответствует примерно 40° с. ш. Несмотря на то что проблема меридионального распространения повозок на территории Кавказа и Ближнего Востока на сегодняшний день остается дискуссионной, не исключено, что эти движения были ортогональны распространению коня и проходили примерно по тем же траекториям. Для сравнения достаточно взглянуть на картирование элементов колесного транспорта на Ближнем Востоке, при его концентрации в Шумере и дальнейшем пути продвижения на север в Европу, произведенные Стюартом Пигготтом в его классической работе (Piggott, 1983. Map. 27, 52).

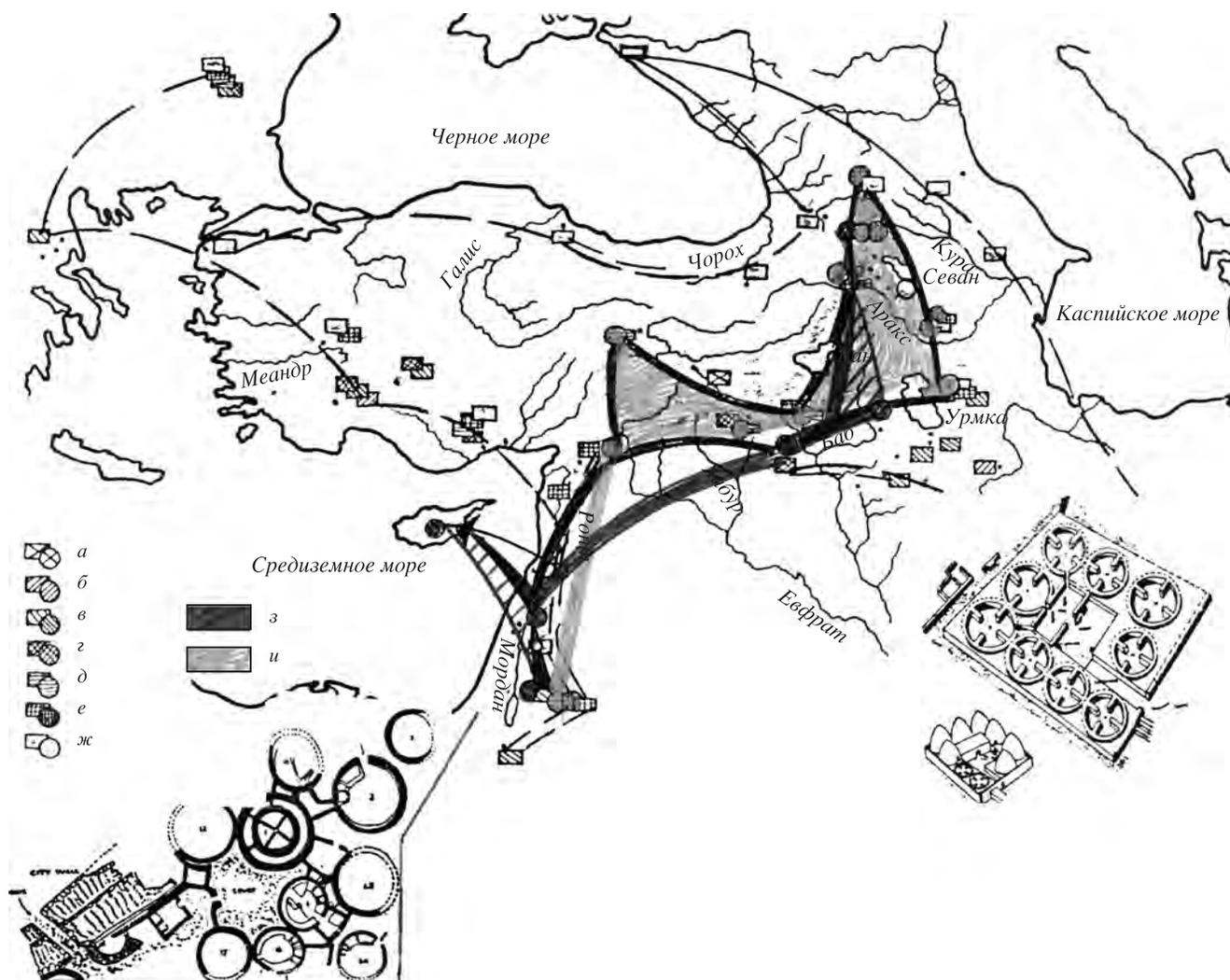

Рис. 3. Распространение круглых в плане построек на Ближнем Востоке и Южном Кавказе в X–III тыс. до н.э. Условные обозначения: *a* – X тыс. до н.э.; *b* – VIII тыс. до н.э.; *v* – VII тыс. до н.э.; *z* – VI тыс. до н.э.; *d* – V тыс. до н.э.; *e* – IV тыс. до н.э.; *ж* – III тыс. до н.э.; *з* – X–VI тыс. до н.э.; *и* – V–III тыс. до н.э. На врезках – план сооружений на поселении Яник-тепе и план и реконструкция сооружений на поселении Кирбет-Керак (по Джавахишвили, 1973. Табл. 18, *c, d*).

Для более позднего времени количество археологических карт, свидетельствующих о степных связях Северного Кавказа, увеличивается, и у нас оказывается возможность картировать археологические и генетические данные на одной картографической основе или в одном масштабе. Мы приводим несколько примеров, более подробно рассмотренных нами ранее (Ковалевская, 2005. С. 20–25. Карты 2–5, 32, 40–42). Рассмотрим сделанные в одном масштабе карты второй компоненты изменчивости генофонда народов Кавказа (рис. 4) и первой компоненты плотности разных типов погребальных сооружений Предкавказья скифского, сарматского и аланского времени I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (рис. 5). Карта на рис. 4, так же, как и карта на рис. 1, рисует направление степного импульса из евразийской степи с северо-северо-востока на юго-запад. Направление

изолиний, характер и площади сменяющих друг друга областей плотности и общая конфигурация сравниваемых карт на рис. 4 и 5 очень близки. Также сходны геногеографическая карта на рис. 4 и карта плотности так называемых “земляных городищ” (рис. 6) – аланских протогородов с сырцовыми оборонительными стенами, – близкая ареалам подкурганых катакомб, свидетельствующих о переселении алан в первых веках н.э. из Закаспия, скорее всего из Приаралья. На синтетических геногеографических и археологических картах отражены те факторы, которые стояли за передвижениями степного населения на равнины, в предгорья и горы Кавказа, отражавшимися как в древней материальной культуре, так и в генах, сохранившихся у современного коренного населения. Как писали на эту тему Ю.Г. Рычков и его коллеги: “За прошедшее время

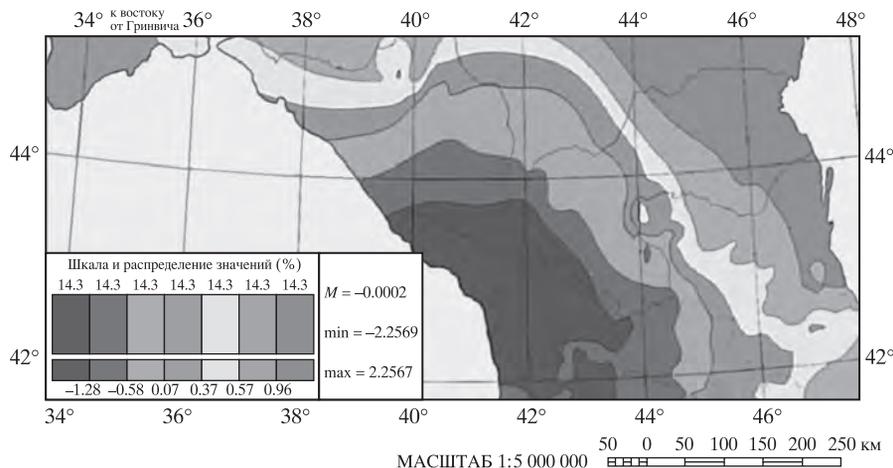

Рис. 4. Вторая главная компонента изменчивости генофонда народов Кавказа.

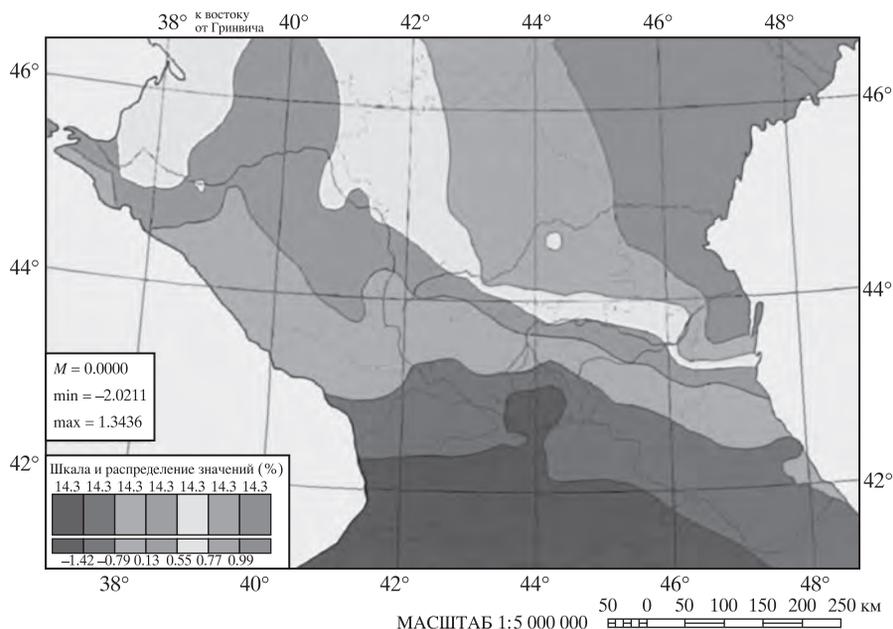

Рис. 5. Первая главная компонента плотности распределения скифских, сарматских и аланских раннесредневековых памятников (VIII в. до н.э – X в. н.э.).

от населения, некогда оставившего материальную культуру, может не остаться никакой иной памяти, кроме генов, перешедших по цепи поколений из древнего генофонда в современный и сменившихся на этом пути носителей с их этнонимами и культурной спецификой” (Рычков и др., 1999. С. 134).

В рассмотренных нами примерах при использовании геногеографических карт мы сопоставляем их с известными нам по историческим свидетельствам данными о передвижениях людей в отмеченном геногеографическими картами направлении. Из самих же геногеографических карт мы не получаем информации о времени соответствующих передвижений.

Но внесение хронологических реперов при анализе генофонда все таки возможно в том случае, если мы сможем изучить полиморфизм ископаемой ДНК. Это одно из наиболее молодых направлений в генетике, ставшее особенно популярным с развитием методов молекулярной биологии, в совокупности с накоплением данных о генетическом разнообразии населения большинства регионов земного шара, что позволило перейти от исследования генетических маркеров в отдельных палеоантропологических образцах к популяционно-генетическим исследованиям, а следовательно и использовать геногеографию, как метод математического моделирования

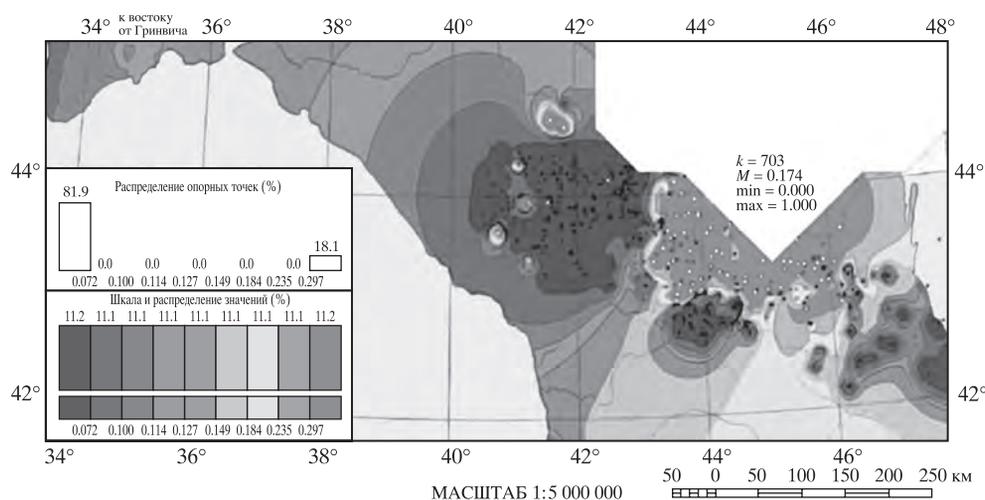

Рис. 6. Распространение “земляных городищ” и “каменных крепостей” эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе.

состояний генофонда, опираясь не только на методы ретроспективного анализа, но и на фактические данные о генетическом разнообразии древних популяций. Исследование генетического разнообразия древних народов Кавказа, проводившихся в лаборатории генетики человека ИОГен РАН под руководством Рычкова С.Ю. и Морозовой И.Ю., было поддержано рядом грантов РФФИ.

В рамках такого подхода было проведено исследование генетического разнообразия меотов – народа, идентифицируемого по принадлежности к меотской культуре, памятники которой находятся, главным образом, в Прикубанье и Приазовье.

Анализ митохондриальной ДНК, выделенной из палеоантропологического материала трех могильников, относящихся к меотской культуре и расположенных в разных концах ареала, позволил на основе выборки в 46 образцов получить представление о структуре генетического разнообразия этого народа. В целом можно сказать, что большая часть обнаруженных гаплотипов принадлежит к западноевразийскому генетическому пулу, соотношение частот основных гаплогрупп вполне типично для популяций Европы, Кавказа и Ближнего Востока. Восточноевразийский генетический компонент представлен незначительно – выявлен только один гаплотип, принадлежащий к гаплогруппе М, распространенный сегодня главным образом в популяциях Индостана. География генетического разнообразия меотов представлена на карте генетических расстояний до современных этносов Европы (рис. 7).

На представленной карте в первую очередь выделяется область низких значений генетических расстояний, охватывающая большую часть Европы, включая Кавказ, а также Иран. На этой территории, в свою очередь, выделяются области более

низких и более высоких значений, которые могут трактоваться в целом как отражение разных этапов развития генофонда меотов. Территории малых генетических расстояний локализируются на Кавказе, в этнических ареалах армян, адыгейцев, чеченцев, кумыков и Ближнем Востоке у персов Ирана. Поскольку значительная часть территорий Кавказа оказывается генетически удалена от исследуемого генофонда, близость меотов к народам Северного Кавказа можно рассматривать как отражение развития собственно меотского генетического разнообразия, поскольку культура меотов сформировалась в регионе Северного Кавказа, точнее, в сопредельных с горной страной степях. В то же время, генетическая близость, в первую очередь, к армянам и персам, а, во вторую, к грекам, славянам и балтам позволяет считать представленную картину отражением более ранних этапов эволюции генофонда меотов. В генетическом разнообразии меотов удалось обнаружить генетические линии, связывающие самих меотов с народами Северного Кавказа и носителями синташтинской культуры (Naak et al. 2015), что дает основание считать носителей меотской культуры потомками одной из ранних волн миграции ближневосточных земледельцев в эпоху неолита-бронзы (IV–III тыс. до н. э.) в южнорусские степи. К сожалению, формат этой работы не позволяет представить весь ход анализа закономерностей географического распространения генетических линий, выявленных в результате исследования митохондриальной ДНК из меотских могильников. Представленная здесь синтетическая карта (рис. 7), в основе которой лежат методы филогенетического и популяционно-генетического анализа генетического разнообразия, дает вполне наглядную картину развития и взаимосвязей народа, сошедшего с исторической арены ещё в III веке н. э.

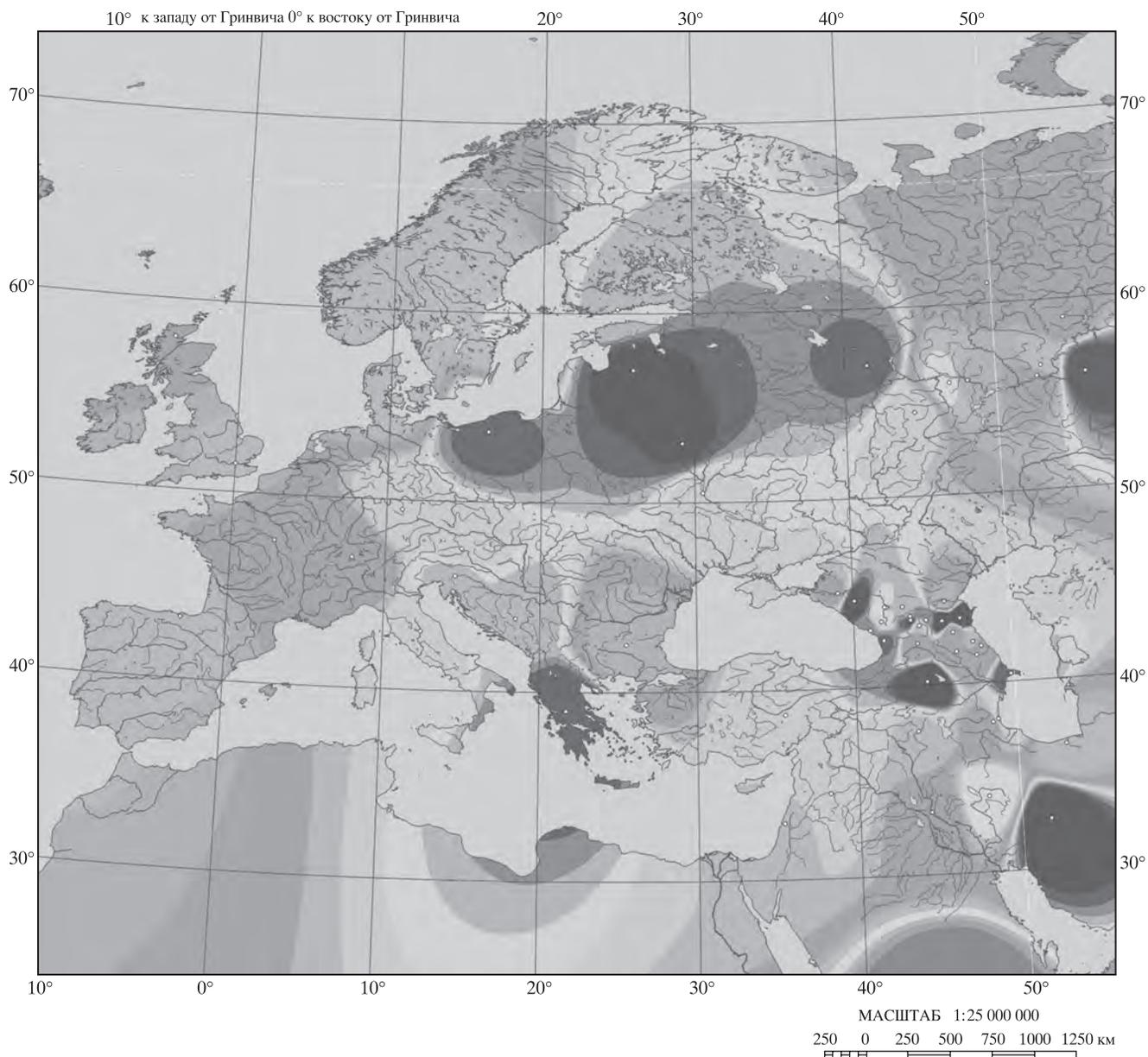

Рис. 7. География генетического разнообразия меотов.

Сводя воедино результаты исследования генофонда носителей культуры меотов, заметим, что качественный состав генетического разнообразия меотов, в совокупности с картиной генетических расстояний и материалами сравнительно-исторического языкознания, указывает на то, что носители этой культуры – народ, говоривший на языке, относящемся к индоевропейской лингвистической семье, точнее, ее армяно-греко-арийской ветви (Kullanda, 2014). Корни генофонда этого народа восходят к ранним стадиям дивергенции населения, ассоциируемого сегодня с индоевропейской лингвистической общностью.

Выявить особенности любого генофонда на каждом из исторических этапов его развития можно,

имея в своем распоряжении остеологический материал хорошей сохранности, происходящий из надежно датированных и атрибутированных археологических памятников для последующего изучения ископаемой ДНК. Работа эта комплексная и долговременная, требующая постоянной кооперации специалистов разного профиля – археологов, антропологов, лингвистов и генетиков, проведения направленных полевых и лабораторных исследований, объединения сил и средств и поддержки научных фондов. В рамках ряда проектов подобная работа проводилась и проводится для изучения культурного и генетического наследия ираноязычного населения в Европе и на Кавказе (скифы, сарматы, аланы,

осетины) с использованием как современных, так и древних материалов, и методов молекулярной и популяционной генетики и тематической картографии. Это перспективные и важные направления исследований, в которых генетика может занять подобающее ей место в этнокультурных исследованиях населения России для разных периодов его существования. Причем генетические исследования продуктивны как для обобщения и рассмотрения исторических процессов на протяжении длительного временного континуума и для обширных пространств, так и для отдельного могильника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология, этнография и фольклористика Кавказа: новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: материалы Междунар. науч. конф. / Ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Эпоха, 2007. 414 с.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. С. 440–1328. (Сквозная пагинация томов).
- Генофонд и геногеография народонаселения. Т. I: Генофонд населения России и сопредельных стран / Ред. Ю. Г. Рычков. СПб.: Наука, 2000. 610 с.
- Генофонд и геногеография народонаселения. Т. II: Геногеографический атлас населения России и сопредельных стран / Ред. Ю. Г. Рычков. СПб.: Наука, 2003. 670 с.
- Грехова Л. В., Балановская Е. В., Рычков Ю. Г.* Разработка технологии создания компьютерных региональных археологических атласов: Поздний палеолит северной Европы // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология и этнография: матер. Всерос. конкурса науч.-исслед. проектов в области гуманитарных наук (1994). М., 1996. С. 286–304.
- Дергачев В. А.* О скипетрах, о лошадях, о войне: этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб.: Нестор-История, 2007. 486 с.
- Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до н.э. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 374 с.
- Ковалевская В. Б.* Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.: НПБО “Фонд археологии”, 1995. 193 с.
- Ковалевская В. Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 396 с.
- Ковалевская В. Б.* Негауссовы распределения и поиск закономерностей в археологии // Философские основания технетики: мат-лы VI Междунар. науч. конф. по философии техники и технетики (Москва, 24–26 января 2001) / Ред. Б. И. Кудрин. М.: Центр системных исследований, 2002 (Ценологические исследования; вып. 19). С. 485–490.
- Ковалевская В. Б.* Применение компьютерного картографирования для решения хронологических вопросов (по раннесредневековым материалам Европы) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): материалы II Междунар. археол. конф. (17–20 ноября 1997 г.). Самара: СамВен, 1998. С. 4–27.
- Ковалевская В. Б., Рычков Ю. Г.* Геногеография Кавказа в свете археологии // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб., 1996. С. 151–153.
- Ковалевская В. Б., Рычков Ю. Г., Жукова О. В.* Методы компьютерного картирования переселения народов и передвижения вещей (Кавказ и Волга I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Тез. докл. науч. конф., посвященной 100-летию П. Д. Рау. Саратов, 1997. С. 176–178.
- Корневский С. Н.* Радиоуглеродные даты древнейших курганов Юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок – Мешоко – Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: НТЦ, 2006. С. 141–146.
- Межлумян С.* Возможность доместикации лошади на Армянском нагорье // Тез. докл. науч. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в РА. Ереван, 1991. С. 150–157 (на арм. яз.)
- Петренко А. Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археологическим материалам). Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007 (Археология евразийских степей; вып. 3). 143 с.
- Рычков Ю. Г.* Пространство и время в геногеографии // Вестник АМН СССР. 1984. № 7. С. 11–16.
- Рычков Ю. Г., Балановская Е. В.* Генофонд и геногеография СССР // Генетика. 1992. Т. 28, № 1. С. 52–75.
- Рычков Ю. Г., Балановская Е. В., Нурбаев С. Д., Шнейдер Ю. В.* Историческая геногеография Восточной Европы // Восточные славяне: Антропология и этническая история / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Научный мир, 1999. С. 109–134.
- Симонян А. Е.* Конь, коневодство, колесница и всадник в Древней Армении // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства: матер. междунар. науч. конф. / Ред. В. М. Массон. Ашхабад, 2001. С. 32–33.
- Benecke N.* On the beginning of horse husbandry in the southern Balkan Peninsula – the horse bones from Kirklareli-Kanligeçit (Turkish Thrace) // Equids in Time and Space: Papers in honour of Véra Eisenmann. Oxford: Oxbow, 2006. P. 92–100.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Banffy E., Economou Ch., Francken M., Friederich S., Garrido Pena R., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S. L., Risch R., Rojo Guerra M. A., Roth Ch., Szecsenyi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D.,*

- Anthony D., Cooper A., Werner Alt K., Reich D.* Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. № 522. P. 207–211.
- Kullanda S.* External relations of Scythian // *Вопросы языкового родства (Journal of Language Relationship)*. 2014. № 11. P. 81–90.
- Piggott S.* The Earliest Wheeled Transport. From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. N. Y.: Cornell University Press, 1983. 272 p.

THE CAUCASUS IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGY AND GENOGEOGRAPHY

Vera Kovalevskaia

Institute of Archaeology, RAS, Moscow (ver.kov@mail.ru)

The Caucasus is a historical-cultural area of the great linguistic, anthropological, ethnic and natural diversity that for millennia had constant links with the Eastern Mediterranean, the Near East and the North Pontic region. The orientation of cultural relations had been changing from period to period. The study is based primarily on the archaeological record interpreted with the aid of certain extraarchaeological sources. Genogeography is a completely new source of historical information enabling us to trace human migrations from the spread of genes. The introduction of computer genogeographic mapping enhanced the potentialities of archaeological studies. The methods of spline and weighted average interpolation make it possible to create quantitative models of distribution of different phenomena and compare them. Correlation of genogeographic and archaeological maps has shown that almost all cultural phenomena are reflected in the distribution of groups of genes of the local population. The maps of the main components show us the factors underlying the distribution of genes and artefacts. In the 5th – 1st millennia BC the Caucasus was between the beetle and the block. On the one hand, mobile herding groups from the North Caucasian steppes had participated in the ethnocultural life of the Caucasus. On the other hand, owing to the aridization of the climate, migrations from the Near East to Transcaucasia were taking place in the 5th-4th millennia BC. Thus Southern Transcaucasia became a part of the Near Eastern world.

Key words: Caucasus, Near East, North Pontic area, genogeography, gene pool, mapping, migrations.

REFERENCES

- Arkheologiya, etnografiya i fol'kloristika Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Noveyshie arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze" [Archaeology, Ethnography and Folkloristics of the Caucasus: Proceedings of the International Scholarly Conference "The Recent Archaeological and Ethnographic Researches in the Caucasus"], 2007. M.S. Gadzhiev, ed., O.M. Davudov, comp. Makhachkala: Epokha, pp. 8–9.
- Benecke N.*, 2006. On the beginning of horse husbandry in the southern Balkan Peninsula – the horse bones from Kirklareli-Kanligeçit (Turkish Thrace). *Equids in Time and Space: Papers in honour of Véra Eisenmann*. Oxford: Oxbow, pp. 92–100.
- Dergachev V.A.*, 2007. O skipetrakh, o loshadyakh, o voynе: etyudy v zashchitu migratsionnoy kontseptsii M. Gimbutas [On Sceptres, Horses and War: Sketches in Defence of Marija Gimbutas' Migration Theory]. St.Petersburg: Nestor-Istoriya. 486 p.
- Dzhavakhishvili A.I.*, 1973. Stroitel'noe delo i arkhitektura poseleniy Yuzhnogo Kavkaza V–III tys. do n.e. [Building Technique and Architecture of the Settlements of the South Caucasus in the 5th – 3rd millennia BC]. Tbilisi: Metsniereba. 374 p.
- Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach.V.*, 1984. Indoevropskiy yazyk i indoevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokul'tury [English-language edition: Indo-European and the Indo-Europeans: A reconstruction and historical analysis of a proto-language and a proto-culture. Translated by Johanna Nichols, edited by Werner Winter. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1995], II. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta, pp. 440–1328 (Total pagination).
- Genofond i genogeografiya narodonaseleniya [Gene pool and population genogeography], I. Genofond naseleniya Rossii i sopredel'nykh stran [Gene pool of the Population of Russia and the Neighbouring Countries]. Yu.G. Rychkov, ed. St. Petersburg: Nauka, 2000. 610 p.
- Genofond i genogeografiya narodonaseleniya [Gene pool and population genogeography], II. Genogeograficheskiy atlas naseleniya Rossii i sopredel'nykh stran [Genogeographic Atlas of the Population of Russia and the Neighbouring Countries]. Yu.G. Rychkov, ed. St. Petersburg: Nauka, 2003. 670 p.
- Grekhova L.V., Balanovskaya E.V., Rychkov Yu.G.*, 1996. Razrabotka tekhnologii sozdaniya komp'yuternykh regional'nykh arkheologicheskikh atlasov: Pozdnyy paleolit severnoy Evropy [The elaboration of the technology of creation of computerized regional archaeological

- atlases: The Late Paleolithic of Northern Europe]. *Gumanitarnaya nauka v Rossii: Sorosovskie laureaty: Istoriya. Arkheologiya. Kul'turnaya antropologiya i etnografiya: materialy Vserossiyskogo konkursa nauchno-issledovatel'skikh proektov v oblasti gumanitarnykh nauk [The Humanities in Russia: Soros Prize-winners: History. Archaeology. Cultural Anthropology and Ethnography: The Materials of the Pan-Russian Competition of Research Projects in the Field of the Humanities]*. Moscow, pp. 286–304.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Banffy E., Economou Ch., Francken M., Friederich S., Garrido Pena R., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Rojo Guerra M.A., Roth Ch., Szecsenyi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Werner Alt K., Reich D., 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*, № 522, pp. 207–211.
- Korenevskiy S.N., 2006. Radiokarbonnye daty drevneyshikh kurganov Yuga Vostochnoy Evropy i eneoliticheskogo bloka pamyatnikov Zamok – Meshoko – Svobodnoe [Radiocarbon dates of the earliest barrows of the southern part of Eastern Europe and the aeneolithic block of sites Zamok – Meshoko – Svobodnoe]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Archaeological Issues of the Volga Area]*, 4. Samara: Nauchno-tehnicheskii tsentr, pp. 141–146.
- Kovalevskaya V.B., 1995. Arkheologicheskaya kul'tura – praktika, teoriya, komp'yuter [Archaeological Culture – Practice, Theory and Computer]. Moscow: Fond arkheologii. 193 p.
- Kovalevskaya V.B., 1998. Primenenie komp'yuternogo kartografirovaniya dlya resheniya khronologicheskikh voprosov (po rannesrednevekovym materialam Evropy) [The application of computer mapping to chronological issues from early medieval European materials *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. (voprosy khronologii): materialy II Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii [Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the 1st Millennium AD (Chronological Issues): Proceedings of the 2nd International Archaeological Conference]*. Samara: SamVen, pp. 4–27.
- Kovalevskaya V.B., 2002. Negaussovyy raspredeleniya i poisk zakonornostey v arkheologii [Non-Gaussian distributions and the search for regularities in archaeology]. *Filosofskie osnovaniya tekhniki: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po filosofii tekhniki i tekhniki [Philosophical Bases of Technetics: Proceedings of the 6th International Scholarly Conference on the philosophy of technique and technetics]*, B.I. Kudrin, ed. Moscow: Tsentr sistemnykh issledovaniy (Tsenologicheskie issledovaniya, 19).
- Kovalevskaya V.B., 2005. Kavkaz – skify, sarmaty, alany. I tys. do n.e. – I tys. n.e. [The Caucasus – The Scythians, the Sarmatians and the Alans in the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Pushchinskii nauchnyy tsentr RAN. 396 p.
- Kovalevskaya V.B., Rychkov Yu.G., 1996. Genogeografiya Kavkaza v svete arkheologii [Genogeography of the Caucasus in the light of archaeology]. *Mezhdru Azii i Evropoy: Kavkaz v IV–I tys. do n.e.: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Iessena [Between Asia and Europe: The Caucasus in the 4th – 1st millennia BC. On A.A. Iessen's 100th Anniversary]*. St. Petersburg, pp. 151–153.
- Kovalevskaya V.B., Rychkov Yu.G., Zhukova O.V., 1997. Metody komp'yuternogo kartirovaniya pereseleniya narodov i peredvizheniya veshchey (Kavkaz i Volga I tys. do n.e. – I tys. n.e.) [Methods of computer mapping of peoples' migrations and artefacts' spread (The Caucasus and the Volga in the 1st millennium BC – 1st millennium AD)]. *Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu P.D. Rau [Abstracts of Papers Presented to the Scholarly Conference on P.D. Rau's 100th Anniversary]*. Saratov.
- Kullanda S., 2014. External relations of Scythian. *Journal of Language Relationship*, № 11, pp. 81–90.
- Mezhlumyan S., 1991. Vozmozhnost' domestikatsii loshadi na Armyanskom nagor'e [The possibility of horse domestication on the Armenian Plateau.] *Tezisy dokladov nauchnoy sessii, posvyashchennoy itogam polevykh arkheologicheskikh issledovaniy v RA [Abstracts of papers read at a scholarly session devoted to the results of archaeological fieldwork in the R(epublic of) A(rmenia)]*. Yerevan. (In Armenian.)
- Petrenko A.G., 2007. Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoy deyatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Predural'ya (po arkheologicheskim materialam) [The Formation and Evolution of Animal Husbandry in the History of Peoples of the Middle Volga Area and Cisuralia from the Archaeological Record]. Kazan': Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 143 p. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 3).
- Piggott S., 1983. The Earliest Wheeled Transport. From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. New York: Cornell University Press. 272 p.
- Rychkov Yu.G., 1984. Prostranstvo i vremya v genogeografii [Space and time in genogeography.] *Vestnik Akademii meditsinskikh nauk SSSR [Bulletin of the Academy of Medical Sciences of the USSR]*, 7, pp. 11–16.
- Rychkov Yu.G., Balanovskaya E.V., 1992. Genofond i genogeografiya SSSR [Gene Pool and genogeography of the USSR]. *Genetika [Genetics]*, vol. 28, no. 1, pp. 52–75.
- Rychkov Yu.G., Balanovskaya E.V., Nurbaev S.D., Shneyder Yu.V., 1999. Istoricheskaya genogeografiya Vostochnoy Evropy [Historical genogeography of Eastern Europe]. *Vostochnye slavyane: Antropologiya i etnicheskaya istoriya [East Slavs: Physical Anthropology and Ethnic History]*. T.I. Alekseeva, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 109–134.
- Simonyan A.E., 2001. Kon', konevodstvo, kolesnitsa i vsadnik v Drevney Armenii [Horse, horse-breeding, chariot and rider in Ancient Armenia.] *Rol' akhaltekinskogo konya v formirovaniy mirovogo konnozavodstva: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [The Role of the Akhal-Teke Horse in the Formation of World Horsebreeding: Proceedings of the International Scholarly Conference]*. V.M. Masson, ed. Ashkhabad.

ПОГРЕБЕНИЯ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ

© 2016 г. С.В. Шарапова*, Д.И. Ражев**

* *Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург
(svetlanasharapova@rambler.ru)*

** *Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень*

Проведен анализ погребений саргатской культуры лесостепного Притоболья (ранний железный век). Определены общие и особенные характеристики людей разных возрастных групп. Учтены не только косвенные признаки (анализ погребального инвентаря и обрядности), но и данные палеопатологий. Полученные в ходе исследования выводы дополняют предложенные ранее социальные реконструкции.

Ключевые слова: саргатская культура/общность, Притоболье, могильники, морфотипы, социальная идентичность.

Интерес к древностям раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири имеет долгую историю, а проблемы археологии региона преимущественно связаны с изучением саргатской культуры. Материальный мир саргатской культуры/общности нашел всестороннее освещение в работах Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой, В.А. Могильникова, Л.И. Погодина, Н.В. Полосьмак и др., которые не только изучали отдельные аспекты культуры, но и заложили основу исследований, в том числе и социальной направленности. Во многих случаях анализ коллекций сопровождался широким использованием статистических методов, а выборки погребений использовались в качестве исходного материала для реконструкции социальной структуры (Корякова, 1988, 1994; Матвеева, 2000, 2005; Берсенева, 2011).

В работах названных исследователей отмечается, что поселения и могильники саргатской культуры (VII–VI вв. до н.э. – II–III вв. н.э.) расположены в лесостепи от Урала до Барабы. Саргатская общность возникла как многокомпонентное образование, в котором преобладающим был местный субстрат. Политически доминирующей, вероятно, была иноэтничная элита. Саргатское общество было организовано в несколько вождеств с центрами в Притоболье, Приишимье и Среднем Прииртышье. Погребальный обряд предполагал ингумацию с последующим возведением надмогильного сооружения или захоронение покойного в уже имеющейся насыпи. Дисбаланс между количеством людей, похороненных в курганах и проживавших на поселениях, позволяет предположить существование аль-

тернативных форм захоронения для индивидов, не относящихся к разряду элиты. Население сочетало подвижное скотоводство с охотой и рыболовством (Культура..., 1997).

К настоящему времени интерпретационные возможности в археологии существенно расширились, а многие из обозначенных ранее вопросов потребовали привлечения новых аналитических конструкций. Однако, несмотря на неослабевающий интерес к социальным реконструкциям, приходится констатировать, что возможности физической антропологии долгое время сводились преимущественно к определению пола и возраста. В широком спектре биологических характеристик посткраниальный анализ значительно уступал другим. Имеющиеся на сегодняшний день публикации лишь частично сокращают эту диспропорцию, но стоит отметить, что их количество постоянно растет. Повышенный интерес археологов к работам антропологов был стимулирован заметной активизацией исследований в изучении разнообразных аспектов жизни древних популяций и появлением знаковых работ в этих областях (Медникова, 2004; Бужилова, 2005; Каргалы ..., 2005; Чикишева и др., 2014), а главное – открывшейся возможностью сопоставить их с археологическими материалами.

Данная статья основана на результатах изучения маркеров физической активности саргатского населения (Ражев, 2009). В ней представлена корреляция данных археологии и антропологии. Из-за фрагментарности источника и малочисленности выборки при интерпретации результатов палеопатологических исследований предпочтение отдано

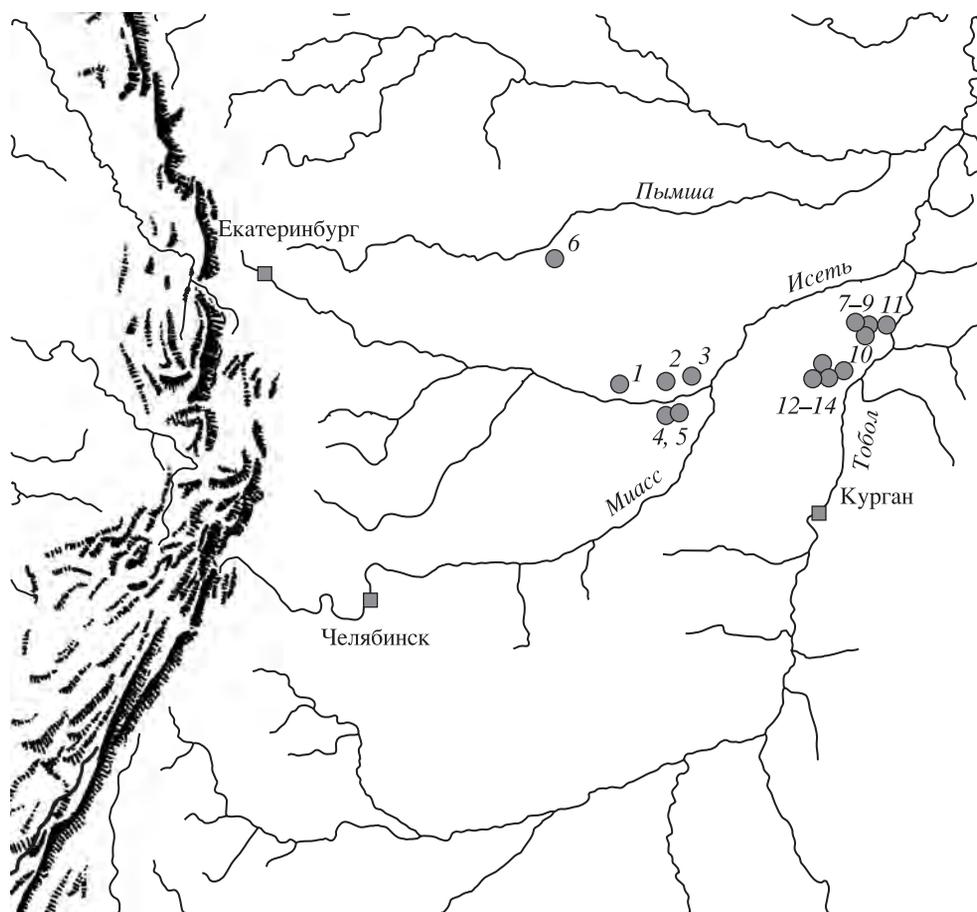

Рис. 1. Карта-схема расположения могильников саргатской общности в Притоболье. 1 – Прыговский 1; 2 – Сопининский 1; 3 – Гаевский 1; 4 – Мурзинский 1; 5 – Мурзинский 3; 6 – Куртугуз 1; 7 – Карасье 9; 8 – Карасье 8; 9 – Щучье 1; 10 – Тютринский; 11 – Савиновский; 12 – Красногорский 1; 13 – Красногорский 2; 14 – Красногорский Борок.

контекстуальному анализу¹. Выбор лесостепного Притоболья обусловлен несколькими причинами. В 1992–2003 гг. этот ареал саргатских древностей был полигоном совместного российско-французского проекта, в котором авторы принимали активное участие. Международной экспедицией помимо поселений были раскопаны 9 из 14 рассматриваемых здесь могильников (Daire et al., 2002)² (рис. 1; табл. 1). Кроме того, участие антропологов в полевых и камеральных работах позволило избежать несоответствия археологического и антропологического определений пола погребенных. Случай не частый, но известный по публикациям (Ражев, 2009. С. 47, 48). Используются как опубликованные (Матвеев, Матвеева 1991; Матвеева, 1993; Культура..., 1997; Daire et al., 2002; Ковригин и др.,

2006; Корякова и др., 2009; Среда..., 2009), так и не опубликованные (Шарапова, 2001) источники. Всего были исследованы доступные скелетные останки 144 индивидов: 86 мужчин, 42 женщины, 16 детей (табл. 2).

Анализ маркеров физической активности – мест прикрепления мышц и связок, артрозных проявлений на суставных поверхностях – позволил разделить гендерные составляющие взрослой части выборки на две морфологические группы, условно названные “активный” и “спокойный” морфотипы (Ражев, 2009. С. 251–314). В то же время выраженность этих признаков на детских костях минимальна, что не позволило учесть детей при характеристике морфотипов. В целом для общесаргатской выборки было зафиксировано соотношение “активного” и “спокойного” морфотипов в мужской части – 1:1, в женской – 1:3 (Ражев, 2009. С. 285). Из-за разной сохранности костного материала не для всех индивидов удалось определить принадлежность к морфотипам. Как видно из табл. 2,

¹ Анализ погребенного в контексте окружающих предметов, структур/объектов и слоев заполнения (Hodder, Hutson, 2003. P. 203–205).

² Для скелетных останков из остальных пяти могильников антропологические определения были выполнены Д.И. Ражевым и П. Курто.

Таблица 1. Характеристика могильников Притоболья

Памятник / Источник	Датировка	Количество курганов в могильнике	Количество раскопанных курганов	Количество индивидов
Пыговский 1 (Корякова и др., 2010)	VII–II вв. до н.э.	12	3	2
Сопининский 1 (Среда, культура и общество..., 2009)	IV–III вв. до н.э. – II вв. н.э.	2 (?)	2 и 1 грунтовое погребение	17
Гаевский 1 (Культура зауральских скотоводов..., 1997)	IV в. до н.э. – III в. н.э.	10	5	27
Мурзинский 1 (Daire et al., 2002)	IV в. до н.э. – II в. н.э.	14	9	19
Мурзинский 3 (Daire et al., 2002)	III–II вв. до н.э.	4	1	2
Куртугуз 1 (Ковригин, Ражев, 2007)	IV–III вв. до н.э.	3 погребения в скальном грунте	3	3
Карасье 9 (Ковригин и др., 2006)	I в. до н.э. – II в. н.э.	11	1	3
Карасье 8 (Шарапова, 2001)	IV–III вв. до н.э.	20	2	1
Щучье 1 (Шарапова, 2001)	V–II вв. до н.э.	3	3	8
Тютринский (Матвеев, Матвеева, 1991)	I–II вв. н.э.	10	5	35
Савиновский (Матвеева, 1993)	II–I вв. до н.э. – I–II вв. н.э.	8	7	15
Красногорский 1 (Матвеева, 1993)	V–III вв. до н.э.	18	5	5
Красногорский 2 (Матвеева, 1993)	Ранний железный век	11	1	2
Красногорский Борок (Матвеева, 1993)	I–II вв. н.э.	10	2	5
Всего		136	50	144

Таблица 2. Количество индивидов по группам

Могильник	“Спокойный” морфотип		“Активный” морфотип		Дети*
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	
Прыговский 1	–	–	–	1	–
Сопининский 1	1	2	1	–	2 (1)
Гаевский 1	2	–	5	2	4 (1)
Мурзинский 1	2	–	2	4	2
Мурзинский 3	1	1	–	–	–
Куртугуз 1	–	–	1	–	–
Карасье 9	–	1	–	–	1
Карасье 8	–	–	1	–	–
Щучье 1	–	–	–	–	2
Тютринский	5	2	5	4	5 (1)
Савиновский	3	–	3	2	–
Красногорский 1	–	–	–	–	–
Красногорский 2	–	–	–	–	–
Красногорский Борок	–	–	–	–	–
Всего	14	6	18	13	16

* В скобках указано количество детских скелетов из неразрушенных погребений.

всего идентифицировано 32 мужских скелета и 19 женских.

Наибольшее количество погребенных взрослых попадает в возрастной диапазон 20–49 лет, с пиком смертности мужчин в 30–44 года, женщин 25–39 лет. Средний возраст смерти мужчин обоих морфотипов одинаков и составляет 36 лет. У женщин же наблю-

даются заметные различия. Так, средний возраст смерти представительниц “активной” группы составляет 39 лет, что несколько больше среднего показателя женщин “спокойного” морфотипа – 36 лет.

Для мужчин и женщин “активного” морфотипа реконструирована более разнообразная и интенсивная физическая деятельность, чем для “спокойного”.

Выявленные в ходе антропологического анализа кинематические схемы представительниц “активного” типа в целом сходны с кинематикой мужчин. Это дает основания полагать, что физическая активность женщин этой группы во многом соответствовала активности мужчин, включая верховую езду. Остеометрическое отражение этого – массивность их скелетов. Для женщин “спокойного” морфотипа реконструируются менее интенсивные движения, а также отсутствие экстремальных, изнашивающих нагрузок, возникающих при постоянной верховой езде (Шарапова и др., 2014. С. 87).

Распространенность маркеров эпизодического истощения – линейная гипоплазия эмали зубов – свидетельствует, что дети женского и мужского пола в равной мере были подвержены воздействию неблагоприятных условий, приводивших к истощению организма и задержкам развития и роста коронок постоянных зубов. Однако в наиболее выгодном положении оказывались все же дети, впоследствии сформировавшие “спокойный” морфотип. Для 80% мужчин “активного” морфотипа были зафиксированы в среднем 1.3 выраженные линии эмалевой гипоплазии на резцах и клыках. У представителей “спокойной” группы гипоплазия выявлена у 57%, и среднее количество линий, приходящихся на одного человека, равняется 0.9. У 76% представительниц “активного” морфотипа обнаруживается в среднем 1.1 линейных гипоплазий. У женщин “спокойной” группы дефект фиксируется для 67%, и среднее количество линий, приходящихся на одного человека, составляет 0.6. Очевидно, что мужчины и женщины “активной” группы в раннем возрасте испытывали недостаток питания в значительно большей степени, чем индивиды “спокойного” морфотипа (Ражев, 2009. Табл. 7.8 и 7.9). Представители разных морфологических групп относятся к одному антропологическому варианту восточных европеоидов (Ражев, 2009. С. 244).

Захоронения мужчин и женщин располагались как в центре подкурганной площадки, так и по периферии, в том числе некоторые были, бесспорно, впускными. Саргатская курганная выборка демонстрирует преобладание мужчин. Мужских скелетов в 1.75 раза больше, чем женских (Ражев, 2009. С. 50), поэтому женских захоронений в центре кургана ожидаемо меньше. В Притоболье факт погребения мужчин в центральной яме был отмечен в 8 эпизодах из 14 для “спокойного” морфотипа и в 5 из 18 – для “активного”, женщин – 3 из 6 и 6 из 13 соответственно.

Преобладают индивидуальные могильные ямы. Не вдаваясь в дискуссию о существовании парных погребений – традиция, отмеченная у широкого

круга скотоводческих культур эпохи железа (Корякова, 1994. С. 142), – отметим лишь, что в саргатском мире известны подобные захоронения мужчины и женщины с ребенком, мужчины с ребенком, равно как и однополые погребения как женские, так и мужские (Полосьмак, 1987. С. 27; Корякова, 1994. С. 142). В Притоболье надежно документирован случай парного погребения только для представительницы “активного” морфотипа (Мурзинский 1, к. 8, п. 1), а в курганах расчищены комплексы как с гороховской традицией, так и саргатской. Возможно, данное обстоятельство и определило столь заметное исключение. Известны случаи введения мужской могилы в женскую без изменения формы и направления ориентировки ямы. Подобный вариант устройства “ярусных” погребений и попадания в контуры конструкции зафиксирован в центре кургана представительниц “спокойного” морфотипа (Сопининский 1, к. 2, п. 1, скелет 1 и п. 2, скелет 3; Мурзинский 3, к. 3, п. 2). В пользу интерпретации саргатских курганов как семейных кладбищ не раз высказывались разные исследователи (Корякова, 1994; Культура..., 1997; Матвеева, 2000). Отметим весьма примечательные материалы кургана 5 Гаевского 1 могильника. В центральной могильной яме 1, содержащей остатки “ярусного” захоронения, идентифицированы кости от двух мужских индивидов одного возраста (35-40 лет), один отнесен к “спокойному” морфологическому типу, другой – к “активному”. Зафиксированное сходство морфологического строения костей индивидов говорит о кровном родстве.

Как правило, в погребения мужчин и женщин помещали 2-3 сосуда с пищей животного происхождения и жидкостью³, а также “мясные” части. Согласно палеодиетической реконструкции мужчины и женщины “спокойного” морфотипа потребляли мяса в несколько раз больше, чем представители “активной” группы (Ражев, 2009. С. 323, 324).

Мужская серия выглядит довольно однообразной. Все захоронения мужчин “спокойного” и “активного” морфотипов датируются широким временным диапазоном – IV в. до н.э. – III в. н.э. Погребальный инвентарь маркирует статус воина. Неграбленные мужские могилы содержали стандартный набор, состоявший из меча и/или кинжала, конской сбруи, лука и стрел, сосудов и напутственной пищи в виде костей животных. Также найдены ножи и/или тесла, мотыжки, оселки, фрагменты доспеха, остатки декора одежды и колчана: разнообразные бусины, пряжки, заклепки. В некоторых погребениях представителей “активной” группы обнаружены серьги

³ Основанием служат данные почвенного анализа содержимого из сосудов разной величины (Культура..., 1997. С. 129).

(Гаевский 1, к. 6, п. 2; Мурзинский 1, к. 6, п. 3) и амулеты (Гаевский 1, к. 3, п. 1, скелет 1), костяное колечко расчищено в заполнении могилы мужчины “спокойного” морфологического типа (Тютринский, к. 10, п. 1). С одной стороны, в какой-то мере этот факт подтверждает предположение, что для мужчин, вероятно, не существовало ограничений в выборе инвентаря. С другой стороны, маркеры биологического пола как будто бы хорошо фиксируются археологически. Тем не менее есть единичные примеры неграбленных захоронений, где наблюдается несоответствие набора артефактов и биологического пола. Частный случай подобного несоответствия выявлен в Савиновском могильнике (к. 5, п. 4) у представителя “активного” морфотипа. В могиле мужчины 25–35 лет были расчищены два лепных сосуда, два бронзовых браслета, перстень, лепное прясло, куски мела и кости овцы. Случаи противоречия антропологического и археологического определений пола обнаружены в 5 из 56 погребений саргатской общности (Ражев, 2009. С. 37). В Притоболье зафиксирован только один эпизод, что вполне укладывается в рамки статистической погрешности⁴. Другим возможным объяснением может быть существование в саргатском обществе вертикальных статусных отличий, когда гендерная принадлежность определялась также и особыми символами, часть из которых могла и не сохраниться в археологическом источнике (татуировки, особый вид одеяния и т.п.). В таких ситуациях решающая роль в установлении пола отводится палеогенетике.

Деформированные черепа обнаружены только у мужчин “активного” морфотипа (Гаевский 1, к. 3, п. 4 и к. 6, п. 2). В целом сохранность черепов лучше в мужской серии. Деформация выражена несильно и может считаться вариациями одного циркулярного типа (Ражев, 2009. С. 147). Анализ распространения этого обычая позволил отнести “деформантов” к представителям саргатской аристократии, ведущей свое происхождение от южных кочевников (Sharapova, Razhev, 2011)⁵. Наиболее ранние примеры лобно-теменной деформации в саргатской среде, представленные в материалах

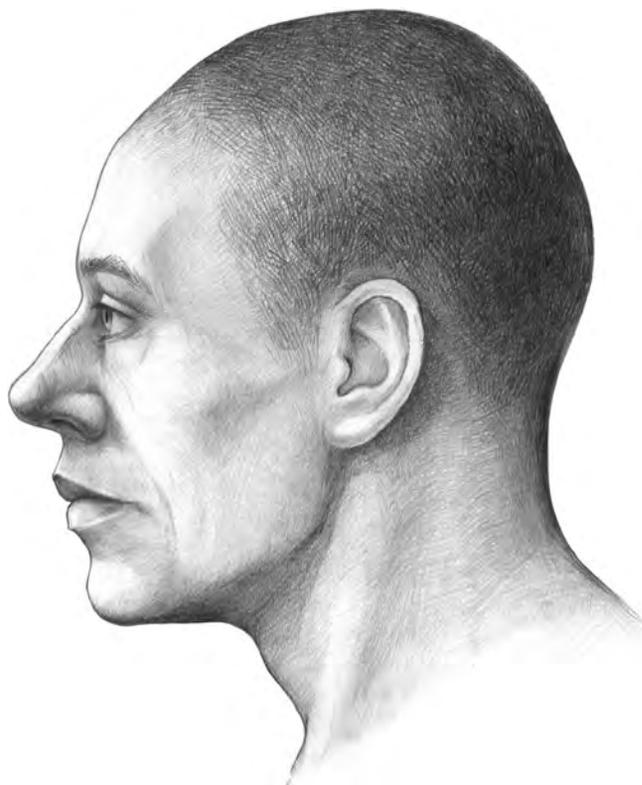

Рис. 2. Графическая реконструкция мужчины “спокойного” морфотипа (Мурзинский 1, к. 6, п. 2, скелет 1). Автор Е.А. Алексеева.

Гаевского 1 и Мурзинского 1 могильников, приходится на рубеж эр (Ковригин и др., 2006. С. 197).

В притобольской мужской серии только у двух индивидов были обнаружены травматические повреждения. Это представитель “спокойного” морфотипа 20–30 лет, у которого зафиксирован скол поверхностной пластины черепа (рис. 2) – травма, относимая к категории боевых (Мурзинский 1, к. 6, п. 2, скелет 1). На некоторых элементах посткраниального скелета регистрируются повреждения, последствия которых для пострадавшего, как правило, не летальны. Так, у мужчины “спокойного” морфотипа (Гаевский 1, к. 5, п. 1, скелет 1) выявлен перелом голени, который привел к хромоте, заживление же проходило в очень комфортных условиях.

В погребениях представительниц обеих морфологических групп инвентарь включает типично женские вещи – разнообразные украшения и пряслица. В могилах расчищены как ожерелья из разных бусин, браслеты, остатки от расшивки одежды, бронзовые зеркала, так и более скромные наборы – керамика, ножи. Керамические сосуды были обнаружены практически во всех погребениях обеих групп, исключение составили сильно разрушенные комплексы (Сопининский 1, к. 2, п. 1 и 2; Тютрин-

⁴ Известно, что точность определения пола по черепу и тазовым костям составляет 92–96% (Chamberlain, 2006. P. 97, 98). Для саргатской популяции ошибки определения пола составляют 15%, несовпадение определения пола по остеологическим признакам и набору артефактов – 16% (Ражев, 2009. С. 34–48).

⁵ Примечательно, что результаты палеогенетических исследований саргатского населения Барабинской лесостепи выявили внешнее генетическое влияние. Ряд линий в генофонде саргатской популяции свидетельствует о наличии генетических связей с населением Средней и Передней Азии и более южных регионов (Пилипенко и др., 2013).

ский, к. 7, п. 2; Мурзинский 1, к. 6, п. 1). Однако подобная однородность по составу инвентаря не столь очевидна при более пристальном рассмотрении. Прежде всего ансамбли артефактов в захоронениях женщин, относимых к “спокойному” морфотипу, в некоторых случаях не содержат даже самых простейших украшений (Карасье 9, к. 11, п. 2), что не характерно для таких могильников (Матвеева, 2000. С. 182). В то же время эти комплексы более разнообразны с точки зрения качественного состава предметов и демонстрируют черты, которые принято относить к археологическим проявлениям идентичности. Так, в могильной яме взрослой женщины из Тютринского могильника (к. 7, п. 2, скелет 2) некогда находился бронзовый котел вместо стандартного набора сосудов; кочевническая керамика и деформация черепа (рис. 3) выявлены в захоронении женщины 40–50 лет в могильнике Карасье 9 (к. 11, п. 2).

Данный случай примечателен еще тем, что в женской выборке преднамеренная циркулярная деформация выявлена только на черепе представительницы “спокойного” морфотипа. Изменение формы головы этой женщины выражено сильно и полностью соответствует традиции, наблюдаемой у кочевников. Кроме того, зафиксирована явная отсроченность захоронения. Длительное хранение или транспортировка тела с целью погребения на родовом кладбище исследователи связывают либо с сезонным характером совершения обряда, либо с обстоятельствами смерти (Ковригин и др., 2006. С. 197, 198, 201, 202).

Обращает на себя внимание “обилие” ритуальной пищи, остатки которой в виде костей животных и в сосудах (в некоторых случаях в погребениях наряду с костными остатками от одного-двух особей найдено до пяти сосудов) выявлены в непогребенных захоронениях женщин старше 40 лет. Очевидна явная возрастная дифференциация среди представительниц как “активного” (Гаевский 1, к. 3, п. 5), так и “спокойного” (Карасье 9, к. 11, п. 2; Мурзинский 3, к. 3, п. 2) морфотипа. Этот факт противоречит выводу Н.А. Берсеновой об отсутствии связи между возрастом и сопроводительным инвентарем (2013. С. 27).

В изучаемой группе женских захоронений не обнаружены мечи или защитный доспех, в то же время в могильных ямах найдены наконечники стрел, кинжалы, элементы конской сбруи. Единичные находки стрел присутствуют в погребениях представительниц “активного” морфотипа (Гаевский 1, к. 3, п. 1, скелет 2; Тютринский, к. 6, п. 1; Мурзинский 1, к. 13, п. 1), принадлежность их не всегда очевидна, так как в большинстве случаев

Рис. 3. Графическая реконструкция женщины “спокойного” морфотипа (Карасье 9, к. 11, п. 2). Автор Е.А. Алексеева.

они происходят из разрушенных могил. Поскольку отмечаются довольно частая (до 18% (Корякова, 1988. С. 56)) встречаемость некоторых предметов вооружения в женских комплексах, такие ситуации не только привлекают пристальное внимание, но и зачастую получают особую интерпретацию.

С одной стороны, стрелы происходят из могил представительниц “активного” морфотипа, что может косвенно указывать на участие женщин в воинских формированиях. Подобные выводы о женщинах-воительницах или конных лучницах активно обсуждаются многими исследователями саргатских древностей. С другой стороны, анализ кинематических схем физической активности саргатского населения, что может рассматриваться в качестве прямого признака для подобных интерпретаций, не выявил статистически достоверных асимметрий костей рук с преобладанием правой стороны как в общесаргатской женской выборке (Ражев, 2009. С. 262), так и в притобольской локальной серии. Подобная развитость рельефа наблюдается только у мужчин (Ражев, 2009. С. 262).

При более пристальном рассмотрении можно заметить, что из 13 погребений женщин “активного” морфотипа только в 3 были найдены одиночные наконечники стрел. Почти все они происходят из разрушенных погребений, где наряду с женскими костными останками были определены мужские (Гаевский 1, к. 3, п. 1, скелет 2) и кости детского скелета (Тютринский, к. 6, п. 1), а их принадлежность – не без оговорок. Как правило, материалы раскопок вводных, к тому же ограбленных, могил не дают исчерпывающей информации и порождают естественный вопрос: являются ли разрозненные стрелы остатками колчана и если так, то из мужского или женского инвентаря, или им отводилась особая семантическая роль? В пользу последнего свидетельствуют данные об одиночных стрелах-оберегах в сарматской среде (Глебов, Парусимов, 2000). Исключение, представленное разрушенным индивидуальным захоронением женщины (Мурзинский 1, к. 13, п. 1), можно объяснить либо антропологической погрешностью определения пола, либо семантикой стрелы в обрядах и фольклоре (стрела – “дар” умершим предкам, захоронение/хранение стрел в могиле/доме умершего) (Калинина, 2009. С. 153–156).

Также неоднозначно в интерпретации и погребение взрослой женщины (Тютринский, к. 7, п. 2, скелет 2) в парадных одеяниях и в сопровождении бронзового кельта, кинжала или ножа, конской упряжи – представительницы “спокойного” морфотипа. Однако в ходе камерального изучения выяснилось, что погребение, вероятно, содержало мелкие кости взрослого человека или ребенка (скелет 1). Возможно, имеется дело с остатками более раннего захоронения (подобные случаи возведения курганов с уничтожением ранних, располагавшихся на естественном микровозвышении, нередки (Ковригин и др., 2006)), либо это могло быть “ярусное” погребение, впоследствии разрушенное.

Важно отметить, что по материалам данной экспедиции известны только впускные захоронения в насыпь или яму, но точно не синхронные. Исключение составляют комплексы IV–III вв. до н.э., в которых помимо собственно саргатских фиксируются элементы обрядности гороховской археологической культуры в саргатских некрополях. Что касается факта нахождения ножей/кинжалов в могилах, в том числе женских, существует точка зрения, согласно которой мечи, копья и боевые топоры рассматриваются в качестве предметов вооружения, в то время как лук и стрелы, ножи и кинжалы применялись для охоты или хозяйственных целей (Сабилов, 2010. С. 37). Кроме того, еще одним звеном в данной цепочке рассуждений, следует рассматривать

характер травматических повреждений. Только у представительницы “активного” морфотипа 40–60 лет имеется вдавленное повреждение свода черепа (Гаевский 1, к. 3, п. 5) предположительно от удара тупым предметом, которое не поддается однозначной интерпретации. Судя по залеченности, эту травму можно с определенной долей условности отнести к категории бытовых столкновений (Ражев, 2009. С. 289, 290).

В погребениях обеих морфологических групп находились глиняные, плоскостонные, цилиндрической формы маленькие сосуды – типичные экземпляры сосудов-курильниц, которые были распространены в лесостепном Зауралье в саргатско-гороховское время; их традиционно связывают с культом. В рассматриваемой выборке данная категория предметов выявлена в могилах двух представительниц “активного” (Прыговский 1, к. 2, п. 2; Мурзинский 1, к. 8, п. 1, скелет 2) и одной – “спокойного” (Тютринский, к. 7, п. 2, скелет 2) морфотипа. К предметам культа также относят каменные плиты или так называемые жертвенники (Гаевский 1, к. 3, п. 5, “активный” морфотип) и “молоточки” (Мурзинский 1, к. 8, п. 1, скелет 2), хотя их истинная функция далеко не ясна. Эти находки происходят, как правило, из неграбленных погребений взрослых женщин не моложе 30 лет, датированных V–II вв. до н.э. – I–III вв. н.э.

Не столь яркая, но показательная ситуация прослежена при анализе хронологии рассматриваемых материалов. Захоронения женщин, относимых к “активному” морфотипу, датируются IV в. до н.э. – III в. н.э., что практически полностью совпадает с хронологией саргатской общности в Притоболье. Могилы представительниц “спокойного” морфотипа в хронологическом отношении “тяготеют” к рубежу эр. Надежно документированные комплексы имеют радиоуглеродные даты в интервале II в. до н.э. – II в. н.э. (Daire et al., 2002. P. 242; Ковригин и др., 2006. С. 196). В истории населения саргатской общности это было насыщенное разными событиями время. В указанный период на саргатской территории зафиксирован обычай преднамеренной деформации головы. В погребениях рубежа эр встречается и большое количество импортных среднеазиатских вещей, что может свидетельствовать об усилении связей между саргатскими группами и родами степных кочевников, втянутых в политические события того времени (Корякова, 1994. С. 154). Однако такие контакты не всегда были мирными. Вероятно, на рубеж эр приходится некий “всплеск” напряженности и конфликтов. Тем не менее количество травм, относимых к боевым, в общесаргатской выборке чрезвычайно мало, что по

всей видимости соответствует военной деятельности в десятки раз меньшей, чем у поздних сарматов и хунну (Шарапова, Ражев, 2013).

Детские захоронения от погребений взрослых отличает прежде всего малочисленность. В рассматриваемой выборке таковых 16, из них только 3 непотревожены. Весьма заметно отсутствие погребений детей в материалах некоторых могильников. Допуская, что не все некрополи раскопаны полностью (табл. 1), приходится констатировать, что по крайней мере в исследованных в них курганах детских могил нет. В Притоболье таких 8 из 14 могильников (табл. 2). Данная ситуация не уникальна. Низкий процент детских погребений отмечен во многих обществах древности (Балабанова, 2009; Серегин, 2013).

Несмотря на фрагментарность антропологического материала, в ряде случаев удалось провести физиологическую градацию невзрослых, которая также принята и в археологической демографии: младенцы (*infancy*, 2–11 мес.), младшие дети (*early childhood*, 1–5 лет), старшие дети/подростки (*later childhood*, 6–11 лет) и юные (*adolescence*, 12–17 лет) (Алексеев, Дебец, 1964; Chamberlain, 2006). В Притоболье детская выборка представлена следующим образом: младенцы – два индивида, младшие дети – четыре, подростки – шесть, юные – один, возраст неопределим – три. Погребения датируются широким хронологическим диапазоном V–II вв. до н.э. – I–III вв. н.э.

Детские погребения в центральных могилах саргатских курганов крайне редки, в Притоболье их три (Сопининский 1, к. 1, п. 1, скелет 3; Карасье 9, к. 11, п. 1, скелет 1; Гаевский 1, к. 7, п. 1, скелет 1). Из всех захоронений детей очень мало неграбленных – также всего три (Сопининский 1, к. 1, п. 1, скелет 3; Гаевский 1, к. 6, п. 1; Тютринский, к. 5, п. 2). Анализ археологического материала позволяет с определенной долей условности предположить существование нескольких возрастных/социальных/гендерных категорий детей.

Младенцы погребались без инвентаря (Сопининский 1, к. 1, п. 1, скелет 3) либо в сопровождении нейтральных по отношению к биологическому полу предметов: керамика, кости животных (Тютринский, к. 4, п. 3). Данный факт заметно отличает существовавшие в Притоболье традиции у населения саргатской и гороховской культур. Так, в могильнике гороховской культуры Скаты 1 в яме с подбоем были расчищены кости младенца с разнообразным инвентарем (лепные сосуды, золотые бусины, раковина, бронзовые наконечники стрел и железный кинжал) (Daige et al., 2002. P. 83–90).

В индивидуальных захоронениях детей младшей группы среди сохранившегося инвентаря помимо сосудов имеются уже другие предметы: обломок изделия из кости (Сопининский 1, к. 1, п. в насыпи), бисер, серьги, медная пластина (Тютринский, к. 8, п. 3). Неоднократно упоминавшиеся особенности погребального обряда гороховской культуры демонстрируют яркие исключения – парное погребение мужчины 30–50 лет и ребенка 2–3 лет, принадлежность инвентаря которого не поддается определению из-за разрушения норой (Гаевский 1, к. 6, п. 4).

Погребения подростков отличает не только многочисленность, но и состав инвентаря, в том числе и из ограбленных могил. Встречаются своеобразные маркеры пола, которые для умерших взрослых были определены на статистически выделенных мужских и женских комплексах (Корякова, 1988. С. 55–58; Матвеева, 2005. С. 142). В могилах девочек найдены артефакты, которые обычно ассоциируются с женщинами, – керамические прясла (Щучье 1, к. 2, п. 1 и к. 3, п. 4; Тютринский, к. 3, п. 3; Гаевский 1, к. 3, п. 3), курительницы (Мурзинский 1, к. 8, п. в насыпи). Схожая ситуация отмечена и для погребений мальчиков – фрагменты фалара и меча/кинжала (Карасье 9, к. 11, п. 1, скелет 1). Ножи есть в захоронениях мальчиков и девочек. Некоторые предметы следует рассматривать индикаторами взрослости – лук и колчан, конская сбруя. Этнография дает примеры, когда переход в категорию взрослых происходил не по достижении индивидом необходимого количества лет, а определялся его физическими данными (цит. по: Матвеева, 2005. С. 142). Редкий случай неграбленного погребения подростка, экипированного оружием ближнего и дальнего боя, зафиксирован в погребении 1 кургана 6 Гаевского 1 могильника (рис. 4). Особенности развития скелета свидетельствуют о принадлежности мужскому индивиду. Костный рельеф мышечных прикреплений наиболее развит на костях верхних конечностей и плечевого пояса; с левой стороны отмечен залеченный перелом ребер.

Еще один не менее выразительный пример представлен в материалах Тютринского могильника, где расчищено захоронение девушки 12–14 лет (к. 5, п. 2). Совокупность косвенных признаков – сложность конструкций, характерный инвентарь и нарядная одежда с разнообразными аксессуарами – недвусмысленно демонстрируют культурные стереотипы феминности.

Приведенные факты позволяют предположить, что, вероятно, в 6–11 лет происходило “разделение” детей на гендерные группы – изменение социального статуса, основанного на возрасте.

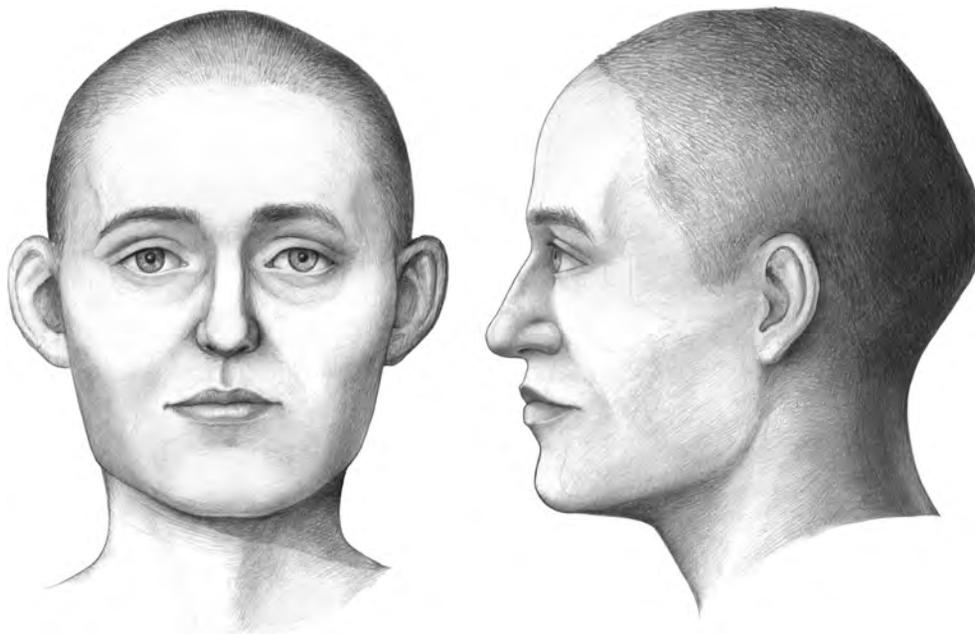

Рис. 4. Графическая реконструкция подростка (Гаевский 1, к. 6, п. 1). Автор Е.А. Алексева.

В заключение стоит отметить, что совместное рассмотрение археологических и антропологических данных позволило выявить некоторые детали, недоступные этим областям по отдельности, и иначе взглянуть на известные материалы. Наиболее наглядно это демонстрирует женская выборка. Контекстуальный анализ погребений и данные палеопатологических исследований не позволяют принять гипотезу о существовании в саргатском обществе вооруженной группы всадниц или занятии женщин военным делом, выделяя этот эпизод из известных примеров за пределами саргатской ойкумены. Достижение старшего возраста женщинами отражено количеством фиксируемой ритуальной пищи, остатки которой найдены в виде костей животных и сосудов. Погребения мужчин не столь выразительны. Возможно, этот факт объясняется небольшим размером выборки для этого региона.

В целом можно отметить, что выбор предметов инвентаря маркирует вертикальный социальный статус и отражает существовавшие возможности для определенных не столько возрастных, сколько социальных страт. Представители «активного» морфотипа из-за повышенных нагрузок могут рассматриваться выходцами из более низкой страты, достигшими высокого положения благодаря личным заслугам. Мужчины и женщины «спокойного» морфотипа, вероятно, принадлежали к наследственной аристократии по факту рождения, они чаще хоронились в центральных могильных ямах. Все сказанное выше подтверждает гипотезу о том, что

саргатское общество в том варианте, в котором оно реконструируется по археологическим и антропологическим материалам, было стратифицировано и включало группы «избранных».

Существовавшие в саргатском обществе различия подчеркивали не столько имущественное разделение, сколько принадлежность к определенным группам. Социальные маркеры помимо элементов костюма и вооружения представлены и обычаем преднамеренной деформации головы. Учитывая, что она может быть осуществлена только в очень раннем детстве, можно допустить, что именно взрослые, прежде всего женщины – носительницы традиции, оценивали социальные связи и принадлежность детей к определенным социальным общностям и группам, определяя, таким образом, у подрастающих индивидов их – детей – осознание «я». По мере развития/роста эта форма социальной идентичности становилась символом ранга, указывающим на положение того или иного индивида в системе вертикальных статусных отношений. Однако макроцефалия все же не гарантировала ее обладателям высших ступеней. Все могилы людей с деформированными черепами располагались на периферии подкурганной площадки, заметно уступая погребальным комплексам, устроенным с особой пышностью и огромными трудозатратами.

Выявленные изменения в составе инвентаря для разных когорт незрелых (с возрастом он становится разнообразнее) позволяют осторожно предположить, что полоролевая социализация

девочек происходила чуть раньше, чем мальчиков. Отдельные различия саргатской и гороховской погребальной обрядности, столь ярко выраженные в захоронениях детей IV–III вв. до н.э., отмечают локальные особенности, которые позднее стали менее заметны.

Проведенное исследование показало принципиальную возможность применения посткраниального анализа в социальных реконструкциях, поскольку гипотетические построения основаны не на принципе отсутствия/наличия признака в статистической выборке. Характеристики физического состояния изучаемых индивидов (стрессы, нагрузки, возраст и т.д.) даны в археологическом контексте. Из-за разграбленности курганов и, как следствие, малочисленности выборки оказалось затруднительным провести полную реконструкцию социальной системы саргатского населения. Однако в результате исследования общая картина дополнена деталями, которые позволяют увидеть частное через общее и общее через индивидуальное.

Авторы признательны А.А. Ковригину, Л.Н. Коряковой, М.-И. Дэйр, П. Курто, работа с которыми открыла новое видение в изучении древнего населения.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00158) и РГНФ (проект № 13-02-00097), а также в рамках конкурсного проекта № 15-13-6-12 Комплексной программы УрО РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниомерия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Балабанова М.А.* Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. 2009. № 3. С. 79–88.
- Берсенева Н.А.* Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 206 с.
- Берсенева Н.А.* Погребения людей старшей возрастной группы (саргатская культура) // РА. 2013. № 1. С. 22–29.
- Глебов В.П., Парусимов И.Н.* Новые сарматские погребения в бассейне реки Сол // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д.: Терра, 2000 (Матер. и исследования по археологии Дона; Вып. 1). С. 61–89.
- Бужилова А.П.* Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
- Калинина И.В.* Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 268 с.
- Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 241 с.*
- Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П., Ражев Д.И., Шаранова С.В.* Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. к 70-летию А.Х. Пшеничнока / Ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 187–203.
- Ковригин А.А., Ражев Д.И.* Новые исследования грунтового могильника Куртугуз 1 // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 5. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 157–175.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 241 с.
- Корякова Л.Н.* Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. II: Мир реальный и потусторонний / Ред. В.М. Кулемзин, В.И. Матющенко, А.И. Боброва. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 113–169.
- Корякова Л.Н., Шаранова С.В., Ковригин А.А.* Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 62–71.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург, 1997. 180 с.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П.* Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири / Ред. Н.М. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 104–139.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура Западной Сибири // Социальная структура ранних кочевников Евразии / Ред. Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин, А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 129–151.
- Медникова М.Б.* Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетея, 2004. 208 с.
- Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., Кобелева Л.С., Молодин В.И., Журавлев А.А.* Первые данные о генофонде митохондриальной ДНК носителей саргатской культуры в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX / Ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 555–558.
- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2009. 492 с.

- Сабиров Т.Р.* Погребальный обряд Тарасовского могильника (V–I века) на Средней Каме // Вестн. Челяб. ГУ. 2010. № 18 (199). История. Вып. 41. С. 32–40.
- Серегин Н.Н.* Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 87–94.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Ред. Л.Н. Корякова. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 328 с.
- Чикишева Т.А., Волков П.В., Кривошапкин А.Л., Титов А.Т., Курбатов В.П., Зубова А.В., Бородовский А.П.* Технологии древних хирургов скифского времени: прижизненные трепанации у ранних кочевников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 146–154.
- Шарапова С.В.* Отчет о раскопках погребального комплекса Карасье в Заводоуковском районе Тюменской области. Екатеринбург, 2001 // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. II. Д. 73.
- Шарапова С.В., Ражев Д.И.* Биоархеология черепных травм саргатского населения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 143–154.
- Шарапова С.В., Ражев Д.И., Курто П.* Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 84–95.
- Chamberlain A.T.* Demography in archaeology. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2006. 235 p.
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., González E., Kovriguin A., Kosintsev P., Langouët L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Ugé M.-C., Berseneva N., Garcia Y., Koseko O., Marcoux N., Mikrukova O., Molinès N., Panteleyeva S., Quesnel L.* Habitat et nécropoles de l'Age du Fer au carrefour de l'Eurasie. Paris: De Boccard, 2002. 291 p.
- Hodder I., Hutson S.* Reading the past: current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge: Cambridge Univ. press, 2003. 293 p.
- Sharapova S., Razhev D.* Skull Deformation during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // The Bioarchaeology of the Human Head: Decapitation, Deformation, and Decoration. Gainesville: Univ. Press of Florida, 2011. P. 203–227.

BURIALS OF SARGAT CULTURE: A FRESH LOOK AT KNOWN FACTS

Svetlana V. Sharapova*, Dmitrii I. Razhev**

**Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg (svetlanasharapova@rambler.ru)*

***Institute of problems of development of the North Siberian Branch RAS, Tyumen (rajevd0@gmail.com)*

The analysis of the Sargat culture burials of the forest-steppe Tobol River basin (the early Iron Age) has been done. General and specific features of people of the different age groups have been identified. Not only circumstantial characteristics (such as the analysis of burial rites and ritualism) have been considered, but also the data of paleopathology. The results which have been received during the research complement the earlier suggested social reconstructions.

Key words: the Sargat culture/community, Tobol River basin, burials, morphotypes, social identity.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F.*, 1964. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranioimetry. Methodology of anthropological researches]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Balabanova M.A.*, 2009. Polovozrastnaya struktura nasele-niya pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzh'ya [Age and gender structure of the population of the late Sarmatian epoch of Nizhnee Povolzhye]. *RA [RA]*, 3, pp. 79–88.
- Berseneva N.A.*, 2011. Sotsial'naya arkheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniyakh sargatskoy kul'tury [So-cial archaeology: age, gender and status in the burial of the Sargat culture]. Ekaterinburg: UrO RAN. 206 p.
- Berseneva N.A.*, 2013. Pogrebeniya lyudey starshey vozrast-noy gruppy (sargatskaya kul'tura) [People's burials of the old age group (the Sargat culture)]. *RA [RA]*, 1, pp. 22–29.
- Buzhilova A.P.*, 2005. Homo sapiens: istoriya bolezni [Homo sapiens: medical history]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 320 p.
- Chamberlain A.T.*, 2006. Demography in archaeology. New York: Cambridge Univ. press. 235 p.
- Chikisheva T.A., Volkov P.V., Krivoshapkin A.L., Titov A.T., Kurbatov V.P., Zubova A.V., Bородовский A.P.*, 2014.

- Tekhnologii drevnikh khirurgov skifskogo vremeni: prizhiznennyye trepanatsii u rannikh kochevnikov Gornogo Altaya [Technologies of ancient surgeons of the Scythian epoch: living trepanations at the early nomads of the Gorny Altai]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnography and anthropology]*, 4 (60), pp. 146–154.
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalèz E., Kovrigin A., Kosintsev P., Langouët L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Ugé M.-C., Berseneva N., Garcia Y., Koseko O., Marcoux N., Mikrukova O., Molinès N., Pantelejeva S., Quesnel L., 2002. Habitat et nécropoles de l'Age du Fer au carrefour de l'Eurasie. Paris: De Boccard. 291 p.
- Glebov V.P., Parusimov I.N., 2000. Novye sarmatskie pogrebeniya v bassejne reki Sol [New Sarmatian burials in the Sol river basin]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [The Sarmats and their neighbors on Don]*. Yu.K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 61–89. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, 1).
- Hodder I., Hutson S., 2003. Reading the past: current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge: Cambridge Univ. press. 293 p.
- Kalinina I.V., 2009. Ocherki po istoricheskoy semantike [Essays on the historical semantics]. St. Petersburg: SPb gos. univ. 268 p.
- Kargaly..., 2005. Kargaly [Kargaly], IV. Nekropoli na Kargalakh. Naseleniya Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya [Necropolises in Kargaly. The population of Kargaly: paleoanthropological research]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. 241 p.
- Koryakova L.N., 1988. Ranniy zheleznyy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. gos. univ. 241 p.
- Koryakova L.N., 1994. Uralo-Irtyshskaya lesostep' [Ural-Irtysh forest-steppe]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri [Essays on the cultural genesis of the peoples of the Western Siberia]*, II. *Mir real'nyy i potustoronniy [Real world and underworld]*. V.M. Kulemzin, V.I. Matyushchenko, A.I. Bobrova, eds. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. univ., pp. 113–169.
- Koryakova L.N., Sharapova S.V., Kovrigin A.A., 2010. Prygovskiy 2 mogil'nik: kochevniki i lesostep' [Prygovskiy-2 cemetery: nomads and forest-steppe]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Vestnik]*, 2 (27), pp. 62–71.
- Kovrigin A.A., Koryakova L.N., Kurto P., Razhev D.I., Sharapova S.V., 2006. Aristokraticheskie pogrebeniya iz mogil'nika Karas'e 9 [Aristocratic burials from the cemetery Karas'e 9]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. k 70-letiyu A.Kh. Pshenichnyuka [Southern Ural and adjacent area in Scytho-Sarmatian epoch: collected papers to the 70th anniversary of A. Kh. Pshenichniuk]*. G.T. Obaydenova, N.S. Savel'ev, eds. Ufa: Gilem, pp. 187–203.
- Kovrigin A.A., Razhev D.I., 2007. Novye issledovaniya gruntovogo mogil'nika Kurtuguz 1 [New researches of the ground cemetery Kurtuguz 1]. *Okhrannyye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale [Preservation archaeological researches on the Middle Ural]*, 5. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 157–175.
- Kul'tura zaural'skikh..., 1997. Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er. Gaevskiy mogil'nik sargatskoy obshchnosti: antropologicheskoe issledovanie [Culture of the Trans-Urals cattle farmers at the turn of eras. Gaevskiy cemetery of the Sargat community: anthropological research]. Ekaterinburg. 180 p.
- Matveev A.V., Matveeva N.P., 1991. Tyutrin'skiy mogil'nik [Tyutrin'skiy cemetery]. *Istochniki etnokul'turnoy istorii Zapadnoy Sibiri [The origins of ethnocultural history of the Western Siberia]*. N.M. Matveeva, ed. Tyumen': Tyumen. gos. univ., pp. 104–139.
- Matveeva N.P., 1993. Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole [Sargat culture on the Middle Tobol]. Novosibirsk: Nauka. 175 p.
- Matveeva N.P., 2000. Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke [Social and economic structures of the population of the Western Siberia in the Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. 399 p.
- Matveeva N.P., 2005. Sargatskaya kul'tura Zapadnoy Sibiri [The Sargat culture of the Western Siberia]. *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii [Social structure of early nomads of Eurasia]*. N.N. Kradin, A.A. Tishkin, A.V. Kharinskiy, eds. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. univ., pp. 129–151.
- Mednikova M.B., 2004. Trepanatsii v drevnem mire i kul't golovy [Trepanation in ancient world and the cult of a head]. Moscow: Aleteya. 208 p.
- Pilipenko A.S., Polos'mak N.V., Kobeleva L.S., Molodin V.I., Zhuravlev A.A., 2013. Pervye dannye o genofonde mitokhondrial'noy DNK nositeley sargatskoy kul'tury v Barabinskoy lesostepi [First data on the genofond of mitochondrial DNA of the bearers of the Sargat culture in Barabinskaya forest-steppe]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territory]*, XIX. A.P. Derevyanko, V.I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 555–558.
- Polos'mak N.V., 1987. Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in the epoch of early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. 144 p.
- Razhev D.I., 2009. Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obshchnosti [Bioanthropological population of the Sargat community]. Ekaterinburg: IIA UrO RAN. 492 p.
- Sabirov T.R., 2010. Pogrebal'nyy obryad Tarasovskogo mogil'nika (V–I veka) na Sredney Kame [Funeral rite of the Tarasovo cemetery (5th–1st cc.) on the Middle Kama]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Chelyabinsk State University]*, 18 (199). Istoriya, 41, pp. 32–40.

- Seregin N.N., 2013. Detskie pogrebeniya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona [Children burials of the early Middle Age Turkof the Altai-Sayan region]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* [Vestnik of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 3 (22), pp. 87–94.
- Sharapova S., Razhev D., 2011. Skull Deformation during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia. *The Bioarchaeology of the Human Head: Decapitation, Deformation, and Decoration*. Gainesville: Univ. press of Florida, pp. 203–227.
- Sharapova S.V. Otchet o raskopkakh pogrebal'nogo kompleksa Karas'e v Zavodoukovskom rayone Tyumenskoy oblasti. Ekaterinburg, 2001 [Report on the excavation works of the burial complex of Karasje in Zavodoukovskiy District of Tyumen Oblast. Ekaterinburg, 2001]. *Arkhiv IIA UrO RAN* [Archive of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS], F. II, D. 73 (unpublished).
- Sharapova S.V., Razhev D.I., 2013. Bioarkheologiya cherepnykh travm sargatskogo naseleniya [Bioarcheology of the cranial traumas of the Sargat population], 1 (53), pp. 143–154.
- Sharapova S.V., Razhev D.I., Kurto P., 2014. Novoe v izuchenii zhenskikh pogrebeniy (po materialam sargatskoy kul'tury Pritobol'ya) [New in the studies of women's burials (on the materials of the Sargat culture of Tobol River basin)]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* [Vestnik of Archaeology, Anthropology and Ethnographii.], 1 (24), pp. 84–95.
- Sreda, kul'tura..., 2009. Sreda, kul'tura i obshchestvo lesostepnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (po materialam Pavlinovskogo arkhelogicheskogo kompleksa) [Environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of the 1st millennium BC (on the materials of Pavlinovskiy archaeological complex)]. L.N. Koryakova, ed. Ekaterinburg; Surgut: Magellan. 328 p.

КОЛЧАНЫ УРАРТСКОГО ЦАРСТВА

© 2016 М. Кастеллучча, Р. Дан

*Общество по изучению Средиземноморья и Востока (ISMEO), Рим
(manuel.castelluccia@gmail.com) (roberto_dan@hotmail.it)*

Урартское царство нам оставило, пожалуй, самый крупный корпус металлических предметов древнего Ближнего Востока. Часто, однако, неизвестно, откуда именно происходят эти находки. Цель данной статьи – представить все экземпляры металлических колчанов из известных раскопок в рамках Урартского царства. Классификация артефактов произведена с опорой на виды нанесенных на них орнаментальных композиций.

Ключевые слова: Урарту, колчаны, бронзовые изделия, железный век, ассирийское искусство, урартское искусство.

В контексте археологии Ближнего Востока (особенно когда речь идет о железном веке) мы находим различные свидетельства использования металлических колчанов. Подтверждением тому служат многочисленные изображения того времени, в частности, рельефы фасадов царских дворцов (как новоассирийских, так и ахеменидских). Колчанов, найденных непосредственно в ходе археологических раскопок, не так много: большая часть образцов была приобретена на антикварных рынках, и, следовательно, установить место происхождения этих вещей практически невозможно.

Фрагменты наиболее древнего экземпляра были обнаружены в некрополе города-государства Мари (Восточная Сирия), в 134-ой могиле, датированной поздним медным веком (Boehmer et al., 1995. S. 41. Abb. 21; Jean Marie, 1999. P. 120, 121. Pl. 30). Поверхность колчана разделена на две части (уровня); на обеих виден ряд больших рельефных точек. Еще один колчан (длиной около 55 и шириной 6.5 см), относящийся к IX–VIII вв., был найден в урукском некрополе, в 334-ой могиле (Boehmer et al., 1995. S. 41, 94–95. Taf. 129).

Что касается новоассирийского контекста, то единственный известный в настоящее время колчан был обнаружен в северо-восточной части крепости Салманасара в Нимруде во время экспедиции английских учёных 1960 г. (Oates, 1961. P. 13). Данный фрагмент (длиной около 44 и шириной 10 см) не имеет никаких украшений. Таким образом, Месопотамия предоставила ученым лишь небольшое количество образцов; на Иранском и Армянском плато сохранилось гораздо больше памятников.

Единственный экземпляр из Луристана был обнаружен в ходе раскопок в некрополе Вар Кабуд и относится к позднему железному веку. Колчан (длиной 59 см) украшен рядом больших рельефных точек и геометрическим орнаментом в виде небольших пальм (Haerinck, Overlaet, 2004. P. 53. Fig. 18). Внутри него было найдено 13 железных наконечников стрел.

Несколько колчанов было обнаружено в некрополе Марлик вблизи Каспийского моря. Они имеют коническую форму и украшение, которое, в целом, сводится к простым геометрическим орнаментам и линиям, состоящим из выгравированных точек (Negahban, 1995. P. 97). Еще как минимум четыре колчана (Muscarella, 1989. P. 26) были найдены в районе археологического памятника Хасанлу, недалеко от южного побережья оз. Урмия; три из них медные; четвертый же состоит из железных пластин, украшенных сценами охоты и изображениями животных. Он был найден в Хасанлу IVB, на полу Нижнего Двора (Pigott, 1989. P. 75. Fig. 14). Наконец, еще один колчан, который до сих пор не был описан, по словам П. Кальмайера, происходит из Суз (Calmeyer, 1969. S. 87).

Кроме того, изображения, на которых фигурируют колчаны, присутствуют на многочисленных медных поясах, обнаруженных в различных некрополях Закавказья (Chidašeli, 1986. S. 66–69. Taf. 12, 13). При этом во время раскопок не было найдено ни одного металлического колчана: возможно, колчаны в то время изготавливались из быстро разрушающихся материалов.

Количество колчанов из Урартского царства, напротив, очень значительно и во много раз превосходит

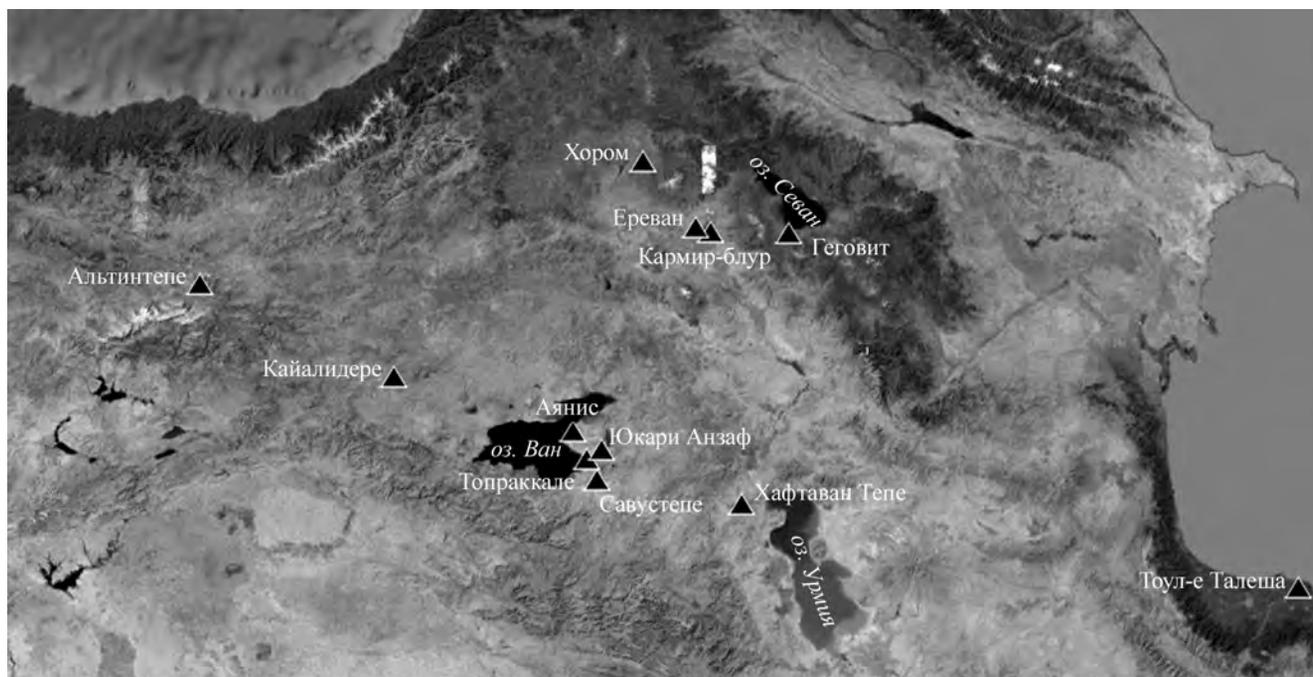

Рис. 1. Находки колчанов (карта памятников).

количество аналогичных предметов из любого другого государства Древнего Востока (Calmeyer, 1991. P. 123). Дошедшие до нас экземпляры имеют довольно схожие черты: речь идет о тонких металлических досках с преимущественно рельефными украшениями. Одна из внешних сторон обшивалась кожей, что делалось главным образом из практических соображений, во избежание непосредственного соприкосновения металла со спиной воина, несшего колчан. Две части скреплялись между собой при помощи ряда отверстий (диаметром от 0.7 до 1.5 см), расположенных параллельно длинной стороне колчана на расстоянии около 2 см друг от друга. Нам известны только медные экземпляры колчанов, за исключением железного образца из Аяниса. Также известно большое количество экземпляров с надписями; большинство из них было обнаружено при раскопках Кармир-блур¹ (Армения), а также в крепостях Юкари Анзаф² и Топраккале³ у оз. Ван. Все эти колчаны (за исключением тех, что сохранились частично, а также одного колчана, датировка которого колеблется между периодами правления Русы II и Русы III) относятся к времени правления Аргишти I, Аргишти II и Сардури II. Тексты, выгравированные на медных предметах, всегда лаконичны

и чаще всего представляют собой дарственную надпись, свидетельствующую о том, что предмет был принесен царем в дар божеству Халди. Именно из этих текстов мы узнаем об урартском названии колчанов – “гурби” (STU IV B9–11).

В научных трудах указывается на различные места обнаружения колчанов, но далеко не все данные были опубликованы подробно. Б. Б. Пиотровский пишет о находках как минимум 18 колчанов в Кармир-блуре (Piotrovskij, 1967. P. 47), часть которых была выставлена в Эрмитаже, но, к сожалению, только 13 колчанов были описаны⁴. Существует также немало экземпляров, найденных в крепости Аяниса, которые остаются практически не изученными до сих пор. Мы располагаем очень скухими данными о колчанах, обнаруженных в Савустепе: попадают лишь общие указания на их обнаружение в некоторых местах крепости. К сожалению, до сих пор не существует ни одного изображения или какой-либо информации об основных чертах этих находок.

Цель статьи – обзор всех известных в настоящее время экземпляров колчанов, обнаруженных в ходе документированных раскопок (рис. 1), которые можно отнести к предметам прикладного искусства Урартского царства. Собранные экземпляры были разделены на группы на основе особенностей декора.

¹ STU IV B8–14, B8–15, B8–16 (Аргишти I), B9–10, B9–11, B9–12 (Сардури II) и B18–10 (датировка: не установлена). Здесь и далее ссылка STU IV соответствует в списке литературы изданию: Salvini, 2012. Далее следует номер по каталогу.

² STU IV B11–1 (Аргишти II).

³ STU IV B18–4 (Русы II или Русы III).

⁴ К сожалению, далеко не всегда оказалось возможным установить точное соотношение между библиографическими данными и изображениями в научных трудах.

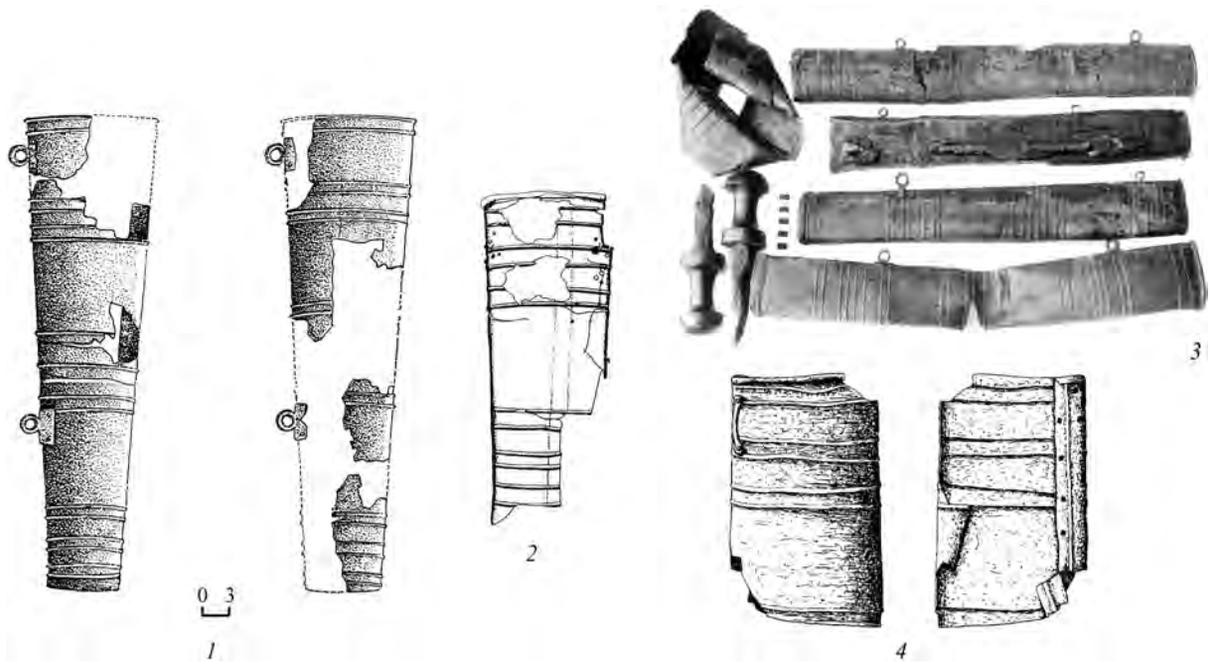

Рис. 2. Колчаны, украшенные горизонтальными линиями: 1 – Ереван (Biscione, 1994. Fig. 8); 2, 4 – Топраккале (Wartke, 1990. Fig. 8; Burney, 1966. Pl. 18c); 3 – Кайалидере (Barnett, 1972. Fig. 7).

Простые колчаны. Первая группа состоит из экземпляров без украшений. Подобные колчаны, происхождение которых задокументировано, были найдены в Аянисе (Derin, Çilingiroğlu, 2001. P. 159; Vaş, 2008. S. 66. R. 61). К сожалению, до сих пор их точное число неизвестно, так как большинство еще не изучено. На данный момент такой вид колчанов можно отнести к первой половине VII в. до н.э., ко времени царя Русы II, ориентируясь на возраст памятников в Аянисе (Ayanis I, 2001). Еще один колчан (длиной 29 см), от которого сохранился только небольшой фрагмент задней стороны, был обнаружен в Топраккале. Вдоль края колчана видны отверстия для крепления, а также маленькое кольцо для подвешивания.

Колчаны с горизонтальными линиями (рис. 2). Ко второй группе относятся самые распространенные колчаны. Главный компонент их декора – выгравированные горизонтальные линии. Заметны лишь легкие вариации в использовании горизонтальных полос, число которых колеблется от пяти до восьми. Два экземпляра, обнаруженные в гробнице под Ереваном, имеют своеобразную коническую форму вместо обычной цилиндрической, что отчасти позволяет провести аналогии с ассирийскими образцами эпохи Синахериба и Ашшурбанапала (Madhloom, 1970. Fig. 9, 11. Pl. 25), а также с североиранскими образцами, упомянутыми выше.

Подробное изучение некоторых мест обнаружения этих колчанов позволяет связать подобный вид

декора с поздним периодом существования царства Урарту, по всей видимости, с периодом правления Русы II. К счастью, на колчанах данной группы в двух случаях выгравированы дарственные надписи, что позволяет установить некоторые хронологические ориентиры. На экземпляре из Юкар Анзафа мы находим дарственную надпись Аргишти II (Belli, 2004. P. 284) (714–685 гг. до н.э.), а на экземпляре из Топраккале – надпись Русы II или Русы III (Salvini, работа находится на стадии публикации). Памятники Аяниса содержат дополнительные доказательства в пользу отнесения этой группы к первой половине VII в. до н.э. Надпись в храме (СТУ⁵ А 12–1) позволяет отнести большинство найденных предметов к периоду правления царя Русы II.

Из Топраккале происходят как минимум 8 фрагментированных колчанов. От одного экземпляра сохранилась лишь верхняя часть, украшенная тремя парами горизонтальных линий (рис. 2, 4). На верхнем крае выгравирована дарственная надпись Русы божеству Халди (наверное, речь идет о Русе III; STU IV B18–4). К сожалению, мы не располагаем данными о размерах этого фрагмента. Следующие два экземпляра, которые дошли до нас во фрагментах (длиной, соответственно, 20 и 24 см), тоже имеют подобное украшение из трех рядов горизонтальных

⁵ Ссылка STU соответствует в списке литературы изданию: Salvini, 2008. Далее следует номер по каталогу.

линий. На третьем фрагменте сохранился ряд отверстий вдоль края (Barnett, 1972. P. 170). Вартке опубликовал фотографии металлических предметов с раскопок под руководством Лехманна Хаупта и Вальдемара Белка, где фигурируют еще пять фрагментов (Wartke, 1990). Один из них, хорошо сохранившийся (длиной около 30 и шириной 12 см), является верхней частью колчана, и на нем заметно украшение из трех пар рельефных горизонтальных линий, повторяющихся дважды; видны следы ремонта, осуществленного еще в древности (рис. 2, 2). Еще на одном небольшом фрагменте (длиной 8.7 и шириной 7.9 см) имеется аналогичное украшение из трех рельефных горизонтальных линий. Два экземпляра были найдены в крепости Юкари Анзаф: первый (длиной 62, шириной 11 см) украшен пятью простыми горизонтальными полосами, повторяющимися трижды; на втором же (длиной 63.2, шириной 9.5 см) видно украшение, очень похожее на предыдущее, но в этом случае горизонтальных полос шесть (Belli, 2004. P. 283. Fig. 5–8). На этом колчане выгравирована простая дарственная надпись Аргишти II божееству Халди (STU IV B11–1).

Группа из 7 колчанов, украшенных тем же видом орнамента, найдена в крепости Кайалидере (рис. 2, 3). Первые два экземпляра, очень плохо сохранившиеся, были обнаружены в помещении с признаками домашнего быта. Остальные пять экземпляров были найдены недалеко от внешних ворот, на глубине всего лишь 0.45 м под землей, но выше уровня разрушения цитадели. Вероятно, они были специально захоронены после разграбления храма: видимо, их собирались забрать позже. Внутри одного из колчанов были обнаружены два железных наконечника вместе с другими фрагментами колчанов из того же материала. Размеры данных фрагментов неизвестны, за исключением экземпляров, хранящихся в музее г. Эрзурум (Турция). Один из них (длиной 70, шириной 6 см) украшен горизонтальными полосами; другой украшен так же, но немного отличается по размерам (длиной 62, шириной 7 см). Еще один фрагмент, сохранившийся в Музее анатолийских цивилизаций (длиной 63, шириной 11 см) также украшен подобными горизонтальными полосами (Baş, 2008. S. 65, 67. R. 60).

Еще два маленьких фрагмента, которые можно считать частями колчанов, были обнаружены в ходе раскопок в крепости Хором в северной Армении (Badaljan et al., 1994. Fig. 1d) и в Хафтаван Тепе в северном Иране (Burney, 1972. P. 139). К сожалению, их размеры неизвестны.

Стоит упомянуть еще два колчана, обнаруженные в камерной гробнице в центре Еревана вместе с большим набором медных и керамических

предметов (Biscione, 1994; Есаян и др., 1995). Эти колчаны (длиной 55, диаметром 15 см у отверстия и 9 см в основании) отличаются необычной конической формой (рис. 2, 1).

Колчаны с геометрическим орнаментом в виде зигзага (рис. 3). Классический зигзаг фигурирует на экземплярах из Топраккале, Альтинтепе, Кармир-блур и Тоул-е Талеша. Поскольку колчаны такого вида с надписями так и не были найдены, установить их точную дату сложнее, чем в других случаях. Как бы ни было, как Топраккале, так и Кармир-блур были построены в VII в. до н.э., в то время как Альтинтепе обычно ориентировочно относят ко времени правления Аргишти II (713–685 гг. до н.э.). Два фрагментарных колчана были обнаружены в Топраккале: поверхность первого из них (длина целиком – 41 см) украшена тремя отдельными группами из пяти горизонтальных полос с орнаментом в форме зигзага. В середине колчана сохранилось одно из колец для подвешивания. Основание загнуто на заднюю сторону и закреплено при помощи заклепок (Barnett, 1972. P. 171. Fig. 8). На следующем фрагменте (размеры: 9.7 × 7.2 см) сохранились три горизонтальные полосы, разделенные рельефной линией с орнаментом в форме зигзага. Идентичный рисунок, только без контура, присутствует на другом небольшом фрагменте размером 3 × 3 см. Кроме того, Р. Вартке в своей публикации описал три кольца для подвешивания, найденных без основы, однако приложил соответствующее изображение лишь одного из них (рис. 3, 3).

Практически целый колчан (длиной 63, шириной 8 см) был найден в Альтинтепе. В середине корпуса сохранилось одно из колец для подвешивания. Орнамент представляет собой 4 ряда полос с орнаментом в форме зигзага (Barnett, Gökçe 1953. Pl. 18/4.5).

Один экземпляр с горизонтальными полосами в форме зигзага найден в Кармир-блуре, в районе южного входа (Пиотровский, 1952. С. 50, Табл. 16; Barnett, 1959. P. 7). На нем – дарственная надпись Аргишти I божееству Халди (STU IV B8–15). Небольшой бронзовый фрагмент, который, по всей вероятности, можно считать верхним краем колчана, был найден в камерной гробнице Геговита, у оз. Севан (Piliposyan, Mkrtchyan, 2001). На сохранившейся части – геометрический орнамент в форме зигзага (рис. 3, 2). Гробница была датирована концом VIII – началом VII в. до н.э. с помощью сравнительного анализа ряда находок.

Новый колчан этого вида был недавно найден в некрополе Тоул-е Талеш, в области Гилан, северный Иран (Piller, 2010. P. 67, 68. Pl. 13/1–2). Он был обнаружен в могиле 24, где скелет лежал на боку со согнутыми ногами рядом с тремя целыми

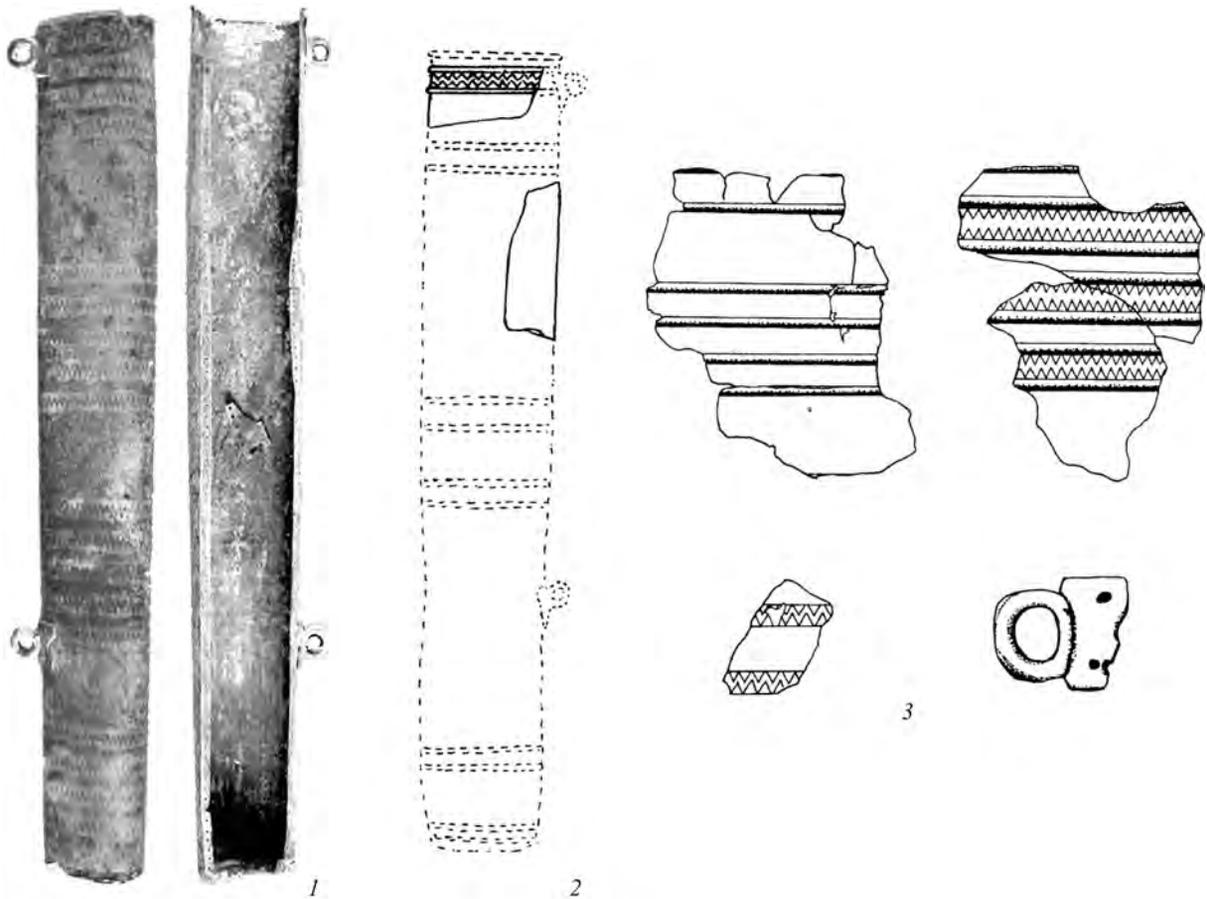

Рис. 3. Колчаны с орнаментом в виде зигзага 1 – Тоул-е Талеш (Piller, 2010. Pl. 13, 1, 2); 2 – Геговит (Piliposyan, Mkrtchyan, 2001. Pl. 14, 4); 3 – Топраккале (Wartke, 1990. Fig. 8. Pl. 13).

керамическими предметами. Колчан был найден в непосредственной близости от черепа. На корпусе колчана – два кольца для подвешивания, соответственно, сверху и на уровне $\frac{3}{4}$ от верхнего края колчана. Украшения – четыре группы орнаментов, состоящих из 4 и 5 горизонтальных полос в форме зигзага (рис. 3, 1).

Колчаны с геометрическим точечным орнаментом (рис. 4). Этот тип геометрического украшения характеризуется присутствием горизонтальных полос с высеченным на них плотным рядом рельефных точек. Подобный орнамент был засвидетельствован лишь на экземпляре из Юкари Анзафа (длиной 68,2, шириной 9 см). Не фигурируя на щитах и шлемах, такое украшение, тем не менее, широко использовалось на бронзовых бляхах урартских поясов (Kellner 1991, Taf. 72–79). Единственный пример такого украшения на бронзовом предмете – это бляха пояса с надписью Сардури II, которая сохранилась лишь частично и, кроме того, была приобретена на антикварном рынке (Belli, Kellner, 1986).

Колчаны с растительным орнаментом (рис. 5). Что касается растительного орнамента, то, как и в случае с точечным орнаментом, существует лишь один экземпляр из Аяниса (рис. 5, 1). Данный колчан (длиной 68,5 и шириной 13 см) сохранился почти целиком. Бронзовые пластины, прикрепленные к колчану, украшены горизонтальными рядами декоративных элементов в форме бутонов. Внутри колчана были обнаружены четыре бронзовых наконечника длиной около 7 см (Çilingiroğlu, 2006. S. 237, 238). Фрагмент со схожим орнаментом хранится сейчас в музее г. Ван (рис. 5, 2), но происхождение его неизвестно.

Колчаны с изображениями животных и людей (рис. 6). Обычно подобные изображения отделяются друг от друга горизонтальными полосами с орнаментом в форме зигзага или же простыми рельефными полосами.

Основной сюжет орнаментов – процессии боевых колесниц, всадников, пеших воинов и людей, приносящих дары, как в случае с колчаном с антикварного рынка, данные о котором опубликованы Ванденом Берге (Vanden Berghe, 1982).

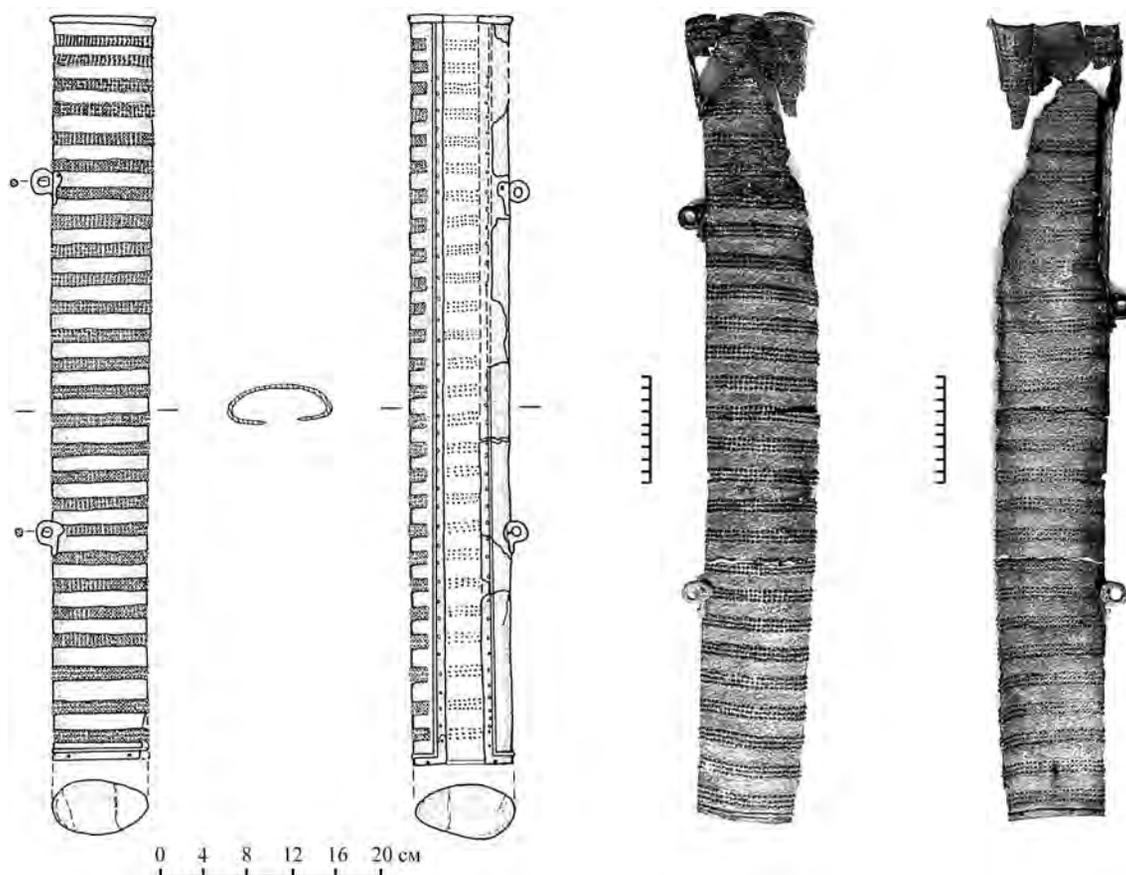

Рис. 4. Колчан с точечным орнаментом из Юкари Анзафа (Belli, 2004. Abb. 9–10).

Изображения военных сцен широко распространены в урартской традиции и имеют явные аналоги среди настенных рельефов новоассирийской цивилизации того же времени. Подобные сюжеты очень часто встречаются на щитах, шлемах и бронзовых бляхах поясов. Что касается этой группы, то как минимум три орнаментированных колчана из Кармир-блур были описаны и изучены. Речь идет о колчане с дарственной надписью Аргишти I и о двух других – с дарственными надписями Сардури II. Содержание надписей, а также черты изображений позволяют отнести эту группу колчанов приблизительно к времени между 780 и 730 г. до н. э.

Известные нам предметы, в основном, обнаружены в Кармир-блуре и Аянисе, однако М. Меллинк пишет о находке остатков бронзового колчана с изображениями всадников и боевых колесниц в ходе раскопок в Чавуштепе (Mellink, 1974. P. 115). К сожалению, данные об этих предметах так и не были полностью опубликованы, как и более подробная информация об еще двух фрагментах колчанов, найденных вместе (Erzen, 1988. S. 10; Mellink, 1970. P. 166).

Несколько орнаментированных колчанов были найдены во время раскопок 2000 г. в Аянисе, но,

к сожалению, до сих пор не изданы подробно. Тем не менее, документально подтверждено, что они были обнаружены в помещениях южной части храма. На одном из них изображены военные сцены с боевыми колесницами; на другом – крылатые кони (Derin, Çilingiroğlu, 2001. P. 159, 160). Другие экземпляры с различными вариациями изображений еще не описаны.

Итак, корпус изображений, которым мы располагаем на данный момент, происходит исключительно из Кармир-блур. Две части одного и того же колчана были найдены в помещениях 5 и 13. Речь идет о предмете (длиной 66 см) с восемью горизонтальными полосами, в которых изображены конные воины, боевые колесницы и обрядовые сцены (рис. 6). На нем также выгравировано имя царя Сардури II (STU IV B9–10). Другой колчан, который сохранился частично, был найден в помещении 11, в небольшой прямоугольной комнате на северо-западной стороне цитадели. На нем имеются расположенные ярусами изображения сцен с конными воинами и боевыми колесницами, разделенные полосами с орнаментом в форме зигзага, а также дарственная надпись Аргишти I (STU IV B8–16).

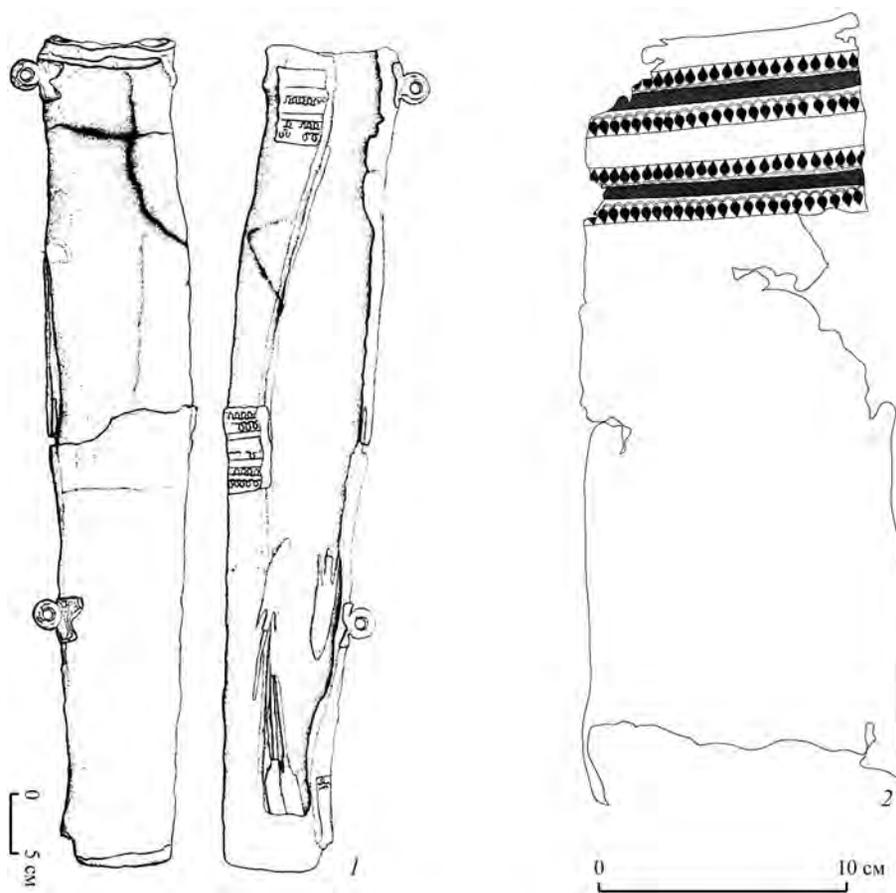

Рис. 5. Колчаны с растительным орнаментом: 1 – Аянис (Çilingiroğlu, 2006. S. 239); 2 – музей г. Вана (Baş, 2008. S. 29).

Также известны два колчана из неустановленных частей крепости, на которых выгравированы дарственные надписи Сардури II (СТУ IV В9–11, В9–12)⁶. Оба колчана украшены горизонтальными сценами со всадниками и боевыми колесницами. На одном из них также присутствуют разделяющие полосы с орнаментами в форме зигзага (Пиотровский, 1970. С. 49).

Колчаны с изображениями животных (рис. 7). Колчаны последней группы украшены изображениями животных, как мифических, так и реальных, расположенных обычно в один или два ряда. Главное отличие от предыдущей группы заключается в том, что повествовательные сюжеты уступают место изображениям отдельно взятых животных. Орнамент в форме зигзага или же растительных мотивов отделяет горизонтальные ряды изображений друг от друга. В эту группу также можно включить экземпляры из Топраккале, Кармир-блур и Аяниса.

⁶ Существует также частично сохранившийся колчан, на котором Г.А. Меликишвили расшифровал имя Сардури, что было впоследствии опровергнуто М. Сальвини (СТУ IV В18–10).

На колчане из Топраккале (длиной 15.5⁷, шириной 14 см) изображен лев и небольшая пальма (рис. 7, 2). Интересная деталь (украшение кончика хвоста льва) позволяет соотнести эту фигуру с аналогичными изображениями на стенах ассирийского храма Ашшурназирпала II в Нимруде (Barnett, 1972. Fig. 5, 6).

Другой экземпляр найден в Кармир-блуре. В большом помещении 28, которое служило складом и где находились 82 пифоса для хранения продовольственных продуктов, было обнаружено два колчана, один из которых был лишен надписей, однако украшен рядами львов и быков. Данный экземпляр (рис. 7, 1) был найден внутри пифоса 46, который был покрыт щитом с дарственной надписью Аргишти I городу Эребуни (СТУ IV В8–2).

С учетом того, что все места обнаружения колчанов являются постройками времен Русы II и Русы III, а также на основе сюжетов изображений можно полагать, что данная группа колчанов относится к VII веку до н.э. Однако следует отметить, что

⁷ В первом издании приведена длина 155 см; по всей видимости, это опечатка.

Рис. 6. Колчан из Кармир-блур с изображением колесниц (Пиотровский, 1950. Табл. 14).

разделяющие полосы с зигзагами являются характерным элементом предыдущей группы, вошедшим в урартский стиль приблизительно в VIII в. до н.э.

Стоит отметить, что первый экземпляр из Топраккале мог бы относиться и к более раннему периоду. Р. Барнетт, исходя из сходства между этим

предметом и некоторыми ассирийскими рельефами в храме Ашшурназирпала II (особенно это касается стилистических особенностей деталей хвостов), склоняется к более древней датировке (Barnett, 1972). Причем та же деталь фигурирует на бронзовой бляхе пояса из Гуши, который относится к рубежу VIII–VII в. до н.э. (Hamilton, 1965. P. 47, 48). Схожие черты можно заметить и в изображении льва на кубке (также из Топраккале), относящемся к концу VII в. до н.э. (Barnett, 1954. P. 6). С такой более поздней датировкой соглашается и С. Сальватори (Salvatori, 1976. P. 96). Наличие орнамента в форме зигзага, а также некоторых указанных выше элементов, позволяет датировать этот колчан рубежом VIII–VII в. до н.э., а значит, эпохой Аргишти II.

В целом, исходя из изложенных данных, необходимо в первую очередь подчеркнуть тесную связь между бронзовыми колчанами и религиозной сферой: большинство известных нам экземпляров было обнаружено в храмах или в непосредственной близости от храмов, за исключением колчанов, найденных в Кайалидере и в Кармир-блуре (которые, тем не менее, явно находились далеко от своего первоначального места применения), двух колчанов, обнаруженных в камерной гробнице в Ереване, а также маленького фрагмента из Геховита.

Интересно отметить, что мест находок колчанов сравнительно немного и соответствуют они, за редкими исключениями, главным центрам правления царства. Учитывая тот факт, что подобные предметы зачастую были найдены в пространстве храма, их можно бы считать дарами. Это подтверждается присутствием на некоторых колчанах дарственных надписей – посвящений божеству Халди. Причем на основе некоторых археологических свидетельств можно заключить, что некоторые колчаны использовались по назначению. Они не изготавливались

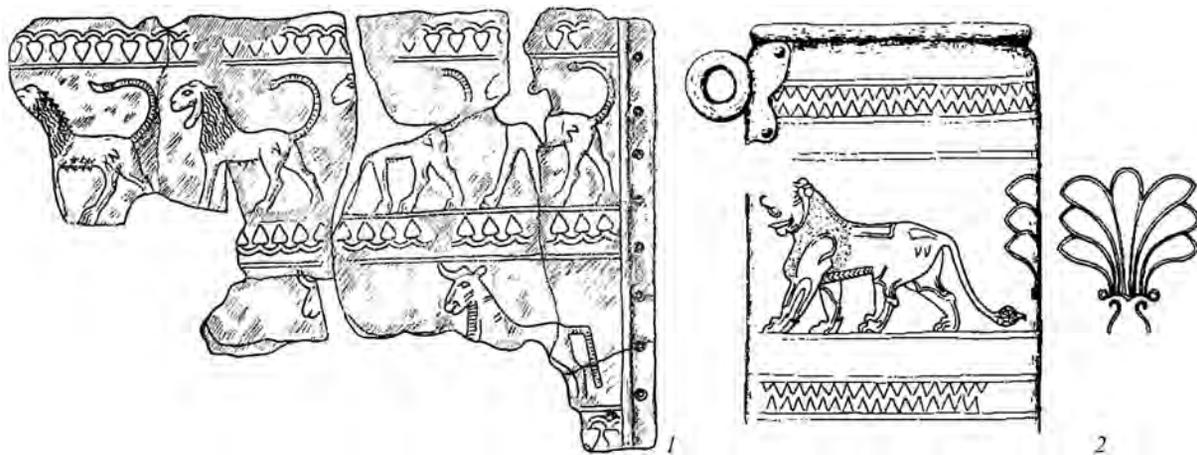

Рис. 7. Колчаны с изображениями животных: 1 – Кармир-блур (Пиотровский, 1952. Рис. 20); 2 – Топраккале (Barnett, 1972. Fig. 6).

исключительно с дарственной целью, как, по всей видимости, случалось со щитами и шлемами, или же простыми парадными атрибутами. Об этом свидетельствует и тот факт, что отдельные экземпляры отличаются явными признаками износа и ремонта (Burney, 1966. P. 95).

Вероятно, эти предметы предоставлялись владельцем на время проведения особых ритуалов, о которых, к сожалению, можно строить лишь догадки, так как письменных свидетельств о культуре Урарту существует весьма немного. Учитывая сложную технику обработки и качество выгравированных изображений, можно предположить, что металлические колчаны являлись ценным имуществом высокого социального класса, близкого военно-политической власти.

Плохое состояние большинства экземпляров не позволяет с уверенностью установить возможную функциональную градацию предметов, характерную, например, для ассирийской цивилизации, где колчаны военной пехоты были обычно меньше тех, что использовались на боевых колесницах (Madhloom, 1970. P. 49). Что касается урартских экземпляров, которые сохранились целиком, то можно заметить небольшую разницу в их размерах. Два колчана, обнаруженные в Ереване (вместе с фрагментом из Геховита они являются единственными экземплярами, найденными в пространстве гробницы) имеют длину 55 см, в то время как все остальные в среднем достигают 65 см и никогда не бывают меньше 60 см. Однако следует отметить, что, по всей вероятности, реальные размеры колчанов были больше, учитывая отсутствие кожаной части, прикрепленной к бронзовой, но не сохранившейся ни в одном из случаев.

Более подробные выводы можно будет сделать, когда данные о корпусе колчанов из Аяниса будут опубликованы целиком. Отметим, что их число превышает общее количество экземпляров, найденных на всей остальной территории царства.

Наличие дарственных надписей, а также обнаружение некоторых экземпляров в постройках более поздней эпохи позволяет очертить примерные хронологические рамки, поскольку производство металлических колчанов продолжалось на протяжении всего периода существования царства. Хронологические границы выделенных групп позволяют довольно четко проследить развитие традиции украшений на корпусе колчанов. Экземпляры с изображением военных процессий и животных являются наиболее древними, а также наиболее изящными с эстетической точки зрения: сложность выгравированных сцен свидетельствует о довольно высоком уровне мастерства изготовителей. Подобные черты

характерны и для экземпляров, которые хронологически можно отнести к концу VIII – началу VII в. до н. э.: на них выгравированы лишь изображения животных или орнаменты в форме точек или зигзага. Эти колчаны напоминают предметы предыдущей группы, хотя тут уже заметно постепенное ухудшение качества декора.

Колчаны второй группы свидетельствуют о гораздо более радикальном упадке: геометрические орнаменты и изображения сцен были полностью заменены простыми рельефными горизонтальными линиями. Как часто бывает, с упрощением сюжета увеличивается количество известных экземпляров: разумеется, колчаны с такими орнаментами оказываются самыми многочисленными и распространенными. Интересно отметить, что сходная тенденция характерна и для декора бронзовых блях поясов. Исходя из этого, возникает вопрос, почему урартские мастера и вместе с ними их заказчики все меньше заботились о художественной сложности изделий? Можно предположить, что увеличение производства колчанов вписывается в период крупных политических (включая социальную структуру) реформ Урартского царства, которые были предприняты Русой II во второй четверти VII в. до н. э. в результате серьезного кризиса, вызванного одновременным давлением кочевых народов с северо-востока и ассирийцев с юга.

Авторы выражают благодарность Франческе Лаццарин за редактирование русского текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Есяян С. А., Биягов Л. Н., Амаякян С. Г., Канеян А. Г. Бийнская гробница в Ереване (2) // Археологические памятники Армении. 16: Урартские памятники. Вып. 3. Ереван: Ин-т археологии и этнографии, 1995. С. 55–79.
- Пиотровский Б. Б. Кармир-блур I. Результаты раскопок 1939–1949. Ереван: АН Армянской ССР, 1950. 118 с.
- Пиотровский Б. Б. Кармир-блур II. Результаты раскопок 1949–1950. Ереван: АН Армянской ССР, 1952. 116 с.
- Пиотровский Б. Б. Кармир-блур: альбом. Л.: Аврора, 1970. 129 с.
- Ayanis I: Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai, 1989–1998 / Eds.: A. Çilingiroğlu, M. Salvini. Roma: Istituto per gli studi micenei ed egeo-anatolici CNR, 2001 (Documenta Asiana; 6). 396 p.
- Badaljan R. S., Kohl P. L., Stronach D., Tonikjan A. V. Preliminary Report on the 1993 Excavations at Horom, Armenia // Iran. 1994. V. 32. P. 1–29.
- Barnett R. The Excavations of the British Museum at Toprak-Kale // Iraq. 1954. V. 16. P. 3–22.
- Barnett R. Further Russian Excavations in Armenia // Iraq. 1959. V. 21. P. 1–19.
- Barnett R. More Addenda from Toprak Kale // AnSt. 1972. V. 22. P. 163–177.

- Barnett R., Gökce N.* The Find of Urartian Bronzes at Altintepe near Erzincan // *AnSt.* 1953. V. 3. P. 121–129.
- Baş A.* Urartu maden sanatında kalkan, miğfer ve sadaklar. Van: Yüzüncü Yıl Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2008. 165 p.
- Belli O.* Bronze Quivers with Cuneiform Inscriptions from Van-Upper Anzaf Fortress // *ANES.* 2004. 12. P. 277–298.
- Belli O., Kellner J.* Urartäische Bronzegürtel mit Inschriften // *AnAr.* 1986. 10. S. 317–326.
- Biscione R.* Recent Urartian Discoveries in Armenia: The Columbarium of Erevan // *SMEA.* 1994. V. 34. P. 115–135.
- Boehmer R. M., Pedde F., Salje B.* Uruk, die Gräber // *Ausgrabungen in Uruk-Warka. Endberichte.* Bd. 10. Mainz am Rhein, 1995. 237 S.
- Burney C.A.* A First Season of Excavations at the Urartian Citadel of Kayalydere // *AnSt.* 1966. V. 16. P. 55–111.
- Burney C.A.* Excavations at Haftavân Tepe 1969: Second Preliminary Report // *Iran.* 1972. V. 10. P. 127–142.
- Calmeyer P.* Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1969. 217 S.
- Calmeyer P.* Utilitarian and Votive armour. Helmets and Quivers // *Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B.C.* Jerusalem: Muze'on Yisra'el, 1991. P. 123–133.
- Chidašeli M.* Die Gürtelbleche der älteren Eisenzeit in Georgien // *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie.* 1986. Bd. 8. S. 7–72.
- Çilingiroğlu A.* Ayanis Kalesi'nde Bulunan Demir Bir Sadak ve Bazı Görüşler // *Hayat Erkanal'a Armagan. Kültürlerin Yansması.* İstanbul: Homer Kitabevi, 2006. S. 237–240.
- Derin Z., Çilingiroğlu A.* Armour and Weapons // *Ayanis I: Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai, 1989–1998* / Eds.: A. Çilingiroğlu, M. Salvini. Roma: Istituto per gli studi micenei ed egeo-anatolici CNR, 2001 (*Documenta Asiana*; 6). P. 155–179.
- Erzen A., Çavuştepe I.* Urartian Architectural Monuments of the 7th and 6th Centuries B.C. and a Necropolis of the Middle Age. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988. 60 p.
- Haerincx E., Overlaet B.* The Iron Age III Graveyard at War Kabud, Pusht-i Kuh, Luristan. Leuven: Peeters, 2004 (*Luristan Excavation Documents*; 5). 297 p.
- Hamilton R.* The Decorated Bronze Strip from Gushchi // *AnSt.* 1965. V. 15. P. 41–51.
- Jean Marie M.* Tombes et Nécropoles de Mari. T. V. Beyrouth: Institut français d'archéologie du Proche-Orient, 1999.
- Kellner H.J.* Gürtelbleche aus Urartu. Prähistorische Bronzefunde. 12/3. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1991. 90 p.
- Madhloom T.* The Chronology of Neo-Assyrian Art. Lnd: The Athlone Press, University of London, 1970. 134 p.
- Mellink M.J.* Archaeology in Asia Minor // *AJA.* 1970. V. 74. P. 157–178.
- Mellink M.J.* Archaeology in Asia Minor // *AJA.* 1974. V. 78. P. 105–130.
- Muscarella O.W.* Warfare at Hasanlu in the Late 9th Century B.C. // *Expedition.* 1989. V. 31. iss. 2, 3. P. 24–36.
- Negahban E.* Weapons from Marlik. Berlin: D. Reimer, 1995. 123 p.
- Oates D.* Excavations at Nimrud (Kalku) // *Iraq.* 1961. V. 23. P. 1–14.
- Pigott V.C.* The Emergence of Iron Use at Hasanlu // *Expedition.* 1989. V. 31. iss. 2, 3. P. 67–78.
- Piliposyan A.S., Mkrtchyan R.A.* The Vantospian (Urartian) Cave-Tomb of Geghovit // *The Archaeological Monuments of Armenia.* V. 18. Erevan: Institute of Archaeology and Ethnography of Armenia, 2001. 160 p.
- Piller C.K.* Northern Iran in the Iron Age II and III: a Neighbour of Urartu? // *Aramazd.* 2010. V. 5. № 2. P. 53–75.
- Piotrovskij B.B.* Urartu. The Kingdom of Van and its Art. N.-Y.: F.A. Praeger, 1967. 111 p.
- Salvatori S.* Notes on the Chronology of Some Urartian Artifacts // *East & West.* 1976. V. 26. № 1, 2. P. 77–96.
- Salvini M.* Corpus dei testi urartei. V. I–III. Roma: ICEVO, 2008 (*Documenta Asiana*; 8). 1546 p.
- Salvini M.* Corpus dei testi urartei. V. 4. Le iscrizioni su pietra e roccia. Iscrizioni su bronzi, argilla e altri supporti. Nuove iscrizioni su pietra. Paleografia generale. Roma: ICEVO, 2012 (*Documenta Asiana*; 8). 323 p.
- Vanden Berghe L.* Un carquois Urartéen // *Studia Paulo Naster Oblata. II: Orientalia antiqua.* Leuven: Peeters, 1982 (*Orientalia Lovaniensia Analecta*; 13). P. 245–257.
- Wartke R.B.* Toprakkale. Untersuchungen zu den Metallobjekten im Vorderasiatischen Museum zu Berlin. Berlin: Akademie Verlag, 1990. 164 p.

QUIVERS OF THE URARTIAN KINGDOM

Manuel Castelluccia, Roberto Dan

ISMEO, Roma (manuel.castelluccia@gmail.com) (roberto_dan@hotmail.it)

The Urartian Kingdom have yielded the arguably largest corpus of metal artefacts of the ancient Near East, though their exact provenance is often unknown. The aim of this paper is to present all the items of iron quivers from excavations in the territory of the Urartian Kingdom. These are categorized by their ornamental compositions*.

Keywords: Urartu, quivers, bronze articles, Iron Age, Assyrian art, Urartian art.

* The authors owe thanks to Francesca Lazzarin who copy-edited the Russian text.

REFERENCES

- Ayanis I: Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai, 1989–1998. A. Çilingiroğlu, M. Salvini, eds. Roma: Istituto per gli studi micenei ed egeo-anatolici CNR, 2001. 396 p. (Documenta Asiana, 6).
- Badaljan R.S., Kohl P.L., Stronach D., Tonikjan A.V., 1994. Preliminary Report on the 1993 Excavations at Horom, Armenia. *Iran*, 32, pp. 1–29.
- Barnett R., 1954. The Excavations of the British Museum at Toprak-Kale. *Iraq*, 16, pp. 3–22.
- Barnett R., 1959. Further Russian Excavations in Armenia. *Iraq*, 21, pp. 1–19.
- Barnett R., 1972. More Addenda from Toprak Kale. *Anatolian Studies*, 22, pp. 163–177.
- Barnett R., Gökçe N., 1953. The Find of Urartian Bronzes at Altıntepe near Erzincan. *Anatolian Studies*, 3, pp. 121–129.
- Baş A., 2008. Urartu maden sanatında kalkan, miğfer ve sadaklar. Van: Yüzüncü Yıl Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. 165 p.
- Belli O., 2004. Bronze Quivers with Cuneiform Inscriptions from Van-Upper Anzaf Fortress. *Ancient Near Eastern Studies*, 12, pp. 277–298.
- Belli O., Kellner J., 1986. Urartäische Bronzegürtel mit Inschriften. *Anadolu Araştırmaları*, 10, pp. 317–326.
- Biscione R., 1994. Recent Urartian Discoveries in Armenia: The Columbarium of Erevan. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*, 34, pp. 115–135.
- Boehmer R.M., Pedde F., Salje B., 1995. Uruk, die Gräber. *Ausgrabungen in Uruk-Warka. Endberichte*, 10. Mainz am Rhein. 237 p.
- Burney C.A., 1966. A First Season of Excavations at the Urartian Citadel of Kayalydere. *Anatolian Studies*, 16, pp. 55–111.
- Burney C.A., 1972. Excavations at Haftavân Tepe 1969: Second Preliminary Report. *Iran*, 10, pp. 127–142.
- Calmeyer P., 1969. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Berlin: Walter de Gruyter & Co. 217 p.
- Calmeyer P., 1991. Utilitarian and Votive armour. Helmets and Quivers. *Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B.C.* Jerusalem: Muzéon Yisraél, pp. 123–133.
- Chidaşeli M., 1986. Die Gürtelbleche der älteren Eisenzeit in Georgien. *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie*, 8, pp. 7–72.
- Çilingiroğlu A., 2006. Ayanis Kalesi'nde Bulunan Demir Bir Sadak ve Bazı Görüşler. *Hayat Erkanal'a Armagan. Kültürlerin Yansıması*. İstanbul: Homer Kitabevi, pp. 237–240.
- Derin Z., Çilingiroğlu A., 2001. Armour and Weapons. *Ayanis I: Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai, 1989–1998*. A. Çilingiroğlu, M. Salvini, eds. Roma: Istituto per gli studi micenei ed egeo-anatolici CNR, pp. 155–179. (Documenta Asiana, 6).
- Erzen A., 1988. Çavuştepe I. Urartian Architectural Monuments of the 7th and 6th Centuries B.C. and a Necropolis of the Middle Age. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 60 p., 52 pl.
- Esayan S.A., Biyagov L.N., Hamayakyan S.G., Kanetsyan A.G., 1995. Biaynskaya grobnitsa v Erevane (2) [The Biaini tomb in Yerevan (2)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Armenii [Archaeological Monuments of Armenia]*, 16. *Urartskie pamyatniki [Urartian Monuments]*, 3. Yerevan: Institut arkheologii i etnografii, pp. 55–79.
- Haerinck E., Overlaet B., 2004. The Iron Age III Graveyard at War Kabud, Pusht-i Kuh, Luristan. Leuven: Peeters. 297 p. (Luristan Excavation Documents, 5).
- Hamilton R., 1965. The Decorated Bronze Strip from Gushchi. *Anatolian Studies*, 15, pp. 41–51.
- Jean Marie M., 1999. Tombes et Nécropoles de Mari, V. Beyrouth: Institut français d'archéologie du Proche-Orient. 214 p.
- Kellner H.J., 1991. Gürtelbleche aus Urartu. *Prähistorische Bronzefunde*, 12/3. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 90 p., 89 pl.
- Madhloom T., 1970. The Chronology of Neo-Assyrian Art. Lnd: The Athlone Press, University of London. 134 p., 85 pl.
- Mellink M.J., 1970. Archaeology in Asia Minor. *AJA*, 74, pp. 157–178.
- Mellink M.J., 1974. Archaeology in Asia Minor. *AJA*, 78, pp. 105–130.
- Muscarella O.W., 1989. Warfare at Hasanlu in the Late 9th Century B.C. *Expedition*, vol. 31, iss. 2–3, pp. 24–36.
- Negahban E., 1995. Weapons from Marlik. Berlin: D. Reimer. 123 p.
- Oates D., 1961. Excavations at Nimrud (Kalku). *Iraq*, 23, pp. 1–14.
- Pigott V.C., 1989. The Emergence of Iron Use at Hasanlu. *Expedition*, vol. 31, iss. 2–3, pp. 67–78.
- Piliposyan A.S., Mkrtychyan R.A., 2001. The Vantospian (Urartian) Cave-Tomb of Geghovit. *The Archaeological Monuments of Armenia*, 18. Erevan: Institute of Archaeology and Ethnography of Armenia. 160 p.
- Piller C.K., 2010. Northern Iran in the Iron Age II and III: a Neighbour of Urartu? *Aramazd*, vol. 5, no. 2, pp. 53–75.
- Piotrovskiy B.B., 1967. Urartu. The Kingdom of Van and its Art. New-York: F.A. Praeger. 111 p., 30 pl.
- Piotrovskiy B.B., 1950. Karmir-blur I. Rezul'taty raskopok 1939–1949 [Karmir-Blur I. The results of excavations of 1939–1949]. Yerevan: Akademiya nauk Armyanskoy SSR. 118 p.
- Piotrovskiy B.B., 1952. Karmir-blur II. Rezul'taty raskopok 1949–1950 [Karmir-Blur II. The results of excavations of 1949–1950]. Yerevan: Akademiya nauk Armyanskoy SSR. 116 p.
- Piotrovskiy B.B., 1970. Karmir-blur: al'bom [Karmir-Blur: Album]. Leningrad: Avrova. 129 p.
- Salvatori S., 1976. Notes on the Chronology of Some Urartian Artifacts. *East & West*, vol. 26, no. 1–2, pp. 77–96.
- Salvini M., 2008. Corpus dei testi urartei, I–III. Roma: Istituto di studi sulle civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente. 1546 p. (Documenta Asiana, 8).
- Salvini M., 2012. Corpus dei testi urartei. Vol. 4. Le iscrizioni su pietra e roccia. Iscrizioni su bronzi, argilla e altri supporti. Nuove iscrizioni su pietra. Paleografia generale. Roma: Istituto di studi sulle civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente. 323 p., 1235 ill. (Documenta Asiana, 8).
- Vanden Berghe L., 1982. Un carquois Urartéen. *Studia Paulo Naster Oblata, II. Orientalia antiqua*. Leuven: Peeters, pp. 245–257 (Orientalia Lovaniensia Analecta, 13).
- Warke R.B., 1990. Toprakkale. Untersuchungen zu den Metallobjekten im Vorderasiatischen Museum zu Berlin. Berlin: Akademie Verlag. 164 p., 43 pl.

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ КИНЖАЛОВ ТИПА POSMUŞ И ИХ КАВКАЗСКИЕ АНАЛОГИ

© 2016 г. А. Козубова, А.Ю. Скаков

Братиславский университет им. Коменского (anitakozub@gmail.com)

Институт археологии РАН, Москва (skakov09@gmail.com)

Работа посвящена акинакам типа Posmuş из памятников чумбрудской группы раннего железного века, которые можно считать наиболее ранними образцами клинкового оружия так называемого скифского типа в Средней и Юго-Восточной Европе. В настоящее время именно эти находки являются одним из главных аргументов в пользу датировки самых ранних погребальных комплексов чумбрудской группы концом VIII – первой половиной VII вв. до н.э. Поэтому необходимо подробно рассмотреть не только датировки их кавказских и других восточных параллелей, но и сопровождающий инвентарь погребений Трансильвании. По нашему мнению, ни кавказские и северопричерноморские аналогии с их достаточно широкой датировкой, ни сопровождающий инвентарь не дают веских оснований относить погребения чумбрудской группы с кинжалами типа Posmuş ко времени ранее середины – второй половины VII в. до н.э. По характеру погребального инвентаря несомненно, что почти все погребения с кинжалами типа Posmuş – это захоронения лиц, входивших в воинскую элиту чумбрудского общества. Для погребений чумбрудской группы с кинжалами и короткими мечами особенно характерно сочетание клинкового оружия с оружием дальнего боя, а также, обычно, с копьями. Напротив, для Тлийского могильника стандартны взаимовстречаемость кинжалов или коротких мечей с боевыми топорами и почти полное отсутствие наконечников стрел.

Ключевые слова: кинжалы, чумбрудская группа, векерзугская культура, Восточно-Карпатский регион, Северное Причерноморье, Кавказ, хронология, социальная стратификация.

Данная работа посвящена биметаллическим, в своем большинстве, акинакам типа Posmuş, которые относятся к малочисленной, но своеобразной группе кинжалов и происходят из памятников раннего железного века Восточно-Карпатского региона (рис. 1). Несомненно, их можно считать наиболее ранними образцами клинкового оружия так называемого скифского типа в Средней и Юго-Восточной Европе (Козубова, Скаков, 2012. С. 198). Нашими задачами являются не только уточнение их хронологии¹, но и попытка определить социальное положение погребенных, в инвентаре захоронений которых присутствуют эти предметы, а также анализ взаимовстречаемости кинжалов типа Posmuş и их аналогов с другими категориями оружия в рамках тех культурно-географических регионов, где они известны.

¹ Это тем более важно, учитывая, что кинжалы типа Posmuş как одни из предметов надкультурного характера, принадлежат к группе находок, особенно подходящих для разработки достоверной относительной хронологии и периодизации культур и культурных групп гальштатского времени в Карпатской котловине. С их помощью можно определить самый ранний пласт погребений не только чумбрудской группы, но и комплексов с изделиями так называемого скифского типа в Средней и Юго-Восточной Европе в целом.

Кинжалы типа Posmuş

Определяющими для типологическо-хронологического анализа кинжалов типа Posmuş являются, прежде всего, три признака, а именно:

– относительно короткий и широкий в сравнении с другими акинаками железный клинок с треугольным в сечении срединным узким ребром и двумя параллельными желобками;

– биметаллическая или железная рукоять с относительно коротким брусковидным навершием;

– бронзовое или железное перекрестие с ровной верхней стороной и с вырезом правильных округлых очертаний на нижней стороне. Перекрестие в большинстве случаев снабжено небольшим шиповатым выступом в середине верхнего прямого края (рис. 2, 1, 4, 18; 3, 1, 13, 26; 4, 1, 2)².

Отдельные экземпляры отличаются друг от друга только наличием или отсутствием декоративных деталей на их рукоятях, что позволяет выделить два подтипа (Gawlik, 1997–1998. S. 25): подтип I – мно-

² Некоторые исследователи такую форму перекрестия называют полусердцевидной (Топал, 2014. С. 22).

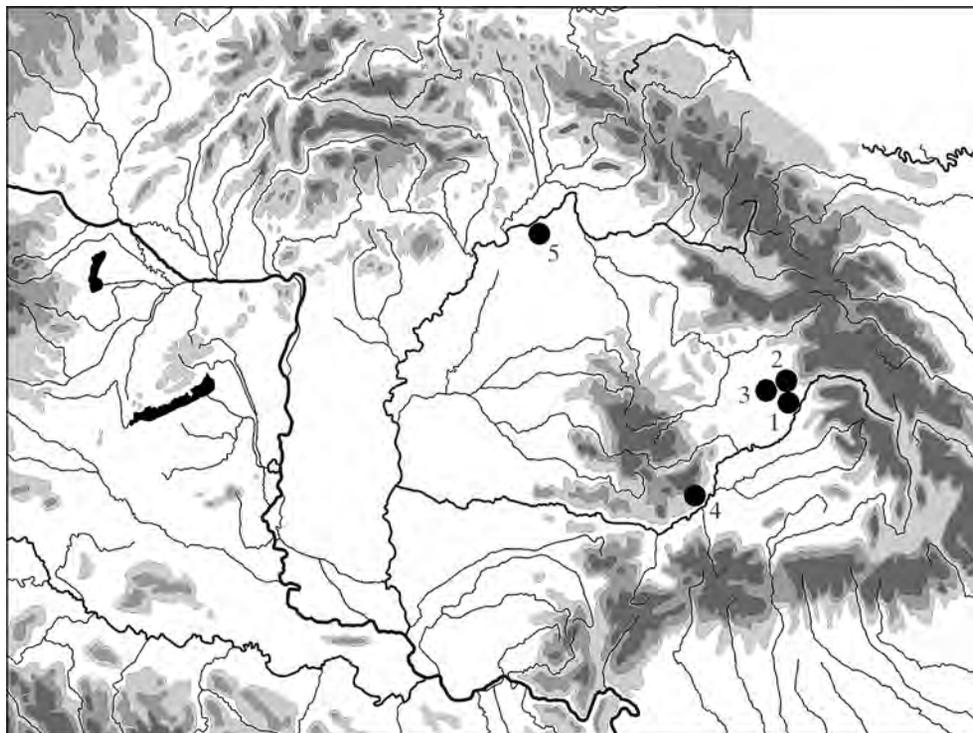

Рис. 1. Карта распространения находок кинжалов типа Posmuş в Восточно-Карпатском регионе: 1 – Posmuş, 2 – Mărişelu, 3 – Budeşti-Finate, 4 – Aiud-“Parc”, 5 – Tiszabercel.

гочисленные кинжалы с рукоятью, украшенной пятью или шестью вертикальными каннелюрами (рис. 2, 1, 4; 3, 13, 26; 4, 1; Posmuş: Buzdugan, 1976. P. 249. Fig. 2, 3; Marinescu, 1984. S. 71. Abb. 13, 6; Vulpe, 1990. S. 23. Taf. 1, 2; Mărişelu, погребения 4 и 6: Marinescu, 1984. S. 50–51. Abb. 9, 11; Vulpe, 1990. S. 23–24. Taf. 1, 3, 5; Aiud-“Parc”: Buzdugan, 1976. P. 239. Fig. 2, 3; Vulpe, 1984. P. 40. Fig. 3, 2; Vulpe, 1990. S. 24. Taf. 1, 4), и подтип II – экземпляры с гладкой рукоятью (рис. 2, 18; 3, 1; 4, 2; Mărişelu, погребение 7: Marinescu, 1984. S. 51. Abb. 12, 2; Vulpe, 1990. S. 25. Taf. 2, 7; Budeşti-Finate, погребение 6: Marinescu, 1984. S. 48–49. Abb. 5; Vulpe, 1990. S. 25. Taf. 2, 8; Tiszabercel: Kemenczei, 1991. Taf. 62, 278). Общая длина акинаков варьирует от 25 до 28 см.

А.И. Мелюкова (1964. С. 49–51. Табл. XII, 16, 4) отнесла мечи с перекрестием, сходным с наблюдаемым на кинжалах типа Posmuş, к группе акинаков с бабочковидным перекрестием (отдел I, тип 2). Многие восточноевропейские исследователи называют их или мечами с перекрестием “келермесского” типа (например, Черненко, 1980. С. 11)³, или мечами и кинжалами келермесского типа (например, Pirtskhalava, 1995. P. 56; 2001. P. 81; Ворошилов,

2009; 2011; Топал, Бруяко, 2012; Topal, 2014)⁴. Некоторые исследователи из Средней Европы называют их акинаками с сердцевидным и прямым в своей верхней части перекрестием (Marinescu, 1984. S. 71, 72; Vulpe, 1990. S. 23).

Именно форма клинка и его относительно небольшая длина в соотношении с длиной рукояти, а также использование для их изготовления бронзы и железа, сближают кинжалы типа Posmuş с более ранними биметаллическими кинжалами типа Pécs-Jakabhegy и Gamón или кабардино-пятигорского типа из памятников предскифского времени (Chochorowski, 1993. S. 113–118. Рис. 12, 2, 3; Metzner-Nebelsick, 2002. S. 370–377), хотя находки последних в Центральной и Северо-Восточной Румынии до сих пор не известны⁵. Поэтому не

⁴ Для акинаков келермесского типа (одной из самых архаичных групп оружия так называемого скифского типа) характерны несколько морфологических признаков, в том числе трехчастная в сечении форма рукояти, массивное бабочковидное, реже почковидное или сердцевидное перекрестие, клинок ромбической формы с нервюрой и прежде всего наличие петли под навершием (Топал, Бруяко, 2012. С. 135). Карту распространения акинаков келермесского типа и их близких аналогов см. Topal, 2014. P. 26. Pl. 2.

⁵ В связи с этим интересно и то, что в ходе многочисленных дискуссий по проблеме происхождения скифских акинаков высказана также точка зрения об их эволюционной связи именно с предскифскими биметаллическими кинжалами (Лесков, 1979; Черненко, 1979; Шрамко, 1984; Исмагилов, 1980; Топал, 2004. С. 29).

³ Данное название Е.В. Черненко употребил для описания массивных бабочковидных перекрестий.

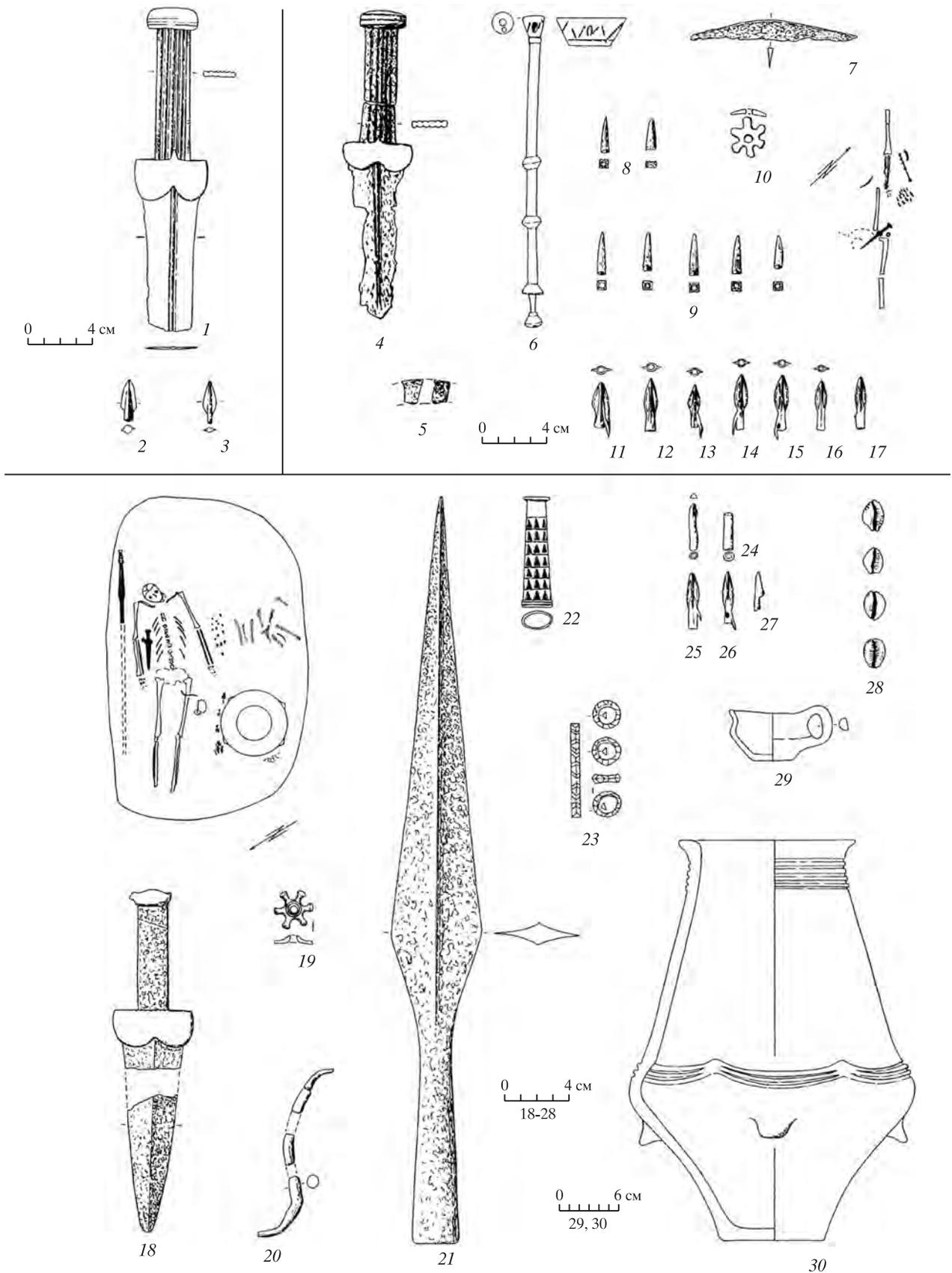

Рис. 2. Погребения чумбрудской группы с кинжалами типа Posmuş: Posmuş (1–3); Mărişelu, погр. 4 (4–17); Budeşti-Finate, погр. 6 (18–30) (по Vulpe, 1990).

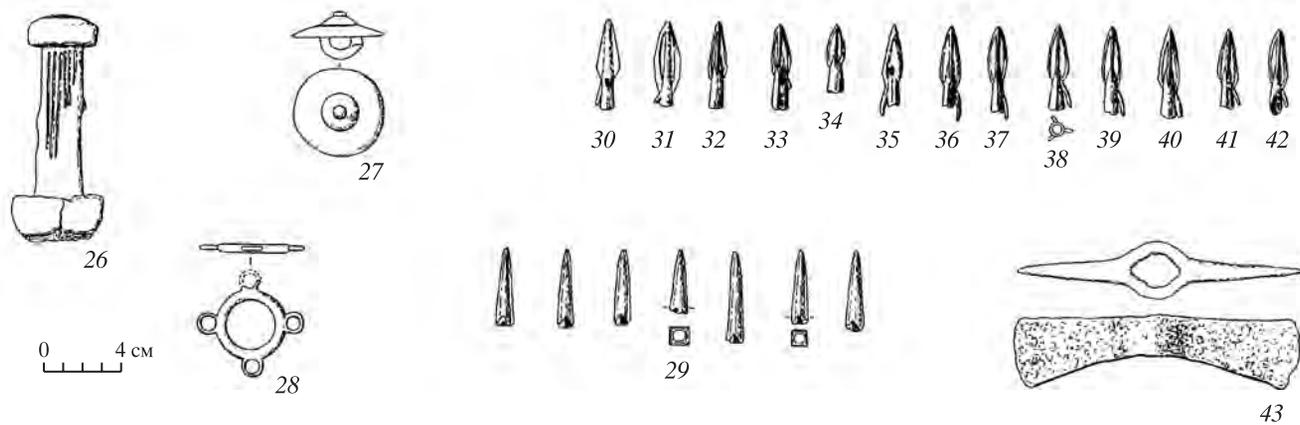
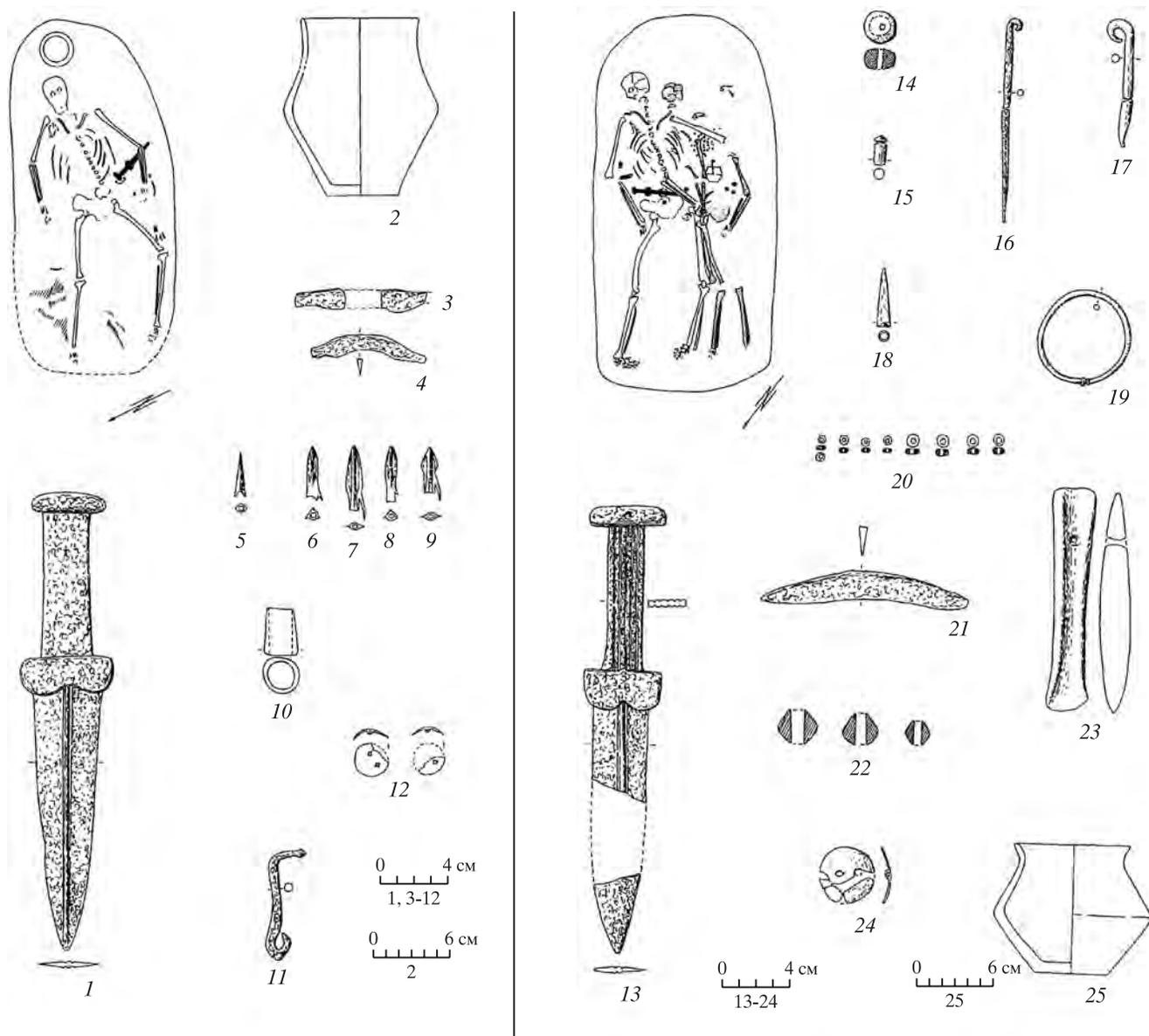

Рис. 3. Погребения чумбрудской группы с кинжалами типа Posmuş: Mârişelu, погр. 7 (1–12) и погр. 6 (13–25); Aiud-“Parc”, погр. 8 (26–43) (по Vulpe, 1990).

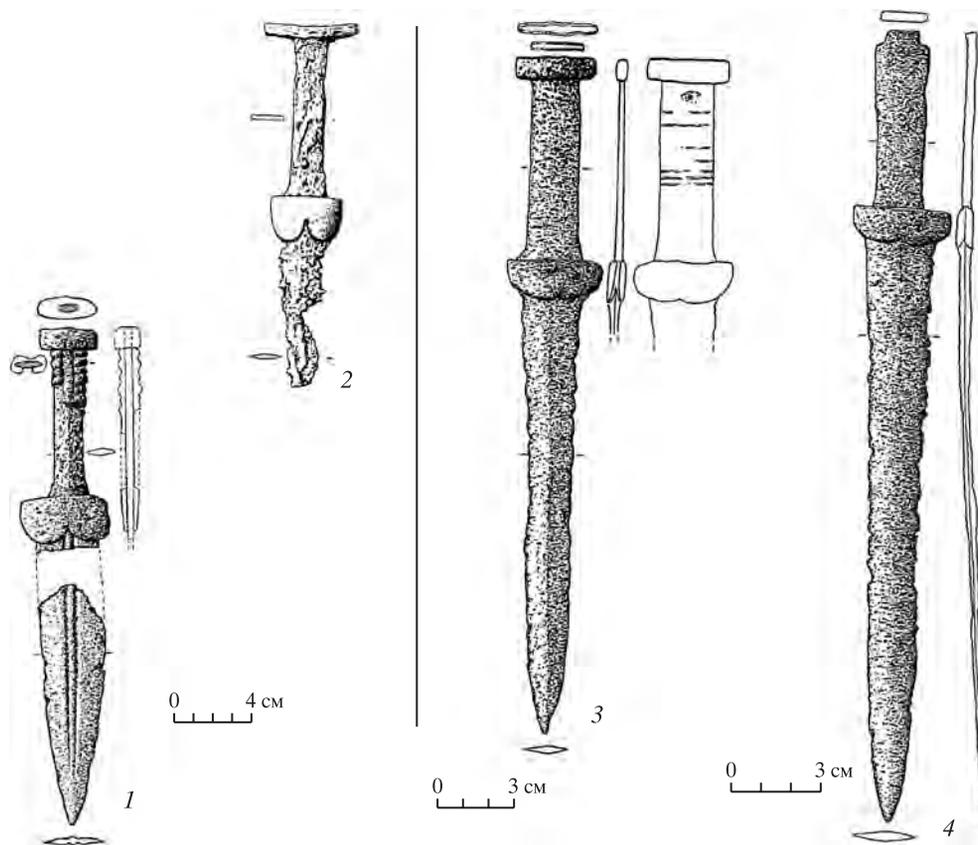

Рис. 4. Находки кинжалов типа Posmuş и их аналогов в Карпатской котловине: 1 – Mărişelu, 2 – Tiszabercel, 3 – Dăneşti, 4 – Mirceşti (1, 3, 4 по Vulpe, 1990; 2 по Kemenczei, 1991).

исключено, что именно кинжалы рассматриваемого типа являются промежуточным звеном в развитии клинкового оружия скифского типа в Карпато-Подунавье в раннем железном веке, а дальнейшее местное развитие акинаков представлено здесь короткими железными мечами типа Ferigile-Lăceni, для которых также характерны брусковидное или прямое навершие, украшенная вертикальными каннелюрами рукоять и перекрестие «келермесского» типа (Vulpe, 1990. S. 30–34. Taf. 2, 12, 13; 4, 15–18).

В Восточно-Карпатском регионе к настоящему времени найдено всего 8 кинжалов типа Posmuş, большинство из которых происходит из погребальных комплексов чумбрудской группы (рис. 1; Vulpe, 1990. S. 23–30. Taf. 1, 2–6; 2, 7, 8; Gawlik, 1997–1998. S. 25–26). Исключениями являются две находки этих кинжалов: вне комплекса из могильника в Mărişelu, происходящая, однако, с большой вероятностью, из полностью разрушенного погребения с труположением (Maginescu, 1984. S. 51. Abb. 13, 1), и из местонахождения векерзугской культуры в Tiszabercel в Восточной Венгрии (Kemenczei, 1991. Taf. 62, 278). Значительная концентрация находок этого типа отмечается в северо-восточной части Трансильвании, особенно в могильнике Mărişelu,

откуда известны 4 экземпляра (Maginescu, 1984). Некоторые исследователи с определенными сомнениями относят к кинжалам типа Posmuş и два найденных вне контекста железных экземпляра из Dăneşti (рис. 4, 3) и Mirceşti (рис. 4, 4) в Молдавии (Vulpe, 1990. S. 24, 25, 31. Taf. 2, 9, 10). Однако в обоих случаях речь идёт не о кинжалах, а о коротких мечах с длинным, относительно узким клинком без срединного ребра и с короткой в сравнении с общей длиной меча плоской в сечении рукоятью. Узкое перекрестие этих мечей с ровным верхним краем имеет в нижней части только незначительный вырез. Поэтому, на основании указанных морфологических признаков, отличающих их от акинаков исследуемого типа, короткие мечи Молдавии мы не относим к клинковому оружию с рукоятью типа Posmuş, хотя не исключено, что они с ними генетически связаны и их можно считать местной модификацией этих кинжалов⁶. Нами к кинжалам

⁶ Рассматриваемые молдавские находки коротких мечей по таким морфологическим признакам как форма рукояти, перекрестия и клинка почти идентичны железным мечам с антенновидным навершием типа Găiceana, которые А. Vulpe датировал второй половиной VI – первой половиной V вв. до н.э. (Vulpe, 1990. S. 60. Taf. 15, 74, 75).

типа Posmuş отнесен экземпляр из Tiszabercel, на который до сих пор никто из исследователей, занимающихся клинковым оружием восточного типа из Карпатской котловины, не обращал внимание. Экземпляр из Tiszabercel можно считать не только единственной находкой акинаков исследуемого типа в рамках векерзугской культуры, но также и самой западной находкой кинжалов типа Posmuş.

Чумбрудская группа памятников

Чумбрудская группа (территория Трансильвании), наряду с векерзугской культурой (Восточная Венгрия и южные регионы Словакии), а в некоторой степени и с культурой Фериджиле (Валахия) и культурными группами позднегальштатского времени Юго-Восточной Паннонии, относится к специфическим культурным явлениям раннего железного века Центральной Европы, в материальной культуре которых относительно четко проявляются восточные влияния и прослеживается инфильтрация ряда культурных элементов из Северного Причерноморья и Кавказа. К числу этих культурных элементов можно отнести в первую очередь оружие, то есть предметы, связанные с “мужской” сферой. В погребениях женщин, напротив, встречаются находки, своим происхождением связанные с Центрально- и Восточно-Балканским, а также с восточно-гальштатским культурными регионами (Kozubová, 2013. S. 397, 405). Определенное сходство между памятниками Северного Причерноморья, Северного Кавказа и чумбрудской группой прослеживается также в погребальном обряде (например, в распространении конских погребений, ритуальном употреблении огня в погребальном обряде, наличии в погребальном инвентаре кремней и галек: Kozubová, 2013. S. 402, 403). С помощью предметов, имеющих восточные аналогии, была уточнена датировка ряда погребальных комплексов чумбрудской группы.

Некоторые исследователи попытались на основании прежде всего кавказских параллелей отнести формирование чумбрудской группы уже к первой половине VII в. до н.э. (Gawlik, 1997–1998. S. 26; Chochorowski, 1998. S. 480) или, возможно, даже к концу VIII – началу VII вв. до н.э. (Hellmuth, 2006. S. 139, 140). Основанием для этого послужили не только наконечники стрел новочеркасского и жаботинского типов, но и присутствие в инвентаре ряда элитных погребений чумбрудской группы кинжалов типа Posmuş, имеющих близкие, хотя и немногочисленные параллели на Кавказе, в первую очередь, в могильниках Тли в Южной Осетии (Техов, 1980. Табл. 101, 7; Техов, 1985. Табл. 118, 1; 123, 3; 130, 5; 131, 14; 142, 2; 157, 3; 159, 1) и

Самтавро в Грузии. Датируя эти погребения, польские и немецкие исследователи, во-первых, не учитывали сопровождающий инвентарь и, во-вторых, при датировке кавказских параллелей, как из Тли, так и из Самтавро, ссылались только на работы Г. Коссака (Kossack, 1983; Kossack, 1987), и в ряде случаев А.И. Иванчика (Ivantchik, 1997; Иванчик, 2001). Поэтому очень важно не только подтвердить оправданность датировки находок данного типа кинжалов на Кавказе концом VIII – первой половиной VII в. до н.э., но и ответить на вопрос, позволяет ли сопровождающий инвентарь из погребений чумбрудской группы более точно определить хронологические рамки существования акинаков типа Posmuş в Карпатской котловине.

George Marinescu, который первый выделил кинжалы типа Posmuş, датировал их бытование, как позже и А. Vulpe, по аналогиям из Северного Причерноморья и Северного Кавказа, второй половиной VII и первой половиной VI вв. до н.э. (Marinescu, 1984; Vulpe, 1990), что соответствовало общепринятой датировке самых ранних комплексов чумбрудской группы серединой – второй половиной VII в. до н.э. На основании прежде всего немногочисленных находок наконечников стрел новочеркасского и жаботинского типов из погребения 2 в Teiuş (Vasiliev, Badea, Man, 1973. Fig. 4, 9–13) и погребения 9 в Cristeşti (Zrínyi, 1965. Pl. 10, 14–17) J. Chochorowski предложил их более раннюю дату, а именно первую половину VII в. до н.э., передвинув тем самым первый этап формирования чумбрудской группы в рамки начала – первой половины VII в. до н.э. (Chochorowski, 1998. S. 480). Исходя из этого удревнения ряда погребальных комплексов чумбрудской группы и также из датировки погребений Тлийского могильника, в которых были встречены кинжалы, типологически близкие к типу Posmuş, А. Gawlik и А. Hellmuth не только считают предположенную J. Chochorowski датировку верной и обоснованной, но и (прежде всего А. Hellmuth) не исключают, что начало формирования чумбрудской группы можно вполне доказательно отнести уже к концу VIII в. до н.э. (Gawlik, 1997–1998. S. 26; Hellmuth, 2006. S. 139, 140). Еще более удревнил датировку погребения 9 из Cristeşti М. Trachsel, который на основании сопровождающего инвентаря, а именно элементов конской упряжи и сосуда, отнес его ко второй половине – концу VIII в. до н.э. (Trachsel, 1999).

Оба вышеупомянутых погребения очень важны не только с точки зрения определения самого начала формирования чумбрудской группы, но также и в связи с датировкой самых ранних находок клинкового оружия восточного типа в Карпатской

котловине. В состав инвентаря обоих погребений входили, кроме многочисленных наконечников стрел, железные кинжалы с антенновидным навершием типа *Frata* по A. Vulpe, а в погребении 9 из *Cristești* подобный кинжал сочетается с другим железным кинжалом типа *Delenii* по A. Vulpe (Vulpe, 1990. S. 34, 35, 50–53. Taf. 45, *A1–38*; 46, *C1–54*). Датировка обеих погребений концом VIII – первой половиной VII вв. до н.э., так, как это предлагают некоторые польские и немецкие исследователи, нам кажется необоснованной. Во-первых, ранние типы наконечников стрел в этих погребальных комплексах встречаются с более поздними типами, а именно, с трёхлопастными и изредка также с трёхгранными наконечниками с длинной втулкой, характерными для келермесской фазы раннескифской культуры. Во-вторых, надо учесть, что клинковое оружие с антенновидным навершием появляется только во второй половине VII в. до н.э. (Махортых, 1991; Мелюкова, 1964. С. 55). Исходя из того, что клинковое оружие типа акинака в Карпатской котловине имеет восточное происхождение⁷ и принимая датировку этих погребений первой половиной VII в. до н.э., надо передвинуть датировку кинжалов и коротких мечей в Северном Причерноморье и на Кавказе в первую половину VII в. до н.э. или же надо предположить, что акинак имеет не восточное происхождение. Железный боевой топор векерзугского типа и бронзовая проволочная подвеска чумбрудского типа с коническими концами из этих погребений не дают более точной датировки, поскольку встречаются и в погребальных комплексах чумбрудской группы первой половины VI в. до н.э., а в векерзугской культуре даже в погребениях первой половины V в. до н.э. (Kozubová, 2010. S. 49, 50; Она же, 2013. S. 34, 35). Поэтому наиболее вероятной датировкой обоих погребений можно считать середину – вторую половину VII в. до н.э., тем более, что контекст происхождения находок из погребения 9 в *Cristești* не совсем ясен (Zrínyi, 1965. P. 27, 28; Werner, 1988. S. 57, 58).

К относительно многочисленному и разнообразному инвентарю погребений чумбрудской группы с кинжалами типа *Posmuș* относятся прежде всего предметы вооружения, в том числе наконечники стрел и детали колчанов в виде бронзовых шестиконечных блях и одного костяного столбика (рис. 2, 10, 19; 3, 15), наконечники копий – в одном случае даже с наконечником для футляра (рис. 2, 21, 22),

железные двухлезвийные боевые топоры типа Фериджиле (рис. 3, 43), орудия труда (ножи, оселки, пряслица), детали конского снаряжения – бляхи (рис. 3, 28), украшения (браслеты и серьги, глиняные бусины, раковины каури, бляшки – аппликации, булавки и одна фибула) (рис. 2, 28; 3, 12, 16, 19, 20, 24), керамика и предметы неизвестного назначения (рис. 2, 20, 23; 3, 11, 14, 28).

Лишь некоторые находки позволяют предложить более или менее точную датировку, причем не в рамках конца VIII – первой половины VII в. до н.э. Эти комплексы можно отнести и ко второй половине VII в. до н.э., даже к началу VI в. до н.э. Прежде всего, об этом позволяют говорить бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел с длинной втулкой и без шипа, костяные наконечники стрел пирамидальной формы и со скрытой втулкой, единственный в Карпатской котловине костяной столбик с цилиндрическим туловом и конической головкой (шляпкой) – деталь колчана из парного погребения 6 в *Mărișelu* (рис. 3, 15) и бронзовый ажурный наконечник футляра для копья из погребения 6 в *Budești-Fînațe* (рис. 2, 22). Почти идентичные немногочисленные футляры также известны из погребений векерзугской культуры конца VII – начала VI вв. до н.э. (*Ártánd: Párducz*, 1965. P. 192. Pl. 22, 8, 23, 5; *Stibbe*, 2004. P. 38) и поселений календербергской группы гальштатской культуры второй половины VII в. до н.э. (жилище 25 в *Smolenice-Molpír: Dušek, Dušek*, 1995. S. 11, 74. Taf. 1, 14; *Parzinger, Stegmann-Rajtár*, 1988. S. 167–169). Недавняя находка такого футляра в могильнике западноподольской группы в Швайковцах также датируется второй половиной VII в. до н.э. (Бандрівський, 2009. С. 207. Рис. 8, 17; Бандривский, 2013. С. 345, 346. Рис. 5).

Для точной датировки погребальных комплексов чумбрудской группы меньше всего может дать керамика. Хотя уникальная для чумбрудской группы ваза из погребения 6 в *Budești-Fînațe*, украшенная рогатыми выступами в сочетании с горизонтальными каннелюрами (рис. 2, 30), восходит по форме и орнаментации к традициям позднего бронзового века (культура Гава), но ее вполне можно датировать второй половиной VII в. до н.э. и даже началом VI в. до н.э. В пользу этого говорят относительно многочисленные параллели из поселений второй половины VII – первой половины VI вв. до н.э. в Олтении, где почти идентичные по форме и характеру орнаментации вазы встречены вместе с керамикой культуры Фериджиле (*Gumă*, 1993. P. 275. Fig. 10. Pl. 104). Еще одна похожая ваза, с декором, напоминающим скорее о стиле лужицкой культуры, известна из погребения 1923 г. в *Batoș*, где она

⁷ Здесь имеется в виду прежде всего регион Центрального и Северного Кавказа, который с большей долей вероятности можно считать исходной территорией развития клинкового оружия скифского типа, где мы видим его наиболее древние находки (Топаля, 2004. С. 29).

встречена вместе с поздними типами бронзовых наконечников стрел – трёхлопастными со скрытой втулкой (Boroffka, 2002. P. 238, 239. Fig. 1, A, C12–37).

Бронзовая бляха от конского снаряжения из погребении 8 в Aiud-“Panc” относится к уздечным принадлежностям, характерным для гальштатской культуры второй половины VIII – первой половины VII вв. до н.э., но сопровождающие ее бронзовые трёхлопастные наконечники стрел невозможно датировать ранее, чем серединой – второй половиной VII в. до н.э. (рис. 3, 27, 30, 32–42). На доживание этого редкого для Восточно-Карпатского региона типа блях до конца VII – рубежа VII–VI вв. до н.э. указывает и погребение 1950 г. из Ártánd-Zomlínpuszta (Párducz, 1965; Kemenczei, 2009. Taf. 4–6). Наиболее важным датирующим предметом этого погребения является гидрия из бронзы, изготовленная, по мнению С.М. Stibbe, в мастерских Спарты в последней четверти VII в. до н.э. (Stibbe, 2004. P. 38).

Возможно, самым поздним из этой группы является парное погребение 6 в Mărişelu, в состав инвентаря которого входила большая железная бусина – вероятно, деталь пояса (рис. 3, 14). Похожие не только железные, но и бронзовые предметы, действительно, очень характерны для культуры Mezőcsát IX–VIII вв. до н.э. (Metzner-Nebelsick, 2002. S. 402–408. Abb. 180), но в Центральной и Юго-Восточной Европе они нередко доживают и до второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. Как пример можно привести погребение 12 из могильника векерзугской культуры в Maňa с находкой составной бритвы и железного футляра для наконечника копья второй половины VI в. до н.э. (Benadić, 1983. Taf. 1, 3–10; Kozubová, 2013. S. 86) или погребение 1 из могильника Sanski Most в Северной Боснии, которое по поздним вариантам фибул типа Certosa необходимо датировать первой половиной V в. до н.э. (Fiala, 1899. S. 65. Abb. 3–6). Относительно широкую датировку имеют и другие находки из рассматриваемой нами группы чумбрудских погребений, а именно, подвески с коническими концами чумбрудского типа (рис. 3, 19) или двулезвийные железные топоры типа Фериджиле, которые в Дунайско-Карпатском регионе наиболее характерны для второй половины VII и первой половины VI вв. до н.э. (Kozubová, 2010. S. 53; Она же, 2013. S. 34, 35). Бронзовые кольца с петельками (рис. 3, 28) также не дают точной датировки, и хотя в западноподольской группе они очень характерны для VII в. до н.э., в векерзугской культуре они встречаются в погребальных комплексах даже первой половины V в. до н.э. (Kozubová, 2013. S. 54).

Восточные, в том числе кавказские аналоги кинжалам типа Posmuş

Морфологически самые близкие аналоги кинжалам типа Posmuş известны, в частности, в погребениях 85 (аналогия является частичной), 94, 106, 128, 129, 164, 205 и 216 Тлийского могильника (Техов, 1980. Рис. 4, 7; 6, 1; 7, 3; 8, 5; 9, 14; 12, 2; 13, 3; 14, 1). Акинаки из погребений 139 (антенновидное навершие), 68, 93, 298 и 378 (мечи) относятся к другим типам (Техов, 1980. Рис. 2, 2; 5, 1; 11, 1; 20, 4; Техов, 2002. Табл. 54, 4). В отличие от кинжалов типа Posmuş из Восточно-Карпатского региона почти все их аналогии из Тли, за исключением биметаллического экземпляра из погребения 85 (рис. 5, 33), железные, их рукоять обычно украшена только двумя вертикальными каннелюрами, многие из них снабжены петлей под навершием, что позволяет отнести тлийские экземпляры к акинакам келермесского типа (Pirtskhalava, 1995. P. 56; Topal, 2014. P. 15, 18. Pl. 2)⁸.

Погребения Тлийского могильника с акинаками можно с достаточной степенью условности разделить на 3 хронологические группы. К первой принадлежат погребения 85 и 129 (рис. 5), которые по наконечнику стрелы могут быть отнесены к первой половине VII в. до н.э. Во вторую группу входят погребения 68, 106, 128 и 139 (рис. 6). Уздечный набор из погребения 68 (рис. 6, 9, 11–13), скорее всего, относится ко второй половине VII в. до н.э. Наконец, к третьей группе, которая может заходить и в VI в. до н.э., относятся погребения 93, 164, 205, 216, 298 и 378 (рис. 7). Подобное разделение опирается на анализ погребального инвентаря данных погребений (Козубова, Скаков, 2012. С. 199). Для ранних комплексов характерны орнаментированные топоры IV периода по классификации А.Ю. Скакова (рис. 5, 1, 32; Скаков, 1997. С. 81–85), фибулы со слегка утолщенной дужкой, украшенной елочным орнаментом, и слегка расширенным приемником (рис. 5, 3, 37), псевдовитая гривна с закрученными концами (рис. 5, 27). Для следующего этапа характерны железные топоры с вытянутой обушной частью (рис. 6, 23, 32) и бабочковидные пряжки (рис. 6, 4, 18, 24, 34). Для поздней группы характерны наконечники ножен, оформленные в зверином стиле (рис. 7, 13, 18, 38), псевдовитые гривны с уплощенными орнаментированными концами (рис. 7, 28, 53), фибулы с утолщениями по обе стороны дужки (не имеющей

⁸ Если для Восточно-Карпатского региона как одной из трех основных территорий распространения клинкового оружия так называемого скифского типа характерны прежде всего акинаки малых форм, то в Кавказском и Среднеднепровском регионах были обнаружены многочисленные серии больших мечей (Топал, 2004. С. 26, 29).

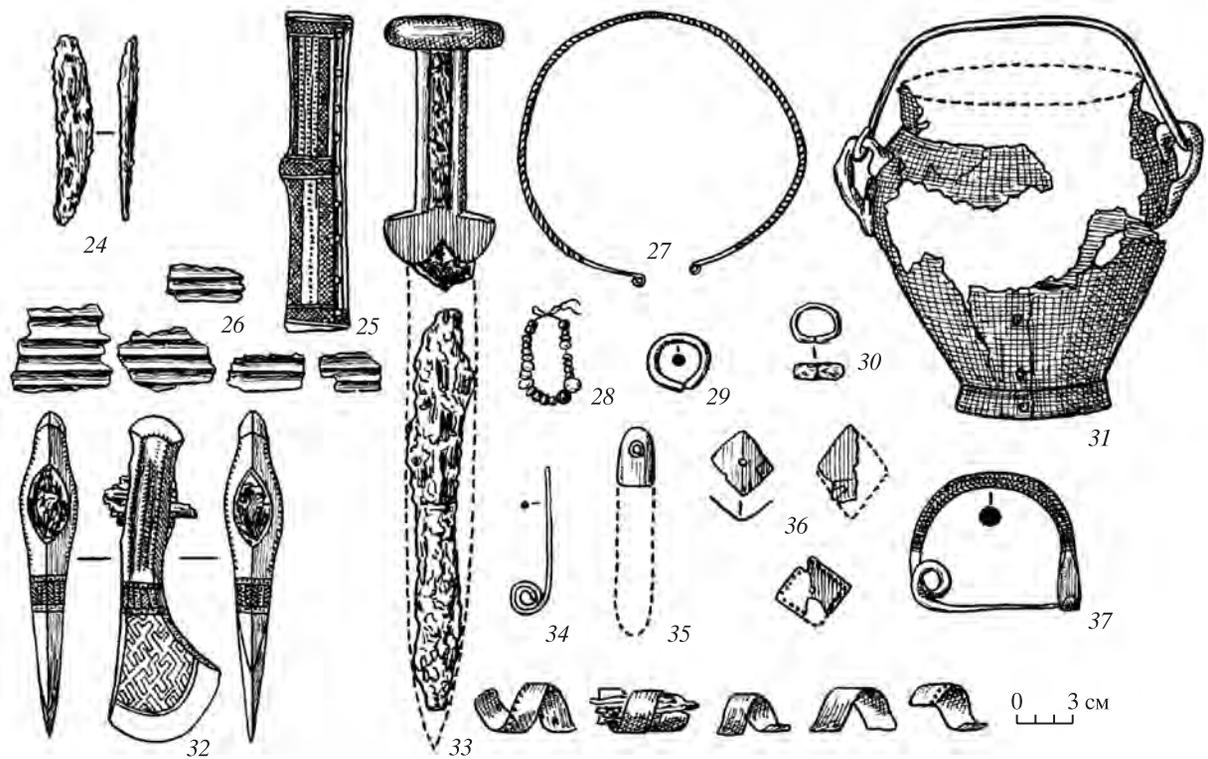
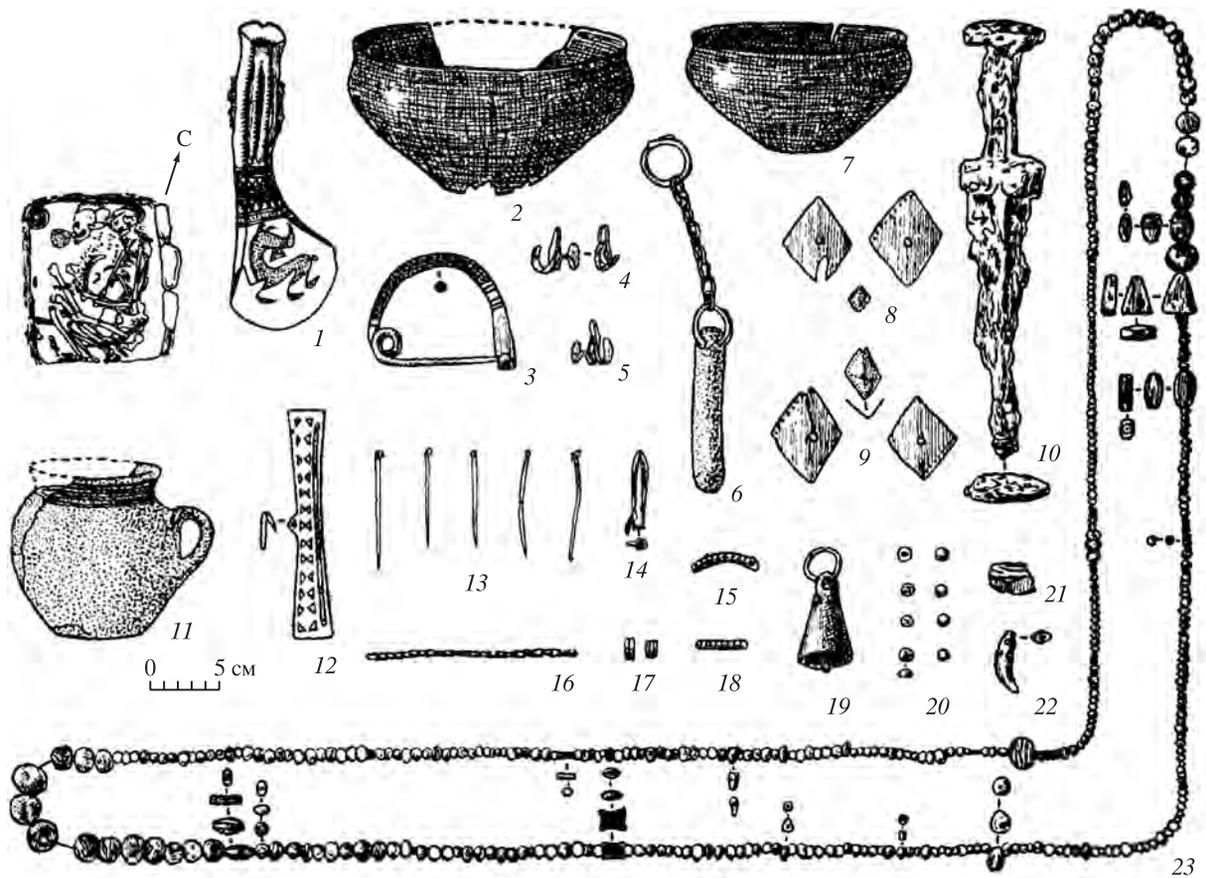

Рис. 5. Погребения 129 (1–23) и 85 (24–38) Тлийского могильника с кинжалами и короткими мечами (первая хронологическая группа) (по Техов, 1980).

Рис. 6. Погребения 68 (1-16), 128 (17-21), 106 (22-30) и 139 (31-35) Тлийского могильника с кинжалами и короткими мечами (вторая хронологическая группа) (по Техов, 1980).

Рис. 7. Погребения 205 (1–10), 378 (11–17), 216 (18–32), 164 (33–38), 93 (39–50) и 298 (51–56) Тлийского могильника с кинжалами и короткими мечами (третья хронологическая группа) (1–10, 18–56 по Техов, 1980; 11–17 по Техов, 2002).

утолщения в средней части) (рис. 7, 9, 26, 46), фибула с дужкой ромбического сечения (рис. 7, 16), железные топоры с укороченной (иногда расширенной) обушной частью (рис. 7, 11, 19, 41, 55) и железные двухлезвийные топоры (рис. 7, 33).

Кроме Тлийского могильника кинжалы типа Posmuş и прежде всего их близкие аналогии в виде мечей и кинжалов келермесского типа встречаются относительно часто и на других памятниках раннего железного века Северного Кавказа и Закавказья (Есаян, Погребова, 1985. С. 40–52; Махортых, 1991. С. 56–58; Новичихин, 2006. С. 47, 48; Topal, 2014. Pl. 2). В Бужоре (Анапа) был найден биметаллический кинжал, обнаруживающий сходство с кинжалами типа Posmuş (Новичихин, 1990). Другие аналогичные мечи встречены в некоторых могильниках Кавказа, например, в погребении 1 в Уреки (Микеладзе, 1985. Табл. XIX, 2), в погребениях 212 и 295 в Самтавро (Абрамишвили, 1957. Табл. II; Абрамишвили, 1961. Табл. XVIII, 2), в погребении 2 в Двани (Макалатия, 1949. Рис. 4, 1), в погребениях 82 и 141 во Владимировке (Шишлов и др., 2007. Рис. 3, 7; Шишлов, Федоренко, 2006. Рис. 8, 10).

Вторая многочисленная серия находок (в основном вне комплексов) железных мечей келермесского типа происходит из лесостепной зоны Северного и Северо-Западного Причерноморья и Волго-Донского междуречья. Так, они известны из погребения 1 в кургане 6 из Яснозорья, из Ватича и т.д. (Ковпаненко и др., 1994. С. 64. Рис. 12, 6; Топал, Бруяко, 2012. Рис. 1, 2; 3; 4; Топал, 2014. Рис. 6; Topal, 2014; Ворошилов, 2007)⁹. Инвентарь этих погребальных комплексов из Кавказа и Северного Причерноморья пока не позволяет дать им обоснованную датировку в рамках первой половины VII в. до н.э. или ещё более раннего времени. Такому подходу не противоречит общепринятая датировка акинаков келермесского типа, бытование которых на основании, в первую очередь, некоторых кавказских и приднепровских погребальных комплексов определяется в рамках середины – второй половины VII в. до н.э. (Ворошилов, 2011. С. 165, 166; Топал, Бруяко, 2012. С. 135-139; Топал, 2014. С. 21, 22, 25)¹⁰.

Таким образом, ни кавказские аналогии с их достаточно широкой датировкой, ни сопровождающий инвентарь не дают веских оснований относить погребения чумбрудской группы с кинжалами типа Posmuş к первой половине VII в. до н.э. Тем не менее, эти погребения составляют самый ранний пласт комплексов чумбрудской группы.

Социальный аспект

Грунтовые некрополи Budeşti-Fînaţe и, прежде всего, Mărişelu можно по характеру погребального инвентаря считать могильниками военной элиты. Количество погребений мужчин с оружием на могильнике Mărişelu значительно превышает количество женских погребений и, в отличие от могильника Budeşti-Fînaţe, здесь полностью отсутствуют погребения детей. Наличие очень богатого детского погребения 3 на могильнике Budeşti-Fînaţe второй половины VII в. до н.э. (Marinescu, 1984. S. 48. Abb. 3) указывает на возможность хотя бы частичной преемственности социального статуса в рамках чумбрудской группы (Kozubová, 2013. S. 384).

На основании анализа как характера и количества вооружения (один предмет вооружения, сочетание двух или трех предметов различных категорий вооружения), так и наличия и характера сопровождающего инвентаря, среди воинских погребений можно выделить две основные группы, соответствующие двум социальным слоям. Для первой группы, которую можно определить как погребения типа Budeşti-Fînaţe, характерно, кроме сочетания предметов трех (изредка только двух) отдельных категорий вооружения, и наличие другого относительно многочисленного и редкого сопровождающего инвентаря, в состав которого кроме керамики входят также украшения (например раковины каури или различные бронзовые подвески), орудия труда, украшения колчанов, бронзовый наконечник футляра для копья, отдельные предметы конского снаряжения, а также предметы неясного назначения. Вторую группу составляют те погребения, инвентарь которых состоял или из предметов одной категории вооружения, в данном случае наконечников стрел и изредка железных боевых топоров, или из сочетания предметов двух различных категорий вооружения, но, как правило, без другого сопровождающего инвентаря. Как типичный пример комплекса этой группы можно привести погребение из Vatoş, в котором кроме короткого меча типа акинака и 6 бронзовых наконечников стрел встречены только фрагменты керамики (Vasiliev, 1966. Fig. 3). Таким образом, в рамках чумбрудской группы выделяются как минимум две различные социальные группы воинов, при этом почти все по-

⁹ Нашей задачей здесь не является создание полного каталога находок клинкового оружия, представляющего близкие или отдаленные аналогии кинжалам типа Posmuş (их полный список см. Topal, 2014. Pl. 2). Для части из них речь идет о находках, не пригодных для более точной датировки: иногда инвентарь погребений, из которых происходят акинаки, опубликован лишь выборочно, в некоторых случаях, как у железных экземпляров с территории Грузии, плохая сохранность не позволяет с точностью определить типологическую принадлежность.

¹⁰ По мнению Д. Топала, трехчастные в сечении рукояти у клинкового оружия вполне доживают до рубежа VII–VI вв. до н.э. (Топал, 2014. С. 25).

гребеня с кинжалами типа Posmuş можно отнести к первой из выделенных нами групп (типа Budeşti-Fînațe), или к погребениям лиц, занимающих самое высокое положение в обществе (Kozubová, 2013. S. 384, 385).

На основе анализа взаимосочетания различных категорий оружия можно выделить две основные группы погребений с кинжалами типа Posmuş. Для первой и наиболее многочисленной группы характерно сочетание клинкового оружия с оружием дальнего боя. Вторая группа представлена погребениями, в инвентаре которых кроме кинжалов и наконечников стрел отмечены и другие категории вооружения, а именно ударное (боевой топор) или колющее оружие (наконечники копий). В данном контексте очень интересным является погребение 8 из могильника Aiud-“Paș” с очень редкими для памятников чумбрудской группы находками уздечных принадлежностей (рис. 3, 26–43). В целом можно сказать, что в погребениях чумбрудской группы, в которых отмечено присутствие клинкового оружия, мы наблюдаем их почти стандартное сочетание с оружием дальнего боя и, как правило, с колющим оружием в виде наконечников копий. Напротив, сочетание кинжала/меча с ударным оружием в виде или железных боевых однолезвийных топоров векерзугского типа или двулезвийных топоров типа Фериджиле (которое является особенно характерным для синхронной с чумбрудской группой культуры Фериджиле) в погребениях самой чумбрудской группы представляется крайне редким явлением. Такое сочетание категорий оружия и почти полное отсутствие наконечников стрел, напротив, характерно для Тлийского могильника, где стандартным можно считать взаимовстречаемость кинжалов или коротких мечей с боевыми, как правило, железными, топорами, во многом близкими топорам векерзугского типа (Kozubová, 2010. S. 55).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамишвили Р.М.* К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // ВГМГ. Тбилиси, 1957. Т. XIX-A – XIX-B. С. 100–144 (на груз. яз.).
- Абрамишвили Р.М.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии // ВГМГ. Тбилиси, 1961. Т. XXII-B. С. 291–382 (на груз. яз.).
- Бандривский М.С.* Курганы в Швайковцах и Коцюбинчиках – новый источник для датировки Западно-подольской группы раннескифской культуры (по материалам раскопок 2007–2009 гг.) // РАЕ. № 3. СПб.: Унив. изд. консорциум, 2013. С. 341–361.
- Бандривський М.* Новий ритуальний об’єкт часів скифської архаїки зі Швайківець біля Чорткова на Тернопільщині (попереднє повідомлення) // Взаємозв’язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи: збірка наукових праць на пошану Лариси Іванівни Крушельницької. Київ; Львів: ІА НАНУ, 2009. С. 202–235.
- Ворошилов А.Н.* Акинаки келермесского типа в донской лесостепи // Восточноевропейские древности скифской эпохи / Ред. В.Д. Березуцкий и др. Воронеж: Науч. книга, 2011 (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского; вып. 1). С. 156–168.
- Ворошилов А.Н.* Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги // РА. 2007. № 3. С. 150–156.
- Ворошилов А.Н.* О серии акинаков келермесского типа // Древность: историческое знание и специфика источника: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского). Вып. IV: 14–16 декабря 2009 г. М.: ИВ РАН, 2009. С. 40–42.
- Есаян С.А., Погребова М.Н.* Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985. 150 с.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф, 2001 (Степные народы Евразии; т. II). 324 с.
- Исмагилов Б.А.* Меч скифского типа: истоки происхождения // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы I Всесоюзной археологической конференции (декабрь 1979 г.) / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1980. С. 85–95.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.М., Скорый С.А.* Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов: сборник научных трудов / Ред. Е.В. Черненко. Киев: Изд-во Института археологии АН Украины, 1994. С. 41–63.
- Козубова А., Скаков А.Ю.* К вопросу о датировке акинаков типа Posmuş на основании кавказских параллелей // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы Международной научной конференции (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / Ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 198–200.
- Лесков А.М.* Киммерийские мечи и кинжалы и происхождение скифского акинака // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен: тезисы докладов III Всесоюзной конференции. М.: Сов. художник, 1979. С. 47–49.
- Макалатия С.И.* Раскопки Дванского могильника // СА. 1949. XI. С. 225–240.
- Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наук. думка, 1991. 136 с.

- Мелокова А.И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 118 с.
- Микеладзе Т.К.* Колхидские могильники эпохи раннего железа. Урекский и Нигвзианский могильники. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 133 с. (на груз. яз.)
- Новичихин А.М.* Биметаллический кинжал из х. Бужор Анапского района // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ: доклады Всесоюзной конференции молодых ученых (Москва, 20–30 апреля 1990 г.). М.: Московский археологический информационный центр, 1990. С. 61–73.
- Новичихин А.М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТиКД, 2006. 220 с.
- Скаков А.Ю.* К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии / Отв. ред.: С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. М., 1997. С. 70–87.
- Техов Б.В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. (По материалам Тлийского могильника). М.: Наука, 1980. 93 с.
- Техов Б.В.* Тайны древних погребений: Археология, история, этнография. Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. 544 с.
- Топал Д.А.* Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова // *Tyregētia. Arheologie. Istorie Antică. Serie nouă. Chişinău*, 2014. V. VIII [XXIII], nr. 1. С. 7–43.
- Топал Д.А.* Скифские акинаки: функциональное разделение и контекст обнаружения // Антропологические исследования в Молдове: материалы I научной конференции молодых преподавателей и студентов (26–27 ноября 2004 г.) / Ред. А.Н. Булава [и др.]. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2005. С. 19–32.
- Топал Д.А., Бруяко И.В.* Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района (Республика Молдава) // “Эллинистическое и иранское”. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Вышш. антропол. шк., 2012 (*Stratum plus*; № 3/2012). С. 133–144.
- Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.И. Тереножкин и др. Киев: Наук. думка, 1980. С. 7–30.
- Черненко Е.В.* Персидские акинаки и скифские мечи // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен: тезисы докладов III Всесоюзной конференции. М.: Советский художник, 1979. С. 90–91.
- Шишилов А.В., Федоренко Н.В.* Погребальный обряд племен Северо-Западного побережья Кавказа в конце VII – V вв. до н.э. (по материалам Владимирского могильника) // *Аргонавт. Черноморский исторический журнал. Новороссийск*, 2006. Май-август. № 2 (3). С. 63–73.
- Шишилов А.В., Федоренко Н.В., Колтакова А.В., Кононенко А.П.* Материальная культура Владимирского могильника // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 5. Новороссийск: Новороссийский гос. ист. музей-заповедник, 2007. С. 4–19.
- Шрамко Б.А.* Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наук. думка, 1984. С. 22–38.
- Benadik B.* Maňa. Keltisches Gräberfeld: Fundkatalog. Nitra: Slowakische Akademie der Wissenschaften, 1983. 167 S.
- Boroffka N.* Mormântul hallstattian de la Batoş, Jud. Mureş // *Angustia. Sfîntu Gheorghe*, 2002. № 7. *Arheologie*. P. 233–240.
- Buzdugan C.* Pumnale hallstattiene tirzii po teritoriul României // *Cercetări Arheologice. Bucureşti*, 1976. № 2. P. 239–273.
- Chochorowski J.* Die Vekerzug-Kultur und ihre östliche Beziehungen // *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe*. München: Südosteuropa Gesellschaft, 1998 (PAS; Bd. 12). S. 473–491.
- Chochorowski J.* Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków: UJ, 1993. 327 s.
- Dušek M., Dušek S.* Smolenice-Molpír. Befestigter Fürstensitz der Hallstattzeit. II. Nitra: AÚ SAV, 1995. 203 S.
- Fiala F.* Das Flachgräberfeld und die prähistorische Ansiedlung von Sanski most // *WMBH*. 1899. № 6. S. 62–128.
- Gawlik A.* Zur Genese der skythischen Dolche vom Posmus-Typ aus Siebenbürgen // *AAC*. 1997-1998. № 34. S. 25–37.
- Gumă M.* Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României. Bucureşti: Institutul Român de Tracologie, 1993. 311 p.
- Hellmuth A.* Pfeilspitzen. Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolenice-Molpír. Bonn: Habelt, 2006 (UPA; Bd. 128). 300 S.
- Ivantchik A. I.* Das Problem der ethnischen Zugehörigkeit der Kimmerier und die kimmerische archäologische Kultur // *PZ*. 1997. Vol. 72, № 1. S. 12–53.
- Kemenzei T.* Die Schwerter in Ungarn II: Vollgriffschwert. Stuttgart: Steiner, 1991 (PBF; Bd IV/9). 191 S.
- Kemenzei T.* Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld-Gruppe. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2009. 410 S.
- Kossack G.* Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreis im Kaukasus // *BAVA*. 1983. № 5. S. 89–186.
- Kossack G.* Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // *Skythika*. Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils und zu Denkmälern des Bosporianischen Reichs anlässlich einer Ausstellung der Leningrader Ermitage in München 1984. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1987. S. 24–86.
- Kozubová A.* Hroby so železnými sekerkami na pohrebiskách zo staršej doby železnej v karpatsko-dunajskom

- priestore // ZSNM. 2010. CIV. Archeológia. № 20. S. 45–65.
- Kozubová A. Pohrebiská vekeřzugskej kultúry v Chotíne na juhozápadnom Slovensku. Vyhodnotenie. Bratislava: Vydavateľstvo Univerzity Komenského v Bratislave, 2013. 454 s.
- Marinescu G. Die jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenbürgen // Dacia N. S. București, 1984. V. 28. № 1, 2. S. 47–83.
- Metzner-Nebelsick C. Der „Thrako-Kimmerische“ Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Teil 1: Text. Rahden/Westf.: Leidorf, 2002 (Vorgeschichtliche Forschungen; Bd. 23). 542 S.
- Párducz M. Graves from The Scythian Age at Ártand (County Hajdu-Bihar) // AAASH. 1965. № 17. P. 137–231.
- Parzinger H., Stegmann-Rajtár S. Smolenice-Molpír und der Beginn skythischer Sachkultur in der Slowakei // PZ. 1988. V. 63. № 2. S. 162–178.
- Pirtskhalava M. Monuments of Scythian Culture in Georgia // AA.1995. № 1. P. 53–62.
- Pirtskhalava M. On the Dating of Some Burials with the Inventory of Scythian Type from Georgia // Essays on the Archaeology of Colchis in the Classical Period: Dedicated to the 70th Birth Anniversary of Prof. Otar Lordkipanidze. Dzeban (J. Centre for Archaeol. Stud. Georgian Acad. Sci., Supplement IV). Tbilisi, 2001. S. 77–86 (Georgian language).
- Stibbe C. M. Eine Bronzhydria mit menschlichen Protonen // Bull. Mus. Hongr. Beaux-Arts. 2004. № 101. S. 31–55, 145–158.
- Topal D. Akinakai of Kelermes Type: New Discoveries in Central Bessarabia // Marisia. 2014. № XXIII. P. 13–32.
- Trachsel M. Are there “Cimmerian” and “Scythian” finds in Switzerland? The absolute dating of the early Iron Age between the Alps and the Altai region. A reconsideration // Archaeology of the Bronze and Iron Age: Proceedings of the International Archaeological Conference in Százhalombatta, 3-7 Oct. 1996. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, 1999. P. 187–205.
- Vasiliev V. Un nou mormînt scitic descoperit la Batoș // AMN. 1966. № 3. P. 411–420.
- Vasiliev V., Badea A., Man I. Două noi morminte scitice descoperite la Teiuș // Sargetia. 1973. № 10. P. 27–43.
- Vulpe A. Descoperile hallstattiene din zona Auidului // Thracodacica. București, 1984. № 36. P. 36–63.
- Vulpe A. Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. München: Beck, 1990 (PBF; Bd. VI/9). 208 S.
- Werner W. M. Eisenzeitliche Trensen an der unteren und mittleren Donau. München: Beck, 1988 (PBF; Bd. XVI/9). 229 S.
- Zrinyi A. A două morminte găsite în cimitirul sciti din Cristești // Studii și materiale. Târgu Mureș, 1965. № 1. P. 27–52.

THE DATING OF DAGGERS OF THE POSMUȘ TYPE AND THEIR CAUCASIAN ANALOGIES

Anita Kozubova*, Alexander Yu. Skakov**

*Comenius University, Bratislava (anitakozub@gmail.com)

**Institute of Archaeology RAS, Moscow (skakov09@gmail.com)

The paper is devoted to the acenaces of the Posmuș type from the Early Iron Age sites of the Ciumburd group. The daggers can be considered as the earliest samples of the bladed weapon of so called Scythian type in the Middle and Southern-Eastern Europe. At present these particular finds are the one of the main cases for dating of the earliest burials of the Ciumburd group back to the end of the 8th – the first half of the 7th cc. Thus it is necessary to consider in depth not only the dating of their Caucasian and other Eastern parallels but also accompanying grave goods in Transilvania. In the authors' opinion, neither Caucasian and North Black Sea region analogues with their quite wide dating nor grave goods from the burials of the Ciumburd group provide solid grounds to place the daggers of the Posmuș type to the first half of the 7th c. BC. Combination of bladed weapon with the weapon of long-range combat and also usually spears is common for the burials of the Ciumburd group with daggers. Vice versa in the Tli cemetery in Osetia the finds of daggers with battle axes and almost complete absence of arrow heads are common.

Key words: daggers, the Ciumburd group, the Vekerzugskaya culture, Eastern Carpatian region, Black Sea region, Caucasus, chronology, social stratification.

REFERENCES

- Abramishvili R.M.*, 1957. K voprosu o datirovke pamyatnikov epokhi pozdney bronzy i shirokogo osvoeniya zheleza, obnaruzhennykh na Samtavrskom mogil'nike [To the problem of dating of the materials of the Late Bronze and Early Iron Ages found in the Samtavro cemetery]. *Vestnik Gosudarstvennogo muzeya Gruzii [Vestnik of the State Museum of Georgia]*, XIX-A – XIX-V, pp. 100–144. Georgian.
- Abramishvili R.M.*, 1961. K voprosu ob osvoenii zheleza na territorii Vostochnoy Gruzii [To the problem of the beginning of the iron production on the territory of Eastern Georgia]. *Vestnik Gosudarstvennogo muzeya Gruzii [Vestnik of the State Museum of Georgia]*, XXII–V, pp. 291–382. Georgian.
- Bandrivs'kiy M.*, 2009. Noviy ritual'niy ob'ekt chasiv skifs'koï arkhaiki zi Shvaykivets' bilya Chortkova na Ternopil'shchini (poperedne povidomlennya) [New ritual object of the Old Scythian time from Shvaikovtsy at Chiortkov on the Ternopol land (preliminary note)]. *Vzaemov'yazki kul'tur epokh bronzy i rann'ogo zaliza na territorii Tsentral'noi ta Skhidnoi Evropi: zbirka naukovikh prats' na poshanu Larisi Ivanivni Krushel'nits'koï [Interrelations of the cultures of the Bronze Age and Iron Age on the territory of Central and Eastern Europe: collection of papers to the memory of Larisa Ivanovna Krushelnitskaya]*. Kiïv, L'viv: IA NANU, pp. 202–235.
- Bandrivskiy M.S.*, 2013. Kurgany v Shvaykovtsakh i Kotsyubinchikakh – novyy istochnik dlya datirovki Zapadno-podol'skoy gruppy ranneskifskoy kul'tury (po materialam raskopok 2007–2009 gg.) [Tumuli in Shvaikovtsy and Kotsyubinchiki. New source for the dating of Western Podolskiy group of early Scythian culture (on the materials of the excavations of 2007–2009)]. *Rossiyskiy arkhologicheskii ezhegodnik [Russian archaeological annual]*, 3. St. Petersburg: Universitetskii izdatel'skiy konsortsium, pp. 341–361.
- Benadik B.*, 1983. Maňa. Keltisches Gräberfeld: Fundkatalog. Nitra: Slowakische Akademie der Wissenschaften. 167 p.
- Boroffka N.*, 2002. Mormântul hallstattian de la Batoş, Jud. Mureş. *Angustia. Sfîntu Gheorghe*, 7, Arheologie, pp. 233–240.
- Buzdugan C.*, 1976. Pumnale hallstattiene tirzii po teritoriul României. *Cercetări Arheologice*. Bucureşti, 2, pp. 239–273.
- Chernenko E.V.*, 1979. Persidskie akinaki i skifskie mechi [Persian acenaces and Scythian axes]. *Iskusstvo i arkheologiya Irana i ego svyaz' s iskusstvom narodov USSR s drevneyshikh vremen: tezisy dokladov III Vsesoyuznoy konferentsii [Art and archaeology of Iran and its relation with the art of the peoples of the USSR from the ancient times: theses of the 3rd All-Union Conference]*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, pp. 90–91.
- Chernenko E.V.*, 1980. Drevneyshie skifskie paradnye mechi (Mel'gunov i Kelermess) [Ancient Scythian ceremonial swords (Melgunov and Kelermess)]. *Skifiya i Kavkaz: sbornik nauchnykh trudov [Scythia and Caucasus: collection of papers]*. A.I. Terenozhkin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 7–30.
- Chochorowski J.*, 1993. Ekspansja kimmeryjska na tereny Evropy Środkowej. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego. 327 p.
- Chochorowski J.*, 1998. Die Vekerzug-Kultur und ihre östliche Beziehungen. *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe*. München: Südosteuropa Gesellschaft, pp. 473–491. (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, 12).
- Dušek M., Dušek S.*, 1995. Smolenice-Molpír. Befestigter Fürstensitz der Hallstattzeit. II. Nitra: Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied. 203 p.
- Esayan S.A., Pogrebova M.N.*, 1985. Skifskie pamyatniki Zakavkaz'ya [Scythian sites of Trans-Caucasus]. Moscow: Nauka. 150 p.
- Fiala F.*, 1899. Das Flachgräberfeld und die prähistorische Ansiedlung von Sanski most. *Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegowina*, 6, pp. 62–128.
- Gawlik A.*, 1997–1998. Zur Genese der skythischen Dolche vom Posmus-Typ aus Siebenbürgen. *Acta Archaeologica Carpathica*, 34, pp. 25–37.
- Gumă M.*, 1993. Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României. Bucureşti: Institutul Român de Tracologie. 311 p.
- Hellmuth A.*, 2006. Pfeilspitzen. Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolenice-Molpír. Bonn: Habelt. 300 p. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 128).
- Ismagilov B.A.*, 1980. Mech skifskogo tipa: istoki proiskhozhdeniya [A sword of the Scythian type: the sources of origin]. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo: materialy I Vsesoyuznoy arkhologicheskoy konferentsii [Scythian-Siberian cultural and historical unity: materials of the 1st All-Union archaeological Conference]*. A.I. Martynov, ed. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 85–95.
- Ivanchik A.I.*, 2001. Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni [Cimmerians and Scyths. Cultural, historical and chronological problems of archaeology of the eastern European steppes and Caucasus at the Pre- and Early Scythian time]. Moscow: Paleograf. 324 p. (Stepnye narody Evrazii, II).
- Ivanchik A.I.*, 1997. Das Problem der ethnischen Zugehörigkeit der Kimmerier und die kimmerische archäologische Kultur. *Prähistorische Zeitschrift*, vol. 72, no. 1, pp. 12–53.
- Kemenczei T.*, 1991. Die Schwerter in Ungarn, II. Vollgriffschwerter. Stuttgart: Steiner. 191 p. (Prähistorische Bronzefunde, IV/9).
- Kemenczei T.*, 2009. Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld-Gruppe. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 410 p.

- Kossack G., 1983. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreis im Kaukasus. *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie*, 5, pp. 89–186.
- Kossack G., 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. *Skythika. Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils und zu Denkmälern des Bosporanischen Reichs anlässlich einer Ausstellung der Leningrader Ermitage in München 1984*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, pp. 24–86.
- Kovpanenko G.T., Bessonova S.M., Skoryy S.A., 1994. Novye pogrebeniya rannego zheleznoogo veka v Poros'e [New burials of the Early Iron Age in Porosye]. *Drevnosti skifov: sbornik nauchnykh trudov [Scythian antiquities: collection of papers]*. E.V. Chernenko, ed. Kiev: IA NANU, pp. 41–63.
- Kozubová A., 2010. Hroby so železnými sekerkami na pohrebiskách zo staršej doby železnej v karpatsko-dunajskom priestore. *Zborník Slovenského národného múzea, CIV, Archeológia*, 20, pp. 45–65.
- Kozubová A., 2013. Pohrebiská vekerzugskej kultúry v Chotíne na juhozápadnom Slovensku. Vyhodnotenie. Bratislava: Vydavateľstvo Univerzity Komenského v Bratislave. 454 p.
- Kozubova A., Skakov A.Yu., 2012. K voprosu o datirovke akinakov tipa Posmuš na osnovanii kavkazskikh paraleley [To the problem of dating of acenaces of a Posmuš type on the basis of Caucasian parallels]. *Noveyshie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Newest discoveries in archaeology of Northern Caucasus: researches and interpretation. 27th Krupnov readings: materials of International Conference]*. M.S. Gadzhiev, ed. Makhachkala: Mavraev, pp. 198–200.
- Leskov A.M., 1979. Kimmeriyskie mechi i kinzhaly i proiskhozhdenie skifskogo akinaka [Cimmerian axes and daggers and the origin of the Scythian acenaces]. *Iskusstvo i arkheologiya Irana i ego svyaz' s iskusstvom narodov USSR s drevneyshikh vremen: tezisy dokladov III Vsesoyuznoy konferentsii [Art and archaeology of Iran and its relation with the art of the peoples of the USSR from the ancient times: theses of the 3rd All-Union Conference]*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, pp. 47–49.
- Makalatiya S.I., 1949. Raskopki Dvanskogo mogil'nika [Excavations of the Dvanskiy cemetery]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, XI, pp. 225–240.
- Makhortykh S.V., 1991. Skify na Severnom Kavkaze [Scyths in the North Caucasus]. Kiev: Naukova dumka. 136 p.
- Marinescu G., 1984. Die jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenbürgen. *Dacia N. S. București*, vol. 28, no. 1-2, pp. 47–83.
- Melyukova A.I., 1964. Vooruzhenie skifov [Scythian weaponry]. Moscow: Nauka. 118 p.
- Metzner-Nebelsick C., 2002. Der „Thrako-Kimmerische“ Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien, 1. Text. Rahden/Westf.: Leidorf. 542 p. (Vorgeschichtliche Forschungen, 23).
- Mikeladze T.K., 1985. Kolkhidskie mogil'niki epokhi rannego zheleza. Urekskiy i Nigvzianskiy mogil'niki [Colchian cemeteries of the Iron Age. Urek and Nigvziani cemeteries]. Tbilisi: Metsniereba. 133 p. Georgian.
- Novichikhin A.M., 1990. Bimetallicheskiy kinzhali iz kh. Buzhor Anapskogo rayona [Bimetal dagger from the village Buzhor of Anapa District]. *Traditsii i innovatsii v material'noy kul'ture drevnikh obshchestv: doklady Vsesoyuznoy konferentsii molodykh uchenykh [Tradition and innovation in material culture of ancient societies: theses of All-Union conference of young scientists]*. Moscow: Moskovskiy arkheologicheskiy informatsionnyy tsentr, pp. 61–73.
- Novichikhin A.M., 2006. Naselenie Zapadnogo Zakuban'ya v pervoy polovine I tysyacheletiya do n.e. (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [Population of Western Transkuban region in the first half of the 1st millennium BC]. Anapa: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta turizma i kurortnogo dela. 220 p.
- Párducz M., 1965. Graves from The Scythian Age at Ártand (County Hajdu-Bihar). *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 17, pp. 137–231.
- Parzinger H., Stegmann-Rajtár S., 1988. Smolenice-Molpír und der Beginn skythischer Sachkultur in der Slowakei. *Prähistorische Zeitschrift*, vol. 63, no. 2, pp. 162–178.
- Pirtskhalava M., 1995. Monuments of Scythian Culture in Georgia. *Archäologisches Anzeiger*, 1, pp. 53–62.
- Pirtskhalava M., 2001. On the Dating of Some Burials with the Inventory of Scythian Type from Georgia. *Essays on the Archaeology of Colchis in the Classical Period: Dedicated to the 70th Birth Anniversary of Prof. Otar Lordkipanidze. Dziebani (The J. of the Centre for Archaeological Studies of the Georgian Academy of Sciences, Supplement IV)*. Tbilisi, pp. 77–86. Georgian language.
- Shishlov A.V., Fedorenko N.V., 2006. Pogrebal'nyy obryad plemen Severo-Zapadnogo poberezh'ya Kavkaza v kontse VII – V vv. do n.e. (po materialam Vladimirovskogo mogil'nika) [Burial rite of the North-Western Caucasus littoral at the end of the 7th–5th cc. BC (on the materials of Vladimirskiy cemetery)]. *Argonavt. Chernomorskiy istoricheskiy zhurnal [Argonaut. Black Sea region historical Journal]*. Novorossiysk, May-August, 2(3), pp. 63–73.
- Shishlov A.V., Fedorenko N.V., Kolkpakova A.V., Kononenko A.P., 2007. Material'naya kul'tura Vladimirovskogo mogil'nika [Material culture of Vladimirskiy cemetery]. *Istoricheskie zapiski. Issledovaniya i materialy [Historical Notes. Surveys and materials]*, 5. Novorossiysk: Novorossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy muzey-zapovednik, pp. 4–19.
- Shramko B.A., 1984. Iz istorii skifskogo vooruzheniya [From the history of the Scythian weaponry]. *Vooruzhenie skifov i sarmatov [Weaponry of the Scyths and Sarmats]*. E.V. Chernenko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 22–38.

- Skakov A.Yu., 1997. K voprosu ob evolyutsii dekora kobano-kolkhidskikh bronzovykh toporov [To the problem of evolution of the décor of the Kobano-Cholchian axes]. *Drevnosti Evrazii [Antiquities of Eurasia]*. S.V. Demidenko, D.V. Zhuravlev, eds. Moscow, pp. 70–87.
- Stibbe C.M., 2004. Eine Bronzhydria mit menschlichen Protomen. *Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-Arts*, 101, pp. 31–55, 145–158.
- Tekhov B.V., 1980. Skify i Tsentral'nyy Kavkaz v VII-VI vv. do n.e. (Po materialam Tliyskogo mogil'nika) [Scythians and Central Caucasus in the 7th–6th cc. BC]. Moscow: Nauka. 93 p.
- Tekhov B.V., 2002. Tayny drevnikh pogrebeniy: Arkheologiya, istoriya, etnografiya [Mysteries of ancient burials: Archaeology, history, ethnography]. Vladikavkaz: Proekt-Press. 544 p.
- Topal D., 2014. Akinakai of Kelermes Type: New Discoveries in Central Bessarabia. *Marisia*, XXIII, pp. 13–32.
- Topal D.A., 2005. Skifskie akinaki: funktsional'noe razdelenie i kontekst obnaruzheniya [Scythian acenaces: functional discrimination and the context of discovering]. *Antropologicheskie issledovaniya v Moldovy: materialy I nauchnoy konferentsii molodykh prepodavateley i studentov [Anthropological surveys in Moldova: materials of the 1st Scientific Conference of young teachers and students]*. A.N. Bulava, ed. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 19–32.
- Topal D.A., 2014. Akinaki na zapadnykh rubezhakh Skifii. Nakhodka skifskikh mechey i kinzhalov na territorii Respubliki Moldova [Acenaces on the western rims of Scythia. Finds of the Scythian axes and daggers on the territory of the Republic of Moldova]. *Tyregetia. Arheologie. Istorie Antică*. Serie nouă. Chişinău, vol. VIII [XXIII], no. 1, pp. 7–43.
- Topal D.A., Bruyako I.V., 2012. Nakhodka klinkovogo oruzhiya rannikh kochevnikov iz Orgeevskogo rayona (Respublika Moldova) [Finds of bladed weapon of the early nomads from Orgeevskiy District (the Republic of Moldova)]. *“Ellinstvo i iranstvo” [“Hellenism and Iranism”]*. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 133–144. (Stratum plus, 3/2012).
- Trachsel M., 1999. Are there “Cimmerian” and “Scythian” finds in Switzerland? The absolute dating of the early Iron Age between the Alps and the Altai region. A reconsideration. *Archaeology of the Bronze and Iron Age: Proceedings of the International Archaeological Conference in Százhalombatta*. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, pp. 187–205.
- Vasiliev V., 1966. Un nou mormînt scitic descoperit la Batoş. *Acta musei Napocensis*, 3, pp. 411–420.
- Vasiliev V., Badea A., Man I., 1973. Două noi morminte scitice descoperite la Teiuş. *Sargetia*, 10, pp. 27–43.
- Voroshilov A.N., 2007. Bimetallicheskie mechi skifskogo vremeni iz mezhdurech'ya Dona i Volgi [Bimetal axes of the Scythian time from the interfluvium of Don and Volga]. *RA [RA]*, 3, pp. 150–156.
- Voroshilov A.N., 2009. O serii akinakov kelermesskogo tipa [On the series of acenaces of Kelermes type]. *Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati E.A. Grantovskogo i D.S. Raevskogo [Antiquity: historical knowledge and the specifics of the origin: materials of the International Conference devoted to the memory of E.A. Granovskiy and D.S. Raevskiy]*, IV. Moscow: RAN, pp. 40–42.
- Voroshilov A.N., 2011. Akinaki kelermesskogo tipa v donskoy lesostepi [Acenaces of a Kelermes type in the Don forest-steppe]. *Vostochnoevropeyskie drevnosti skifskoy epokhi [Eastern European antiquities of the Scythian time]*. V.D. Berezutskiy, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 156–168. (Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya imeni I.N. Kramskogo, 1).
- Vulpe A., 1984. Descoperile hallstattiene din zona Auidului. *Thraco-Dacica*. Bucureşti, 36, pp. 36–63.
- Vulpe A., 1990. Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. München: Beck. 208 p. (Prähistorische Bronzefunde, VI/9).
- Werner W., 1988. M. Eisenzeitliche Trensens an der unteren und mittleren Donau. München: Beck. 229 p. (Prähistorische Bronzefunde, XVI/9).
- Zrinyi A., 1965. A două morminte găsite în cimitirul sciti din Cristeşti. *Studii şi materiale*. Târgu Mureş, 1, pp. 27–52.

ЗАХОРОНЕНИЯ И ОСТАНКИ ЛЮДЕЙ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ: СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ

© 2016 г. Ю.Д. Разуваев

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж (razuvaevyd@mail.ru)

В Лесостепной Скифии известно более 40 городищ и поселений VII–III вв. до н.э., на территории которых найдены человеческие останки. На некоторых из этих памятников выявлены захоронения, по обрядовым признакам аналогичные погребениям из грунтовых могильников и зачастую не имевшие отношения к функционировавшим поселкам. Захоронения иного рода представляют собой скелеты детей и взрослых, размещавшиеся в жилых и хозяйственных сооружениях, а также разрозненные человеческие кости, залегавшие в строительных котлованах, жертвенных комплексах или культурных напластованиях поселений. Эти останки исследователи интерпретируют как следы военных конфликтов, жертвоприношений или антропофагии. Имеются веские основания рассматривать их и как свидетельства специфических похоронных практик оседлого населения лесостепи.

Ключевые слова: Лесостепная Скифия, городища, поселения, захоронения, человеческие останки.

На городищах и неукрепленных поселениях Лесостепной Скифии нередко встречаются человеческие останки, иногда в довольно значительном количестве¹. Это либо полные скелеты, либо разрозненные кости людей, чаще всего целенаправленно захороненные на территории поселков. Антропологические материалы найдены на 43 (надо полагать, это неполное число) бытовых памятниках VII–III вв. до н.э. по всему ареалу скифоидных древностей лесостепи (рис. 1). Они обнаружены в разных стратиграфических контекстах, датированы, как правило, общими хронологическими рамками поселений, введены в научный оборот далеко не полностью и лишь отчасти целенаправленно анализировались (таблица).

На некоторых городищах и поселениях (Бельское, Бузенки, Каменка, Коломак, Марица², Мятяшев Яр, Мостище, Пожарная Балка и др.) обнаружены грунтовые могилы с костяками взрослых и детей, лежавших вытянуто на спине, иногда в сопровож-

дении скудного инвентаря (рис. 2). Эти погребения имеют традиционный для скифской эпохи облик и вполне сопоставимы с бескурганскими могильниками, известными по всей днепро-донской лесостепи (Разуваев, 2014а). Надо полагать, ничем иным как таковыми могильниками, в силу разных исторических обстоятельств оказавшимися на территории поселений, данные захоронения, в своем большинстве, и не были. Одни из них появились до (Синюк, Березуцкий, 2001. С. 151) или после (Андриенко, 1980. С. 247; Пузикова, 1981. С. 40) функционирования поселков, другие располагались на их границе (Троцька, 2003. С. 195) или вне жилой зоны (Шрамко, 1983. С. 16, 17). Впрочем, в каких-то случаях (Бирюков, Разуваев, 2004. С. 189; Ковпаненко, 1968. С. 16; Петровська, 1970. С. 132) можно предположить, что местная погребальная обрядность включала и обычай хоронить детей на поселенческой территории или на площади жилищ.

Мало общего с грунтовыми, как и с курганными, погребениями имеют ямы, изначально, видимо, использовавшиеся в хозяйственных целях, и жилые постройки с человеческими костяками. Такие комплексы выявлены на десяти поселениях VI–III вв. до н.э. в разных регионах лесостепи (Бельское, Большая Слобода, Долиняны, Коломак, Марица, Мотронинское, Непоротово, Новоселовка, Семилуки, Трахтемиров). Общее число погребенных таким образом людей сильно варьирует по памятникам: от одного на Новоселовском поселении – до 50 на Семилукском городище. В строительных сооружениях взрослые и/или дети лежали пооди-

¹ Статья содержит сводку антропологических материалов памятников лесостепной зоны, хотя соответствующие находки известны и в смежных регионах.

² На городищах, расположенных в бассейне р. Сейм, наличествуют еще и материалы южновосточной культуры. Безынвентарные захоронения Марицкого городища А.И. Пузикова считает южновосточными (1981. С. 40). Однако они, в целом, несхожи с немногочисленными погребениями этой культуры (Каравайко, 2012. С. 46–74) и вполне вписываются в контекст скифоидных древностей. Кстати, сама Анна Ивановна в личной беседе с автором вполне допускала иную атрибуцию марицких захоронений.

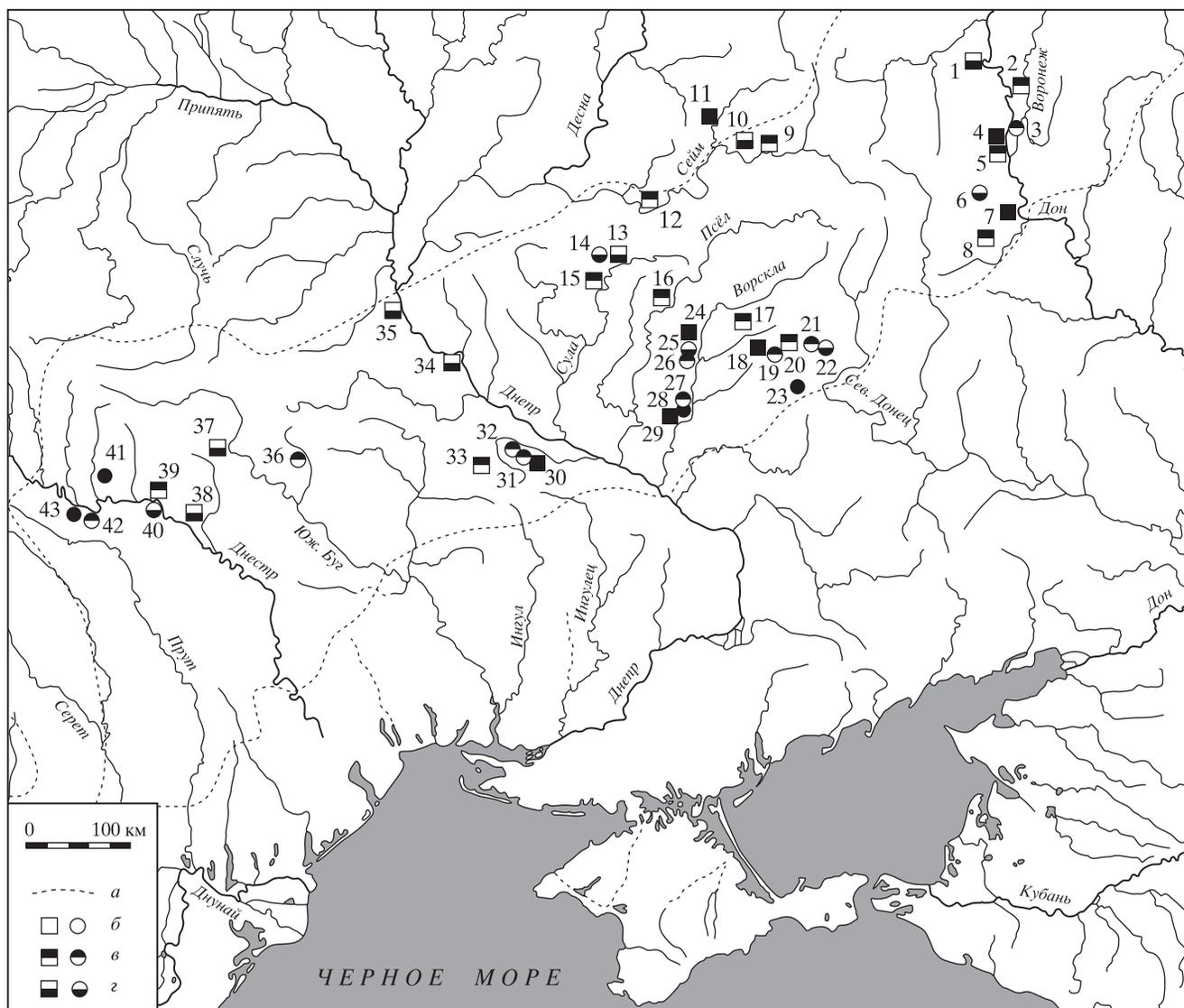

Рис. 1. Карта городищ и поселений Лесостепной Скифии, на которых выявлены человеческие останки (нумерация памятников соответствует принятой в таблице). Условные обозначения: а – граница лесостепи, б – городище и неукрепленное поселение, в – памятники с разрозненными останками, г – памятники с захоронениями полных костяков.

ночке, попарно или группой в разных позах, чаще всего, скорченно, с минимальным набором личных украшений, но нередко в сопровождении целых или преднамеренно разбитых сосудов (рис. 3).

Среди исследователей нет единства по поводу трактовки этих находок. Две ямы с человеческими скелетами на Мотронинском городище считаются жертвенными (Агрэ, 2002. С.278; Бессонова, Скорый, 2001. С. 8, 23). Относительно костяков в котлованах на Коломакском, Семилукском и Трахтемировском городищах распространено убеждение, что это захоронения погибших в военных столкновениях людей (Медведев, 1999. С.145–152; Радзиевская, 1992. С. 178, 179; Фіалко, Болтрик, 2003. С. 78).

Однако внимательный анализ погребальных комплексов Семилукского городища позволил выделить элементы вполне выраженного, хотя и специфичного, похоронного обряда (Пряхин, Разуваев, 2000). Установлено, что использованные для захоронений котлованы подвергались дополнительному обустройству, в частности, в их стенках сооружались один-два подбоя. Телам погребяемых людей придавались определенные позы, доминирующим было скорченное положение (на боку, спине или животе). Умерших сопровождал инвентарь (прежде всего, керамические сосуды) и пища (части туш животных). В комплексах совершались постпогребальные действия: подзахоронения черепов и разрозненных костей, поминальные тризны.

Человеческие останки на поселениях Лесостепной Скифии

№ на карте	Памятники	Датировки	Описание находок	Источники
1	Городище у с. Каменка	IV–III вв. до н.э.	Скелет ребенка в слое	Бирюков, Разуваев, 2004. С. 189; Добровольская, Решетова, 2013
2	Городище у с. Пекшево	VI в. до н.э.	Разрозненные кости и фрагменты черепов в слое и в яме; череп у основания оборонительной стены	Медведев, 1986. С. 28, 33; 1987. С. 23; 1999. С. 84
3	Поселение–3 у с. Подгорное	IV–III вв. до н.э.	Череп без нижней челюсти в скоплении костей животных и фрагментов керамики	Либеров, 1958. С. 49
4	Городище в г. Семилуки	IV–III вв. до н.э.	Скелеты взрослых и детей (всего 50 индивидов), а также разрозненные кости еще 43 человек в 15 погребальных комплексах (ямы с подбоями и котлованы построек); сопровождались развалами сосудов и отдельными вещами; отдельные кости в слое и хозяйственных ямах; два костяка в слое	Добровольская, 2004. С. 81–84; Козловская, 2000. С. 48, 49; Олейников, 1927. С. 12, 13; Пряхин, Разуваев, 1993а, б; Разуваев, 2013. С. 206; 2015а; б; Шепель, 2002
5	Городище у с. Устье	V–IV вв. до н.э.	Обломки костей двух взрослых индивидов в слое	Меркулов, 2014. С. 360
6	Поселение–2 у хут. Бузенки	Вторая половина V – начало IV в. до н.э.	Погребение взрослого человека в могильной яме, сопровождавшееся железными и бронзовыми наконечниками стрел	Золотарев, 2004. С. 140, 141
7	Городище у хут. Мостище	Конец V – начало IV в. до н.э.	Кости ребенка на дне рва; фрагменты детского черепа в слое; пять погребений (одно детское) в могильных ямах	Решетова, Добровольская, 2013; Синюк, Березуцкий, 2001. С. 101, 150–152
8	Городище Кировское у хут. Городище	IV–II вв. до н.э.	Три черепа без нижних челюстей среди обломков глиняного жертвенника в слое	Пузикова, 1969. С. 79
9	Городище “Кузина Гора”	VI–V вв. до н.э.	Челюсть в слое	Алихова, 1961. С. 34
10	Городище у с. Марица	IV–III вв. до н.э.	Четыре одиночных, четыре парных и коллективное погребения взрослых и детей в могильных ямах, в слое, в хозяйственной яме и на полу котлована жилища	Пузикова, 1981. С.33–40
11	Городище у хут. Моисеев	Конец VI – V в. до н.э.	Полуразрушенное погребение женщины в слое; фрагмент амулета из черепной кости в слое	Алихова, 1962. С. 123, 128
12	Городище у с. Ширяево	Конец VI – IV в. до н.э.	Разрозненные кости в слое	Ильинская, 1950. С. 10
13	Городище у с. Басовка	Конец VI – начало III в. до н.э.	Многочисленные кости в слое; черепа и кости вместе с костями животных и фрагментами керамики около очага наземного жилища; части от пяти человеческих скелетов среди скопления костей животных в слое; обломок нижней челюсти в яме Костяк женщины (без черепа) в насыпи вала, рядом – шесть лепных сосудов; многочисленные кости в слое; фаланга пальца в яме	Іллінська, 1952. С. 41; Ильинская, 1957. С. 19; 1959. С. 14, 25, 26 Болтрик, Бунятян, 1993. С. 29; Болтрик, Фиалко, 1994. С. 8; 1995. С. 18, 28; 1995б. С. 42

№ на карте	Памятники	Датировки	Описание находок	Источники
14	Поселение Матяшев Яр-2 у с. Николаевка	V–IV вв. до н.э.	Два погребения с немногочисленным инвентарем	Жаров, Терпиловский, 2006. С. 89
15	Городище у с. Глинск	V–IV вв. до н.э.	Отдельные кости, позвонки и обломки черепов в слое (большинство около вала)	Гейко, 1996. С. 248; 2000. С. 152
16	Городище у с. Кнышовка	V–IV вв. до н.э.	Череп (без нижней челюсти) мужчины под глиняным жертвенником в площади постройки; отдельные кости и части черепов около других жертвенников	Артемьев и др., 2001; Гавриш, 2000. С. 131, 152
17	Городище у с. Полковая Никитовка	VI – начало V в. до н.э.	Обломок черепной крышки в насыпи зольника	Моруженко, 1969. С. 6
18	Городище у с. Коломак	VI–III вв. до н.э.	Шесть погребений взрослых и детей; костяки взрослых и детей, захороненные в семи хозяйственных ямах; разрозненные кости, иногда в сочленении, в 30 ямах и постройках; многочисленные кости в слое	Радзиевская, 1978. С. 378; 1979. С. 393; 1980 С. 327; 1981. С. 305; 1983. С. 321, 322; 1986. С. 297; 1988. С. 330; 1992. С. 178, 179
19	Поселение у с. Барчаны	V в. до н.э.	Разрубленная бедренная кость среди обломков костей животных в зольнике; обломки черепной крышки в насыпи зольника	Шрамко Н.Б., 2002. С. 17; Шрамко и др., 2006. С. 228
20	Городище у г. Люботин	VII–III вв. до н.э.	Фаланга пальца в насыпи вала	Шрамко Б.А., 1952. С. 10
21	Поселение в г. Харьков (уроч. “Саржин Яр”)	VI–V вв. до н.э.	Фрагмент затылочной кости в яме	Бондаренко, 2008. С. 40
22	Поселение в г. Харьков (пер. Климовского)	Скифское время	Костяк ребенка на дне ямы	Пеляшенко, Буйнов, 2010. С. 324
23	Поселение у с. Новоселовка	V–IV вв. до н.э.	Костные останки в хозяйственных ямах; скелет взрослого человека на дне ямы	Пеляшенко, 2013. С. 342; Шрамко и др., 2012. С. 447
24	Бельское городище: Восточное укрепление	VI–IV вв. до н.э.	Обломки черепов и другие кости в жилищах и хозяйственных ямах (около 40 строительных комплексов); обломки черепов и другие кости в слое, а также на территории святилища; погребения взрослого и ребенка	Шрамко Б.А., 1983. С. 6–8, 13, 16, 17, 19, 20; 1987. С. 51, 55, 56, 58, 64, 66, 73–75, 78, 79
	Бельское городище: Западное укрепление	VII–VI вв. до н.э.	Фрагмент черепной крышки в яме; обломки черепов и другие кости в насыпях зольников; фрагменты свода черепа и челюсти в двух землянках; свод черепа в яме со скелетами собак; скелеты ребенка и взрослого на дне хозяйственной ямы; неполный женский скелет в яме близ жертвенника	Гавриш, 1995. С. 74; 2006. С. 18; Городцов, 1911. С. 108, 112, 114, 116, 117; Задников, Шрамко, 2009. С. 10; Шрамко Б.А., 1987. С. 42, 43; Шрамко Н.Б. 1990. С. 5; 2010. С. 479; Шрамко, Задников, 2013. С. 288
	Бельское городище: уроч. “Царина”	VI–V вв. до н.э.	Два черепа в большом скоплении костей животных; череп внутри глиняного жертвенника; фрагменты черепов и отдельные кости взрослых и детей в насыпях зольников, в ямах и около глиняного жертвенника	Городцов, 1911. С. 123, 124; Мурзин и др., 2001. С. 39–41; Козак, 2001; 2004; 2006; Махортых и др., 2006. С. 53, 55, 56, 58; Черненко и др., 2004. С. 342, 343

№ на карте	Памятники	Датировки	Описание находок	Источники
	Бельское городище: уроч. "Лисовой Кут"	Конец VI – V в. до н.э.	Череп девушки в заполнении хозяйственной ямы; челюсть, обломки черепа и плечевой кости в слое и в яме	Артемьев, 2008; Кулатова, 2008. С. 140, 141; Скорый, 2008. С. 150, 152, 158
	Бельское городище: уроч. "Поле второй бригады"	Конец V – IV в. до н.э.	Погребения мужчины и женщины	Супруненко и др., 2010. С. 406
25	Поселение–11 у пгт. Опошня	Скифское время	Два полуразрушенных погребения взрослых людей в слое	Троцька, 2003. С. 194, 195
26	Поселение у с. Лихачевка	VI–IV вв. до н.э.	Обломок крышки черепа в хозяйственной яме; обломок черепа в слое возле глиняного жертвенника; амулет (?) из черепной кости в слое; фрагменты костей в ямах и в слое; бедренная головка и фаланги пальцев в скоплении костей животных	Зарецкий, 1888. С. 239; Моруженко, 1979. С. 3, 16; 1980. С. 3, 15; 1982. С. 12; 1983. С. 7
27	Поселение у с. Мачехи	Конец VI в. до н.э.	Фрагменты костей в насыпи зольника	Рудинський, 1949. С. 78
28	Поселение у с. Пожарная Балка	Конец VII – начало V в. до н.э.	Кости в насыпях двух зольников и в слое; два черепа и кости в могильной яме	Ляпушкин, 1951. С. 128; 1961. С. 115
		VI–V вв. до н.э.	Почти целые и фрагментированные черепа, отдельные кости в слое, в насыпи зольника, в ямах	Андриенко, 1992а. С. 73; 1992б. С. 85
29	Городище у с. Решетники (Старые Санжары)	Скифское время	Погребения взрослых и детей	Андриенко, 1980
30	Мотронинское городище у с. Мельники	Конец VI – начало V в. до н.э.	Кости в слое и в погребенной почве под валом; девять погребений взрослых и детей	Ляпушкин, 1960. С. 4–7, 9, 10, 18
			Костяки мужчины и женщины на дне хозяйственной ямы, часть черепа в ее заполнении; костяк мужчины на дне хозяйственной ямы, в заполнении – часть челюсти взрослого и обломок детского черепа; отдельные кости в котлованах построек и хозяйственных ям	Бессонова, Скорый, 2001. С. 8–10, 19, 22, 23, 39, 49–51
31	Поселение у с. Жаботин (уроч. "Тарасова Гора")	VII в. до н.э.	Обломки черепа и трубчатой кости в заполнении рва	Скорый, Хохоровски, 2004. С. 298
32	Поселение у с. Зелевки	Скифское время	Нижняя челюсть на дне ямы в землянке	Бессонова, Романюк, 2004. С. 12
33	Городище у с. Пастырское	IV–III вв. до н.э.	Верх черепа в заполнении полуземлянки	Покровская, 1973. С. 174
34	Городище у с. Трахтемиров	VI в. до н.э.	Череп без нижней челюсти внизу заполнения ямы	Третьяков, 1949. С. 231
			Череп на полу наземного жилища	Яковенко, 1968. С. 177
			Девять костяков взрослых и детей (часть не в анатомическом порядке) в жилище на дне округлой ямы	Фіалко, Болтрик, 2003. С. 78
35	Городище у с. Хотов	Конец VI – V в. до н.э.	Скелет ребенка в жилище	Ковпаненко, 1968. С. 16
			Разрушенный костяк ребенка под развалом очага в землянке	Петровська, 1970. С. 132

№ на карте	Памятники	Датировки	Описание находок	Источники
36	Поселение у с. Сорока	III – начало II в. до н.э.	Череп, челюсти и другие кости в слое	Хавлюк, 1979. С. 51
37	Городище у с. Севериновка	Вторая половина VI–V в. до н.э.	Полуразрушенные скелеты женщины и ребенка в слое	Смирнова, 1961. С. 90
38	Городище у с. Григоровка	VII–IV вв. до н.э.	Костяки двух детей (не в анатомическом порядке) в заполнении постройки	Болтрик и др., 2010. С. 37
39	Городище у с. Рудковцы	VII в. до н.э.	Три разрушенных детских погребения в слое	Артамонов, 1955. С. 104, 105
40	Поселение у с. Непоротово	VII–VI вв. до н.э.	Раздавленный череп у стены наземного жилища; череп на дне рва	Винокур, Гуцал, 1974. С. 5; 1975. С. 11
41	Поселение у с. Большая Слобода	VI–V вв. до н.э.	Два костяка в ямах	Кос и др., 1975. С. 299; 1976. С. 343
42	Поселение у с. Оселивка	VI–V вв. до н.э.	Костяк мужчины и череп в хозяйственной яме	Винокур, 1984. С. 249
43	Поселение у с. Доляны	Вторая половина VI – начало V в. до н.э.	Обломки костей человека на дне ямы в площади постройки	Никитина, 1979. С. 242
43	Поселение у с. Доляны	VI – начало V в. до н.э.	Костяки женщины и трех детей в яме; частично расчлененный скелет мужчины в яме	Смирнова, 1981. С. 44, 45; 1998. С. 38

В результате новейших исследований получены дополнительные данные, позволяющие оценивать семилукские захоронения как могильник с определенной историей функционирования (Разуваев, 2015а). Исходя из этого, появились основания

рассматривать другие захоронения в поселенческих котлованах как проявления неординарного погребального обряда, применявшегося, видимо, при пока остающихся неясными обстоятельствах (Разуваев, 2014б. С. 159, 160).

Рис. 2. Погребение в грунтовой могиле на городище у хут. Мостице (Синюк, 1986. Рис. 31).

Рис. 3. Коллективное захоронение в яме на Семилукском городище (Пряхин, 1986. Рис. 56, 2).

Рис. 4. Череп в скоплении костей животных и фрагментов керамики на поселении-3 у с. Подгорное (Либеров, 1958. Табл. XXXIV, 1).

На поселениях скифской эпохи известна еще одна практика обращения с человеческими останками, которую, наверное, следует назвать кульгово-похоронной. На трех десятках памятников найдены разрозненные части человеческих костяков. Иногда (Большая Слобода, Коломак, Мотронинское, Семилуки) они были захоронены в строительных котлованах вместе с полными скелетами. В других случаях кости залежали отдельно: в заполнении сооружений, в насыпях зольников, в культурном слое,

как правило, вместе с “кухонными” и “мусорными” остатками.

Судя по всему, особое значение имели черепа и их обломки (преимущественно, свод). Зачастую именно их подзахоранивали к полным костякам. Их же находили в жилищах, в заполнении хозяйственных ям, а также при жертвенниках или в составе скоплений костей животных, фрагментов керамики и других предметов, имевших явно культовое значение (рис. 4).

Находимые на поселениях черепа обычно связывают с жертвоприношениями (Артемьев и др., 2001. С. 83; Гавриш, 2000. С. 152; Козак, 2004; Кулатова, 2008. С. 141; Пузикова, 1969. С. 79). Существует также мнение, что черепные крышки, часто встречавшиеся, в частности, на Бельском городище, являлись известными по “Скифскому логосу” Геродота ритуальными чашами (Шрамко, 1987. С. 94). Даже есть и такое предположение: черепа размещались на городищенской стене и служили средством устрашения врагов (Гейко, 1996. С. 248).

Все эти суждения во многом умозрительны. Конечно, не приходится сомневаться, что у оседло-земледельческого населения лесостепи существовал некий культ черепа. Однако вопрос о применении в этой среде кровавых жертвоприношений остается все же открытым. Находимые в жертвенных комплексах человеческие черепа были без нижней челюсти, отсутствовали при них и шейные позвонки. Тем самым, нет оснований говорить о декапитации жертв на месте проведения ритуалов.

Гораздо чаще черепов на поселениях находят части посткраниального скелета. Разрозненные, а изредка и сочлененные, кости принадлежали индивидам разного пола и возраста. Некоторые экземпляры были раздроблены, а также погрызены хищными животными. Что важно отметить, кости залежали не только в поселенческих слоях или зольничных отложениях, многие из них найдены в ямах, куда могли быть помещены только намеренно.

В стремлении как-то объяснить присутствие человеческих костей среди кухонных отходов специалисты чаще всего допускают наличие у обитателей поселений андрофагии (Андриенко, 1992б. С. 85; Білзор, 2004. С.10; Шрамко Б.А., 1962, с.154; Шрамко Н.Б. и др., 2006. С. 228), впрочем, высказывались и сомнения на сей счет (Ильинская, 1950. С. 10; 1957. С. 20). Увязываются такого рода находки и с военными конфликтами (Гавриш, 2000. С. 81; Медведев, 1999. С.84; Хавлюк, 1979. С. 51), и с жертвоприношениями (Синюк, Березуцкий, 2001. С. 101).

Анализ семилукских материалов в свое время побудил автора данной статьи предположить, что кости, попавшие в поселенческие слои, а уж тем более, собранные в погребальных комплексах или хозяйственных ямах, своим происхождением могли быть обязаны похоронной практике лесостепного населения, предполагавшей выставление трупов (Пряхин, Разуваев, 2000. С. 255, 256). Дальнейшие изыскания лишь подкрепили убеждение в том, что находимые в разрозненном виде человеческие кости обычно являются остатками труповывставлений, намеренно, либо случайно, занесенными в жилую

зону поселков (Разуваев, 2014б. С. 162). Кстати, недавно такой же вывод был независимо сформулирован и другим исследователем (Гречко, 2012).

Завершая обзор найденных на поселениях антропологических материалов, с сожалением приходится констатировать, что до сих пор эта разновидность археологических источников не получила должной оценки. Между тем, уже имеющиеся наработки со всей очевидностью показывают перспективность их использования в изучении, прежде всего, духовной культуры оседлого населения скифской лесостепи.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 12-01-00094.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агрэ Д.* К вопросу о ритуальных ямах во Фракии и Северном Причерноморье // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Ч. 2. С. 278.
- Алихова А.Е.* Отчет о работе Курской экспедиции Института археологии АН СССР и Курского краеведческого музея за 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2317.
- Алихова А.Е.* Древние городища Курского Посеймья // Лесостепные культуры скифского времени / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (МИА; № 113). С. 86–129.
- Андриенко В.П.* Раскопки у с. Пожарная Балка // АО 1979 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 246–247.
- Андриенко В.П.* Комплекс начала скифского времени на поселении Пожарная Балка (раскоп 11) // Донецкий археологический сборник / Ред. В.А. Посредников. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992а. Вып. 1. С. 73–88.
- Андриенко В.П.* О материалах последнего этапа существования поселения Пожарная Балка II // История и археология Слободской Украины: тез. докл. и сообщ. всеукраинской конф., посвящ. 90-летию XII Археологического съезда / Гл. ред. В.К. Михеев. Харьков: Харьковский ГУ, 1992б. С. 84–86.
- Артамонов М.И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952–1953 гг. // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С.100–117.
- Артемьев А.В.* Одонтологический анализ костей черепа, происходящего из ямы 2 на селище в ур. Лисовый Кут у с. Бельск // Археологічний літопис Лівобережної України. 2008. № 1–2. С. 148, 149.
- Артемьев А.В., Гавриш П.Я., Яланский А.В.* Опыт идентификации и диагностики повреждений по фоссильным и субфоссильным костям черепа (о находке с Кнышевского городища) // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. № 1. С. 81–84.

- Бессонова С.С., Романюк В.В.* Раскопки Мотронинского городища 2001–2002 гг. (раскопы XXI–XXIII) // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо–сарматської археології: (Матеріали міжнародної наукової конференції) / Ред. С.А. Скорий. Київ: Корвін прес, 2004. С. 10–14.
- Бессонова С.С., Скорий С.А.* Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). Киев; Краков: ИА НАНУ, 2001. 242 с.
- Білозор В.П.* Про жертвовники з людськими черепами в ур. Царина на Більському городищі // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо–сарматської археології: (Матеріали міжнародної наукової конференції) / Ред. С.А. Скорий. Київ: Корвін прес, 2004. С. 9, 10.
- Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д.* Городище скифского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Археологические памятники бассейна Дона / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Воронежский ГПУ, 2004. С. 181–191.
- Болтрик Ю.В., Бунятян К.П.* Звіт про роботу Басівського загону експедиції “Сулла” в 1993 р. // Архів ІА НАНУ. 1993/55.
- Болтрик Ю.В., Игначек І., Оледзкі Л.* Дослідження Северинівського городища на Поділлі // Археологічні дослідження в Україні 2009 / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ; Луцьк: ІА НАНУ, 2010. С. 36, 37.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Отчет о работе экспедиции Сула-94 // Архів ІА НАНУ. 1994/125.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Отчет о работе экспедиции Сула-95 // Архів ІА НАНУ. 1995/109. (1995а)
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Басовское городище – центр Посульского узла памятников эпохи раннего железа // Древности-1995. Харьковский историко–археологический ежегодник / Гл. ред. В.И. Кадеев. Харьков: Бизнес Информ, 1995б. С. 40–43.
- Бондаренко В.Л.* Результаты археозоологического изучения костного материала из раскопок поселений II–I тыс. до н.э. бассейна Северского Донца // Проблемы археологии Восточной Европы: К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко / Отв. ред. С.И. Посохов. Харьков: Курсор, 2008. С. 39–41.
- Винокур И.С.* Исследования в Хмельницкой области // АО 1982 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 248, 249.
- Винокур И.С., Гуцал А.Ф.* Отчет об археологических исследованиях 1974 г. // Архів ІА НАНУ. 1974/120.
- Винокур И.С., Гуцал А.Ф.* Отчет об археологических исследованиях 1975 года на территории Хмельницкой области // Архів ІА НАНУ. 1975/75.
- Гавриш П.Я.* Розкопки на Більському західному городищі // Полтавський археологічний збірник / Ред. О.Б. Супруненко. Полтава: Полтавський літератор, 1995. Вип. 3. С. 72–78.
- Гавриш П.Я.* Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля). Полтава: Археологія, 2000. 232 с.
- Гавриш П.Я.* Основные підсумки дослідження попелища № 7 у Більському городищі // Археологічний літопис Лівобережної України. 2006. № 1. С. 11–20.
- Гейко А.В.* Глинське городище скіфського часу в Посуллі // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи / Ред. О.Б. Супруненко. Полтава: [б. в.], 1996. С. 242–249.
- Гейко А.В.* Городище раннього залізного віку поблизу с. Глинськ // Археологія. 2000. № 3. С. 149–153.
- Городцов В.А.* Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1909 / Ред. П.С. Уварова. М., 1911. Т. III. С. 93–161.
- Гречко Д.С.* Об одном из способов погребения у земледельцев восточноевропейской лесостепи скифского времени // Восточноевропейские древности / Отв. ред. Ю.Д. Разуваев. Воронеж: Научная книга, 2012 (Вестник Острогожского историко–художественного музея им. И.Н. Крамского; Вып.2). С. 118–124.
- Добровольская М.В.* К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 69–106.
- Добровольская М.В., Решетова И.К.* Результаты антропологического исследования детского погребения скифского времени из верхнедонского городища у с. Каменка // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Науч. книга, 2013. Вып. 15. С. 245, 246.
- Жаров Г.В., Терпиловський Р.В.* Дослідження пам'яток скіфського та римського часу у Верхньому Посуллі // Археологічний літопис Лівобережної України. 2006. № 1. С. 89–99.
- Задніков С.А., Шрамко І.Б.* Розкопки зольника 13 на Західному укріпленні Більського городища // Археологічні дослідження в Україні. 2006–2007 / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ: ІА НАНУ, 2009. С. 8–10.
- Зарецкий И.А.* Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевки // Харьковский сборник. Литературно–научное приложение к “Харьковскому календарю на 1888 г.”. Харьков: Типография губернского правления, 1888. Вып. 2. С. 229–246.
- Золотарев П.М.* Новые материалы скифо–сарматского времени в районе с. Мастюгино // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 127–150.
- Ильинская В.А.* Отчет о работе Путивльского отряда Сеймско–Деснинской экспедиции Института археологии АН УССР 1950 г. // Архів ІА НАНУ. 1950/26.
- Іллінська В.А.* Верхньосульська експедиція 1947 р. // Археологічні пам'ятки УРСР / Від. ред. П.П. Єфименко. Київ: Вид-во АН УРСР, 1952. Т. IV. С. 34–42.

- Ильинская В.А.* Новые раскопки на городище у с. Басовка в 1957 г. // Архив ИА НАНУ. 1957/11.
- Ильинская В.А.* Отчет о работе среднеднепровской экспедиции Института археологии АН УССР в 1959 г. // Архив ИА НАНУ. 1959/7.
- Каравайко Д.В.* Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАНУ, 2012. 276 с.
- Ковпаненко Г.Т.* Отчет о раскопках Трахтемировского городища в 1968 г. // Архив ИА НАНУ. 1968/11.
- Козак А.Д.* Некоторые результаты антропологического исследования костных остатков из раскопок совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции // Мурзин В.Ю., Ролле Р., Герц В., Скорый С.А., Махортых С.В., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 г. Киев: ИА НАНУ; Немецкое научно-исслед. о-во, 2001. С. 55–71.
- Козак А.Д.* Человеческие жертвоприношения в зольнике раннескифского времени Бельского городища // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Ред. М.Б. Медникова. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 112–121.
- Козак А.Д.* Предварительные результаты антропологического исследования костного материала из раскопок на Бельском городище и его округе в 2005 году // Махортых С.В., Ролле-Герц Р.А., Скорый С.А., Герц В.Ю., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции у с. Бельск Котелевского района Полтавской области в 2005 г. Киев: ИА НАНУ; Немецкое научно-исслед. о-во, 2006. С. 82–91.
- Козловская М.В.* Об образе жизни среднеднепровского населения скифского времени // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред.: В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 45–50.
- Кос А.И., Крушельницкая Л.И., Павлий Д.Ю.* Многослойный памятник у с. Непоротово // АО 1974 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1975. С. 299, 300.
- Кос А.И., Крушельницкая Л.И., Павлий Д.Ю.* Многослойный памятник у с. Непоротово // АО 1975 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 342, 343.
- Кулатова Г.М.* Рятівні дослідження на поселенні скіфського часу в ур. Лісовий Кут у Більску // Археологічний літопис Лівобережної України. 2008. № 1–2. С. 137–147.
- Либеров П.Д.* Отчет о работе Воронежского отряда лесостепной экспедиции ИИМК АН СССР в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1726, 1726а.
- Ляпушкин И.И.* Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка Полтавской области // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 125–130.
- Ляпушкин И.И.* Отчет Днепровской левобережной археологической экспедиции ИА АН СССР 1960 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2422.
- Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа: Археологические разыскания о времени заселения левобережья славянами. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961 (МИА; № 104). 381 с.
- Махортых С.В., Ролле-Герц Р.А., Скорый С.А., Герц В.Ю., Белозор В.П.* Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции у с. Бельск Котелевского района Полтавской области в 2005 г. Киев: ИА НАНУ; Немецкое научно-исслед. о-во, 2006. 144 с.
- Медведев А.П.* Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского университета о раскопках Пекшевского городища в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 11844.
- Медведев А.П.* Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета о работах в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 12056.
- Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
- Меркулов А.Н.* Городище скифского времени у с. Устье на Верхнем Дону (исследования 2013 г.) // Верхнедонской археологической сборник / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий ГПУ, 2014. Вып. 6. С. 359–364.
- Моруженко А.А.* Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о разведках и раскопках в бассейне р. Ворсклы в 1969 г. // Архив ИА НАНУ. 1969/97.
- Моруженко А.А.* Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о раскопках в 1979 г. // Архив ИА НАНУ. 1979/90.
- Моруженко А.А.* Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого госуниверситета о работах в 1980 г. // Архив ИА НАНУ. 1980/98.
- Моруженко А.А.* Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого госуниверситета о работах в 1982 г. // Архив ИА НАНУ. 1982/140.
- Моруженко А.А.* Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого госуниверситета о работах в 1983 г. // Архив ИА НАНУ. 1983/45.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Герц В., Скорый С.А., Махортых С.В., Белозор В.П.* Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 г. Киев: ИА НАНУ; Немецкое научно-исслед. о-во, 2001. 72 с.
- Никитина Г. Ф.* Землянка скифского времени у с. Оселивка Черновицкой области // СА. 1979. № 3. С. 241–249.
- Олейников Т.М.* Отчет об археологических разведках, произведенных летом 1927 г. заведующим историческим отделом Воронежского государственного музея Олейниковым Т.М. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. № 208.

- Пеляшенко К.Ю.* Дослідження поселення скіфського часу Новоселівка // Археологічні дослідження в Україні 2012 / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ: ІА НАНУ, 2013. С. 341, 342.
- Пеляшенко К.Ю., Буйнов Ю.В.* Охоронні розкопки на багатощаровому поселенні Харків, пров. Климовського // Археологічні дослідження в Україні 2009 / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ; Луцьк: ІА НАНУ, 2010. С. 324–326.
- Петровська Є.О.* Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва // Археологія. 1970. Т. XXIV. С. 129–145.
- Покровская Е.Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. 1973. № 4. С. 169–188.
- Пряхин А.Д.* Отчет о раскопках Семилуцкого городища в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11271.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.* Погребения на Семилуцком городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл., 1993а. С. 74–94.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.* Погребения на Семилуцком городище позднескифского времени (раскопки 1987–1990 гг.) // Древние памятники Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл., 1993б. С. 13–30.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.* К интерпретации захоронений на Семилуцком городище скифского времени // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред.: В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 249–257.
- Пузикова А.И.* Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. М.: Наука, 1969 (МИА; № 151). С. 41–81.
- Пузикова А.И.* Марицкое городище в Посеймье VI–V вв. до н.э. М.: Наука, 1981. 120 с.
- Радзиевская В.Е.* Раскопки городища у с. Коломак // АО 1977 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 377, 378.
- Радзиевская В.Е.* Продолжение исследований Коломацкого городища // АО 1978 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 393.
- Радзиевская В.Е.* Исследование Коломацкого городища // АО 1979 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 327.
- Радзиевская В.Е.* Раскопки Коломацкого городища // АО 1980 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 305, 306.
- Радзиевская В.Е.* Работы на Коломацком городище // АО 1982 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 321, 322.
- Радзиевская В.Е.* Исследования на Харьковщине // АО 1984 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1986. С. 296, 297.
- Радзиевская В.Е.* Исследования в Харьковской области // АО 1986 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1988. С. 330.
- Радзиевская В.Е.* Основные итоги раскопок Коломацкого городища // История и археология Слободской Украины: тез. докл. и сообщ. всеукраинской конф., посвящ. 90-летию XII Археологического съезда / Гл. ред. В.К. Михеев. Харьков: Харьковский ГУ, 1992. С. 177–179.
- Разуваев Ю.Д.* Результаты исследований оборонительных сооружений Семилуцкого городища в 2012 г. // Восточноевропейские древности / Отв. ред. А.Н. Ворошилов. Воронеж: Науч. книга, 2013 (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского; Вып. 3). С. 196–211.
- Разуваев Ю.Д.* Грунтовые могильники скифского времени в днепро-донской лесостепи: историографический обзор исследований // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014а. № 21 (192). Вып. 32. С. 81–85.
- Разуваев Ю.Д.* О захоронениях и останках людей на поселениях Лесостепной Скифии // Труды IV Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдииков. Казань: Отечество, 2014б. Т. II. С. 159–162.
- Разуваев Ю.Д.* Могильник на Семилуцком городище скифского времени в свете новых исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015а. № 2. С. 98–107.
- Разуваев Ю.Д.* Новый погребальный комплекс скифского времени на Семилуцком городище // КСИА. 2015б. Вып. 231. С. 157–166.
- Решетова И.К., Добровольская М.В.* Описание фрагмента черепа из культурного слоя Мостищенского городища // Восточноевропейские древности / Отв. ред. А.Н. Ворошилов. Воронеж: Научная книга, 2013 (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского; Вып. 3). С. 212–215.
- Рудинський М.* Мачухська експедиція Інституту археології (1946 р.) // Археологічні пам'ятки УРСР / Від. ред. П.П. Єфименко. Київ: Вид-во АН УРСР, 1949. Т. II. С. 53–79.
- Синюк А.Т.* Отчет к открытому листу № 148 о раскопках экспедиции Воронежского пединститута в бассейне Дона в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11315.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж: Воронежский ГПУ, 2001. 192 с.
- Скорый С.* Селище в урочище Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища (материалы раско-

- пок 1999–2001 и 2004 гг.) // *Revista Arheologică. Serie nouă*. 2008. Vol. IV, no.1. P. 146–179.
- Скорый С., Хохоровски Я.* Окончание цикла работ украинско-польской экспедиции “Мельники–Холодный Яр” // *Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр.* / Ред. Н.О. Гаврилюк. Київ: Шлях, 2004. С. 296–298.
- Смирнова Г.И.* Севериновское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947–1948, 1953 гг.) // *АСГЭ*. 1961. Вып. 2. С. 88–103.
- Смирнова Г.И.* Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977–1978 гг.) // *АСГЭ*. 1981. Вып. 22. С. 40–61.
- Смирнова Г.И.* О работах на раннескифском поселении у с. Долиняны в 1985 и 1987 гг. // *АСГЭ*. 1998. Вып. 33. С. 33–48.
- Супруненко О.Б., Скорый С.А., Пуголов Ю.О.* Дослідження на поселенні пізньоскифського часу в уроч. Поле другої бригади у Більску (2008–2009 рр.) // *Археологічні дослідження в Україні 2009* / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ; Луцьк: ІА НАНУ, 2010. С. 404–407.
- Третьяков П.* Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину // *Археологічні пам'ятки УРСР* / Від. ред. П.П. Єфименко. Київ: Вид-во АН УРСР, 1949. Т. I. С. 223–236.
- Троцька В.І.* Археологічні дослідження в околицях Опішного // *Археологічний літопис Лівобережної України*. 2002. № 2. 2003. № 1. С. 194, 195.
- Фіалко О.Є., Болтрик Ю.В.* Напад скифів на Трахтемирівське городище. Київ: ІА НАНУ, 2003. 152 с.
- Хавлюк П.І.* Пізньоскифське селище Сорока // *Археологія*. 1979. Вып. 29. С. 34–54.
- Черненко Е., Ролле Р., Херц В., Скорый С., Махортых С., Белозор В.* Работы на Бельском городище и его округе // *Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр.* / Ред. Н.О. Гаврилюк. Київ: Шлях, 2004. С. 342–344.
- Шепель Е.А.* Население Семилукского городища скифского времени (по антропологическим материалам) // *Археологические памятники Восточной Европы* / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Воронежский ГПУ, 2002. С. 145–156.
- Шрамко Б.А.* Отчет об археологических исследованиях Харьковского государственного университета им. А.М. Горького в 1952 г. // *Архів ІА НАНУ*. 1952/24.
- Шрамко Б.А.* Поселення скифського часу в басейні Дінця // *Археологія*. 1962. Т. XIV. С. 135–155.
- Шрамко Б.А.* Отчет об археологических исследованиях скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1983 году в Полтавской и Харьковской областях // *Архів ІА НАНУ*. 1983/53.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987. 184 с.
- Шрамко И.Б.* Отчет о раскопках на Бельском городище в 1990 г. // *Архів ІА НАНУ*. 1990/70.
- Шрамко И.Б.* Отчет о раскопках на поселении скифского времени у с. Барчаны в 2002 г. // *Архів ІА НАНУ*. 2002/65.
- Шрамко И.Б.* Работы 2009 г. на Западном укреплении Бельского городища // *Археологічні дослідження в Україні 2009* / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ; Луцьк: ІА НАНУ, 2010. С. 479–481.
- Шрамко И.Б., Бондаренко В.Л., Задников С.А.* Археозоологические материалы с поселения скифского времени у с. Барчаны // *Археологическое изучение Центральной России: тез. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка* / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий ГПУ, 2006. С. 227–229.
- Шрамко И.Б., Задников С.А.* Работы на Бильском городище // *Археологічні дослідження в Україні 2012* / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ: ІА НАНУ, 2013. С. 287, 288.
- Шрамко И.Б., Пеляшенко К.Ю., Задников С.А.* Охранные раскопки поселения скифского времени у с. Новоселовка // *Археологічні дослідження в Україні 2011* / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ: Волинські старожитності, 2012. С. 446, 447.
- Яковенко Е.В.* Пастирське городище скифського часу (за матеріалами розкопок 1955 р.) // *Археологія*. 1968. Т. XXI. С. 175–186.

BURIALS AND HUMAN REMAINS ON HABITATION SITES OF THE STEPPE-FOREST SCYTHIA: THE STATE OF SOURCES

Yurü. D. Razuvaev

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh
(razuvaevyd@mail.ru)

In the forest-steppe Scythia over 40 fortified and open settlements of the 7th–3rd cc. BC are known. At some of them human remains were discovered. Some burials, not culturally related with functioning settlements and showing ritual features identical to usual cemeteries have been excavated. Assemblages of another type are represented by skeletons of children and adults deposited in dwelling and household constructions, as well as isolated human bones placed in construction trenches, sacrificial complexes and cultural layers of the settlements. Some researchers interpreted these remains as traces of the armed conflicts, sacrifices or cannibalism. There are all grounds to consider them an evidence of specific funeral practices of the forest-steppe population.

Key words: forest-steppe Scythia, fortified settlements, open settlements, burials, human remains.

REFERENCES

- Agre D., 2002. K voprosu o ritual'nykh yamakh vo Frakii i Severnom Prichernomor'e [To the problem on the ritual pits in Thrace and North Pontic region]. *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan phenomenon: Burial sites and sanctuaries: materials of the International Scientific Conference]*, 2. V.Yu. Zuev, ed. St.Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 278.
- Alikhova A.E., 1961. Otchet o rabote Kurskoy ekspeditsii IA AN SSSR i Kurskogo kraevedcheskogo muzeya za 1961 g. [Report on the work of Kursk expedition of IA AN SSSR and Kursk Local Lore Museum in 1961]. *Archive of IA RAN*, R-1, № 2317 (in Russian, unpublished).
- Alikhova A.E., 1962. Drevnie gorodishcha Kurskogo Poseym'ya [Ancient fortified settlements of Kursk Seym basin]. *Lesostepnye kul'tury skifskogo vremeni [Forest-steppe cultures of the Scythian time]*. A.I. Melyukova, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN USSR, pp. 86–129 (MIA, 113).
- Andrienko V.P., 1980. Raskopki u s. Pozharnaya Balka [Excavations at the village Pozharnaya Balka]. *AO 1979*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 246–247.
- Andrienko V.P., 1992a. Kompleks nachala skifskogo vremeni na poselenii Pozharnaya Balka (raskop 11) [Complex of the early Scythian time at the settlement Pozharnaya Balka (excavation area 11)]. *Donetskiy arkhologicheskii sbornik [Donetsk archaeological collection of papers]*, 1. V.A. Posrednikov, ed. Donetsk: Avers Ko LTD, pp. 73–88.
- Andrienko V.P., 1992b. O materialakh poslednego etapa sushchestvovaniya poseleniya Pozharnaya Balka II [On the materials of the last stage of existence of the settlement Pozharnaya Balka]. *Istoriya i arkhologiya Slobodskoy Ukrainy: tezisy dokladov i soobshcheniy vseukrainskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu XII Arkheologicheskogo s'ezda [History and archaeology of Sloboda Ukraine: abstracts of the All-Ukrainian Conference devoted to the 90-th anniversary of the 13th Archaeological Congress]*. V.K. Mikheev, ed. Khar'kov: Khar'kovskiy gosuniversitet, pp. 84–86.
- Artamonov M.I., 1955. Arkheologicheskie issledovaniya v Yuzhnoy Podolii v 1952–1953 gg. [Archaeological researches in Southern Podolia in 1952–1953]. *KSIIMK*, 59, pp. 100–117.
- Artem'ev A.V., 2008. Odontologicheskii analiz kostey cherepa, proiskhodyashchego iz yamy 2 na selishche v ur. Lisovyy Kut u s. Bel'sk [Odonatological analysis of skull bones from pit 2 at ancient settlement in Lisovyy Kut locality near village Belsk]. *Arkheologichnyi litopis Livoberezhnoï Ukraini [Archaeological chronicle of the Left Bank of the Ukraine]*, 1–2, pp.148–149.
- Artem'ev A.V., Gavrish P.Ya., Yalanskiy A.V., 2001. Opyt identifikatsii i diagnostiki povrezhdeniy po fossil'nyim i subfossil'nyim kostyam cherepa (o nakhodke s Knyshkevskogo gorodishcha) [The experience of the identification and diagnosis of the injuries on the fossil and subfossil skull bones (on the find from Knyshevskiy settlement)]. *Arkheologichnyi litopis Livoberezhnoï Ukraini [Archaeological chronicle of the Left Bank Ukraine]*, 1, pp. 81–84.
- Bessonova S.S., Romanyuk V.V., 2004. Raskopki Motroninskogo gorodishcha 2001–2002 gg. (raskopy XXI–XXIII) [Excavation of Motroninskoye fortified settlement in 2001–2002 (excavations areas XXI–XXIII)]. *Vid Kimmerii do Sarmatii. 60 rokov viddilu skifo-sarmats'koï arkhologii: Materiali mizhnarodnoï naukovoï konferentsii [From Cimmeria to Sarmatia. 60 years of the Scythian-Sarmatian Archaeology Department: Materials of the International Scientific Conference]*. S.A. Skoriy, ed. Kiiiv: Korvin press, pp.10–14.
- Bessonova S.S., Skoryy S.A., 2001. Motroninskoe gorodishche skifskoy epokhi (po materialam raskopok 1988–1996 gg.) [Motroninskoye fortified settlement of the Scythian epoch (on the materials of excavations in 1988–1996)]. Kiev; Krakow: IA NANU, 242 p.
- Bilozor V.P., 2004. Pro zhertovniki z lyuds'kimi cherepami v ur. Tsarina na Bil's'komu gorodishchi [On the sacrificial places with human skulls in locality Tsarina at the Belskoye fortified settlement]. *Vid Kimmerii do Sarmatii. 60 rokov viddilu skifo-sarmats'koï arkhologii: Materiali mizhnarodnoï naukovoï konferentsii [From Cimmeria to Sarmatia. 60 years of the Scythian-Sarmatian Archaeology Department: Materials of the International Scientific Conference]*. S.A. Skoriy, ed. Kiiiv: Korvin press, pp. 9–10.
- Biryukov I.E., Razuvaev Yu.D., 2004. Gorodishche skifskogo vremeni u s. Kamenka na Verkhnem Donu [The fortified settlement of the Scythian time near Kamenka on the Upper Don]. *Arkheologicheskie pamyatniki basseyna Dona [Archaeological sites of the Don basin]*. A.T. Sinyuk, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 181–191.
- Boltrik Yu.V., Bunyatyayn K.P., 1993. Zvit pro rabotu Basiv's'kogo zagonu ekspeditsii "Sulla" v 1993 r. [Report on the work of Basovskiy group of "Sula" expedition in 1993]. *Archive of IA NANU*, 1993/55 (in Ukrainian, unpublished).
- Boltrik Yu.V., Fialko E.E., 1994. Otchet o rabote ekspeditsii Sula-94 [Report on the work of Sula-94 expedition]. *Archive of IA NANU*, 1994/125 (in Russian, unpublished).
- Boltrik Yu.V., Fialko E.E., 1995a. Otchet o rabote ekspeditsii Sula-95 [Report on the work of Sula-95 expedition]. *Archive of IA NANU*, 1968/11. (in Russian, unpublished).
- Boltrik Yu.V., Fialko E.E., 1995b. Basovskoye gorodishche – tsentr Posul'skogo uzla pamyatnikov epokhi rannego zheleza [Basovskoye fortified settlement is the center of Sula cluster of sites of the Early Iron Age]. *Drevnosti – 1995. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik [Antiquities – 1995. Kharkov historical-archaeological annual]*. V.I. Kadeev, ed. Khar'kov: Biznes Inform, pp. 40–43.

- Boltrik Yu.V., Ignachek I., Oledzki L.*, 2010. Doslidzhennya Severiniv's'kogo gorodishcha na Podilli [Researches of the Severinskoye fortified settlement in Podolia]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2009 [Archaeological researches in the Ukraine in 2009]*. D.N. Kozak, ed. Kiiv; Luts'k: IA NANU, pp. 36-37.
- Bondarenko V.L.*, 2008. Rezul'taty arkheozooloogicheskogo izucheniya kostnogo materiala iz raskopok poseleniy II-I tys. do n.e. basseyna Severskogo Dontsa [The results of the archaeological study of the bone material from the excavations of the settlements of the 2nd-1st millennia BC of Severskiy Donets basin]. *Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy: K 85-letiyu Borisa Andreevicha Shramko [Problems of Archaeology of Eastern Europe: To the 85th anniversary of Boris Andreevich Shramko]*. S.I. Posokhov, ed. Khar'kov: Cursor, pp. 39-41.
- Chernenko E., Rolle R., Kherts V., Skoryy S., Makhortykh S., Belozor V.*, 2004. Raboty na Bel'skom gorodishche i ego okruge [Works at the Belskoye fortified settlement]. *Arkheologichni vidkryttya v Ukraini 2002-2003 rr. [Archaeological discoveries in the Ukraine of 2002-2003]*. N.O. Gavrilyuk, ed. Kiiv: Shlyakh, pp. 342-344.
- Dobrovolskaya M.V.*, 2004. K antropologii naseleniya Srednego Dona v skifskoe vremya [To the anthropology of the population of the Middle Don in the Scythian time]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy (Potudanskoj) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001-2003 [Archeology of Northern Don in the Scythian epoch: Transactions of Don (Potudan) archaeological expedition of IA RAS, 2001-2003]*. V.I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 69-106.
- Dobrovolskaya M.V., Reshetova I.K.*, 2013. Rezul'taty antropologicheskogo issledovaniya detskogo pogrebeniya skifskogo vremeni iz verkhnedonskogo gorodishcha u s. Kamenka [The results of anthropological research of a child burial of the Scythian time from the Upper Don fortified settlement near the village Kamenka]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites of Eastern Europe]*, 15. I.V. Fedyunin, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp.245-246.
- Fialko O.E., Boltrik Yu.V.*, 2003. Napad skifiv na Trakhtemiriv's'ke gorodishche [Scythians' attack on the Trakhtemirovskoye fortified settlement]. Kiiv: IA NANU, Ukraina. 152 p.
- Gavrish P.Ya.*, 1995. Rozkopki na Bil's'komu zakhidnomu gorodishchi [Excavations at the Belskoye Western fortified settlement]. *Poltavs'kiy arkheologichniy zbirnik [Poltava Archaeological collection of papers]*, 3. O.B. Suprunenko, ed. Poltava: Poltav's'kiy literator, pp. 72-78.
- Gavrish P.Ya.*, 2000. Plemena skifs'kogo chasu v lisostepu Dniprov's'kogo Livoberezhzhya (za materialami Pripillya) [Tribes of the Scythian time in the forest-steppe Dnieper Left Bank (on the materials of the Psel basin)]. Poltava: Arkheologiya. 232 p.
- Gavrish P.Ya.*, 2006. Osnovni pidsumki doslidzhennya popelishcha № 7 u Bil'skomu gorodishchi [Main results of the research of the cinder-heap 7 at the Belskoye fortified settlement]. *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoi Ukraini [Archaeological chronicle of the Left Bank Ukraine]*, 1, pp. 11-20.
- Geyko A.V.*, 1996. Glins'ke gorodishche skifs'kogo chasu v Posulli [Glinskoye fortified settlement of the Scythian time in the Sula basin]. *Bil's'ke gorodishche v konteksti vivchennya pam'yatok rann'ogo zaliznogoviku Evropi [Belskoye fortified settlement in the context of studying of the Iron Age sites of Europe]*. O.B. Suprunenko, ed. Poltava, pp. 242-249.
- Geyko A.V.*, 2000. Gorodishche rann'ogo zaliznogo viku pobliz u s. Glins'k [Fortified settlement of the Early Iron Age near the village Glinsk]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 3, pp. 149-153.
- Gorodtsov V.A.*, 1911. Dnevnik arkheologicheskikh issledovaniy v Zen'kovskom uezde Poltavskoy gubernii v 1906 godu [The diary of archaeological researches in Zenkovskiy District of Poltava Province in 1906]. *Trudy XIV Arkheologicheskogo s'ezda v Chernigove 1909 [Transaction of the 14th Archaeological Congress in Chernigov, 1909]*, III. P.S. Uvarova, ed. Moscow, pp. 93-161.
- Grechko D.S.*, 2012. Ob odnom iz sposobov pogrebeniya u zemledel'tsev vostochnoevropayskoy lesostepi skifskogo vremeni [On one of the ways of burying among the farmers of East European forest-steppe in the Scythian time]. *Vostochnoevropayskie drevnosti [East European antiquities]*. Yu.D. Razuvaev, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 118-124. (Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya imeni I.N. Kramskogo, 2).
- Il'inskaya V.A.*, 1950. Otchet o rabote Putivl'skogo otryada Seymsko-Desninskoy ekspeditsii IA AN SSSR 1950 g. [Report on the work of Putilovskiy group of Seim-Desna expedition of the IA AN USSR in 1950]. *Archive of IA NANU, 1950/2b* (in Russian, unpublished).
- Il'inskaya V.A.*, 1957. Novye raskopki na gorodishche u s. Basovka v 1957 g. [New excavations at the fortified settlement near the village Basovka in 1957]. *Archive of IA NANU, 1957/11* (in Russian, unpublished).
- Il'inskaya V.A.*, 1959. Otchet o rabote srednedneprovskoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR v 1959 g. [Report on the work of Middle Dnieper expedition of the Institute of Archaeology of AN USSR in 1959]. *Archive of IA NANU, 1959/7* (in Russian, unpublished).
- Illins'ka V.A.*, 1952. Verkhn'osul's'ka ekspeditsiya 1947 r. [Upper Sula expedition of 1947]. *Arkheologichni pam'yatki URSS [Archaeological sites of the USSR]*, IV. P.P. Cfimenko, ed. Kiiv: Vidavnistvo AN URSS, pp. 34-42.
- Karavayko D.V.*, 2012. Pamyatniki yukhnovskoy kul'tury Novgorod-Severskogo Poles'ya [Sites of the Yukhnovo culture of Novgorod-Seversk Polesye]. Kiev: IA NANU, 276 p.
- Khavlyuk P.I.*, 1979. Pizn'oskifs'ke selishche Soroka [Late Scythian settlement Soroka]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 29, pp. 34-54.

- Kos A.I., Krushel'nitskaya L.I., Pavliy D.Yu., 1975. Mnogosloynnyy pamyatnik u s. Neporotovo [Multilayer site near the village Neporotovo]. *AO 1974*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 299–300.
- Kos A.I., Krushel'nitskaya L.I., Pavliy D.Yu., 1976. Mnogosloynnyy pamyatnik u s. Neporotovo [Multilayer site near the village Neporotovo]. *AO 1975*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 342–343.
- Kovpanenko G.T., 1968. Otchet o raskopkakh Trakhtemirovskogo gorodishcha v 1968 g. [Report on the excavation of Trakhtemirovskoe fortified settlement in 1968]. *Archive of IA NANU*, 1968/11 (in Russian, unpublished).
- Kozak A.D., 2001. Nekotorye rezul'taty antropologicheskogo issledovaniya kostnykh ostatkov iz raskopok sovmestnoy Ukrainko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Some results of the anthropological research of the bone remains from the excavation of the joint Ukrainian-German archaeological expedition]. *Murzin V.Yu., Rolle R., Gerts V., Skoryy S.A., Makhortykh S.V., Belozor V.P. Issledovaniya sovmestnoy Ukrainko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2000 g. [Research of the joint Ukrainian-German expedition in 2000]*. Kiev: IA NANU; Nemetskoe nauchno-issledovatel'skoe obshchestvo, pp. 55–71.
- Kozak A.D., 2004. Chelovecheskie zhertvoprinosheniya v zol'nike ranneskifskogo vremeni Bel'skogo gorodishcha [Human sacrifices of the cinder-heap of the early Scythian time of the Belskoye fortified settlement]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii [OPUS: Interdisciplinary researches in archaeology]*, 3. M.B. Mednikova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 112–121.
- Kozak A.D., 2006. Predvaritel'nye rezul'taty antropologicheskogo issledovaniya kostnogo materiala iz raskopok na Bel'skom gorodishche i ego okruge v 2005 godu [Preliminary results of the anthropological researches of the bone material from the excavations at the Belskoye fortified settlement and its vicinity in 2005]. *Makhortykh S.V., Rolle-Gerts R.A., Skoryy S.A., Gerts V.Yu., Belozor V.P. Issledovaniya sovmestnoy Ukrainko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii u s. Bel'sk Kotelevskogo rayona Poltavskoy oblasti v 2005 g. [Researches of the joint Ukrainian-German archaeological expedition at the village Belsk of the Kotelevskiy District of the Poltava Region in 2005]*. Kiev: IA NANU; Nemetskoe nauchno-issledovatel'skoe obshchestvo, pp. 82–91.
- Kozlovskaya M.V., 2000. Ob obraze zhizni srednedonskogo naseleniya skifskogo vremeni [On the lifestyle of the Middle Don population in the Scythian time]. *Skify i sarmaty v VIII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya [Scythians and Sarmatians in 8th–3rd cc. BC: paleoecology, anthropology and archaeology]*. V.I. Gulyaev, V.S. Ol'khovskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 45–50.
- Kulatova I.M., 2008. Ryativni doslidzhennya na poselenni skifs'kogo chasu v ur. Lisovyy Kut u Bil'sku [Rescue excavations at the settlement of the Scythian time in Lisoviy Kut locality near Belsk]. *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoi Ukraini [Archaeological chronicle of the Left Bank Ukraine]*, 1–2, pp. 137–147.
- Liberov P.D. Otchet o rabote Voronezhskogo otryada lesostepnoy ekspeditsii IIMK AN SSSR v 1958 g. [Report on the work of Voronezh group of forest-steppe expedition IIMK AN SSSR in 1958]. *Archive of IA RAN*, R–1, № 1726, 1726a (in Russian, unpublished).
- Lyapushkin I.I. Otchet Dneprovskoy levoberezhnoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA AN SSSR 1960 g. [Report on Dnieper Left Bank archaeological expedition of IA AN SSSR 1960]. *Archive of IA RAN*, R–1, № 2422 (in Russian, unpublished).
- Lyapushkin I.I., 1951. Poselenie skifskogo vremeni bliz der. Pozharnaya Balka Poltavskoy oblasti [The settlement of the Scythian time near the village Pozharnaya Balka]. *KSIA*, XXXVII, pp. 125–130.
- Lyapushkin I.I., 1961. Dneprovskoe lesostepnoe levoberezh'e v epokhu zheleza: Arkheologicheskie razyskaniya o vremeni zaseleniya levoberezh'ya slavyanami [Dnieper forest-steppe Left Bank zone in the Iron Age: Archaeological investigations on the time of the settling of the Left Bank by the Slavs]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN USSR. 381 p. (MIA, 104).
- Makhortykh S.V., Rolle-Gerts R.A., Skoryy S.A., Gerts V.Yu., Belozor V.P., 2006. Issledovaniya sovmestnoy Ukrainko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii u s. Bel'sk Kotelevskogo rayona Poltavskoy oblasti v 2005 g. [Researches of the joint Ukrainian-German archaeological expedition near Belsk of the Kotelevskiy District of the Poltava Region in 2005]. Kiev: IA NANU; Nemetskoe nauchno-issledovatel'skoe obshchestvo. 144 p.
- Medvedev A.P. Otchet skifo-sarmatskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Voronezhskogo universiteta o raskopkakh Pekshevskogo gorodishcha v 1986 g. [Report of the Scythian-Sarmatian group of the archaeological expedition of Voronezh University on the excavations of Pekshevskoye fortified settlement in 1986]. *Archive of IA RAN*, R–1, № 11844 (in Russian, unpublished).
- Medvedev A.P. Otchet skifo-sarmatskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Voronezhskogo gosuniversiteta o rabotakh v 1987 g. [Report of the Scythian-Sarmatian archaeological expedition of Voronezh State University on the works in 1987]. *Archive of IA RAN*, R–1, № 12056 (in Russian, unpublished).
- Medvedev A.P., 1999. Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya. Arkheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tysyacheletiya do n.e. [Early Iron Age of the forest-steppe Don basin. Archaeology and ethno-cultural history of the 1st millennium BC]. Moscow: Nauka. 160 p.
- Merkulov A.N., 2014. Gorodishche skifskogo vremeni u s. Ust'e na Verkhnem Donu (issledovaniya 2013 g.) [Fortified settlement of the Scythian time near the village Ustye on the Upper Don (researches of 2013)]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [Upper Don archaeological collection]*, 6. A.N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 359–364.

- Moruzhenko A.A.*, 1969. Otchet lesostepnoy skifskoy ekspeditsii Donetskogo gosudarstvennogo universiteta o razvedkakh i raskopkakh v basseyne r. Vorskly v 1969 g. [Report of the forest-steppe Scythian expedition of Donetsk State University on the field surveys in the Vorskla basin in 1969]. *Archive of IA NANU*, 1969/97 (in Russian, unpublished).
- Moruzhenko A.A.*, 1979. Otchet lesostepnoy skifskoy ekspeditsii Donetskogo gosudarstvennogo universiteta o raskopkakh v 1979 g. [Report on the forest-steppe Scythian expedition of Donetsk State University on the excavations in 1979.]. *Archive of IA NANU*, 1979/90 (in Russian, unpublished).
- Moruzhenko A.A.*, 1980. Otchet lesostepnoy skifskoy ekspeditsii Donetskogo gosuniversiteta o rabotakh v 1980 g. [Report on the forest-steppe expedition of Donetsk State University on the works in 1980]. *Archive of IA NANU*, 1980/98 (in Russian, unpublished).
- Moruzhenko A.A.*, 1982. Otchet lesostepnoy skifskoy ekspeditsii Donetskogo gosuniversiteta o rabotakh v 1982 g. [Report of forest-steppe Scythian expedition of Donetsk State University on the works in 1982]. *Archive of IA NANU*, 1982/140 (in Russian, unpublished).
- Moruzhenko A.A.*, 1983. Otchet lesostepnoy skifskoy ekspeditsii Donetskogo gosuniversiteta o rabotakh v 1983 g. [Report of forest-steppe Scythian expedition of Donetsk State University on the works in 1983]. *Archive of IA NANU*, 1983/45 (in Russian, unpublished).
- Murzin V.Yu., Rolle R., Gerts V., Skoryy S.A., Makhortykh S.V., Belozor V.P.*, 2001. Issledovaniya sovместnoy Ukrainsko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2000 g. [Researches of the joint Ukarnian-German archaeological expedition in 2000]. Kiev: IA NANU; Nemetskoe nauchno-issledovatel'skoe obshchestvo. 72 p.
- Nikitina G.F.*, 1979. Zemlyanka skifskogo vremeni u s. Oselivka Chernovitskoy oblasti [A subterranean dwelling of the Scythian time near the village Oselivka of the Chernovitsy Oblast]. *SA*, 3, pp. 241–249.
- Oleynikov T.M.* Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh, proizvedennykh letom 1927 g. zaveduyushchim istoricheskim otdelom Voronezhskogo gosudarstvennogo muzeya Oleynikovym T.M. [Report on the archaeological investigations in the summer of 1927 by Oleinikov T.M., the head of the historical department of Voronezh State Museum]. *Archive of IA RAN*, F. 2, № 208 (in Russian, unpublished).
- Pelyashenko K.Yu.*, 2013. Doslidzhennya poselennya skifs'kogo chasu Novoselivka [The research of the settlement of the Scythian time Novoselovka]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2012 [Archaeological researches in the Ukraine 2012]*. D.N. Kozak, ed. Kiiv: IA NANU, pp. 341–342.
- Pelyashenko K.Yu., Buynov Yu.V.*, 2010. Okhoronni rozkopki na bagatosharovomu poselenni Kharkiv, prov. Klimovs'kogo [Rescue excavations at the multilayer settlement Kharkov, Klimovskiy Lane]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2009 [Archaeological researches in the Ukraine 2009]*. D.N. Kozak, ed. Kiiv: IA NANU, pp. 324–326.
- Petrovs'ka E.O.*, 1970. Rann'oskifs'ki pam'yatki na pivdenniy okolitsi Kieva [Early Scythian sites on the south suburbs of Kyiv]. *Arkheologiya [Archaeology]*, XXIV, pp. 129–145.
- Pokrovskaya E.F.*, 1973. Predskifskoe poselenie u s. Zhabotin [Pre-Scythian settlement near the village Zhabotin]. *SA*, 4, pp. 169–188.
- Pryakhin A.D.* Otchet o raskopkakh Semilukskogo gorodishcha v 1986 g. [Report on the excavation works at the Semilukskoye fortified settlement (excavations of 1986)]. *Archive of IA RAN*, R–1, № 11271.
- Pryakhin A.D., Razuvaev Yu.D.*, 1993a. Pogrebeniya na Semilukskom gorodishche pozdneskifskogo vremeni (raskopki 1986 g.) [Burials at the Semilukskoye fortified settlement of the late Scythian time (excavations of 1986)]. *Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznogo veka Oksko-Don'skogo mezhdurech'ya [Archaeological sites of Early Iron Age of the Oka-Don interfluve]*. V.P. Chelyapov, ed. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoy oblasti, pp. 74–94.
- Pryakhin A.D., Razuvaev Yu.D.*, 1993b. Pogrebeniya na Semilukskom gorodishche pozdneskifskogo vremeni (raskopki 1987–1990 gg.) [Burials at the Semilukskoye fortified settlement of the late Scythian time (excavations of 1987–1990)]. *Drevnie pamyatniki Okskogo basseyna [Ancient sites of the Oka basin]*. V.P. Chelyapov, ed. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoy oblasti, pp. 13–30.
- Pryakhin A.D., Razuvaev Yu.D.*, 2000. K interpretatsii zakhoroneniy na Semilukskom gorodishche skifskogo vremeni [To the interpretation of the burials at the Semilukskoye fortified settlement of the Scythian time]. *Skify i sarmaty v VIII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya [Scythians and Sarmatians in the 8th–3rd cc. BC: paleoecology, anthropology and archaeology]*. V.I. Gulyaev, V.S. Ol'khovskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 249–257.
- Puzikova A.I.*, 1969. Poseleniya Srednego Dona [Settlements of the Middle Don]. *Naselenie Srednego Dona v skifskoe vremya [Population of Middle Don in Scythian time]*. Moscow: Nauka, pp. 41–81. (Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR, 151).
- Puzikova A.I.*, 1981. Maritskoe gorodishche v Poseym'e VI–V vv. do n.e. [Maritskoye fortified settlement in the Seim basin of the 6th–5th cc. BC]. Moscow: Nauka, 120 p.
- Radzievskaya V.E.*, 1978. Raskopki gorodishcha u s. Kolomak [Excavations of the fortified settlement near the village Kolomak]. *AO 1977*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 377–378.
- Radzievskaya V.E.*, 1979. Prodolzhenie issledovaniy Kolomakskogo gorodishcha [The continuation of the research of the Kolomak fortified settlement]. *AO 1978*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, p. 393.

- Radzievskaya V.E., 1980. Issledovanie Kolomakskogo gorodishcha [The research of the Kolomak fortified settlement]. *AO 1979*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 327.
- Radzievskaya V.E., 1981. Raskopki Kolomakskogo gorodishcha [Excavations of the Kolomak fortified settlement]. *AO 1980*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 305–306.
- Radzievskaya V.E., 1983. Raboty na Kolomakskom gorodishche [Works at the Kolomak fortified settlement]. *AO 1982*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 321–322.
- Radzievskaya V.E., 1986. Issledovaniya na Khar'kovshchine [Researches on Kharkov land]. *AO 1984*. B.A. Rybakov. Moscow: Nauka, pp. 296–297.
- Radzievskaya V.E., 1988. Issledovaniya v Khar'kovskoy oblasti [Researches in Kharkov Region]. *AO 1986*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, p. 330.
- Radzievskaya V.E., 1992. Osnovnye itogi raskopok Kolomakskogo gorodishcha [Main results of the excavation of the Kolomak fortified settlement]. *Istoriya i arkhologiya Slobodskoy Ukrainy: tezisy dokladov i soobshcheniy vseukrainskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu XII Arkheologicheskogo s'ezda [History and Archaeology of Sloboda Ukraine: abstracts of the All-Ukrainian conference devoted to the 90th anniversary of the 12th All-Ukrainian Congress]*. V.K. Mikheev, ed. Khar'kov: Khar'kovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 177–179.
- Razuvaev Yu.D., 2013. Rezul'taty issledovaniy oboronitel'nykh sooruzheniy Semilukskogo gorodishcha v 2012 g. [The results of the research of the defensive constructions of Semilukskoye fortified settlement in 2012]. *Vostochnoevropeyskie drevnosti [Eastern European Antiquities]*. A.N. Voroshilov, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 196–211 (Vestnik Ostrogozhskogo istorikokhudozhestvennogo muzeya imeni I.N. Kramskogo, 3).
- Razuvaev Yu.D., 2014a. Gruntovye mogil'niki skifskogo vremeni v dnepro-donskoy lesostepi: istoriograficheskiy obzor issledovaniy [Ground burials of the Scythian time in Dnieper-Don forest-steppe: historiographic review of researches]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: History, Political Science. Economics and Information technologies]*, no. 21 (192), vyp. 32, pp. 81–85.
- Razuvaev Yu.D., 2014b. O zakhoroneniyaх i ostankakh lyudey na poseleniyakh Lesostepnoy Skifii [On the burials and the human remains at the settlements of the forest-steppe Scythia]. *Trudy IV Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Transactions of the 4th All-Russian archaeological Congress in Kazan]*, II. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, A.G. Sitdikov, eds. Kazan': Otechestvo, pp. 159–162.
- Razuvaev Yu.D., 2015a. Mogil'nik na Semilukskom gorodishche skifskogo vremeni v svete novykh issledovaniy [Cemetery at the Semilukskoye fortified settlement of the Scythian time in the light of new researches]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Vestnik of Voronezh State University. Series: History. Political Sciences. Sociology]*, 2, pp. 98–107.
- Razuvaev Yu.D., 2015b. Novyy pogrebal'nyy kompleks skifskogo vremeni na Semilukskom gorodishche [New burial complex of the Scythian time at the Semilukskoye fortified settlement]. *KSIA*, 231, pp. 157–166.
- Reshetova I.K., Dobrovol'skaya M.V., 2013. Opisanie fragmenta cherepa iz kul'turnogo sloya Mostishchenskogo gorodishcha [The description of the skull fragment from the cultural layer of Mostishchenskoye fortified settlement]. *Vostochnoevropeyskie drevnosti [East European antiquities]*. A.N. Voroshilov, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 212–215 (Vestnik Ostrogozhskogo istorikokhudozhestvennogo muzeya imeni I.N. Kramskogo, 3).
- Rudins'kiy M., 1949. Machukhs'ka ekspeditsiya Institutu arkheologii (1946 r.) [Machukha expedition of the Institute of Archaeology (1946)]. *Arkheologichni pam'yatki URSS [Archaeological sites of the USSR]*, II. P.P. Cfimenko, ed. Kii'v: Vidavnitstvo AN URSS, pp. 53–79.
- Shepel' E.A., 2002. Naselenie Semilukskogo gorodishcha skifskogo vremeni (po antropologicheskim materialam) [Population of the Semilukskoye fortified settlement of the Scythian time]. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites of Eastern Europe]*. A.T. Sinyuk, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 145–156.
- Shramko B.A., 1952. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo v 1952 g. [Report on the archaeological researches of Gorky Kharkov State University in 1952]. *Archive of IA NANU*, 1952/24 (in Russian, unpublished).
- Shramko B.A., 1962. Poselennya skifs'kogo chasu v baseyni Dintsya [Settlements of the Scythian time in Donets basin]. *Arkheologiya [Archaeology]*, XIV, pp. 135–155.
- Shramko B.A., 1983. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh skifo-slavyanskoy ekspeditsii KhGU v 1983 godu v Poltavskoy i Khar'kovskoy oblastiakh [Report on the archaeological researches of the Scythian-Slavic expedition of Kharkov State University in 1983 in Poltava and Kharkov Regions]. *Archive of IA NANU*, 1983/53 (in Russian, unpublished).
- Shramko B.A., 1987. Bel'skoe gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon) [Belskoye fortified settlement of the Scythian epoch (city Gelon)]. Kiev: Naukova dumka. 184 p.
- Shramko I.B., 1990. Otchet o raskopkakh na Bel'skom gorodishche v 1990 g. [Report on the excavations in Belskoye fortified settlement in 1990]. *Archive of IA NANU*, 1990/70 (in Russian, unpublished).
- Shramko I.B., 2002. Otchet o raskopkakh na poselenii skifskogo vremeni u s. Barchany v 2002 g. [Report on the excavations at the settlement of the Scythian time near the village Barchany in 2002]. *Archive of IA NANU*, 2002/65 (in Russian, unpublished).

- Shramko I.B.*, 2010. Raboty 2009 g. na Zapadnom ukrepleni Bel'skogo gorodishcha [Works of 2009 on the Western fortification of the Belskoye fortified settlement]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2009 [Archaeological researches in the Ukraine of 2009]*. D.N. Kozak, ed. Kiiv; Luts'k: IA NANU, pp. 479–481.
- Shramko I.B., Bondarenko V.L., Zadnikov S.A.*, 2006. Arkheozoologicheskie materialy s poseleniya skifskogo vremeni u s. Barchany [Archeozoological materials from the settlement of the Scythian time near Barchany]. *Arkheologicheskoe izuchenie Tsentral'noy Rossii: tezisy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.P. Levenka [Archaeological study of Central Russia: abstracts of the International Scientific Conference devoted to the 100th anniversary of V.P. Levenok]*. A.N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 227–229.
- Shramko I.B., Pelyashenko K.Yu., Zadnikov S.A.*, 2012. Okhrannyye raskopki poseleniya skifskogo vremeni u s. Novoselovka [Rescue excavations of the settlement of the Scythian time near village Novoselovka]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2011 [Archaeological researches in the Ukraine of 2011]*. D.N. Kozak, ed. Kiiv: Volins'ki starozhitnosti, pp. 446–447.
- Shramko I.B., Zadnikov S.A.*, 2013. Roboti na Bil's'komu gorodishchi [Works at the Belskoye fortified settlement]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2012 [Archaeological researches in the Ukraine of 2012]*. D.N. Kozak, ed. Kiiv: IA NANU, pp. 287–288.
- Sinyuk A.T.* Otchet k otkrytomu listu № 148 o raskopkakh ekspeditsii Voronezhskogo pedinstituta v bassejne Dona v 1986 godu [Report on the excavations and surveys of the expedition of Voronezh Pedagogical Institute in Don basin in 1986]. *Archive of IA RAN*, R–1, № 11315 (in Russian, unpublished).
- Sinyuk A.T., Berezutskiy V.D.*, 2001. Mostishchenskiy kompleks drevnikh pamyatnikov (epokha bronzy – ranniyy zheleznyy vek) [Mostishchenskiy complex of the ancient sites (the Bronze Age – Early Iron Age)]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 192 p.
- Skoryy S.*, 2008. Selishche v urochishche Lisovyy Kut na Bol'shom ukrepleni Bel'skogo gorodishcha (materialy raskopok 1999–2001 i 2004 gg.) [Ancient settlement in Lisoviy Kut locality on the Big fortification of the Belskoye fortified settlement]. *Revista Arheologică. Serienouă*, vol. IV, no. 1, pp. 146–179.
- Skoryy S., Khokhorovski Ya.*, 2004. Okonchanie tsikla rabot ukrainsko-pol'skoy ekspeditsii “Mel'niki–Kholodnyy Yar” [The completing of the works of the Ukrainian-Polish expedition “Mel'niki–Kholodnyy Yar”]. *Arkheologichni vidkryttya v Ukraini 2002–2003 rr. [Archaeological discoveries in the Ukraine, 2002–2003.]*. N.O. Gavrilyuk, ed. Kiiv: Shlyakh, pp. 296–298.
- Smirnova G.I.*, 1961. Severinovskoe gorodishche (po materialam Yugo-Podol'skoy ekspeditsii 1947–1948, 1953 gg.) [Severinovo fortified settlement (on the materials of South-Podolia expedition of 1947–1948, 1953)]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]*, 2, pp. 88–103.
- Smirnova G.I.*, 1981. Novyye dannyye o poselenii u s. Dolinyany (po materialam raskopok 1977–1978 gg.) [New data on the settlement near the village Doliniyany (on the materials of the excavations in 1977–1978)]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]*, 22, pp. 40–61.
- Smirnova G.I.*, 1998. O rabotakh na ranneskifskom poselenii u s. Dolinyany v 1985 i 1987 gg. [On the works in the early Scythian settlement near the village Doliniyany]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]*, 33, pp. 33–48.
- Suprunenko O.B., Skoriy S.A., Pugolovok Yu.O.*, 2010. Doslidzhennya na poselenni pizn'oskifskogo chasu v uroch. Pole drugoi brigadi u Bil'sku (2008–2009 rr.) [Researches at the settlement of the late Scythian time in locality Pole of the second group near Belskoye (2008–2009)]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2009 [Archaeological researches in the Ukraine of 2009]*. D.N. Kozak, ed. Kiiv; Luts'k: IA NANU, pp. 404–407.
- Tret'yakov P.*, 1949. Zvit pro arkheologichni doslidzhennya 1946 r. v baseyni richok Rosi i Tyasminu [Report on the archaeological researches of 1946 in Ros and Tyasmin basins]. *Arkheologichni pam'yatki URSR [Archaeological sites of USSR]*, I. P.P. Cfimenko, ed. Kiiv: Vidavnistvo AN URSR, pp. 223–236.
- Trots'ka V.I.*, 2002–2003. Arkheologichni doslidzhennya v okolitsyakh Opishnogo [Archaeological researches in the vicinity of Opishniy]. *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoi Ukraini [Archaeological chronicle of the Left Bank Ukraine]*, 2/2002, 1/2003, pp. 194, 195.
- Vinokur I.S.*, 1984. Issledovaniya v Khmel'nitskoy oblasti [Researches in Khmel'nitsky Region]. *AO 1982*, B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 248–249.
- Vinokur I.S., Gutsal A.F.*, 1974. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1974 g. [Report on the archaeological researches in 1974]. *Archive of IA NANU*, 1974/120 (in Russian, unpublished).
- Vinokur I.S., Gutsal A.F.*, 1975. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1975 goda na territorii Khmel'nitskoy oblasti [Report on the archeological researches of 1975 in the territory of Khmel'nitsky Region]. *Archive of IA NANU*, 1975/75 (in Russian, unpublished).
- Yakovenko E.V.*, 1968. Pastir's'ke gorodishche skifskogo chasu (za materialami rozkopok 1955 r.) [Pastyrskoye fortified settlement of the Scythian time (on the materials of the excavations of 1955)]. *Arkheologiya [Archaeology]*, XXI, pp. 175–186.
- Zadnikov S.A., Shramko I.B.*, 2009. Rozkopki zol'nika 13 na Zakhidnomu ukriplenni Bil'skogo gorodishcha [The excavations of cinder-heap 13 in the Western fortification of Belskoye fortified settlement]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini. 2006–2007 [Archaeological research-*

- es of the Ukraine. 2006–2007*]. D.N. Kozak, ed. Kiïv: IA NANU, pp. 8–10.
- Zaretskyi I.A., 1888. Zаметка o drevnostyakh Khar'kovskoy gubernii Bogodukhovskogo uezda slobody Likhachevki [Notes on the antiquities of Likhachevka Sloboda in Kharkov Province, Bogodukhovskiy District]. *Khar'kovskiy sbornik. Literaturno-nauchnoe prilozhenie k "Khar'kovskomu kalendarju na 1888 g."* [Kharkov collection of articles. Literary-scientific supplementary to "Kharkov calendar for 1888"], 2. Khar'kov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, pp. 229–246.
- Zharov G.V., Terpilovs'kiy R.V., 2006. Doslidzhennya pam'yatok skifs'kogo ta rims'kogo chasu u Verkh'omu Posulli [Researches of the sites of the Scythian and Roman times on the Upper Sula basin]. *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoi Ukraïni [Archaeological chronicle of the Left Bank Ukraine]*, 1, pp. 89–99.
- Zolotarev P.M., 2004. Novye materialy skifo-sarmatskogo vremeni v rayone s. Mastyugino [New materials of the Scythian-Sarmatian time in the district of the village Mastiugino]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy (Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003 [Archaeology of Middle Don in the Scythian epoch: Transactions of Don (Potudan) archaeological expedition of IA RAS, 2001–2003]*. V.I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 127–150.

САСАНИДСКАЯ ГЕММА ИЗ НИЖНЕЛУБЯНСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2016 г. Г.Е. Афанасьев

*Институт археологии РАН, Москва
(gennady.afanasiev@mail.ru)*

В статье исследуется семантика изображения на сасанидской гемме, найденной на территории Нижнелубянского могильника салтово-маяцкой археологической культуры VIII–IX вв. Композиционная схема состоит из мотивов парных крыльев и растения с тремя цветками. Автор приходит к выводу, что здесь отображена распространенная в сасанидском искусстве зороастрийская идея оси мира, обозначенная деревом всех семян, которое опирается на парные крылья – символ победы, удачи, благополучия и божественного покровительства.

Ключевые слова: Сасаниды, Иран, птица Варагн, гемма, аланы, зороастризм, салтово-маяцкая культура, парные крылья, дерево всех семян, фарн.

В 1984 г. при осмотре разрушаемого оврагом участка Нижнелубянского катакомбного могильника (рис. 1) салтово-маяцкой археологической культуры VIII–IX вв. (Афанасьев, 1993. С. 14–63) А.Г. Николаенко обнаружил сасанидскую гемму, вероятно, происходящую из разрушенного погребения, которую он любезно передал в мое распоряжение. Она изготовлена из халцедона (сардер) неровного желтовато-светло-коричневого цвета (рис. 2, 1). В верхней части прослеживается крупная чешуйка или трещина, отличающаяся по цвету от соседнего участка массива камня. Поверхность заполирована, но в отдельных местах видны сколы. Размеры овальной площадки с изображением – 21 × 19 мм. Канал выполнен в технике двухстороннего сверления штифтовым или трубочным сверлом с абразивом. На его внутренней поверхности видны концентрические следы действия мелких зерен абразива. Оси сверления с обоих направлений слегка смещены, так что на стыке цилиндрических каналов образовался чуть заметный бортик. Диаметр края в верхней развальцованной части канала с учетом фаски по краю отверстия – 6 мм. Диаметр внутренней части канала – 4 мм. Такая технология обработки заготовки для геммы обычна для глиптики сасанидского культурного круга (Леммлейн, 1947).

Процесс работы мастера над изображением реконструируется следующим образом. Первоначально на подготовленную, ошлифованную поверхность площадки несмываемой краской были нанесены основные контуры изображения: тюльпановидные цветки на концах стебля и ветвей и распахнутые крылья у основания ствола растения. Эта разметка

обеспечивала будущую симметрию всей композиционной схеме и последовательность в процедуре использовании рабочих инструментов – боров разного диаметра. Следующий этап работы заключался в проработке рельефа на сделанном рисунке: трех чашечек цветов на концах будущих ветвей и распахнутых крыльев у основания будущего ствола растения. Она осуществлялась в объемно-выемчатой манере с помощью бора крупного диаметра. На заключительном этапе работы с изображением мастер, используя бор меньшего диаметра, нанес в линейно-графической манере ствол и ветви дерева, подчеркнув стрелочками концы чашечек цветков. Затем в штриховой манере он разместил беглые параллельные линии, заполнившие чашечки цветков и поверхность распахнутых крыльев, на концах которых выделил несколькими штрихами перья. Подобная манера работы с изображением хорошо известна в сасанидской глиптике (Борисов, Луконин, 1963. С. 23–30), а сделанные в этой технике геммы не редкость для северокавказских ранне-средневековых комплексов (Прокопенко, 2009), где иногда датируются сопутствующим материалом VII в. (Коробов, 1999. С. 161. Рис. 4, 8).

Композиционная схема изображения на нижнелубянской гемме состоит из двух мотивов: распахнутых крыльев и трех цветков на одном стебле. Сасанидские геммы с аналогичным или близким сюжетом входят в состав коллекции Эрмитажа, музея Метрополитен, Британского музея, Лувра и т.д., но их семантика специально не рассматривалась, хотя надписи на некоторых образцах свидетельствуют о том, что они наполнены религиозным смыслом. К примеру, гемма из коллекции

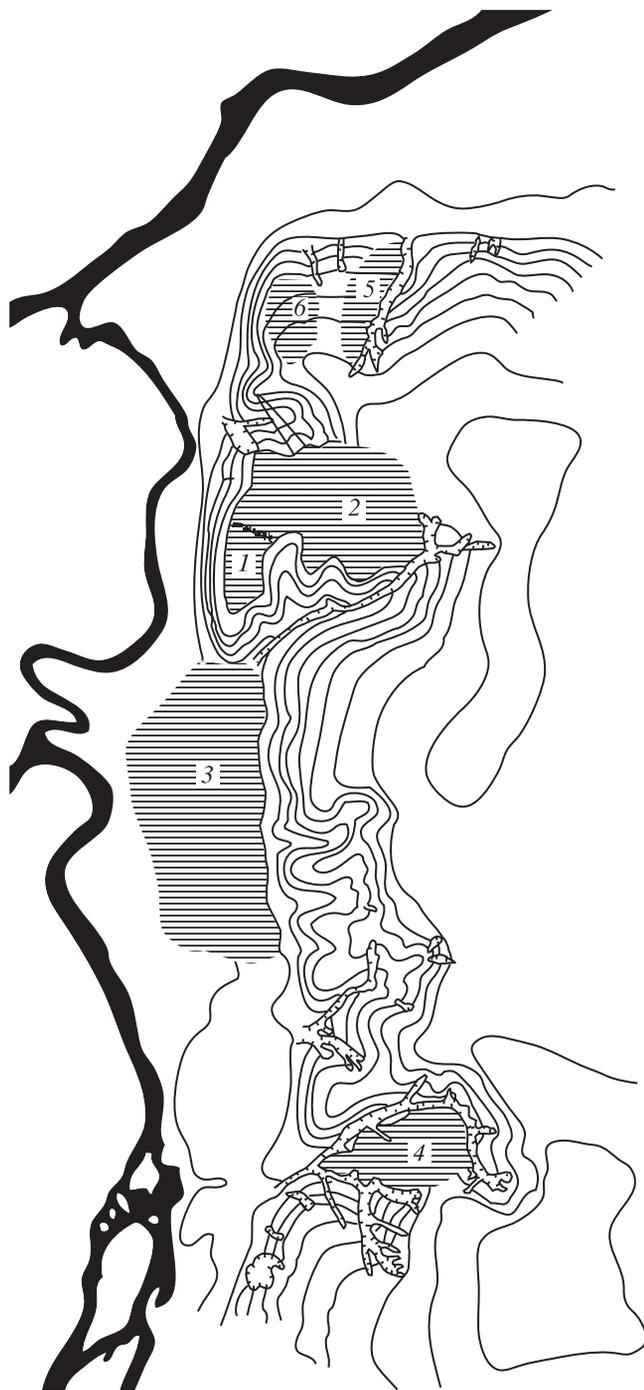

Рис. 1. Памятники салтово-маяцкой культуры в окрестностях с. Ютановка Белгородской обл. 1 – Ютановское городище; 2 – Ютановское селище 1; 3 – Ютановское селище 2; 4 – Ютановский катакомбный могильник; 5 – Нижнелубянский катакомбный могильник; 6 – Нижнелубянское селище.

Эрмитажа (№ 603) имела надпись “Упование на богов праведно” (Борисов, Луконин. 1963. С. 51, 164), на типологически близкой ей печати из музея Метрополитен (инв. № 81.6.268) размещена надпись “Вахрам маг, сын Вахрама” (Brunner, 1978. Р. 117,

143), а на гемме из австрийской коллекции (инв. № 0415) – “Нам, сын Вахрана, уповающий на богов” (Plants..., el. resource). Это определяет направление поисков смысловой нагрузки подобных изображений в области зороастрийской мифологии.

Мотив парных крыльев широко известен в сасанидском искусстве начиная с конца III – начала IV в. (Борисов, Луконин. 1963. С. 18, 77–174; Дмитриев, 2012; Farridnejad, 2015). Он прослеживается в глиптике (Göbl, 1973. Taf. 5, 6, 22, 28, 32, 40), где парные крылья поддерживают снизу бюсты знатных персон, протомы животных, растения, знаки царской власти и т.д. (рис. 2, 2–4). Ряд примеров можно найти и в сасанидской торевтике. В художественном музее Уолтерса хранится датированная VI–VII вв. серебряная чаша (инв. № 57.625) с изображением сидящего, опирающегося на меч царя (Ghirshman, 1962. P. 203. Pl. 242; Peck, 1969. P. 110; Harper, 1981. P. 119, 182). Справа от правителя (рис. 3, 1) располагается женская фигура, держащая в протянутой в его сторону руке украшенную жемчугом диадему, а с левой стороны (справа от “зрителя”) – мужская фигура с метелочкой в вытянутой руке. Этот сюжет дополняют танцующие девушки. Головной убор царя, полусферической формы кулах с изображением полумесяца в центральной части, обрамлен по нижнему краю пояском с жемчугом. Сверху он украшен размещенными на стержне полумесяцем с обращенными вверх концами и шаром/коримбос, все это поддерживают парные крылья.

На блюде из коллекции Эрмитажа (инв. № S-216), найденном в 1936 г. близ д. Аниковская в Пермской обл., изображена сцена охоты Пероза I (459–483) на горных козлов. Головной убор царя (рис. 3, 2) состоит из полусферической формы кулаха, украшенного в центре полумесяцем, а по бокам изображениями ступенчатых крепостных зубцов и обрамленного пояском с жемчугом по нижнему краю. Сверху он оформлен поддержанным парными крыльями стержнем, на котором размещен полумесяц с обращенными вверх концами и шар/коримбос (Тревер, 1937а. С. 6, 7. Рис. II; Dimand, 1941. P. 195. Fig. 2; Peck, 1969. P. 110. Fig. 10).

В нумизматическом материале сформировавшийся вариант изображения парных крыльев можно видеть в коронах правителей вместе с символами солнца и луны (рис. 4) на монетах Бахрама IV (388–399), Пероза I (459–484), Хормизда IV (579–590), Хосрова II (590–628), его дочерей Борандохт (629–630) и Азармедохт (630–631), визиря Хурхан Шахрвараза (629–630) и последнего шаханшаха Йаздигерда III (632–651) (Valentine, 1921. P. 41–66; Göbl, 1976. S. 7–14, Tabl. VIII–XIII; Цоцелия, 1981. С. 42–226; Schindel, 2013), что было подмечено еще

Рис. 2. Основные сюжеты сасанидских гемм с парными крыльями. 1 – нижнелубянская; 2 – инв. № 119992; 3 – инв. № 108880; 4 – инв. № 119976; 5 – инв. № 130689; 6 – из частной коллекции Р. Шмидта. 2–5 – из собрания Британского музея.

Э. Херцфельдом в начале XX в. при идентификации сасанидских царей по их коронам (*Representation...*, el. resource). Эта же традиция прослеживается и на кушанских подражаниях сасанидским монетам, и на арабо-сасанидских монетах (Дашков, 2008. С. 299, 300).

Мотив парных крыльев присутствует и на тканях сасанидского культурного круга. В Афинах хранится фрагмент настенного панно VI–VII вв. восточносредиземноморского происхождения. Изо-

бразительная сцена выполнена полихромными шерстяными нитками по полотняному плетению. Центральной фигурой сохранившейся части композиции (рис. 5) выступает всадник в характерном сасанидском костюме. За ним расположена пешая мужская фигура, держащая в руках штандарт в виде древка с 16-лучевой звездой в верхней части и парными крыльями в нижней – знаками шаханшахов (Compareti, 2007. P. 221, 222).

1

2

Рис. 3. Фрагменты изображений на металлической посуде головных уборов сасанидских царей. 1 – блюдо из музея Уолтерса в Балтиморе (инв. № 57.625); 2 – блюдо из Гос. Эрмитажа (инв. № S-216).

В группе монументальных скульптурных изображений в большом айване Так-и Бустана в качестве центрального сюжета предстает инвеститурная сцена правителя, которым по разным версиям мог быть или Пероз I (457–484), или Хосров II (590–628), или Ардашир III (628–630) (Tanabe, 2003). Царя венчают на царствование Ормузд и Анахита. Головной убор правителя состоит из полусферической шапочки, украшенной по нижнему краю двумя рядами жемчуга, а в центральной части кулаха с лицевой стороны полумесяцем. По бокам разместились парные крылья, которые охватывают полумесяц и шар/коримбос. Недалеко от центрального грота найдена капитель с изображением шаханшаха, корону которого также украшают парные крылья, полумесяц с обращенными вверх концами и шар/коримбос (Compareti, 2007. Fig. 16).

Изображения парных крыльев присутствуют на сасанидских штуктовых декоративных плитках IV–VII вв., оформлявших дворцы и дома знатных персон. Они вместе с монограммой *farreh-afzun* размещены на облицовочной плите (рис. 6, 1),

1

2

3

Рис. 4. Сасанидские и арабо-сасанидская монеты с изображением парных крыльев в коронах царей. 1 – драхма Хосрова II 617/618 г.; 2 – драхма Хомазда VI 632 г.; 3 – арабо-сасанидская полудрахма Умар ибн аль-Ала 775 г. (Beast Coins, el. resource).

найденной в доме VI–VII вв. Умм аз-За'атир в окрестностях Ктесифона. Такие же парные крылья – и на найденной во дворце в Кише плите с изображением головы козла (рис. 6, 2) (Soudavar, 2003. P. 151. Fig. 20, 21; Mousavi Haji, Chehri, 2013). Парные крылья встречаются в декоре армянских и грузинских церквей V–VII вв. (Микаелян, 2012. С. 28; Rapp Jr, 2014) и рассматриваются как влияние не только сасанидских традиций, но даже как отголосок урартских воззрений (Russell, 1987. P. 33, 212). В качестве реликта они фигурируют и в декоре исламских и христианских архитектурных памятников постсасанидского времени (Shokoohy, 1994; Compareti, 2011. P. 27).

Традиционно считается, что изображение парных крыльев символизирует древнеиранского бога

Рис. 5. Фрагмент шерстяной ткани с изображением сасанидского штандарта из Музея Бенаки в Афинах (инв. № 7001).

1

2

Рис. 6. Сасанидские штукатурные панели с изображением парных крыльев. 1 – облицовочная плита из окрестностей Ктесифона (Музей исламского искусства в Берлине, инв. № KtO 1084); 2 – панель из дворца в Кише (Полевой музей естественной истории в Чикаго, инв. № 448763).

победы (Борисов, Луконин, 1963. С. 18, 34, 35; Луконин, 1969. С. 96, 97; Soudavar, 2009. P. 425; Дмитриев, 2012. С. 144–150). Яшт 14 Авесты (Бахрам-яшт) помогает понять отношение зороастрийцев к оперенью птиц, определить их семантику и место в религиозной символической системе (Khordeh Avestā, 2013. P. 268–275). Он посвящен богу войны и победы (Веретрагна, Вэртрагна, Бахрам) в иранской мифологии (Чунакова, 2004. С. 60, 61), который мог перевоплощаться в бурю, быка, солнечного жеребца, вепря, овна, козерога, юношу, воина с золотым мечом и в птицу:

“34. Помолитесь Вэртрагне, Созданию Ахуры. Спросил Ахура-Мазду Спитама-Заратуштра: “Скажи мне, Дух Святейший, Создатель жизни плотской, Коль буду заколдован Заключением враждебным, То как могу спастись?”

35. Сказал Ахура-Мазда: “Возьми перо, Спитама, Ширококрылой птицы, Перо от птицы Варагн И, проведя по телу, Пером заключенье снимешь Ты своего врага.

36. Дают нам благо перья И кости сильной птицы, Могучей птицы Варагн. Никто того не может Сразить, повергнуть в бегство, Кому дает удачу, Кому дает поддержку, Перо той птицы птиц.

37. Его убить не может Тиран или убийца, Никто убить не может Владетеля пера – Один он всех сразит!”

38. Пусть все меня боятся Владетеля пера, Пусть все враги боятся, Все недруги боятся Той силы и победы, Что я с собой ношу” (Авеста, 1993. С. 191, 192).

Исследователями этой темы высказаны предположения, что изображение парных крыльев в сасанидском искусстве символизирует не только Вэртрагна, но и *farr* – х^вагənah. А. Саудававар обращает внимание на то, что на штуковой панели из Ктесифона с изображением парных крыльев размещена монограмма, симметрично сбалансированная композиционно, где каждая буква имела свой дубль в зеркальном отображении (рис. 6, 1). Дж. де-Минаси переводит ее как *farreh-afzun* – пожелание удачи, сияющего света, долголетия, возрастающей славы (Soudavar, 2003. P. 16–21). Расширяя список символов х^вагənah, А. Саудававар включает в него изображения козла, опоясывающие и развивающиеся ленты головного убора, сияющий диск, излучающие кольца, парные крылья, гранат, подсолнечник, лотос и жемчуг (Soudavar, 2009). Иных взглядов придерживается М.А. Шенкар, который считает, что доподлинным образом х^вагənah в искусстве иранцев являются только птица, огонь и баран. Образ несущей х^вагənah птицы, по его мнению,

доказан изображением кушанского Фарро с идентификационной надписью на монетах Хувишки (Шенкар, 2013). У современных сторонников зороастризма в Индии изображения крыльев без торса выступают в качестве символа победы, удачи, благополучия и божественного покровительства (Mistree, 2008. P. 2).

Мотив трех цветков (или трех листьев на одном стебле также хорошо известен в сасанидской глиптике (Debevoise, 1934; Göbl, 1973. S. 13, 14, 54. Taf. 32), но он еще не нашел достаточно убедительной интерпретации. В этом вопросе преобладает “ботанический” подход, когда каждый исследователь выражает свое видение сходства изображений на геммах с тем или иным знакомым ему растением, основанное на субъективных визуальных наблюдениях. В.Г. Луконин называл его тюльпановидным цветком (Борисов, Луконин, 1963. С.164–168). Р. Фрай полагал, что это растение больше походит на гранат, который, по его мнению, чаще изображался на сасанидских печатях, чем какие-то иные. В этом его поддерживают К. Кодзи, А.М. Майер и другие исследователи (Fry, 1973. P. 80; Koji, 1976. P. 205; Maier, 2000. P. 170). Разные варианты идентификации изображений растений в сасанидской глиптике предлагает Дж. Бранер – розы, тюльпаны, гранаты, трилистники, финиковые пальмы (Brunner, 1978. P. 50, 93, 115–119). К. Абдулаев высказывается в пользу отождествлений некоторых изображений с опиумным маком (2009. С. 31–47). Более осторожно подходит к этому вопросу Г. Азарпэй, который считает, что мотивы растений в сасанидском искусстве – это аллегорическая тема (Azarpay, 2002. P. 1–41).

Взаимосвязь цветов и амахрапандов – бессмертных святых зороастрийского пантеона – раскрывается в пехлевийском сочинении Бундахишн (Зороастрийские, 1997. С. 304, 305). Ни тюльпан, ни гранат, ни опиумный мак, ни финиковая пальма, с которыми связывают изображения цветов на геммах, не упомянуты в списке цветов амахрапандов, но там фигурируют лилия – цветок Хордад, отождествляемый с гармалой (Flattary, Schwartz, 1989. P. 1, 2), хом – цветок Аштад и принадлежащий Абану/Анахит лотос (Gholinejad, Zand, 2014). На территории Ирана произрастает несколько видов дикорастущих лилий: лилия Ледебура, лилия Кессельринга, лилия Шовица и др. (Флора..., 1935. С. 282–295). На Ближнем Востоке находится и область происхождения дикорастущей чисто-белой лилии (Сирия, Палестина, горные районы Ливана). Все эти цветы с древнейших времен использовались населением региона Средиземноморья и Малой Азии в религиозных церемониях и в лечебных

целях (Kandeler, Ullrich, 2009). Многие известные виды дикорастущих тюльпанов (семейство лилейных) также связаны с этим регионом (Флора..., 1935. С. 282–295), а практика их использования в ритуальных обрядах сохраняется в Средней Азии и в наши дни (Крюкова, 2008). Изображения Хордад, Абана и Аштад с цветами мне не известны, поэтому комментировать попытки их отождествления с лилией не представляется возможным. Однако если строго руководствоваться “ботаническим” подходом к анализу известных изображений цветов в руках Анахиты, то станет очевидно, что они совершенно не соответствуют специфическим характеристикам лотоса.

Трудно назвать лотосом цветок в руках Анахиты, изображенной на печатях (№ 19366, 119358) из Британского музея, у которого явно выраженные ланцетовидные листья (Soudavar, 2003. Fig. 51, 73). На серебряном с позолотой кувшине из коллекции Музея искусств в Кливленде Анахита держит в одной руке подсолнух, а в другой цветок с фигурными листьями, форма которых далека от формы листьев лотоса. Нет ничего общего с лотосом у цветущего растения в руках Анахиты на серебряном с позолотой сосуде из коллекции Лувра (Faridnejad, 2015. P. 26–29. Fig. 4). Изображение Анахиты с цветком размещено на серебряном с позолотой кувшине из собрания Музея искусств Метрополитен (Инв. № 67.10a, b), но и у этого цветка нет сходства ни с одним из четырех известных видов лотоса (включая Каспийский лотос), у которых не ланцетовидные листья, а округлые плоские или воронкообразные (Пилипенко, 2012). Наконец, на плите, найденной при исследовании парфяно-сасанидского города Рамаванд в Луристане, выбито изображение Анахиты, держащей в руке стебель с отходящими от него тремя цветками. Их характеристики также не соответствуют лотосу, у которого на цветоножке только один цветок (Жизнь..., 1980. С. 192). Все это вызывает сомнение в оправданности “ботанического” подхода к интерпретации цветов в руках персонажей зороастрийского пантеона.

Исследование семантики подобных изображительных мотивов, вероятно, следует вести в ином направлении. Обращает на себя внимание информация пехлевийских сочинений Бундахишн и Дадестан-и меног-и хард: “Гнездо Сенмурва (находится) на всеисцеляющем дереве со многими семенами, и всегда, когда (Сенмурв) поднимается, тысяча ветвей вырастает из этого дерева, а когда он садится, то ломает тысячу ветвей и раскидывает его семена. А птица Чинамрош всегда сидит рядом, и ее задача в том, чтобы разносить семена этого всеисцеляющего дерева со многими семенами”

(Зороастрийские..., 1997. С. 120, 302, 303). В этом повествовании отражена мифологическая картина вселенной, в представлении последователей зороастризма, согласно которой “ось мира” обозначена всеисцеляющим деревом всех семян, выросшем в середине моря Фрахвард (Чунакова, 2004. С. 57–59). Его функция заключается в репродукции семян всех растений, распространение которых возложено на птицу Чинамрош, а охрану дерева осуществляет птица-собака Сенмурв. Трансформированный отголосок зороастрийской картины вселенной сохранился у йезидов Армении, Турции и Ирака в космогоническом мифе о мировой оси – растущем в центре океана вечном дереве, на котором сидит белая птица Свет (Омархали, 2010). Религиозный сюжет о всеисцеляющем дереве в разных вариантах художественной композиции был популярен в сасанидско-согдийском искусстве и вызвал многочисленные византийские и китайские подражания.

В коллекции Эрмитажа хранится серебряный с позолотой кувшин, найденный в 1823 г. близ с. Павловки в Харьковской губернии (Смирнов, 1909. Табл. XLIX, 83), на котором в двух овалах размещены изображения птицы-собаки Сенмурв, а между ними – стилизованное дерево с многочисленными цветками, которое отождествляется с деревом жизни (Орбели, Тревер, 1935. Табл. 48; Чунакова, 2004. С. 97. Рис. 4). Образ Сенмурва и дерева жизни на этом кувшине неоднократно рассматривался (Тревер, 1937б. С. 42–44; Рыбаков, 1967), но для темы настоящего исследования важно обратить внимание на то, что на дереве всех семян размещены тюльпановидные чашечки цветков, очертания которых аналогичны абрису изображения цветков на нижнелубянской гемме.

На выставке *Feast Your Eyes: A Taste for Luxury in Ancient Iran*, организованной Национальным музеем искусства Азии Смитсоновского института, экспонировалось сасанидское серебряное с позолотой блюдо VII в. На нем изображена пара крылатых, пасущихся, зеркально расположенных друг к другу коней, симметрично расположившихся по бокам дерева всех семян (рис. 7, 1). Край блюда окаймляет виноградная лоза. Особый интерес представляет стиль передачи изображения дерева. Здесь представлен не только тот же мотив, что и на нижнелубянской гемме: на центральном стебле растения расположены три цветка, но и тот же изобразительный прием – чашечки цветков на вершине дерева переданы тюльпанообразной формой. Особенность манеры изображения состоит в том, что контуры чашечки цветков переданы линией подковообразной формы, в которую помещен ланцетовидный листок (Photostream, el. resource). Подобный прием

1

2

3

Рис. 7. Фрагменты изображений дерева всех семян на металлической посуде из коллекции Национального музея искусства Азии Смитсоновского института.

характерен и для растительных мотивов в рассматриваемой композиционной схеме, размещенной на некоторых сасанидских геммах (Британский музей, инв. № 119627).

В Национальном музее искусства Азии Смитсоновского института хранится серебряное сасанидское блюдо (инв. № S1987.124) с изображением всеисцеляющего дерева, у основания которого, опирающегося на стилизованное изображение парных крыльев, симметрично, в зеркальном отображении размещены два олицетворяющих Бахрама козлика (рис. 7, 3). Ветви покрыты разнообразными по форме листьями, цветами и плодами, что убеждает в том, что здесь изображено именно дерево всех семян. На ветвях сидят птицы Чинамрош, которые призваны собирать семена и разносить их по миру (рис. 7, 2). Важная стилистическая особенность этой композиции – количество и форма цветков на вершине дерева: от центрального стебля отходят три цветоножки, заканчивающиеся цветами тюльпановидной формы, такой же, как и на нижнелубянской гемме.

Этот же сюжет раскрыт и на датированной IV в. халцедоновой гемме из коллекции сасанидских печатей Британского музея, на которой изображены два имеющих божественное происхождение козлика в симметрично-зеркальном отображении под деревом всех семян (рис. 2, 5). Его вершина украшена тюльпановидным цветком, похожим по форме изображения на цветы нижнелубянской геммы. Ветви дерева напоминают финиковую пальму. С правой стороны печати (слева от “зрителя”) расположена звезда, а под деревом полумесяц. Слева (справа от “зрителя”) по краю проходит пехлевийская надпись “Упование на богов” (Bivar, 1969. P1. 17). Стилистически близкий нижнелубянской, символизирующий дерево всех семян тюльпановидный цветок размещен между рогами протомы козла или барана, на другой сасанидской гемме (рис. 2, 6). Чашечка цветка передана линией подковообразной формы, в которую помещен ланцетовидный листок. Она напоминает изображение цветков дерева жизни на упомянутом выше блюде из Национального музея искусства Азии Смитсоновского института.

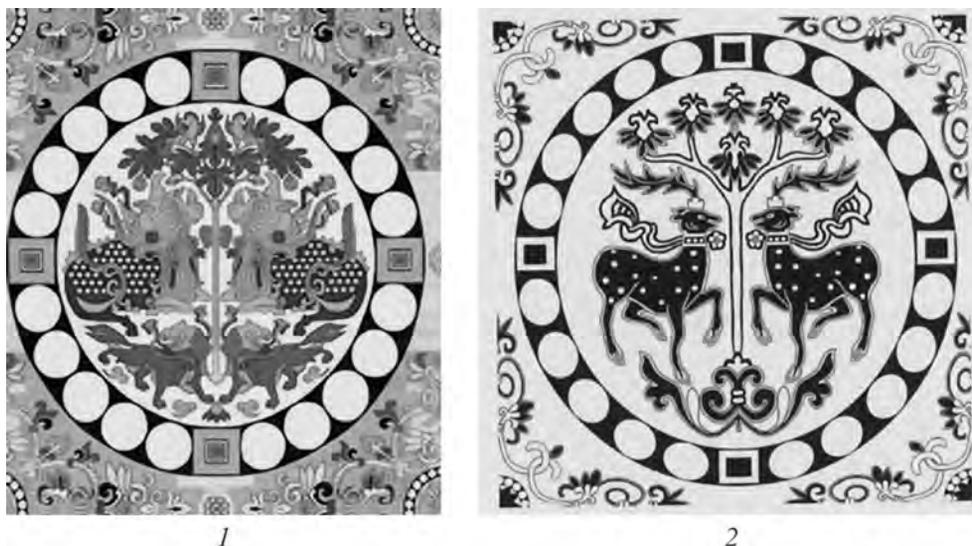

Рис. 8. Рисунки на шелковых тканях с изображением дерева всех семян. 1 – ткань из коллекции императорских драгоценностей Сесо-ин в Напе; 2 – ткань из коллекции Китайского национального музея шелка в Ханчжоу.

Отдельные элементы мифологической картины вселенной в представлении зороастрийцев, ее полная композиционная схема или основной сюжет с дополнительными мотивами прослеживаются на тканях сасанидского-согдийского круга и на подражаниях им. В качестве еще одного примера изображения отдельного мотива дерева всех семян на сасанидско-согдийских тканях без дополнительных, сопутствующих композиционных элементов можно привести шелковую ткань из раскопок М.А. Стейна. В 1906–1908 и 1913–1916 гг. он проводил исследования археологических памятников в Восточном Туркестане. В одном из погребений могильника близ Астаны был найден фрагмент ткани, предположительно согдийского происхождения, на котором в жемчужном медальоне размещено изображение дерева всех семян. От центрального ствола отходят вверх три цветоножки, заканчивающиеся, как и на нижнелубянской гемме, тюльпановидными цветками: одним большим и двумя маленькими (Stein, 1928. Pl. LXXX; Ackerman, 1938. Fig. 247). Две ветви отходят от ствола вниз, на них размещены разнообразные по форме листья и плоды, что призвано подчеркнуть смысловую нагрузку изображения этого растения именно как дерева всех семян зороастрийской мифологии.

Несколько более полную композицию рассказа о дереве жизни и птице-собаке Сенмурв можно увидеть на фрагменте датированной VII–VIII вв. шелковой ткани иранского или центральноазиатского происхождения, хранящемся в музее Виктории и Альберта (инв. № 8579-1863). Доминанта изображения – птица-собака Сенмурв, размещенная в

медальоне, обрамленном жемчужным орнаментом, но слева от ее головы располагаются напоминающие о дереве всех семян три небольших тюльпановидных цветка на одном стебле, сходные с изображением стебля с тремя цветками на нижнелубянской гемме (Woven silk, el. resource).

Наконец, в расширенном виде этот рассказ отображен на имеющем сасанидско-согдийские корни композиционной схеме фрагменте шелка из коллекции императорских драгоценностей Сесо-ин при храме Тодай-дзи в Напе (Meister, 1970. Fig. 43). В его центральной части расположен обрамленный жемчужинами медальон с деревом всех семян, которое охраняют две птицы-собаки Сенмурв, размещенные в симметрично-зеркальном отображении (рис. 8, 1). У основания дерева также в симметрично-зеркальном отображении помещены два хищника, чей абрис напоминает конфигурацию парных крыльев. На ветвях сидят птицы Чинамрош (Silk..., el. resource).

В Китайском национальном музее шелка хранятся фрагменты шелковой ткани эпохи династии Тан (618–907), найденные Центрально-Азиатской экспедицией К. Отани в Турфане. Установлено, что эта ткань является китайской репликой сасанидских или согдийских образцов (Samite..., el. resource). Представленная композиционная схема трансформирована и отличается от канонической версии – исчез мотив птицы-собаки Сенмурв, но появились другие фигуранты. Рисунок на ткани состоит из жемчужного медальона, посередине которого находится дерево всех семян, по бокам – два оленя в симметрично-зеркальном отображении с

коронами на голове, жемчужными ошейниками и с развевающимися лентами, подчеркивающими их божественное происхождение (рис. 8, 2). На ветвях дерева сидят птички Чинамош, а ствол опирается на стилизованные растительным орнаментом парные крылья, которые по манере изображения перекликаются со стилизованными парными крыльями на гемме из коллекции Британского музея (инв. № 128997), композиционно близкой к нижнелубянской.

Таким образом, есть основания полагать, что иконография халцедоновой печати из Нижнелубянского катакомбного могильника VIII–IX вв. салтово-маяцкой культуры, состоящая из мотива растения с тремя цветками и мотива парных крыльев, отражает распространенную в сасанидском искусстве зороастрийскую идею оси мира, обозначенной деревом жизни, которое опирается на парные крылья – символ победы, удачи, благополучия и божественного покровительства. Изображение божественного дерева в виде трех ветвей и трех цветков, вероятно, также наполнено религиозным содержанием. Число “3” постоянно фигурирует в зороастрийском мифопоэтическом мире: три прочитанные молитвы ахунавар, три шага грешников, три дня и три ночи в аду, три сына и три дочери Заратуштры, морально-этическая триада и др. (Чунакова, 2004. С. 13, 14, 36, 40, 115, 221). Следует согласиться с Г. Азарпэем, Р. Холинеджадом и А. Зандом в том, что сасанидские декоративные растительные мотивы нужно рассматривать как метафоры переданных в изобразительной форме древних иранских и зороастрийских социальных и религиозных идей (Azarpay, 2002. P. 33; Gholinejad, Zand, 2014). Все изложенное выше позволяет поддержать вывод Г. Неймана о том, что подобные изображения на геммах были защитным символом обладателя печати (Neumann, 2008. S. 340). С этой гипотезой хорошо согласуются геммы с изображением парных крыльев и монограммой *farreh-afzun*, хранящиеся в Музее изящных искусств в Бостоне (инв. № 65. 190), в музее Метрополитен (инв. № 86.11.45), в Эрмитаже (Борисов, Луконин, 1963. С. 109), в Британском музее (инв. № 119976), и ряд других печатей.

В какой степени зороастрийские воззрения были понятны и востребованы представителями донских или северокавказских алан, сказать с определенностью пока трудно. Высказаны предположения, что символика изображений на геммах, найденных на территории Северного Кавказа, была близка местному населению (Малахов, 1988; Прокопенко, 2009). Известны печати, указывающие на принадлежность их владельцев к аланскому этносу. Одна из них содержала надпись “Асай, аланский принц”

(Lerner, 2005), а другая – “Бакур – алан” (Перевалов, 2013). Идея фарна прослежена Б.А. Литвинским у сармат Северного Причерноморья, а Р.Р. Рудницкий предпринял попытку отыскать в раннесредневековой культуре населения Северного Кавказа следы зороастризма, якобы принесенного туда согдийцами во время сложения северокавказского отрезка Великого шелкового пути (Литвинский, 1968. С. 59–74; Рудницкий, 2001). Однако исследования В.И. Абаева показали, что по крайней мере в осетинском языке, фольклоре и этнографии не сохранилось никаких отголосков зороастризма (Абаев, 1990. С. 43).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* Скифский быт и реформа Зороастра // Избранные труды. Владикавказ: Ир, 1990. С. 9–51.
- Абдулаев К.* Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд: Международный ин-т центральноазиатских исследований, 2009. 120 с.
- Авеста: Избранные гимны. Из Видевдата / Пер. с авест. И.М. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов, 1993. 208 с.*
- Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. Социальные структуры алано-асо-бургасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
- Борисов А.Я., Луконин В.Г.* Сасанидские геммы. Л.: Изд-во ГЭ, 1963. 222 с.
- Дашков С.Б.* Цари царей Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М.: СМИА-АЗИЯ, 2008. 352 с.
- Дмитриев В.А.* Рога барана и крылья сокола: к вопросу о религиозной символике в оформлении царских корон Сасанидов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1 (35). С. 144–152.
- Жизнь растений: в 6 т. / Гл. ред. А.А. Федоров. Т. 5: Цветковые растения. М.: Просвещение, 1980. 428 с.*
- Зороастрийские тексты. Суждение Духа Разума. Бундахшн и другие тексты / Пер. и коммент. О.М. Чунаковой. М.: Вост. литература, 1997. 352 с.*
- Коробов Д.С.* Новый комплекс из могильника Мокрая Балка I // Древности Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 1999. С. 161–168.
- Крюкова В.Ю.* Тюльпаны и богини // Рахмат-наме: сб. ст. к 70-летию Р.Р. Рахимова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 152–183.
- Леммлейн Г.Г.* Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИА. 1947. Вып. XVIII. С. 22–30.
- Литвинский Б.А.* Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 120 с.
- Луконин В.Г.* Культура сасанидского Ирана. Иран в III–IV вв. Очерки по истории культуры. М.: Наука, 1969. 240 с.

- Малахов С.Н.* К истории алано-иранских этнокультурных контактов в раннем средневековье (сасанидская гемма из ст. Алексеевской Краснодарского края) // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо-Осетинский НИИ истории, филологии и экономики, 1988. С. 43–50.
- Микаелян Л.Ш.* Некоторые композиционные схемы и иконографические мотивы в раннехристианской скульптуре Армении в свете сасанидских влияний // Актуальные проблемы теории и истории искусства: тез. докл. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 28.
- Омархали (Усоян) Х.Р.* Йезидские космогонические мифы. К вопросу сравнительного анализа йезидизма, ахл-и-хакк и зороастризма // Религиоведение. Вып. 4. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. С. 105–119.
- Орбели И.А., Тревер К.В.* Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л.: Academia, 1935. 86 с.
- Перевалов С.М.* Древнейшая аланская надпись: проблемы чтения и интерпретации // Мат-лы междунар. научного конгресса “Этногенез и этническая история осетин”. Владикавказ: Ир, 2013. С. 173–179.
- Пилипенко С.В.* Эколого-ботаническая характеристика Лотоса каспийского и технология его возделывания в условиях Астраханской области: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2012. 18 с.
- Прокопенко Ю.А.* Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь: Графа, 2009. С. 39–60.
- Рудницкий Р.Р.* О зороастризме у алан // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир, 2001. С. 75–86.
- Рыбаков Б.А.* Русалии и бог Симаргл-Перефлут // СА. 1967. № 2. С. 91–116.
- Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб.: Имп. Археол. Комиссия, 1909. 18 с., 130 табл.
- Тревер К.В.* Новые Сасанидские блюда Эрмитажа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937а. 43 с.
- Тревер К.В.* Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л.: ГЭ, 1937б. 74 с.
- Флора СССР: в 30 т. / Гл. ред. В.Л. Комаров. Т. 4 / Сост. А.И. Введенский [и др.]. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 760 с.
- Цоцелия М.В.* Каталог сасанидских монет Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1981. 274 с.
- Чунакова О.М.* Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: Вост. литература, 2004. 286 с.
- Шенкарь М.А.* Об иконографии хварənah и его роли в идеологии древних иранцев // Последний энциклопедист: К юбилею Б.А. Литвинского. М.: ИВ РАН, 2013. С. 427–451.
- Ackerman Ph.* Textiles through the Sāsānian Period // A Survey of Persian Art. V. II. L.; N. Y., 1938. P. 681–715.
- Azarpay G.* Sasanian Seals from the Collection of the Edward Gans, at the University of California. Berkely, 2002. [Electronic resource]. URL: <http://www.ecai.org/sasanianweb/docs/sasanianseals.html>. Date of the application: 31.08.2015.
- Beast Coins [Electronic resource]. URL: <http://www.beast-coins.com>. Date of the application: 31.08.2015.
- Bivar A.D.* Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamp Seals II: The Sassanian Dynasty. L.: The British Museum, 1969. 148 p.
- Brunner C.J.* Sasanian Stamp Seal in the Metropolitan Museum of Art. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1978. 149 p.
- Compareti M.* The Eight Pointed Rosette: A Possible Important Emblem in Sasanian Heraldry // Parthica. Incontri di Culture nel Mondo Antico. 2007. № 9. P. 205–229.
- Compareti M.* State Research on Sasanian Painting [Electronic resource] // e-Sasanica. 2011. 8. URL: <http://www.sasanika.org/wp-content/uploads/e-sasanika8-Compareti.pdf>. Date of the application: 31.08.2015.
- Debevoise N.C.* The Essential Characteristics of Parthian and Sasanian Glyptic Art // Berytus. V. 1. 1934. P. 12–18.
- Dimand M.S.* A review of Sasanian and Islamic Metalwork // A Survey of Persian Art. V. VIII: Ars Islamica. N. Y.: Univ. of Michigan Press, 1941. 214 p.
- Farridnejad S.* The Iconography of Zoroastrian Angelology in Sasanian Art and Architecture // Spirits in Transcultural Skies. Auspicious and Protective Spirits in Artefacts and Architecture Between East and West. Heidelberg: Springer, 2015. P. 19–41.
- Flattary D.S., Schwartz M.* Haoma and Harmaline. The Botanical Identity of the Indo-Iranian Sacred Hallucination “Soma” and its Legacy in Religion, Language, and Middle Eastern Folklore. Near Eastern Studies. V. 21. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1989. 211 p.
- Fry R.N.* Sasanian Remains from Qasr-i-Abu Nasr. Seals, Sealing and Coins. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1973 (Harvard Iranian Series; № 1). 133 p.
- Ghirshman R.* Persian Art. The Parthian and Sassanian Dynasties. N. Y.: Golden Press, 1962. 401 p.
- Gholinejad R., Zand A.J.* Vegetarian Symbols on Sassanid Capital Platforms of Taghebostan // Intern. J. of Current Life Sciences. 2014. V. 4, issue 9. P. 107–111.
- Göbl R.* Der Sāsānidische Siegelkanon. Handbücher der Mittelasiatichen Numismatik. Bd. IV. Braunschweig: Klinkhard und Biermann, 1973. 72 S., 42 Taf.
- Göbl R.* Sasanian Numismatics. Manuals of Middle Asian Numismatics. Braunschweig: Klinkhard and Biermann, 1976. 97 p., 16 pl., XVI tab.
- Harper P.O.* Silver Vessels of the Sasanian Period. V. 1: Royal Imagery. N. Y.: Metropolitan Museum of Art: Princeton Univ. Press, 1981. 256 p.
- Kandeler R., Ullrich W.R.* Symbolism of plants: examples from European-Mediterranean culture presented with biology and history of art // J. of Experimental Botany. 2009. V. 60, no. 7. P. 1893–1895.

- Khordeh Avestā / Transl. into English with copious explanatory notes by prof. E. Maneck Furdoonji Kanga M.A. Bombay: The Trustees of the Parsi Panchayat Funds and Properties, 2013. 348 p.
- Koji K. Iranian Field Notes 1. On Sasanian Seals // J. of Asian and African Studies. 1976. № 12. P. 192–214.
- Lerner J. An Alan Seal // Iranian and Zoroastrian Studies in Honor of Profs. Skjærvø. 2009 (Bulletin of the Asia Institute; V. 19/2005). Bloomfield Hills: Bulletin of the Asia Institute. P. 83–89.
- Maier A.M. Sasanica Varia Palaestiniensia: A Sasanian Seal from T. Istaba, Israel, and other Sasanian Objects from the Southern Levant // Iranica Antiqua. 2000. V. XXXV. P. 159–183.
- Meister M. The Pearl Roundel in Chinese Textile Design // Ars Orientalis. 1970. V. 8. P. 255–267.
- Mistree F.P. Birds, Animals and Symbols in Zoroastrianism [Electronic resource] // Zoroastrian studies. Mumbai, 2008. (URL: <https://zoroastriansnet.files.wordpress.com/2008/11/birds-animals-and-symbols-in-zoroastrianism.pdf>). Date of the application: 31.08.2015.
- Mousavi Haji S.R., Chehri M.E. Animal Figures of Sasanian Stucco in TepeHissar // J. of Agriculture and Environmental Sciences. December 2013. V. 2, no. 2. P. 32–45.
- Neumann G. Sasanidische Stempelsiegelaus dem Archäologischen Museum der Westfälischen Wilhelms-Universität, Münster // Altorientalische Forschungen. 2008. V. 35, № 2. S. 337–347.
- Peck E.H. The Representation of Costumes in the Reliefs of Taq-i-Bustan // Artibus Asiae. 1969. V. 31, no. 2/3. P. 101–123.
- Photostream [Electronic resource]. URL: <http://www.flickr.com/photos/jfholloway/6879652630/>. Date of the application: 31.08.2015.
- Plants/Natural Objects [Electronic resource]. URL: http://www.sigilla.at/HtmlEn/main_detail_0415_a.html. Date of the application: 31.08.2015.
- Rapp Jr S.H. The Sasanian World through Georgian Eyes. Farnham; Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. 513 p.
- Representation of Crowns Identifying through their Forms Sasanian Kings [drawing] [Electronic resource]. URL: <http://collections.si.edu/search/results.htm?view=&dsort=&date.slider=&q=Freer%2C+FSA.+A.6+05.0966>. Date of the application: 31.08.2015.
- Russell J.R. Zoroastrianism in Armenia. London; Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1987 (Harvard Iranian Series; V. 5). 578 p.
- Samite with Confronted Deer in Pearl Roundel [Electronic resource]. URL: http://en.chinasilkmuseum.com/collections/detail_481.html. Date of the application: 31.08.2015.
- Silk cocoon Reproduced Silk Fabrics of Shoso-in Repository Ancient Fabrics [Electronic resource]. URL: http://www.alibaba.com/product-detail/silk-cocoon-Reproduced-Silk-Fabrics-of_136709909.html. Date of the application: 31.08.2015.
- Schindel N. Sasanian Coinage // The Oxford Handbook of Ancient Iran. Oxford, 2013. P. 814–840.
- Shokoohy M. Sasanian Royal Emblems and their Reemergence in the Fourteenth-Century Deccan // Muqarnas An Annual on Islamic Art and Architecture. V. XI. Leiden: E.J. Brill, 1994. P. 65–78.
- Soudavar A. The Aura of Kings. Legitimacy and Divine Sanction in Iranian Kingship. California: Mazda Publishers, Inc. Costa Mesa. 2003 (Bibliotheca Iranica. Intellectual Traditions Series; № 10). 178 p.
- Soudavar A. The Vocabulary and Syntax of Iconography in Sasanian Iran // Iranica Antiqua. 2009. V. XLIV. P. 417–459.
- Stein A. Innermost Asia. V. 3. Oxford: The Clarendon Press, 1928. LXXX pl.
- Tanabe K. The Identification of the King of Kings in the upper register of the Larger Grotte, Taq-i-Bustan: Ardashir III Restated [Electronic resource] // Ērān ud Anērān Web-festschrift Marshak, 2003. URL: <http://www.transoxiana.org/Eran/>. Date of the application: 31.08.2015.
- Valentine W.A. Sassanian coins. L.: Spink and Son, 1921. 134 p.
- Woven silk [Electronic resource]. URL: <http://collections.vam.ac.uk/item/O84925/woven-silk-unknown>. Date of the application: 31.08.2015.

A SASANID IGEM FROM THE NIZHNELUBIANSKII CEMETERY

Gennadii E. Afanasjev

Institute of Archaeology RAS, Moscow
(gennady.afanasiev@mail.ru)

The author of the article presents the research of a Sasanid igem found in the Nizhnelubianskii cemetery of the Saltovo-Mayaki culture of the 8th–9th cc. The arrangement scheme consists of the motifs of the pair wings and a plant with three flowers. The author draws a conclusion that the Zoroastrian idea of the Axis mundi spread in the Sasanian art and marked by the all-seeds tree which is supported by the pair wings is a symbol of the victory, luck, wellness and divine protection.

Key words: the Sasanian dynasty, Iran, the bird Varagn, igem, the Alans, Zoroastrianism, the Saltovo-Mayaki culture, pair wings, the all-seeds tree, Khvarenah.

REFERENCES

- Abaev V.I.*, 1990. Skifskiy byt i reforma Zoroastra [Scythian lifestyle and the reform of Zoroaster]. *Izbrannye Trudy [Selected papers]*. Vladikavkaz: Ir, pp. 9–51.
- Abdulaev K.*, 2009. Kul't khaomy v drevney Tsentral'noy Azii [The cult of haoma in ancient Central Asia]. Samarkand: Mezhdunar. inst. tsentral'noaziatskikh issledovaniy. 120 p.
- Ackerman Ph.*, 1938. Textiles through the Sāsānian Period. *A Survey of Persian Art*, II. London; New York, pp. 681–715.
- Afanas'ev G.E.*, 1993. Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-aso-burtasskogo naseleniya basseyna Srednego Dona [Don Alans. Social structures of Alan-Asses-Burtas population of Middle Don basin]. Moscow: Nauka. 184 p.
- Avesta...*, 1993. Avesta: Izbrannye gimny. Iz Videvdata [Avesta: selected anthems/ From Videvdat]. I.M. Steblin-Kamenskiy, trans. Moscow: Druzhba narodov. 208 p.
- Azarpay G.*, 2002. Sasanian Seals from the Collection of the Edward Gans, at the University of California. Berkely. Electronic resource. URL: <http://www.ecai.org/sasanian-web/docs/sasanianseals.html>.
- Beast Coins. Electronic resource. URL: <http://www.beast-coins.com>.
- Bivar A.D.*, 1969. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamp Seals II. The Sassanian Dynasty. London: The British Museum. 148 p.
- Borisov A.Ya., Lukonin V.G.*, 1963. Sasanidskie gemmy [Sasanian cameo]. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha. 222 p.
- Brunner C.J.*, 1978. Sasanian Stamp Seal in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art. 149 p.
- Chunakova O.M.*, 2004. Pekhleviyskiy slovar' zoroastriyskikh terminov, mificheskikh personazhey i mifologicheskikh simbolov [Pahlavi dictionary of Zoroastrian notions, mythical characters and mythological symbols]. Moscow: Vost. literatura. 286 p.
- Compareti M.*, 2007. The Eight Pointed Rosette: A Possible Important Emblem in Sasanian Heraldry. *Parthica. Incontri di Culture nel Mondo Antico*, 9, pp. 205–229.
- Compareti M.*, 2011. State Research on Sasanian Painting. Electronic resource. *e-Sasanica*. 8. URL: <http://www.sasanika.org/wp-content/uploads/e-sasanika8-Compareti.pdf>.
- Dashkov S.B.*, 2008. Tsari tsarey Sasanidy. Iran III–VII vv. v legendakh, istoricheskikh khronikakh i sovremennykh issledovaniyakh [King of kings of the Sasanian dynasty. Iran 3rd–7th cc. in legends, historical chronicles and modern research papers]. Moscow: SMI-AZIYa. 352 p.
- Debevoise N.C.*, 1934. The Essential Characteristics of Parthian and Sasanian Glyptic Art. *Berytus*, 1, pp. 12–18.
- Dimand M.S.*, 1941. A review of Sasanian and Islamic Metalwork. *A Survey of Persian Art*, VIII. *Ars Islamica*. New York: Univ. of Michigan Press. 214 p.
- Dmitriev V.A.*, 2012. Roga barana i kryl'ya sokola: k voprosu o religioznoy simvolike v oformlenii tsarskikh koron Sasanidov [Horns of a buck and wings of a falcon: to the problem of religious symbolism in the decoration of king crowns of the Sasanian dynasty]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture]*, 1 (35), pp. 144–152.
- Farridnejad S.*, 2015. The Iconography of Zoroastrian Angelology in Sasanian Art and Architecture. *Spirits in Transcultural Skies. Auspicious and Protective Spirits in Artefacts and Architecture Between East and West*. Heidelberg: Springer, pp. 19–41.
- Flattary D.S., Schwartz M.*, 1989. Haoma and Harmaline. The Botanical Identity of the Indo-Iranian Sacred Hallucinogen “Soma” and its Legacy in Religion, Language, and Middle Eastern Folklore. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press. 211 p. (Near Eastern Studies, 21).
- Flora...*, 1935. Flora USSR: v 30 tomakh [Flora of the USSR: 30 volumes], 4. A.I. Vvedenskiy, comp. Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 760 p.
- Fry R.N.*, 1973. Sasanian Remains from Qasr-i-Abu Nasr. Seals, Sealing and Coins. Cambridge: Harvard Univ. Press. 133 p. (Harvard Iranian Series, 1).
- Ghirshman R.*, 1962. Persian Art. The Parthian and Sassanian Dynasties. New York: Golden Press. 401 p.
- Gholinejad R., Zand A.J.*, 2014. Vegetarian Symbols on Sasanid Capital Platforms of Taghebostan. *Intern. J. of Current Life Sciences*, vol. 4, issue 9, pp. 107–111.
- Göbl R.*, 1973. Der Sāsānidische Siegelkanon. Handbücher der Mittelasiatischen Numismatik, IV. Braunschweig: Klinkhard und Biermann. 72 p., 42 il.
- Göbl R.*, 1976. Sasanian Numismatics. Manuals of Middle Asian Numismatics. Braunschweig: Klinkhard and Biermann. 97 p., 16 pl., XVI tab.
- Harper P.O.*, 1981. Silver Vessels of the Sasanian Period, 1. Royal Imagery. New York: Metropolitan Museum of Art: Princeton Univ. Press. 256 p.
- Ierusalimskaya A.A.*, 1972. Novaya nakhodka tak nazyvaemogo sasanidskogo shelka s senmurvami [New find of so called Sasanian silk with Simurgh]. *Soobshcheniya Gos. Ermitazha [Reports of State Hermitage]*, XXXIV. Leningrad: Avrorra, pp. 11–15.
- Kandeler R., Ullrich W.R.*, 2009. Symbolism of plants: examples from European-Mediterranean culture presented with biology and history of art. *J. of Experimental Botany*, vol. 60, no. 7, pp. 1893–1895.
- Khordeh...*, 2013. Khordeh Avestā. E. Maneck Furdoonji Kanga M.A., ed., trans. Bombay: The Trustees of the Parsi Panchayat Funds and Properties. 348 p.
- Koji K.*, 1976. Iranian Field Notes 1. On Sasanian Seals. *J. of Asian and African Studies*, 12, pp. 192–214.

- Korobov D.S., 1999. Novyy kompleks iz mogil'nika Mokraya Balka I [New complex from the cemetery Mokraya Balka I]. *Drevnosti Severnogo Kavkaza [Antiquities of Northern Caucasus]*. Moscow: IA RAN, pp. 161–168.
- Kryukova V.Yu., 2008. Tyul'pany i bogini [Tulips and Goddesses]. *Rakhmat-name: sb. k 70-letiyu R.R. Rakhimova [Rakhmat-name: Collected papers to the 70th anniversary of R.R. Rakhimov]*. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 152–183.
- Lemmleyn G.G., 1947. Tekhnika sverleniya kamennykh bus iz raskopok na Kavkaze [The technique of drilling of stone bids from the excavation sites in the Northern Caucasus]. *KSIA [BSIA]*, XVIII, pp. 22–30.
- Lerner J., 2009. An Alan Seal. *Iranian and Zoroastrian Studies in Honor of Profs Oktor Skjærvø*. Bloomfield Hills, pp. 83–89. (Bull. of the Asia Inst., 19/2005).
- Litvinskiy B.A., 1968. Kangyuysko-sarmatskiy farn (k istoriko-kul'turnym svyazyam plemen yuzhnoy Rossii i Sredney Azii) [Kangju-Sarmat Khvarenah (to the historical and cultural connections of the tribes of the Southern Russia and Middle Asia)]. Dushanbe: Donish. 120 p.
- Lukonin V.G., 1969. Kul'tura sasanidskogo Irana. Iran v III–IV vv. Ocherki po istorii kul'tury [The culture of the Sasanian Iran. Iran in 3rd–4th cc. Essays on the history of culture]. Moscow: Nauka. 240 p.
- Maier A.M., 2000. Sasanica Varia Palaestiniensia: A Sasanian Seal from T. Ištaba, Israel, and other Sasanian Objects from the Southern Levant. *Iranica Antiqua*, XXXV, pp. 159–183.
- Malakhov S.N., 1988. K istorii alano-iranskikh etno-kul'turnykh kontaktov v rannem srednevekov'e (sasanidskaya gemma iz st. Alekseevskoy Krasnodarskogo kraya) [To the history of Alan-Iranian ethno cultural contacts in the early Middle Ages (Sasanian cameo from the Cossack village Alekseevskaya of the Krasnodar Region)]. *Metodika issledovaniya i interpretatsii arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza [Methodology of the research and interpretation of the archaeological materials of the Northern Caucasus]*. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy Nauchno-issledovatel'skiy institut istorii, filologii i ekonomiki, pp. 43–50.
- Meister M., 1970. The Pearl Roundel in Chinese Textile Design. *Ars Orientalis*, 8, pp. 255–267.
- Mikaelyan L.Sh., 2012. Nekotorye kompozitsionnye skhemy i ikonograficheskie motivy v rannekhristsianskoy skulpture Armenii v svete sasanidskikh vliyaniy [Some arrangement schemes and iconographical motifs in the early Christian sculpture of Armenia in relation to Sasanian influences]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: tezisy dokladov [Relevant problems of the theory and history of art: theses]*. St. Petersburg: Izd-vo SPb gos. univ., p. 28.
- Mistree F.P., 2008. Birds, Animals and Symbols in Zoroastrianism. Electronic resource. *Zoroastrian studies*. Mumbai. URL: <https://zoroastriansnet.files.wordpress.com/2008/11/birds-animals-and-symbols-in-zoroastrianism.pdf>.
- Mousavi Haji S.R., Chehri M.E., 2013. Animal Figures of Sasanian Stucco in TepeHissar. *Journal of Agriculture and Environmental Sciences*, vol. 2, no. 2, December, pp. 32–45.
- Neumann G., 2008. Sasanidische Stempelsiegel aus dem Archäologischen Museum der Westfälischen Wilhelms-Universität, Münster. *Altorientalische Forschungen*, vol. 35, no. 2, pp. 337–347.
- Omarkhali (Usoyan) Kh.R., 2010. Yezidskie kosmogonicheskie mify. K voprosu sravnitel'nogo analiza yezidizma, akhl-i-khakk i zoroastrizma [Yezidis cosmogonic myths. To the problem of the comparative analysis of Yezidism, Ahl-e Haqq and Zoroastrianism]. *Religiovedenie [Religious Studies]*, 4. Blagoveshchensk: Amur. gos. univ., pp. 105–119.
- Orbeli I.A., Trever K.V., 1935. Sasanidskiy metall. Khudozhestvennye predmety iz zolota, serebra i bronzy [Sasanian metal. Art objects of gold, silver and bronze]. Moscow; Leningrad: Academia. 86 p.
- Peck E.H., 1969. The Representation of Costumes in the Reliefs of Taq-i-Bustan. *Artibus Asiae*, vol. 31, no. 2/3, pp. 101–123.
- Perevalov S.M., 2013. Drevneyshaya alanskaya nadpis': problemy chteniya i interpretatsii [The most ancient Alan graffiti: problems of reading and interpretation]. *Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa "Etnogenez i etnicheskaya istoriya osetin" [Materials of the International scientific conference "Ethno genesis and ethnical history of the Ossetic]*. Vladikavkaz: Ir, pp. 173–179.
- Photostream. Electronic resource. URL: <http://www.flickr.com/photos/jfholloway/6879652630/>.
- Pilipenko S.V., 2012. Ekologo-botanicheskaya kharakteristika Lotosa kaspiskogo i tekhnologiya ego vozdel'yvaniya v usloviyakh Astrakhanskoy oblasti: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk [Ecological-botanical characteristic of the Lotus Caspian and the technology of its cultivation in the conditions of the Astrakhan Oblast: authors abstract... of the cand. of the Biological Science]. Astrakhan': Astrakhan. gos. univ.. 18 p.
- Plants/Natural Objects. Electronic resource. URL: http://www.sigilla.at/HtmlEn/main_detail_0415_a.html.
- Prokopenko Yu.A., 2009. Sasanidskie gemmy (i intalii) i podrazhaniya im iz pamyatnikov Severnogo Kavkaza [Sasanian cameo (and intaglio) and the their copycats from the sites of the Northern Caucasus]. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza [From the History of culture of the peoples of the Northern Caucasus]*, 1. Stavropol': Grafa, pp. 39–60.
- Rapp Jr S.H., 2014. The Sasanian World through Georgian Eyes. Farnham; Burlington: Ashgate Publishing Limited. 513 p.
- Representation of Crowns Identifying through their Forms Sasanian Kings [drawing]. Electronic resource. URL: <http://collections.si.edu/search/results.htm?view=&dsort=&date.slider=&q=Freer%2C+FSA.+A.6+05.0966>.

- Rudnitskiy R.R., 2001. O zoroastrizme u alan [On Zoroastrianism at the Alans]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh [Historical and archaeological almanac]*, 7. Armavir, pp. 75–86.
- Russell J.R., 1987. *Zoroastrianism in Armenia*. London; Cambridge (MA): Harvard Univ. Press. 578 p. (Harvard Iranian Series, 5).
- Rybakov B.A., 1967. Rusalii i bog Simargl-Pereplut [Rusalias and the God Semargl]. *SA [SA]*, 2, pp. 91–116.
- Samite with Confronted Deer in Pearl Roundel. Electronic resource. URL: http://en.chinasilkmuseum.com/collections/detail_481.html.
- Schindel N., 2013. Sasanian Coinage. *The Oxford Handbook of Ancient Iran*. Oxford, pp. 814–840.
- Shenkar' M.A., 2013. Ob ikonografii xvarənah i ego roli v ideologii drevnikh irantsev [On the iconography of xvarənah and its role in the ideology of the ancient Iranians]. *Posledniy entsiklopedist: K yubileyu B.A. Litvinskogo [The Last Encyclopaedist: To the anniversary of V.A. Litvinskiy]*. Moscow: IA RAN, pp. 427–451.
- Shokoohy M., 1994. Sasanian Royal Emblems and their Re-emergence in the Fourteenth-Century Deccan. *Muqarnas An Annual on Islamic Art and Architecture*, XI. Leiden: E.J. Brill, pp. 65–78.
- Silk cocoon Reproduced Silk Fabrics of Shoso-in Repository Ancient Fabrics. Electronic resource. URL: http://www.alibaba.com/product-detail/silk-cocoon-Reproduced-Silk-Fabrics-of_136709909.html.
- Smirnov Ya.I., 1909. *Vostochnoe serebro [Eastern silver]*. St. Petersburg: IAK. 18 p., 130 tabl.
- Soudavar A., 2003. *The Aura of Kings. Legitimacy and Divine Sanction in Iranian Kingship*. California: Mazda Publishers, Inc. Costa Mesa. 178 p. (Bibliotheca Iranica. Intellectual Traditions Series, 10).
- Soudavar A., 2009. The Vocabulary and Syntax of Iconography in Sasanian Iran. *Iranica Antiqua*, XLIV, pp. 417–459.
- Stein A., 1928. *Innermost Asia*, 3. Oxford: The Clarendon Press. LXXX pl.
- Tanabe K., 2003. The Identification of the King of Kings in the upper register of the Larger Grotte, Taq-iBustan: Ardashir III Restated. Electronic resource. *Ērān ud Anērān Webfestschrift Marshak*. URL: <http://www.transoxiana.org/Eran/>.
- Trever K.V., 1937a. *Novye Sasanidskie blyuda Ermitazha [New Sasanian plates of the Hermitage]*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 43 p.
- Trever K.V., 1937b. *Senmurv-Paskudzh, sobaka-ptitsa [Simargh-Paskudzh, a dog-bird]*. Leningrad: Gos. Ermitazh. 74 p.
- Tsotseliya M.V., 1981. *Katalog sasanidskikh monet Gruzii [The Catalogue of the Sasanian coins of Georgia]*. Tbilisi: Metsniereba. 274 p.
- Valentine W.A., 1921. *Sassanian coins*. London: Spink and Son. 134 p.
- Woven silk. Electronic resource. URL: <http://collections.vam.ac.uk/item/O84925/woven-silk-unknown>.
- Zhizn' ..., 1980. *Zhizn' rasteniy [The Life of plants]*, 5. *Tsvetkovye rasteniya [Flowering plants]*. A.A. Fedorov, ed. Moscow: Prosveshchenie. 428 p.
- Zoroastriyskie..., 1997. *Zoroastriyskie teksty. Suzhdenie Dukha Razuma. Bundakhishn i drugie teksty [Zoroastrian texts. The judgement of the Spirit of Mind. Bundakhishn and other texts]*. O.M. Chunakov, ed., trans. Moscow: Vost. literatura. 352 p.

НОВАЯ НАХОДКА КАМЕННОГО ДИСКА-НАВЕРШИЯ (к вопросу о перфорированных каменных дисках в Среднем Зауралье)

© 2016 г. С.Н. Савченко*, М.Г. Жилин**

*Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург
(sv-sav@yandex.ru)

**Институт археологии РАН, Москва (mizhilin@yandex.ru)

На открытом в 2006 г. поселении Шайдуриха 33 на юго-западном берегу Аятского озера, в шурфе (9 м²), в верхней части нерасчлененного культурного слоя, содержащего артефакты мезолита-бронзового века, были найдены лежащие в 25 см друг от друга пест-терочник размерами 10.8 × 5.8 × 4.7 см из гранито-нейса и диск-навершие размерами 15.6 × 12.7 × 3.5 см из хлоритовой породы. Диск асимметричный овальный, плоско-выпуклого сечения. Поверхность отшлифована на крупнозернистом абразиве, отверстие в центре пробито пикетажем с двух сторон. На плоскости нанесены гравированные линейные изображения, в основе которых крест, проходящий через отверстие. Край диска был заострен тонкой шлифовкой с обеих сторон уже после нанесения орнамента.

Перфорированные каменные диски известны в Среднем Зауралье с раннего неолита. Сначала, вероятно, появляются диски округлой формы. Овальных зауральских дисков-наверший вместе с рассматриваемым диском известно всего три. Это диск с поселения Палатки II и случайная находка у пос. Антоновский. В отличие от описанного, они имеют по периметру широкую боковую грань. Край аятского диска был переоформлен позже. По схемам орнаментальных композиций аятский диск близок диску с поселения Палатки II. Однако нужно отметить, что большой крест, проходящий через отверстие, есть в орнаменте всех трех изделий. Навершие с поселения Палатки II найдено в жилище эпохи бронзы, что говорит в пользу датирования найденного диска бронзовым веком. Но нерасчлененность культурного слоя памятника, наличие на одном уровне артефактов разных эпох не позволяют однозначно решить этот вопрос. Овальные каменные навершия рассматривают в литературе как диски-календари, имевшие сакральное значение и как атрибуты сакрального лица. После переделки диск с поселения Шайдуриха 33, вероятно, мог использоваться как предмет вооружения – навершие булавы, но, в любом случае, его сакральное значение не вызывает сомнений.

Ключевые слова: диск-навершие, сакральный предмет, Среднее Зауралье, пест-терочник, культовый комплекс, древний календарь.

В 2006 г. в ходе проведения авторами по заданию Невьянского государственного историко-архитектурного музея археологической разведки в районе Аятского озера (Невьянский р-н Свердловской обл.) был открыт новый памятник – поселение Шайдуриха 33, расположенный в 12.3 км к югу-юго-западу от деревни Шайдуриха на низком мысу юго-западного берега Аятского озера между устьями рек Шайтанки и Глуховского Истока (рис. 1). Ранее берега имели другие очертания, на месте современного Аятского озера была система из трех озер, соединенных протоками. Сооружение в 1882 г. плотины в истоке реки Аять подняло уровень воды на 2–3 м, и озера слились в одно. Река Шайтанка когда-то впадала в южное Большое Аятское озеро (Берс, 1951. С. 203). Постройка бетонной плотины в советское время, по словам местных жителей, привела к подъему воды еще на 1.5 м, в результате чего сформировались

зеркало воды и нынешние берега современного Аятского озера. Древние береговые линии сейчас затоплены и перекрыты плавнями.

Поверхность памятника задернована, поросла смешанным лесом. В нескольких метрах от края мыса она нарушена рыбацким костром и вкопанным в землю столом. Высота мыса над водой до 1.5 м. Край мыса незначительно подмыт, вдоль берега обнажены валуны. Площадь памятника, определенная по рельефу местности, составляет около 60 × 30 м (рис. 2). В 2006 г. на памятнике был заложен разведочный шурф 1 × 1 м. В 2007 г. для уточнения стратиграфии памятника и возможности разделения разновременных материалов шурф был расширен до разведочного раскопа площадью 9 м² (рис. 3). Прослежена стратиграфия (рис. 4): 1 – дерн 5–26 см; 2 – коричневая супесь 10–60 см; 3 – светло-коричневый суглинок с гранитными ва-

Рис. 1. Карта расположения Аятского озера.

лунами – материк. Контакт литологических слоев 1 и 2 неровный, с многочисленными западинами и затеками. Слой 2 плавно переходит в слой 3, постепенно делаясь более светлой, супесь замещается суглинком.

Культурный слой связан с литологическими слоями 1 и 2. Находки представлены многочисленными артефактами мезолита-энеолита – изделиями из камня (рис. 5) и фрагментами керамики¹ раннего неолита с прочерченным линейным орнаментом (рис. 6, 1, 2), позднего неолита боборыкинско-го типа с рядами насечек и прочерченными линиями (рис. 6, 3–5), энеолита аятского типа с оттисками гребенчатого штампа (рис. 6, 6–10). В верхней части культурного слоя встречены два фрагмента сосуда эпохи бронзы с линейным геометрическим орнаментом и наколами (рис. 6, 11). Полученный материал указывает на неоднократное заселение

памятника на протяжении мезолита, неолита и энеолита, а также на посещение площадки в эпоху бронзы. Культурный слой стратиграфически не расчленяется, одновременные находки в нем перемешаны, что характерно для большинства археологических памятников Среднего Зауралья.

Однако помимо указанного материала в верхней части культурного слоя были обнаружены предметы, вызвавшие особый интерес. В шурфе 2006 г. на контакте 1 и 2 литологических слоев на глубине –16/–23 см от репера найден лежащий горизонтально небольшой (10.8 × 5.8 × 4.7 см) пест-терочник, изготовленный из гранито-гнейса² (рис. 3; 4; 7, 2). Орудие подпрямоугольной в плане формы, вытянуто-подовальное в профиле, с подтрапециевидным поперечным сечением. Оба конца песта имеют характерную забитость, образовавшуюся в результате дробления твердого минерального материала, один конец орудия частично сглажен при растирании.

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность Н.М. Чаиркиной, сотруднику Института истории и археологии УрО РАН, и О.Н. Корочковой, сотруднику Уральского федерального университета, за помощь в определении керамики.

² Приносим искреннюю благодарность геологу Г.М. Нестеровой за определение горных пород.

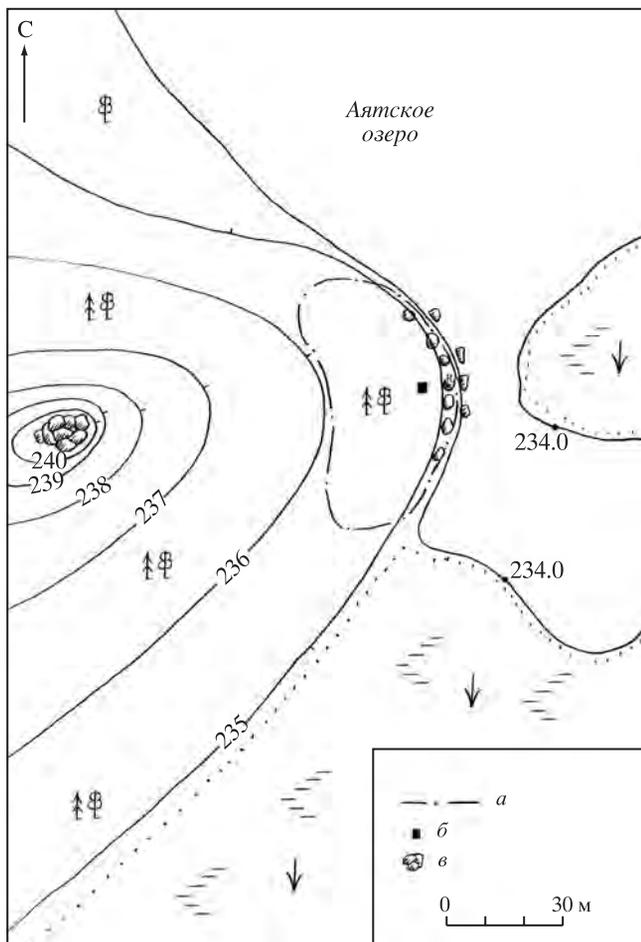

Рис. 2. План поселения Шайдуриха 33 (условные обозначения: *a* – граница памятника, *б* – раскоп, *в* – валуны, скалы).

В 25 см к северу-северо-востоку от песта, примерно на одном уровне с ним, на границе шурфа 2006 г. на глубине –16/–19 см от репера выпуклой стороной вверх горизонтально лежал крупный (15.6 × 12.7 × 3.5 см) шлифованный каменный диск асимметричной овальной формы (рис. 3; 7, 1; 8, 3). Сечение диска линзовидное плоско-выпуклое. В восточной стенке шурфа 2006 г. был замечен только самый край изделия. На фотографии хорошо видно, что пест и диск лежат в верхней части культурного слоя, примерно на одном уровне (рис. 4).

Заготовкой диска стал кусок зеленовато-серой хлоритовой породы с примесью талька до 3% и крупными включениями магнетита от 0.5 до 3 мм в диаметре (тальк-магнетит-хлоритовая порода). На плоской стороне изделия частично сохранилась естественная поверхность камня. В центре глубоким пикетажем с двух сторон пробито сквозное отверстие овальной формы 2.7 × 2.4 см, с плоской стороны начало отверстия шире: 3.6 × 3.1 см. После пробивания отверстия его стенки были тщательно

выровнены изнутри шлифовкой. Поверхность диска обработана разнонаправленной шлифовкой на очень грубом крупнозернистом абразиве, который оставил множество мелких и глубоких неровных борозд. Особенно хорошо следы абразива выражены на выпуклой стороне артефакта. Край диска острый, был заточен шлифовкой на мелкозернистом абразиве по периметру с обеих сторон уже после нанесения орнамента. Заточка сняла часть орнамента у края изделия.

На плоскости диска нанесены гравированные линейные изображения. Многочисленные борозды от шлифовки существенно затрудняют выделение тонких линий изображений. На выпуклой стороне (рис. 8, 3, *A*), вероятно, углом сломанной пластины или отщепы прорезан орнамент в виде идущего через отверстие косога креста из двойных глубоких прямых линий. После этого на зауженной части в правом секторе поверхности почти параллельно одной из двойных линий креста была прорезана длинная достаточно глубокая одинарная прямая линия, пересекающая вторую двойную линию креста. Левый конец этой линии раздвоен, что может быть результатом случайного изменения направления движения резца. От места пересечения длинной одинарной линии и двойной линии креста к краям диска наискось отходят влево одинарная, а вправо двойная, более короткие линии, которые делят углы пересечения основных линий примерно пополам. Правая двойная короткая линия, в свою очередь, перечеркнута еще одной гравированной одинарной линией, идущей наискось от конца двойной линии креста к правому концу длинной одинарной глубокой линии, в результате чего образуются два треугольника или косой крест из двойной и одинарной линий. Возможно, отходящая влево короткая линия также должна была быть двойной, так как здесь просматриваются две очень мелкие едва заметные параллельные линии (следы разметки орнамента?), пересеченные наискось основной более глубокой, которая и стала выраженной частью орнамента. На широкой половине плоскости в правой ее части нанесена тонкая двойная линия, параллельная двойной линии креста, а в центре между линиями большого креста тонкими двойными линиями изображен еще один небольшой косой крест.

На плоскую поверхность диска глубокой гравировкой нанесен такой же идущий через отверстие большой косой крест из двойных линий, но выполненный более небрежно (рис. 8, 3, *B*). На узкой половине линии креста короткие, они доходят до сохранившегося участка естественной поверхности камня и заканчиваются, но они могли быть частично убраны при переделке края диска. На ши-

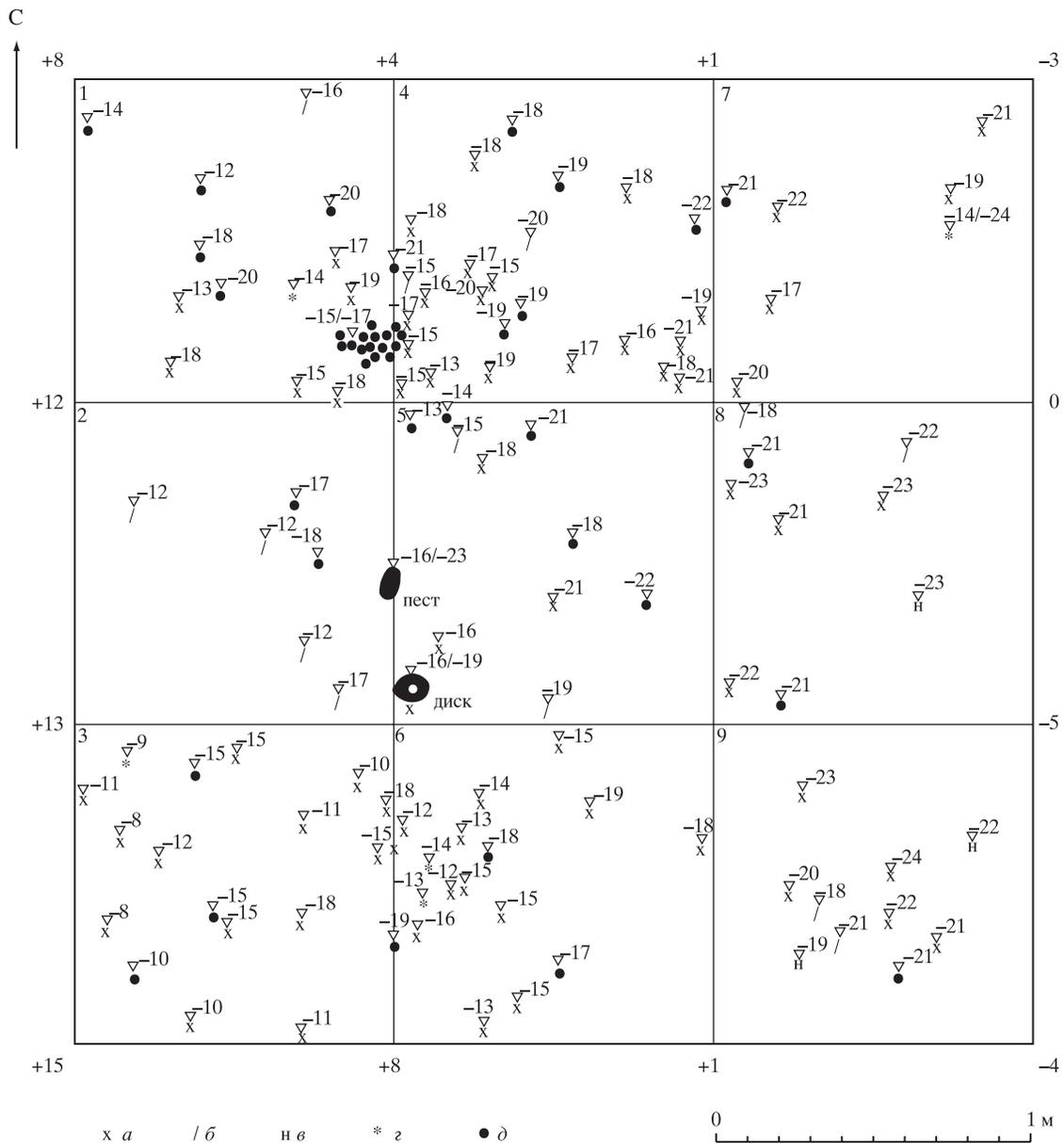

Рис. 3. Поселение Шайдуриха 33. План раскопа на уровне залегания диска и песта (условные обозначения: *a* – отщеп, *b* – пластинка, *v* – нуклеус, *z* – каменное орудие, *d* – фрагмент керамики).

рокой половине плоскости линии креста длинные, заканчиваются у края изделия. В левом секторе от основной двойной линии креста, почти от ее начала у отверстия, под острым углом отходит одинарная более мелкая гравированная прямая линия, доходящая до края диска, конец этой линии раздвоен.

Находки крупных каменных шлифованных перфорированных дисков в Среднем Зауралье немногочисленны. Изделия делятся на две группы – диски округлой и овальной формы. В основном они происходят из памятников со смешанным культурным слоем или являются случайными находками.

Небольшой обломок круглого сверленного диска диаметром около 10 см, диаметр отверстия примерно 2.5 см, найден авторами статьи в раннеолитическом II культурном слое торфяниковой части стоянки Береговая II на Горбуновском торфянике. Серия радиоуглеродных дат датирует слой 6230–6100 календарных лет до н.э.

Круглый массивный диск-навершие из светлой зеленовато-серой породы, найденный в Ново-Лялинском р-не Свердловской обл., и обломок подобного изделия из породы бурого цвета с Шигирского торфяника хранятся в Свердловском областном краеведческом музее. Артефакты имеют боковую

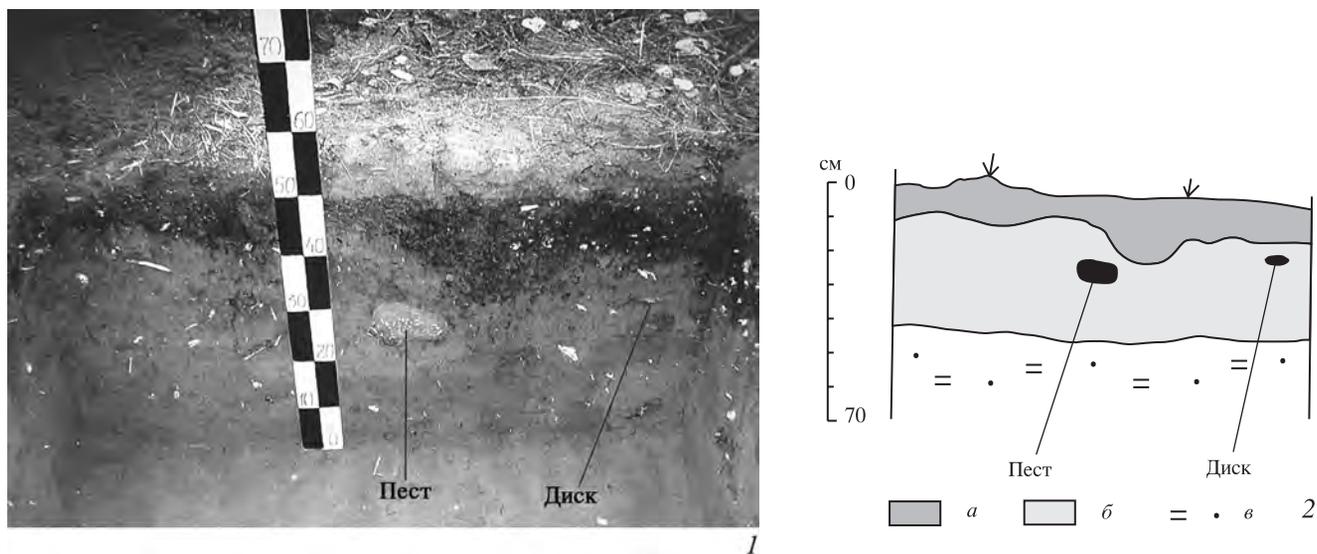

Рис. 4. Поселение Шайдуриха 33. Восточная стенка шурфа 2006 г.: 1 – фото, 2 – чертеж (условные обозначения: а – дерн, б – коричневая супесь, в – светло-коричневый суглинок).

грань, выпуклые поверхности, симметричное сечение. Гравированные изображения на них отсутствуют. Датировка дисков затруднена, оба являются случайными находками. Первый найден в 1937 г. под пнем в составе клада, включавшего шлифованные желобчатые долота, отбойник из гальки и каменную плитку, второй получен при добыче золота. Е.М. Берс датировала клад эпохой неолита (Берс, 1959. С. 41). Очевидно, диски являются навершиями булав. Близкие им, но более объемные, в виде сплюснутого шара, навершия булав известны в лесном Зауралье в материалах энеолита (Шилов, Маслюженко, 2002. С. 168) и иткульской культуры раннего железного века.

Два округлых диска-навершия связаны с культовыми объектами. Обломок первого найден при раскопках поселения Шайдурихинское V на северо-восточном берегу Аятского озера. На памятнике исследованы жилища боборыкинской культуры, а к северу от них – комплекс объектов, состоящий из канавы Г-образной формы, двух ям и очага. Комплекс интерпретируется как культовый (Зырянова, Крамаренко, 2006). В одной из ям найден каменный “утюжок”, а в очаге – половина диска-навершия из такой же горной породы и развал сосуда боборыкинского типа. Диск имел округлую форму, диаметр 10,5 см, дорсальная сторона выпуклая, вентральная – плоская. На выпуклую сторону нанесены гравированные линии – две короткие прямые, направленные от отверстия к краю, и между ними более длинная ломаная прерывистая. На сохранившейся части внешнего края диска пропилены четыре широкие поперечные насечки, сгруппированные вместе (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 167–168).

Диск-навершие в виде стилизованного изображения головы животного – медведя или бобра найден на культовом памятнике Кокшаровский холм. Изделие размерами $9.9 \times 8.8 \times 3.7$ см “из мягкой хлоритизированной породы” имеет округлую форму с выступом, передающим вытянутую переднюю часть морды зверя. Отверстие просверлено с двух сторон. На лицевой плоскости гравированы волнистые линии, соединяющие нос, глаза и уши, показанные бугорками, и прямые линии, идущие от сверлины к носу и глазам (Сериков, 2002. С. 129). Предмет определен разными исследователями как навершие (Мошинская, 1976. С. 63), молот (Сериков, 2002. С. 129), навершие жезла, булавы (Шорин, 2010. С. 41). В любом случае его относят к сфере социально престижных маркеров. Исследователи связывают артефакт с неолитическим комплексом Кокшаровского холма, когда холм функционировал как святилище наиболее активно (Шорин, 2010; Сериков, 2002. С. 129). Но нерасчлененный стратиграфически культурный слой памятника содержит материалы разных эпох от неолита до раннего средневековья (Шорин, 2010. С. 32).

Крупных овальных плоских дисков-наверший вместе с диском с поселения Шайдуриха 33 в Среднем Зауралье в настоящее время известно три. Подобный диск размерами $12 \times 9.5 \times 1.8$ см с гравированным линейными изображениями на плоскостях, обнаружен в жилище бархатовской культуры эпохи поздней бронзы на поселении Палатки II (рис. 8, I). Культурный слой памятника смешанный, содержит материалы энеолита, бронзового и раннего железного веков (Панина, 1999. С. 21–23). Изделие выполнено из тальк-хлоритовой породы темно-се-

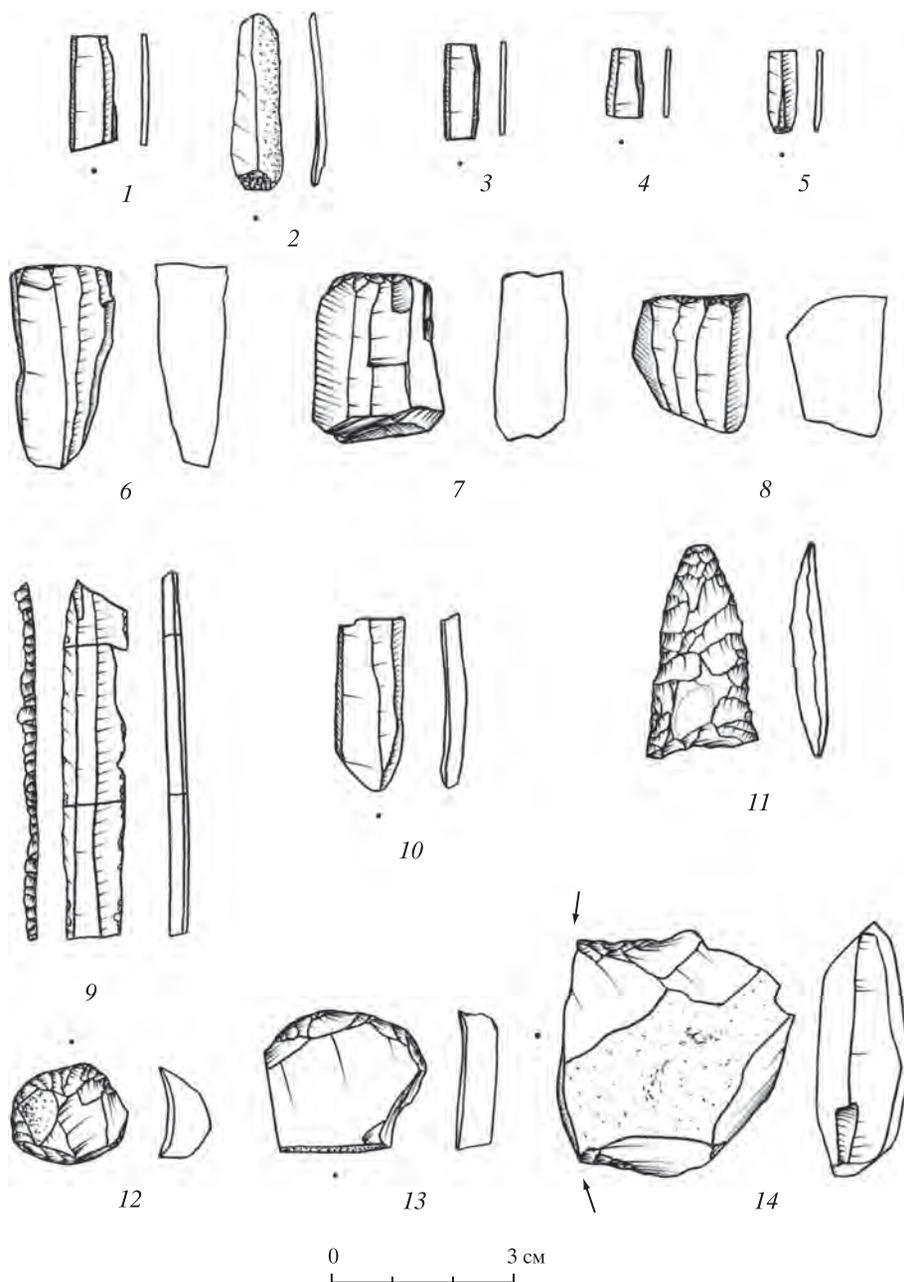

Рис. 5. Поселение Шайдуриха 33. Каменный инвентарь: 1–5, 10 – пластины; 6–8 – нуклеусы; 9 – нож; 11 – наконечник стрелы; 12–13 – скребки; 14 – резец.

рого цвета. Гравированный орнамент на обеих его плоскостях сходен между собой. Он включает элементы в виде “еловой ветки”, треугольники с отходящими от них частыми насечками-отростками, ромбическую сетку. Но главным элементом в орнаментальных композициях диска, так же как на аятском, является большой крест, идущий через отверстие. находка, ранее интерпретированная автором раскопок как грузило-промысловый календарь, имевший сакральное значение (Панина, 1999.

С. 22), в настоящее время рассматривается ею как навершие.

Второй крупный $14 \times 11,8 \times 1,5$ см овальный диск-навершие из хлоритовой породы был случайно найден у пос. Антоновский южнее г. Нижнего Тагила (рис. 8, 2). Археологического памятника на месте находки нет. Диск изучен М.Г. Жилиным и С.Н. Савченко под микроскопом МБС-1 с увеличением 8–32 крат. Установлено, что при обнаружении артефакт лежал стороной с антропоморфными изображениями вверх, на плоскости фиксируются чет-

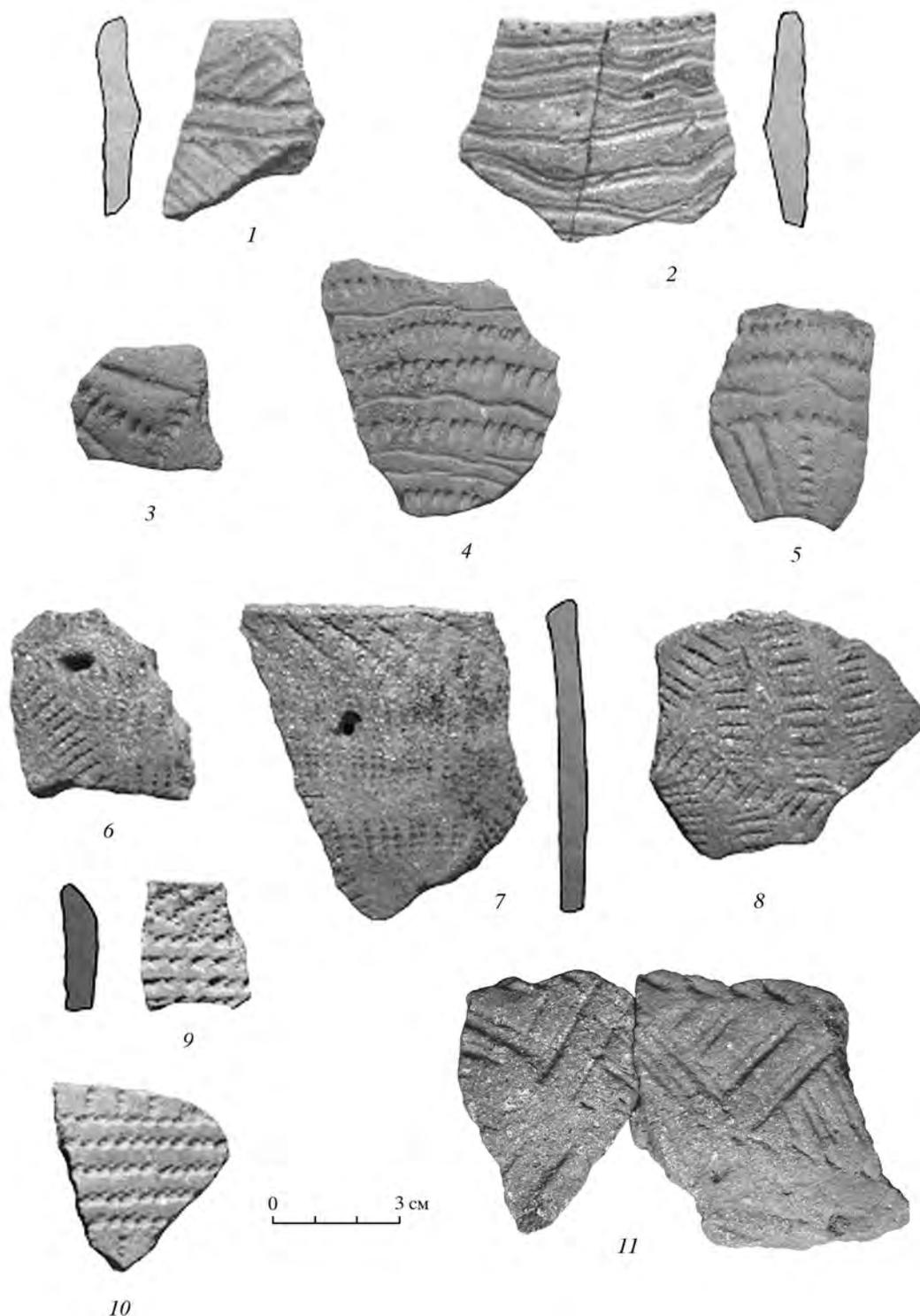
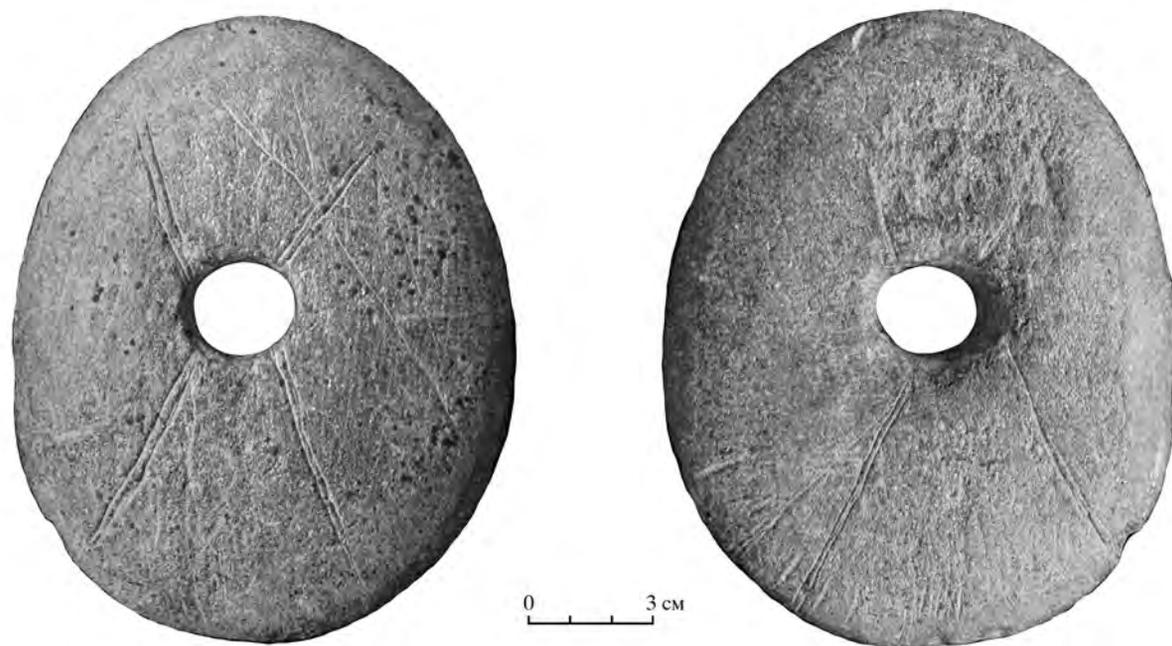

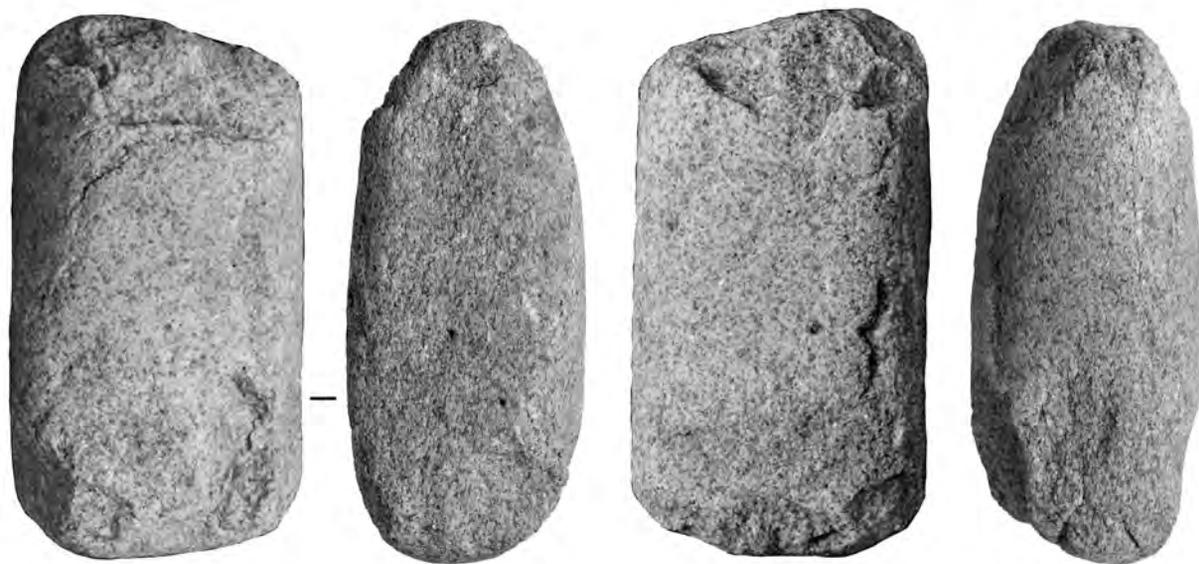
Рис. 6. Поселение Шайдуриха 33. Керамика: 1–2 – фрагменты раннеолитических сосудов; 3–5 – фрагменты неолитических сосудов боборыкинского типа; 6–10 – фрагменты энеолитических сосудов аятского типа; 11 – фрагмент сосуда эпохи бронзы.

кие следы ударов современной лопатой – рубящий плоский срез с характерными перпендикулярными бороздами. На другой стороне естественное углубление в камне. Плоскости диска отшлифованы с помощью мелкозернистого абразива, боковая грань –

более крупным. Сквозное отверстие 3.7×3.5 см в центре пробито, как и на аятском диске, пикетажем с двух сторон. Средняя часть отверстия выровнена продольной шлифовкой и полировкой. Короткие следы шлифовки направлены вдоль стенок отвер-

1

2

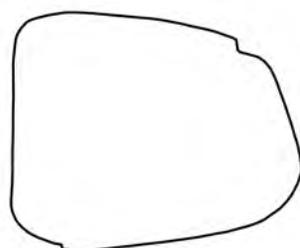

Рис. 7. Поселение Шайдуриха 33. Находки: 1 – диск-навершие; 2 – пест.

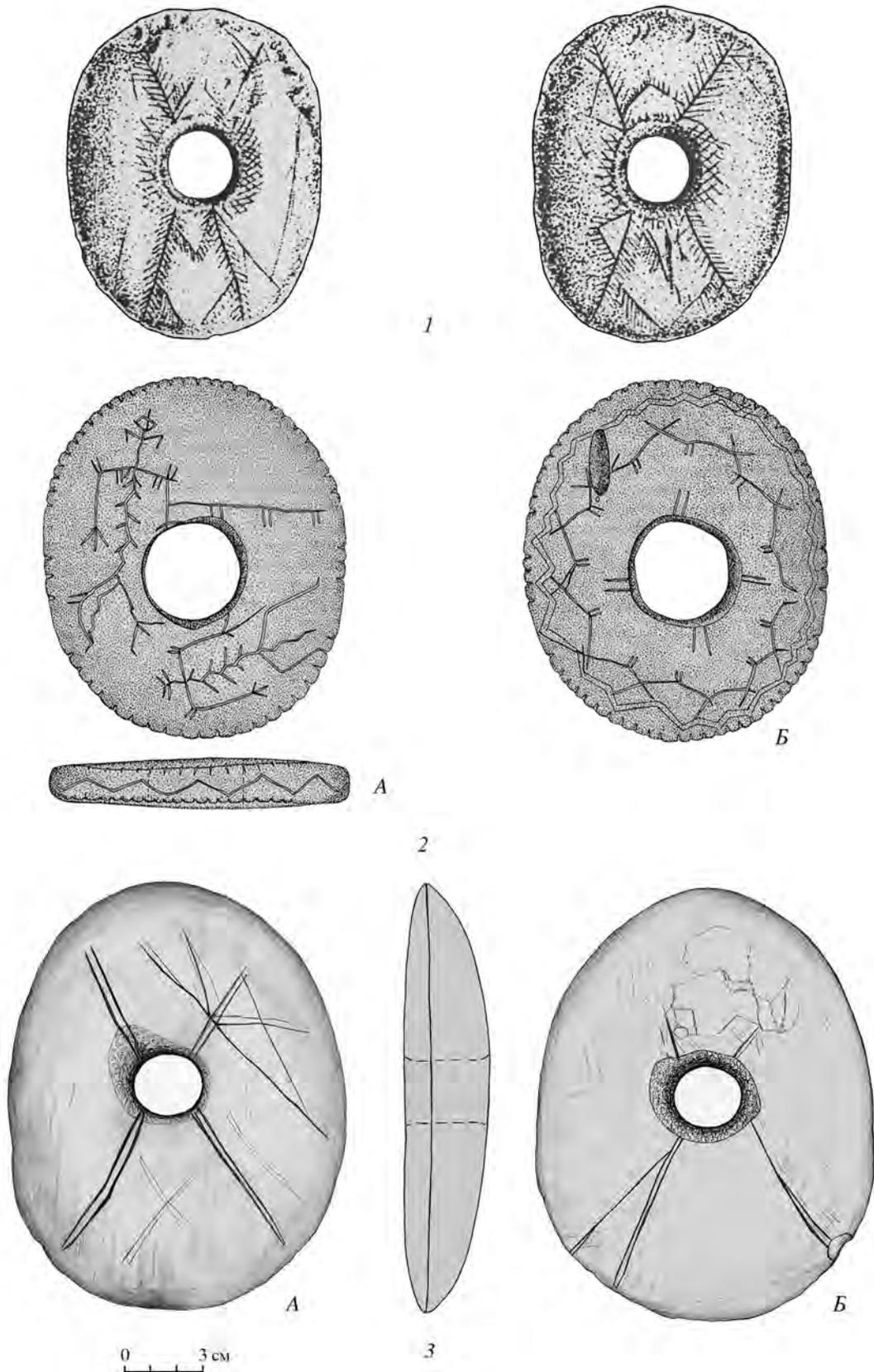

Рис. 8. Каменные диски-навершия овальной формы: 1 – поселение Палатки II (по С.Н. Паниной); 2 – случайная находка у пос. Антоновский (по Ю.Б. Серикову); 3 – поселение Шайдуриха 33.

ствия, поперечных следов не отмечено. Насечки на ребрах диска выполнены в технике пиления тонким лезвием, вероятно кремневой пластиной или отщепом. Пиление осуществлялось в несколько приемов, орудие было закреплено в руке. Заполировка на ребрах диска хаотичная, короткие линейные следы идут в разных направлениях вдоль края, поперек и пересекаются под разными углами. Ю.Б. Сериков, также отметивший заложение на ребрах диска, считает его результатом того, что по насечкам “водили пальцем при счете” (Сериков, 2002. С. 147).

На отдельных участках изображений, выполненных на плоскостях диска, видны характерные борозды и царапины, оставленные лезвием, вероятно кремневого заостренного орудия. Прорезание изображений проводилось в несколько приемов способом процарапывания, о чем говорят тонкие продольные борозды на стенках линий и элементах орнамента. На одной плоскости антоновского диска изображены две антропоморфные фигуры (рис. 8, 2, А), на другой – линейный геометрический орнамент. При этом необходимо отметить, что на плоскость с линейным орнаментом нанесены четыре двойные короткие линии, отходящие от центрального отверстия и образующие большой крест, идущий через отверстие (рис. 8, 2, Б). Исследователи рассматривают артефакт как диск-календарь, служивший для фиксации и определения астрономических явлений (Сериков, 2002. С. 148). Оригинальную дешифровку его цифрового и изобразительного кода предложила А.А. Герасименко (Бунькова), рассматривающая наверхие как лунно-солнечный календарь, фиксирующий “такие астрономические события, как дни весеннего и осеннего равноденствия, а возможно, и затмения луны”. Изображенные антропоморфные фигуры, вероятно, являются персонажами календарного мифа (Герасименко, 2004).

Помимо крупных дисков-наверший, в Среднем Зауралье найдены небольшие, диаметром 3–7 см, толщиной 0.7–1.7 см, округлые шлифованные диски с отверстиями, просверленными с одной или с двух сторон. Обломок небольшого плоского утончающегося к краям круглого неорнаментированного полированного диска из породы зеленоватого цвета происходит из энеолитического погребения (погребение № 6 Аятского могильника), обнаруженного рядом с одновременным ему жилищем на многослойном памятнике на северо-восточном берегу Аятского озера у плотины в истоке реки Аять. Захоронение, вытянутое на спине, без головы, ключицы вплотную прилегали к стенке могильной ямы, сопровождалось богатым инвентарем. Обломок диска найден у ключиц, в области шеи, вместе

со скребком и двумя пилками. Все вещи имели изъян, возможно, были специально обломаны (Берс, 1976).

Небольшие диски из зеленоватых хлоритовых пород найдены на раннеэнеолитическом поселении Исетское Правобережное I (3 экз.) и в энеолитическом слое поселения Шувакиш I (1 экз.). Три диска плоские, один неолитический – плоско-выпуклый. Два неолитических диска по определению Г.Ф. Коробковой и Н.А. Алексашенко, судя по линейным следам и заполировке в отверстиях, могли соприкасаться (вертикально скользить) с деревянным стержнем (Кернер и др., 2003. С. 115–117), третий имеет в отверстиях и на торце “нечеткие следы от привязывания”, возможно, он был деталью костюма и находился “в подвешенном состоянии на груди, голове или иной части тела владельца” (Кернер и др., 2003. С. 118, 122). На дорсальной поверхности трех дисков нанесен гравированный геометрический орнамент, который на энеолитическом артефакте интерпретируется как изображения рыб (Чаиркина, 1998. С. 93). Кроме того, на двух изделиях имеются поперечные насечки. На боковую грань четвертого диска нанесен зигзаг, на ребра – насечки. Автор раскопок считает неолитические диски амулетами-оберегами, которые “могли использовать в ритуальных целях”. Один из них, согласно трасологическому анализу, мог применяться при разжигании огня. Два диска найдены у входа в жилища, что, возможно, “связано с их восприятием в качестве амулетов-оберегов” (Кернер и др., 2003. С. 115–118, 121). По определению Г.Ф. Коробковой, энеолитический диск мог использоваться в качестве грузила (Чаиркина, 1998. С. 93).

Еще одной разновидностью бытовавших на Урале небольших круглых каменных дисков с отверстиями в центре являются так называемые пряслица, сделанные из талька и имеющие широкие аналогии как во времени, так и в пространстве. Два тальковых диска диаметрами 5.8 и 6.5 см были найдены при раскопках неолитического поселения Чашиха. В.М. Раушенбах интерпретировала их как рыболовные грузила или грузики для лучкового сверла (Раушенбах, 1966. С. 27). В более позднее время тальковые “пряслица” известны в материалах гаманской культуры рубежа бронзового и железного веков (Берс, 1963. С. 78; Борзунов, 1992. С. 75, 76), иткульской культуры раннего железного века (Берс, 1963. С. 86; Бельгинова, 1988), в комплексе предметов петрогромской культуры VI–IX вв. из святилища на горе Голый Камень (Кипарисова, 1948. С. 50). Часто тальковые “пряслица” украшены с лицевой стороны соляным лучевым и (или) циркульным гравированным орнаментом. На изделие с жертвен-

ного места Петрогром нанесены “еловые ветки”, расходящиеся от центрального отверстия (Берс, 1963. Рис. 19, 14). Есть точка зрения, проверенная экспериментальным путем, что “пряслица” служили маховичками в лучковых приспособлениях, в том числе для добывания огня (Кипарисова, 1948. С. 50; Сериков, 2005. С. 148–149). Добывание огня таким способом известно с древности. Когда появляются новые способы разжигания огня, древние переходят в обрядовую сферу. Особое отношение, вера в очистительные и защитные свойства “чистого”, “живого” огня, добытого старым способом – трением или высеканием из кремня, – отмечены у разных народов (Календарные обычаи..., 1983. С. 117, 144; Рыбаков, 1994. С. 33). Г.В. Бельтикова считает, что частые находки тальковых “пряслиц” на дне иткульских горнов для плавки металла говорят об элементе культового обряда, когда для успеха плавки или литья в сооружение помещали подобный диск как “символ солнца, огня – силы, превращающей камень в металл” (Бельтикова, 1988. С. 107). Не случайно их присутствие и в культовых комплексах святилищ. Исследователи интерпретируют “пряслица” как солярные знаки, символы (небесного) огня (Сериков, 2005).

Найденный на поселении Шайдуриха 33 овальный диск-навершие (рис. 8, 3) – самый крупный из известных на сегодняшний день в Среднем Зауралье. По форме и размерам он наиболее близок случайной находке у пос. Антоновский (рис. 8, 2), но в отличие от других крупных овальных дисков, имеющих по периметру широкую боковую грань, край аятского диска заострен. Такая форма края является следствием переоформления предмета, возможно, через какое-то время или (и) носителями других культурных традиций. В результате орнамент у края диска был частично уничтожен. После переделки диск мог использоваться как боевое оружие – навершие булавы. По схемам орнаментальных композиций аятский диск очень близок диску с поселения Палатки II (рис. 8, 1). Однако нужно отметить, что большой крест, проходящий через отверстие, изображен на всех трех среднезауральских овальных дисках-навершиях.

Датировка диска и песта вызывает определенные трудности. Небольшие песты-терочники широко известны на памятниках Среднего Зауралья начиная с раннего неолита и до железного века (Кернер, 1991. Рис. 8, 1, 2; Волков и др., 1999. С. 107; Бельтикова, 1988. С. 110). Они использовались для дробления и растирания различных твердых материалов, например для измельчения и растирания охры, для получения шамота, который добавлялся в глиняное тесто сосудов, для измельчения руды и пр.

В верхней части культурного слоя, рядом с пестом и диском, на одном с ними уровне –14/–20 см от репера были встречены изделия из камня мезолита-энеолита, раннеэнеолитическая керамика (рис. 6, 1, 2), позднеэнеолитическая керамика боборыкинского типа (рис. 6, 3–5), часть развала сосуда и отдельные фрагменты энеолитической керамики аятского типа (рис. 6, 6–10), два обломка сосуда эпохи бронзы (рис. 6, 11). Многочисленные фрагменты керамики часто являются одним из показателей поселенческого слоя. На небольшой исследованной площади памятника (9 м²) фрагменты сосудов неолита и энеолита найдены в значительном количестве. Керамика эпохи бронзы представлена лишь двумя обломками одного сосуда, что может указывать на кратковременное разовое посещение. Навершие с поселения Палатки II найдено в жилище бархатовской культуры эпохи поздней бронзы. Это служит аргументом в пользу датирования аятского диска также бронзовым веком. Но нерасчлененность культурного слоя, наличие на одном уровне рядом с пестом и диском артефактов мезолита-энеолита и то, что подобные песты-терочники бытуют на протяжении длительного времени, не позволяют однозначно решить вопрос о датировке этих предметов.

На фотографии стенки шурфа (рис. 4) видно, что диск и пест лежат на одном уровне в верхней части культурного слоя. Возникает ощущение, что предметы были намеренно одновременно помещены на древнюю поверхность в данном месте. Трудно предположить, чтобы две такие крупные вещи были случайно потеряны. Следов ям, специальных площадок или сооружений в раскопе зафиксировано не было. Возможно, на памятнике был вскрыт какой-то культовый комплекс и предметы являются приношением.

В.Ф. Кернер обратила внимание, что уральские каменные диски с отверстиями, как большие, так и маленькие, изготовлены в основном из хлоритовых, тальк-хлоритовых пород часто зеленоватого цвета. Видимо выбор определенной породы камня, а возможно, и определенного ее цвета не случаен. У народов Восточной Азии нефриту, часто имеющему зеленый цвет, приписывались свойства избавлять от усталости и болезней, продлевать жизнь. В древнем Китае нефритовые диски с отверстиями были “хранителями” не только живых, но и умерших (Кернер и др., 2003. С. 121). Хлоритовые породы обладают свойством достаточно легко поддаваться разнообразным способам обработки – шлифовке, пиленю, сверлению, пикетажу, гравировке. Согласно геологическому определению, “в общерегиональном плане хлоритовые породы не могут

существовать западнее уральского водораздела..., а также восточнее выходов палеозойских отложений в Зауралье. Единственное место их развития – обнаженная часть палеозойского Урала” (Кернер и др., 2003. С. 131). Пест и диск изготовлены из местных среднеуральских пород, выходы которых имеются на этой территории.

Подводя итоги, нужно отметить, что к настоящему времени накопился материал, позволяющий говорить о том, что перфорированные каменные диски бытовали в Среднем Зауралье, по крайней мере, начиная с раннего неолита, и даже наметить определенную схему их развития. Более ранними являются диски округлой формы. Небольшие диски диаметром 3–7 см, подобные найденным на ранне-неолитическом поселении Исетское Правобережное 1, в энеолитическом слое поселения Шувариш 1, в энеолитическом погребении Аятского могильника, могли служить амулетами-оберегами. Каменные округлые шлифованные диски с отверстиями и кольца известны в неолите лесной зоны Северной Евразии. Часто их находят в погребениях. Судя по их местоположению, они могли нашиваться на одежду, носиться на груди или входить в состав головных уборов (Неолит Северной Евразии, 1996. С. 225, 276, 278, 309). Обломок диска, сломанного, вероятно, намеренно, в погребении на Аятском озере был найден в области шеи. Интересно, что у некоторых народов Амура до недавнего времени существовала традиция привешивать нефритовые кольца за нить на шею умершего, так как считалось, что через кольцо он дышит (Кернер и др., 2003. С. 121). Диски могли использовать в ритуальных целях при исполнении обрядов. Как установлено, два диска с Исетского Правобережного 1 соприкасались в отверстиях с деревянными стержнями. Они могли использоваться в лучковых приспособлениях для добывания огня, что сближает их с тальковыми “пряслицами”. Действие это часто носило ритуальный характер. Перфорированные диски могли принадлежать людям, занимавшим особое положение. У тлингитов в Северной Америке каменные перфорированные диски с изображениями сохраняли свое ритуальное значение до этнографического времени. Шаман надевал такой диск во время камлания на грудь, без диска он был бессилён в своих магических действиях (Ратнер-Штенберг, 1927. С. 107). Обращает на себя внимание, что на ребрах некоторых дисков присутствуют элементы счета – насечки, составляющие числа 28, 31, 7, 7–10, 14–17 (Кернер и др., 2003. С. 115–116; Чаиркина, 1998. С. 93). Учтя, что небольшие орнаментированные диски, по аналогии с “пряслицами”, могли обладать также огненно-соляной небесной символикой, возможно, здесь мы сталкива-

емся с какими-то счетными и (или) календарными элементами – способами определения временных промежутков, вычисления определенных событий, нашедшими дальнейшее развитие на больших овальных дисках-навершиях.

Вероятно, одновременно с небольшими округлыми дисками в Среднем Зауралье, начиная, по крайней мере, с неолита, появляются массивные округлые диски-навершия, бытующие на протяжении продолжительного времени. К ним относятся обломок диска со стоянки Береговая II, фигурное навершие с культового памятника Кокшаровский холм, находка из культового объекта боборыкинской культуры на поселении Шайдурихинское V, случайная находка из Ново-Лялинского р-на, обломок диска из Шигирской коллекции. Два из них найдены на культовых объектах, а один в составе клада. Предметы, связанные с культовыми объектами, могли быть атрибутами сакрального лица. Один из дисков является скульптурным изображением с нанесенной гравировкой, второй – украшен гравировкой и насечками. Возможно, диск с поселения Шайдурихинское V был сломан преднамеренно. Эти артефакты могли служить навершиями жезлов – символов обладания определенными знаниями и (или) властью, быть навершиями булав – предметов вооружения или жезлов-булав. Известно, что предметам вооружения могло придаваться также дополнительное сакральное значение. Жезл, жезл-булава был предметным выражением общественной, сакрально-магической и, на более поздних этапах, начиная вероятно с эпохи бронзы, военной значимости его владельца.

Позднее, возможно, в эпоху раннего металла в Среднем Зауралье появляются крупные овальные гравированные диски-навершия. К этой группе относятся случайная находка у пос. Антоновский, диск, найденный в жилище эпохи бронзы на поселении Палатки II, и новый диск из района Аятского озера с поселения Шайдуриха 33. Аятское навершие и диск с поселения Палатки II очень близки друг другу по схемам орнаментальных композиций, антоновский диск выделяется в этой группе сложной семантикой изображений, представленных не только геометрическими элементами, но и двумя антропоморфными фигурами. Однако, как уже отмечалось, есть общий элемент, присутствующий в гравированных изображениях всех трех дисков, – большой крест, проходящий через центральное отверстие и делящий плоскости навершия на четыре части, при этом противолежащие части являются примерно равными. Были высказаны предположения, что диск с поселения Палатки II и антоновское навершие являются своеобразными календарями,

служившими для определения начала промысловых сезонов, фиксации астрономических явлений, счета времени и пр. (Панина, 1999. С. 22; Сериков, 2002. С. 148; Герасименко, 2004. С. 83–84). Можно предположить подобное назначение и для аятского диска. В пользу употребления овальных дисков в качестве календарей могут говорить изображения крестов – солярных знаков, присутствующие на всех трех рассматриваемых предметах. На аятском диске их насчитывается пять (рис. 8, 3): два больших креста, проходящих через отверстие, изображены на двух плоскостях диска, три дополнительных креста имеются на выпуклой стороне. Два креста нанесены на узкой половине диска в ее правом секторе – крест, образованный пересечением двойной линии большого креста и глубокой одинарной линией, и крест, образованный пересечением двойной линией, отходящей вправо к краю диска от центра предыдущего креста, и еще одной одинарной линией. Третий небольшой крест изображен двойными тонкими линиями в центре на широкой половине диска между линиями большого креста. На навершии с поселения Палатки II (рис. 8, 1) изображено на каждой плоскости по большому кресту, пересекающему отверстие. На антоновском диске – один большой крест на плоскости с геометрическим орнаментом (рис. 8, 2, Б).

Интересную параллель зауральские овальные навершия находят в материалах поселения Ловозеро V на Кольском полуострове. Обнаруженное там навершие представляет собой диск из “талько-хлористого сланца” округлой формы размерами 9 × 8 см плоско-выпуклого сечения с коническим отверстием в центре. На его поверхностях прорезаны парные концентрические окружности, дополненные группами нарезок. На выпуклой дорсальной стороне диска окружности располагаются в центре и на небольшом расстоянии от края, их соединяют три тройные и одна двойная линии, образующие большой крест, проходящий через центральное отверстие. Изделие связывают с комплексом раннего железного века, поскольку неолитические материалы в этой части памятника отсутствуют (Анпилогов, 1979).

Крест, крест в круге являются одними из древнейших солярных (небесных) и календарных символов, отражающих фазы движения солнца (Конаков, 1990). Подавляющее число древних календарей основано, прежде всего, на наблюдениях за небесными светилами. По мнению А.А. Герасименко, на антоновском навершии запечатлен лунно-солнечный календарь, в основе которого лежит двоичный код, что проявляется в парности (бинарной оппозиции) двух плоскостей диска (Гераси-

менко, 2004. С. 83), а также, возможно, в парности больших центральных крестов на аятском диске и диске с поселения Палатки II, в парности (бинарной оппозиции) равнозначных противоположных частей на плоскостях, разделенных крестами. У угро-самодийских народов этнографически зафиксирован архаический порядок исчисления времени так называемыми “двойными годами”, когда отдельно выделялись два следующих друг за другом года – летний и зимний, не равные между собой по продолжительности (два схожих персонажа, разделенные индивидуальными чертами, на антоновском диске (?); плоскости дисков, разделенные косыми крестами на две пары неравных частей). Эти “года” в свою очередь делились на месяцы, также не равные по своей длине. З.П. Соколова отмечала у северных хантов, что при ритуальном счете времени год равен полугоду (Семейная обрядность..., 1980. С. 142).

Диски-календари, очевидно, насаживались на деревянный стержень и при необходимости, при произведении подсчетов, могли переворачиваться. “Крепление и вращение навершия на оси могло лежать в основе фиксации посуточного течения времени” (Герасименко, 2004. С. 84). Рассматриваемые диски, скорее всего, были атрибутами сакрального лица, обладавшего специальными знаниями для вычисления наступления определенных периодов или событий и для выполнения ритуалов, обрядов, связанных, вероятно, прежде всего с сезонно-хозяйственными циклами, от которых зависела жизнь человеческого коллектива. При календарных расчетах на антоновском навершии могли использоваться насечки, нанесенные на его ребра (Сериков, 2002. С. 147; Герасименко, 2004. С. 84). На ребрах и боковой грани диска с поселения Палатки II насечки отсутствуют, но элементами счета могли быть многочисленные насечки-отростки, присутствующие в орнаменте. На аятском навершии насечки на ребрах и (или) боковой грани могли быть уничтожены при переоформлении края, однако сохранился небольшой участок, где, возможно, фиксируются их остатки. После переделки диск с поселения Шайдуриха 33, вероятно, использовался как предмет вооружения – навершие булавы, но, в любом случае, его сакральное значение не вызывает сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анпилогов А.В. Каменное навершие со стоянки Ловозеро V на Кольском полуострове // СА. 1979. № 2. С. 245–246.
- Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // ВАУ. Вып. 19. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 103–117.

- Берс Е.М.* Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // *Материалы и исследования по археологии Урала и Предуралья*. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 21). С. 182–243.
- Берс Е.М.* Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск: СОКМ, 1959. 84 с.
- Берс Е.М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Свердловское книжное изд-во, 1963. 116 с.
- Берс Е.М.* Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // *СА*. 1976. № 4. С. 190–203.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 188 с.
- Волков Р.Б., Святлов В.Н., Старков А.В.* Поселение Перегон III // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. Вып. 3. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 97–109.
- Герасименко А.А.* Древний календарь и календарная мифология населения Среднего Зауралья (опыт интерпретации одной находки) // *Четвертые Берсовские чтения*. Екатеринбург: ООО “АКВА-ПРЕСС”, 2004. С. 83–90.
- Зырянова С.Ю., Крамаренко Н.Ю.* Святылище боборькинской культуры поселения Шайдурихинское V // *Емельяновские чтения: материалы I межрегиональной научно-практической конференции*. Курган: Курганский гос. ун-т, 2006. С. 15–17.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1983. 220 с.
- Кернер В.Ф.* Поселение Исетское Правобережное // *Неолитические памятники Урала*. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.
- Кернер В.Ф., Нестерова Г.М., Иванов О.К.* Хлоритовые гравированные диски неолитического поселения Исетское Правобережное I у Екатеринбурга, их петрографический состав и возможный источник // *Уральский геологический журнал*. 2003. № 3 (33). С. 113–133.
- Кипарисова Н.П.* Жертвенное место на Голом Камне // *Первое Уральское археологическое совещание*. Молотов: Молотовский университет, 1948. С. 49–51.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолит Среднего Зауралья: Боборькинская культура. Екатеринбург: Центр “Учебная книга”, 2010. 308 с.
- Конаков Н.Д.* Календарная символика уральского язычества. Сыктывкар: КНЦ, 1990 (Серия препринтов “Научные доклады” / Коми научный центр УрО АН СССР; Вып. 243). 48 с.
- Мошинская В.И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.
- Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996 (Археология). 379 с.
- Панина С.Н.* Итоги полевых исследований Свердловского областного краеведческого музея (1977–1997) // *III Берсовские чтения*. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 20–29.
- Ратнер-Штенберг С.А.* Музейные материалы по тлингитскому шаманству // *Сборник МАЭ*. Т. VI. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 79–114.
- Раушенбах В.М.* Новое поселение эпохи неолита в Среднем Зауралье // *Труды ГИМ*. Вып. 40. М.: Советская Россия, 1966. С. 15–28.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 610 с.
- Семейная обрядность народов Сибири / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1980. 240 с.
- Сериков Ю.Б.* Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // *ВАУ*. Вып. 24. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 127–150.
- Сериков Ю.Б.* К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // *Археология Урала и Западной Сибири*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 93–101.
- Чаиркина Н.М.* Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // *ВАУ*. Вып. 23. Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 81–104.
- Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н.* Энеолитическое захоронение Гладулино-3 в системе доандроновского погребального обряда // *ВАУ*. Вып. 24. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 165–191.
- Шорин А.Ф.* Святылище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // *Уральский исторический вестник*. 2010. № 1 (26). С. 32–42.

A NEW FIND OF A STONE DISC-FINIAL (concerning perforated stone discs in the Middle Transurals area)

Svetlana N. Savchenko*, Mikhail G. Zhilin**

*Sverdlovsk Museum of Local Lore, Ekaterinburg (sv-sav@yandex.ru)

**Institute of Archaeology RAS, Moscow (mizhilin@yandex.ru)

In the discovered in 2006 settlement Shaidurikha 33 on the south-western bank of Ayatskoye Lake, in the sounding trench (9 square meters), in upper part of the undivided cultural layer containing the artifacts of the Mesolithic – Bronze Age there were found a pestle-grindstone 10.8 × 5.8 × 4.7 cm from granite gneiss and a disc-pommel 15.6 × 12.7 × 3.5 cm from the chloritic material at the distance of 25 cm from each other. The disc has asymmetric oval plano-convex cut. The surface was polished on the coarse-grained abrasive. The hole in the center was made by the stationing from both sides. On the surface there are graved line pictures in the basis of which there is a sidelong cross going through the hole. The rim of the disc was sharpened with a thin polisher from the both sides after it had already been ornamented. The perforated stone discs are known in middle Transurals from the early Neolithic period. At first, probably, there were discs of oval shape. There are only three oval Transurals discs-pommels together with the described one. It is a disc from the settlement Palatki II and an occasional find at the village Antonovskiy. Unlike the described one they have a wide brink on perimeter. According to the schemes of ornament compositions the Ayatskiy disc is similar to the disc from the Palatki II settlement. However, it should be noticed, that a big cross going through the hole is in ornament of all three objects. The pommel from the settlement Palatki II was found in the dwelling of the Bronze Age. However, the undividedness of the cultural layer and the artifacts from different epochs in the same level do not allow solving this problem clearly. Oval stone pommels are considered in bibliography as discs-calendars having had a sacral meaning as an attribute of a sacral person. After the recast the disc from the settlement Shaidurikha 33 could probably have been used as a weapon, e.g. as a pommel of a mace. Anyway its sacral meaning does not cast doubts.

Key words: disc-pommel, sacral object, middle Transurals, pestle-grindstone, cult complex, sacral calendar.

REFERENCES

- Anpilogov A.V.*, 1979. Kamennoe navershie so stoyanki Lovozero V na Kol'skom poluostrove [Stone pommel from the settlement Lovozero V on the Kolskiy peninsula] Moscow: Nauka. 379 p.
- Bel'tikova G.V.*, 1988. Pamyatnik metallurgii na ostrove Malyy Vishnevyy [The monument of metallurgy on the island Malyy Vishniy]. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of Ural Archaeology]*, 19. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 103–117.
- Bers E.M.*, 1951. Arkheologicheskaya karta g. Sverdlovsk i ego okrestnostey [Archaeological map of Sverdlovsk and its vicinities]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Predural'ya [Materials and researches on the archaeology of Ural and Cisurals]*, II. MIA, 21. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, pp. 182–243.
- Bers E.M.*, 1959. Katalog arkheologicheskikh kollektiy Sverdlovskogo kraevedcheskogo muzeya [Catalogue of archaeological collections of Sverdlovsk Museum of Local Lore]. Sverdlovsk: Sverdlovskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey. 84 p.
- Bers E.M.*, 1963. Arkheologicheskie pamyatniki Sverdlovsk i ego okrestnostey [Archaeological sites of Sverdlovsk and its vicinities]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 116 p.
- Bers E.M.*, 1976. Pozdneoliticheskoe pogrebenie na r. Ayat' v Srednem Zaural'e [Late Neolithic burial on the river Ayat' in middle Transurals]. *SA*, 4, pp. 190–203.
- Borzunov V.A.*, 1992. Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zhelezhnogo vekov (gamayunskaya kul'tura) [Transurals on the turn of the Bronze and Iron Ages (the Gamayun culture)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 188 p.
- Chairkina N.M.*, 1998. Antropo- i zoomorfnye obrazy eneoliticheskikh kompleksov Srednego Zaural'ya [Anthropomorphic and zoomorphic images of the Eneolithic complexes of middle Transurals]. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of Ural Archaeology]*, 23. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 81–104.
- Gerasimenko A.A.*, 2004. Drevniy kalendar' i kalendarnaya mifologiya naseleniya Srednego Zaural'ya (opyt interpretatsii odnoy nakhodki) [Ancient calendar and calendar mythology of the population of middle Transurals (the interpretation of a find)]. *Chetvertye Bersovskie chteniya [Forth Bers Readings]*. Ekaterinburg: OOO "AKVA-PRESS", pp. 83–90.
- Kalendarnye obychai... 1983 – Kalendarnye obychai i obyady v stranakh zarubezhnoy Evropy: Istoricheskie korni i

- razvitie obychaev [Calendar traditions and rituals in the countries of foreign Europe: historical roots and the customs' development]. S.A. Tokarev, ed. Moscow: Nauka. 220 p.
- Kerner V.F., 1991. Poselenie Isetskoe Pravoberezhnoe [The settlement Isetskoye Pravoberezhnoye]. *Neoliticheskie pamyatniki Urala [Neolithic sites of Ural]*. Sverdlovsk: Ural'skoe otделение AN USSR, pp. 46–67.
- Kerner V.F., Nesterova G.M., Ivanov O.K., 2003. Khloritovye gravirovannye diski neoliticheskogo poseleniya Isetskoe Pravoberezhnoe I u Ekaterinburga, ikh petrograficheskiy sostav i vozmozhnyy istochnik [Chloritic graved discs of the Neolithic settlement Isetskoye Pravoberezhnoye I near Ekaterinburg, its petrographic composition and probable source]. *Ural'skiy geologicheskii zhurnal [Ural geological journal]*, 3 (33), pp. 113–133.
- Kiparisova N.P., 1948. Zhertvennoe mesto na Golom Kamne [Sacrificial place on Goliy Kamen]. *Pervoe Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie [First Ural archaeological meeting]*. Molotov: Molotovskiy universitet, pp. 49–51.
- Konakov N.D., 1990. Kalendarnaya simvolika ural'skogo yazychestva [Calendar symbolism of Ural paganism]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr. 48 p. (Seriya preprintov "Nauchnye doklady", 243).
- Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu., 2010. Neolit Srednego Zaural'ya: Boborykinskaya kul'tura [Neolithic of middle Transurals: the Boborykino culture]. Ekaterinburg: Tsentr "Uchebnaya kniga". 308 p.
- Moshinskaya V.I., 1976. Drevnyaya skul'ptura Urala i Zapadnoy Sibiri [Ancient sculpture of Ural and middle Siberia]. Moscow: Nauka. 132 p.
- Panina S.N., 1999. Itogi polevykh issledovaniy Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (1977 – 1997) [The results of field researches of Sverdlovsk Museum of Local Lore (1977 – 1997)]. *III Bersovskie chteniya [Third Bers Readings]*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 20–29.
- Ratner-Shtenberg S.A., 1927. Muzeynye materialy po tlingitskomu shamanstvu [Museum materials on the Tlingit Shamanism]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collected papers of the Museum of anthropology and ethnography]*, VI. Leningrad: Izdatel'stvo AN USSR, pp. 79–114.
- Raushenbakh V.M., 1966. Novoe poselenie epokhi neolita v Srednem Zaural'ye [New settlement of the Neolithic epoch in middle Transurals]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Transactions of the State Historical Museum]*, 40. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 15–28.
- Rybakov B.A., 1994. Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of ancient Slavs]. Moscow: Nauka. 610 p.
- Semeynaya obryadnost'..., 1980 – Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri [Family ritualism of the Siberian peoples]. I.S. Gurvich, ed. Moscow: Nauka. 240 p.
- Serikov Yu.B., 2002. Proizvedeniya pervobytnogo iskusstva s vostochnogo sklona Urala [The works of primitive art from the eastern slope of Ural]. *Voprosy arkheologii Urala [Problem of Ural Archaeology]*, 24. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 127–150.
- Serikov Yu.B., 2005. K voprosu o sakral'nom i funktsional'nom naznachenii tak nazyvaemykh pryaslits [To the question of sacral and functional purpose of so-called spinle whorls]. *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri [Ural and Western Siberia Archaeology]*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 93–101.
- Shilov S.N., Maslyuzhenko D.N., 2002. Eneoliticheskoe zakhronenie Gladulino-3 v sisteme doandronovskogo pogrebal'nogo obryada [Eneolithic grave Gladulino-3 in the system of pre-Andronovo burial rite]. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of Ural Archaeology]*, 24. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 165–191.
- Shorin A.F., 2010. Svyatilishche Koksharovskiy kholm v Srednem Zaural'ye: markery sakral'nogo prostranstva [Sanctuary Koksharovskiy hill in middle Transurals: markers of a sacral place]. *Ural'skiy istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 1 (26), pp. 32–42.
- Volkov R.B., Svyatov V.N., Starkov A.V., 1999. Poselenie Peregon III [Settlement Peregon III]. *Okhrannye arkheologicheskije issledovaniya na Srednem Urale [Rescue archaeological researches in middle Ural]*, 3. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 97–109.
- Zyryanova S.Yu., Kramarenko N.Yu., 2006. Svyatilishche boborykinskoy kul'tury poseleniya Shaydurikhinskoe V [Sanctuary of the Boborykino culture of the settlement Shaidurikhinskoye V]. *Emel'yanovskie chteniya: materialy I mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Emelyanovo Readings: materials of the I International research and practice conference]*. Kurgan: Kurganskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 15–17.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОСЕЛЕНИИ КЮЛЬТЕПЕ I В НАХЧЫВАНЕ

© 2016 г. В.Б. Бахшалиев

Нахчыванское отделение Национальной академии наук Азербайджана, Нахчыван (*velibahshaliyev@mail.ru*)

Многослойное поселение Кюльтепе I относится к числу наиболее известных памятников Закавказья. О. Абибуллаев опубликовал материалы раскопок Кюльтепе I более 30 лет назад. В 2013 г. возобновилось исследование этого памятника франко-азербайджанской экспедицией. Основной целью небольших по масштабу работ было уточнение датировки памятника. Установлено, что нижние слои Кюльтепе I относятся, в основном, к эпохе неолита и, возможно, к самому началу энеолита.

Ключевые слова: Нахчыван, Кюльтепе I, неолит, энеолит.

Многослойное поселение Кюльтепе I является одним из ключевых бытовых памятников Кавказа и имеет важное значение для изучения и периодизации разновременных культур этого региона (Абибуллаев, 1982). В 2013 г. возобновилось исследование этого памятника франко-азербайджанской экспедицией. Одной из основных целей этого исследования стало уточнение датировки памятника, особенно нижних его слоев. Другое важное обстоятельство, стимулирующее раскопки поселения, – установление связи между отдельными звеньями неолитических и энеолитических культур. Результаты исследований последних десяти лет таких памятников, как Овчулартепеси (Вахшәлиев et al., 2010. S. 66–71; Marro et al., 2011. P. 53–100), Садарак (Bakhshaliyev Seyidov, 2013. P. 1–6), Халадж (Seyidov et al., 2010. S. 133–143) и других показали, что в эпоху энеолита на территории Нахчывана существовали культуры, отличающиеся весьма различными керамическими формами. Мы предполагали, что, возможно, это связано с разновременностью материалов. Возникла необходимость снова обратиться к изучению слоев поселения Кюльтепе I, где ранее были выделены различные периоды эпохи энеолита (Нәбибуллаев, 1959. S. 63–82). Кроме того, исследованиями Дуздага были выявлены многочисленные орудия горнорудного дела, изготовленные из камня (Marro et al., 2010. P. 229–244). Параллели этим орудиям на Южном Кавказе известны в основном из поселений Кюльтепе I и Кюльтепе II (Абибуллаев, 1982. С. 58, 111).

В 2013 году в поселении были заложены два раскопочных участка А и В площадью 5 × 5 м. На обоих участках выявлены различные археологические объекты, в том числе остатки стен круглого и прямоугольного в плане помещений, остатки очагов, керамические изделия, орудия из камня. Однако

проследить общий план помещений было невозможно ввиду плохой сохранности. Среди артефактов большую часть составили керамические и обсидиановые изделия. Керамические сосуды определенных форм были сосредоточены на участке В. Это

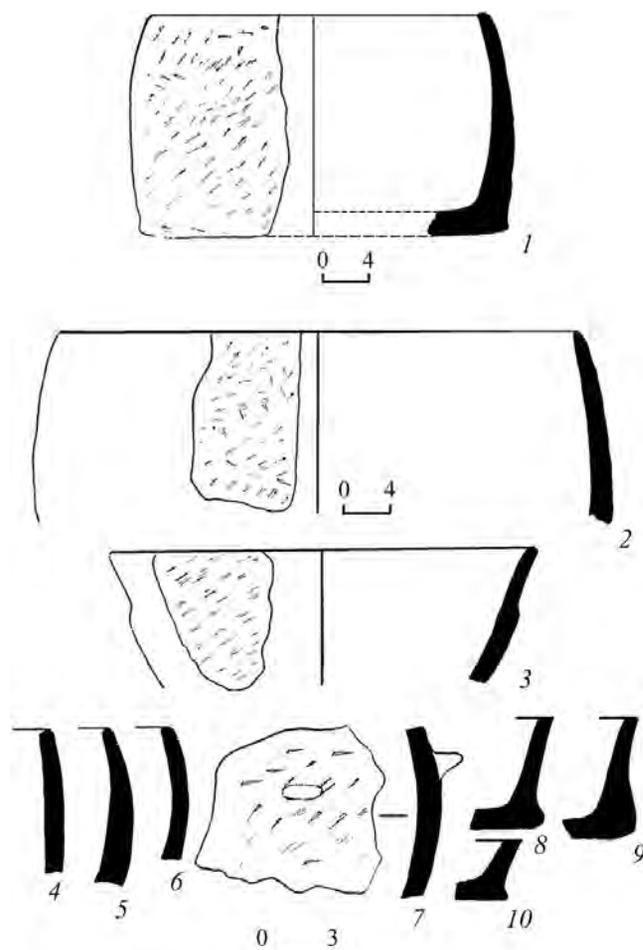

Рис. 1. Кюльтепе I. Керамические сосуды из раскопок 2013 г.

Рис. 2. Кюльтепе I. Комплекс сооружений из раскопок 2014 г.

банкообразные сосуды (рис. 1, 1, 2, 4–6) и миски (рис. 1, 3), причем первые преобладают. Они имеют цилиндрическую и бочкообразную форму. На средней части некоторых из этих сосудов расположены ушкообразные выступы (рис. 1, 7). Имеются также фрагменты плоских доньев (рис. 1, 8–10). Все сосуды изготовлены из глины с примесью мякины и обожжены до разных оттенков красного цвета. На разрезе некоторых сосудов прослеживаются плохо обожженные серые, а иногда черные прослойки. Сосуды хорошо сформованы от руки и слегка залощены.

Анализ угля из верхних пластов участка В дал дату 5903 г. до н.э., а уголь из участка А – 5490 г. до н.э. Можно полагать, что на поселении Кюльтепе I слои более поздних периодов полностью исчерпаны, и сохранились только напластования эпохи неолита. Толщина неолитического слоя составляет примерно 8 м.

В 2014 году мы заложили раскопочный участок D размером 5 × 10 м, а потом расширили его до 6 × 10 м для того, чтобы проследить план строительных остатков. В ходе раскопок был выявлен хорошо сохранившийся бытовой хозяйственный комплекс с жилыми помещениями, очагами, орудиями труда и другим бытовым инвентарем (рис. 2). Помещения имели в плане круглую или овальную форму. Диаметр одного помещения 1.85 м, другого 1.7–1.9 м. Внутри помещений выявлены остатки вымостки из мелкого камня, а в одном из них – очаг. Вокруг

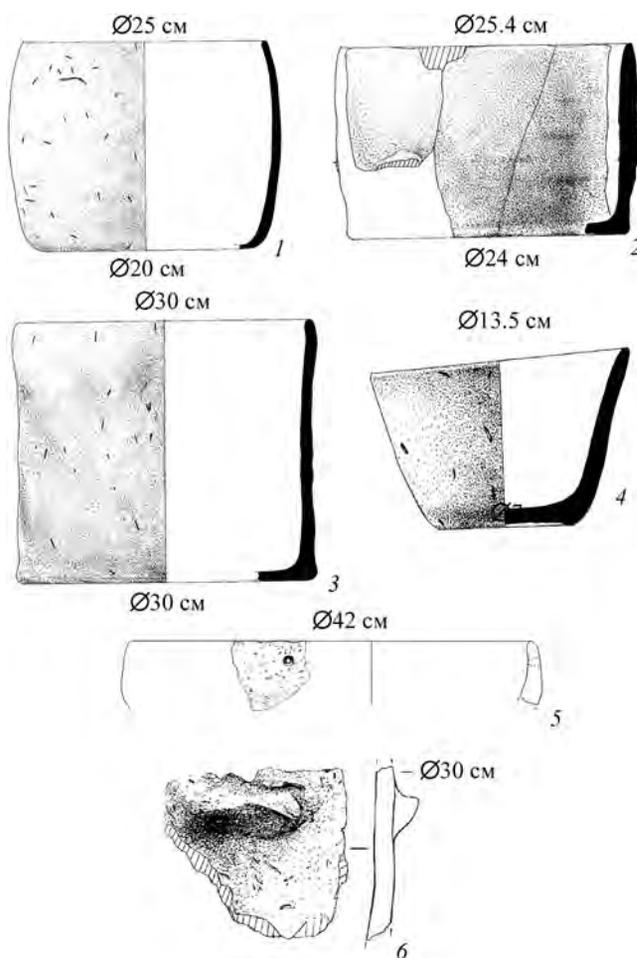

Рис. 3. Кюльтепе I. Керамические сосуды из раскопок 2014 г.

Результаты анализа углей из различных слоев поселения Кюльтепе I и окрестных памятников

Адрес образца	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C (BP)	$\delta^{13}\text{C}$ (‰)	Дата (BC) (95,4%)
Kultepe-2013-B-035	LTL14889A	6374 ± 50	-24.4 ± 0.4	5473-5293
Kultepe-2013-B-006	LTL14890A	6926 ± 45	-18.6 ± 0.2	5903-5720
Kultepel4-P1,002	LTL14935A	6477 ± 45	-21.3 ± 0.6	5520-5341
Kultepe14-D004	LTL14936A	7042 ± 45	-22.8 ± 0.6	6014-5836
Kultepe14-C021	LTL14937A	6548 ± 45	-19.6 ± 0.5	5616-5466
Kultepe14-A057	LTL14939A	6420 ± 45	-25.5 ± 0.3	5475-5320
Kultepe14-A072	LTL14940A	6355 ± 45	-23.9 ± 0.6	5468-5399
Kultepe13-A012	LTL14035A	6462 ± 45	-26.6 ± 0.5	5490-5320
Kultepe14-C034	LTL15113A	7099 ± 50	-21.1 ± 0.6	6070-5880
Kultepe14-C032	LTL15114A	7065 ± 50	-19.9 ± 0.5	6040-5840
Deyirman Yeri I	LTL14886A	5011 ± 45	-26.4 ± 0.3	3946-3701
Yeni Yol 2013	LTL14894A	5063 ± 45	-22.1 ± 0.5	3965-3761
Yeni Yol 2014-1007	LTL14895A	4853 ± 45	-17.1 ± 0.4	3712-3622
Serin Bulaq 2013-1	LTL14892A	4953 ± 40	-20.7 ± 0.4	3902-3880
Ucan Agil 2013	LTL14893A	5585 ± 45	-21.9 ± 0.7	4497-4344
Sorsu 2013:1008	LTL14063A	4945 ± 45	-27.7 ± 0.5	3910-3870

помещений также зарегистрированы остатки очагов и рабочих мест с керамическими изделиями и орудиями труда. Большинство находок составляют керамические сосуды, которые изготовлены из глины с примесью мякины, обожжены в разных оттенках красного и коричневого цвета и хорошо залощены. Широко представлены банкообразные сосуды и миски (рис. 3, 1–4). На краю некоторых мисок высверлено маленькое круглое отверстие (рис. 3, 5), на других имеются ушкообразные выступы (рис. 3, 6). Как известно, изделия с отверстиями под венчиком известны в различных периодах неолита и энеолита. Исследование поселения Кюльтепе I и прилегающих к нему памятников дало возможность проследить некоторые технические особенности сверления этих отверстий. Выяснилось, что в эпоху неолита отверстия просверливались после обжига керамических изделий, а в эпоху энеолита они пробивались до обжига.

Анализ угля из верхних слоев участка D показал 6014 г. до н.э. Следует отметить, что ниже открытого уровня находится еще семиметровая толща памятника. Анализ образцов из самых нижних горизонтов поселения указывает на самое начало VI тыс. до н.э. (таблица). Таким образом, исследования последних лет показывают, что нижние слои поселения Кюльтепе I, принимаемые раньше за энеолитические (Мунчаев, 1982. С. 93–131), относятся к керамическому неолиту, а возможно, и к самому раннему периоду энеолита. Как мы уже говорили, в окрестностях поселения Кюльтепе I выявлены многочисленные энеолитические памятники (Бахшалиев, 2014. С. 88–95). Среди них мощными культурными напластованиями выделяются поселения

Кюльтепе III и Йени йол. По нашему мнению, исследование этих памятников в дальнейшем будет способствовать изучению вопросов формирования и развития культур эпохи энеолита Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибуллаев О.А.* Энеолит и бронза на территории Нахчеванский АССР. Баку: Элм, 1982. 316 с.
- Бахшалиев В.Б.* Новые энеолитические памятники на территории Нахчывана // РА. 2014. № 2. С. 88–95.
- Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 93–131.
- Bakhshaliyev V., Seyidov A.* New Findings from the Settlement of Sadarak (Nakhchivan-Azerbaijan) // *Anatolia Antiqua*. 2013. XXI. P. 1–21.
- Baxşəliyev V.B., Marro C., Aşurov S.* Ovçular tepesi. Bakı: Elm, 2010. 156 p.
- Həbibullayev O.H.* Kültəpədə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1959. 134 p.
- Marro C., Bakhshaliyev V., Sanz S., Aliyev V.* Archaeological Investigations on the Salt Mine of Duzdagi (Nakhchivan, Azerbaijan) // *TÜBA-AR*. 2010. 13. P. 229–244.
- Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S.* Excavation at Ovçular tepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: The 2009–2010 Seasons // *Anatolia Antiqua*. 2011. XIX. P. 53–100.
- Seyidov A., Baxşəliyev V., Mahmudova V.* Хələс. Bakı: Elm, 2010. 220 p.

THE NEW DATA ON THE KÜLTEPE I SETTLEMENT IN NAKHCHYVAN

Veli B. Bakhshaliyev

Nakhchyvan Branch of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Nakhchyvan (velibahshaliyev@mail.ru)

The multi-layer settlement Kültepe I is one of the most famous Transcaucasian sites. The results of its excavations were published by O. Abibullaev more than 30 years ago. A French-Azerbaijani expedition resumed the investigation on the site in 2013. This small-scale fieldwork was aimed at the further elaboration of the site dating. It appears that the lower layers of Kültepe I date mainly to the Neolithic and, probably, to the early Eneolithic.

Keywords: Nakhchyvan, Kültepe I, Neolithic, Eneolithic.

REFERENCES

- Abibullaev O.A.*, 1982. Eneolit i bronza na territorii Nakhichevskoy ASSR [The Eneolithic and the Bronze Age in the territory of the Nakhichevan ASSR]. Baku: Elm. 316 p.
- Baxşəliyev V.B., Marro C., Aşurov S.*, 2010. Ovçular tepesi. Bakı: Elm. 156 p.
- Bakhshaliyev V.B.*, 2014. Novye eneoliticheskie pamyatniki na territorii Nakhchyvana [New eneolithic monuments in the territory of Nakhchyvan]. *RA* 2, pp. 88–95.
- Bakhshaliyev V., Seyidov A.*, 2013. New Findings from the Settlement of Sadarak (Nakhchivan-Azerbaijan). *Anatolia Antiqua*, XXI, pp. 1–21.
- Həbibullayev O.H.*, 1959. Kültəpədə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı. 134 p.
- Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S.*, 2011. Excavation at Ovçular tepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: The 2009–2010 Seasons. *Anatolia Antiqua*, XIX, pp. 53–100.
- Marro C., Bakhshaliyev V., Sanz S., Aliyev V.*, 2010. Archaeological Investigations on the Salt Mine of Duzdagi (Nakhchivan, Azerbaijan). *TÜBA-AR*, 13, pp. 229–244.
- Munchaev R.M.*, 1982. Eneolit Kavkaza [The Eneolithic of the Caucasus]. *Arkheologiya SSSR. Eneolit SSSR [The Archaeology of the USSR. The Eneolithic of the USSR]*. Moscow: Nauka, pp. 93–131.
- Seyidov A., Baxşəliyev V., Mahmudova V.*, 2010. Xələc. Bakı: Elm. 220 p.

РАННЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ У ПГТ. АКИМОВКА ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2016 г. Ю.В. Болтрик*, В.В. Кропотов**

* *Институт археологии НАН Украины, Киев (boltryk@ukr.net)*

** *Институт археологии Крыма РАН, Симферополь (v-kropotov@bk.ru)*

В статье публикуются материалы трех раннесарматских погребений, изученных в 1984 г. Приазовской новостроечной экспедицией Института археологии АН УССР (начальник экспедиции – Ю.В. Болтрик) у пгт. Акимовка Запорожской обл. Эти захоронения были впущены в насыпи курганов, сооруженных в предшествующее время, на глубину 0.9 – 1.1 м. Два из них (кург. 1 погр. 2 и кург. 13 погр. 5) ориентированы головами на СЗ; ориентировка третьего (кург. 13 погр. 1) достоверно не установлена, так как погребение нарушено грабительской траншеей. Среди обнаруженного в захоронениях инвентаря – гончарные красноглиняные кувшин с витой ручкой и чаша красно-бурого лака, а также лучковая подвязная фибула серии I варианта 1, сохраняющая в себе черты изделий среднелатенской схемы. Данные вещи позволяют датировать исследованные комплексы I в. до н.э.; погр. 1 из кург. 13, сопровождавшееся гончарными красноглиняными кувшином и чашкой, скорее всего следует относить к первой половине этого столетия, а погр. 5 из того же кургана, содержавшее лучковую фибулу, – к концу I в. до н.э. или даже рубежу н.э. К сожалению, погр. 2 из кург. 1 имело слишком маловыразительный в хронологическом отношении инвентарь, поэтому отнесение этого захоронения к раннесарматскому времени в значительной степени условно и основывается лишь на близости его обрядовых характеристик к двум другим публикуемым погребениям. Описанные комплексы дополняют наши скудные знания о раннесарматских древностях Северного Причерноморья и указывают на тесные торгово-экономические связи кочевников региона с позднескифскими племенами.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, сарматы, курганы, погребальные памятники, эллинизм – римское время.

Погребальные памятники сарматов II–I вв. до н.э. в Северном Причерноморье немногочисленны. Так, в последнем по времени своде раннесарматских древностей, подготовленном А.В. Симоненко, таких объектов учтено лишь 47 (Симоненко, 1994. С. 32 и сл.). Еще 14 объектов из этого свода представлены так называемыми странными комплексами/вотивными кладами и случайными находками, связь которых с сарматами вызывает острые дискуссии (см., например, Зайцев, 2012. С. 67 и сл.). Поэтому публикация каждого нового бесспорно раннесарматского памятника неизменно вызывает большой интерес у исследователей. Данная работа посвящена публикации сразу трех таких комплексов, изученных у пгт. Акимовка еще в 1984 г. Приазовской новостроечной экспедицией Института археологии АН УССР (начальник экспедиции – Ю.В. Болтрик), однако оставшихся до сих пор неизвестными даже узкому кругу специалистов.

Эти погребения обнаружены в курганной группе, состоявшей из 15 насыпей, протянувшихся цепочкой на расстояние в 3 км с северо-запада на юго-восток по гребню водораздела двух небольших речек – Большого и Малого Утлюков, в 4.5–5.5 км к западу и юго-западу от пгт. Акимовка – районного центра Запорожской обл. Из 13 изученных здесь курганов (две насыпи не исследовались) четыре оказались сооруженными в эпоху бронзы, девять – в скифское время (Болтрик, Фиалко, 2010. С. 104 и сл.). В нескольких из них обнаружены более поздние впускные погребения, в том числе и три сарматских захоронения, найденных в курганах 1 и 13.

Курган 1, крайний в группе с северо-запада, находился в 5.5 км к западу от пгт. Акимовка. Его насыпь постоянно распахивалась и к началу раскопок имела высоту 1.15, длину 59 (с запада на восток) и ширину 47 м (с севера на юг). В кургане выявлено четыре захоронения. Три из них относились к эпохе бронзы: два – к катакомбной культуре (№№ 3 и 4)

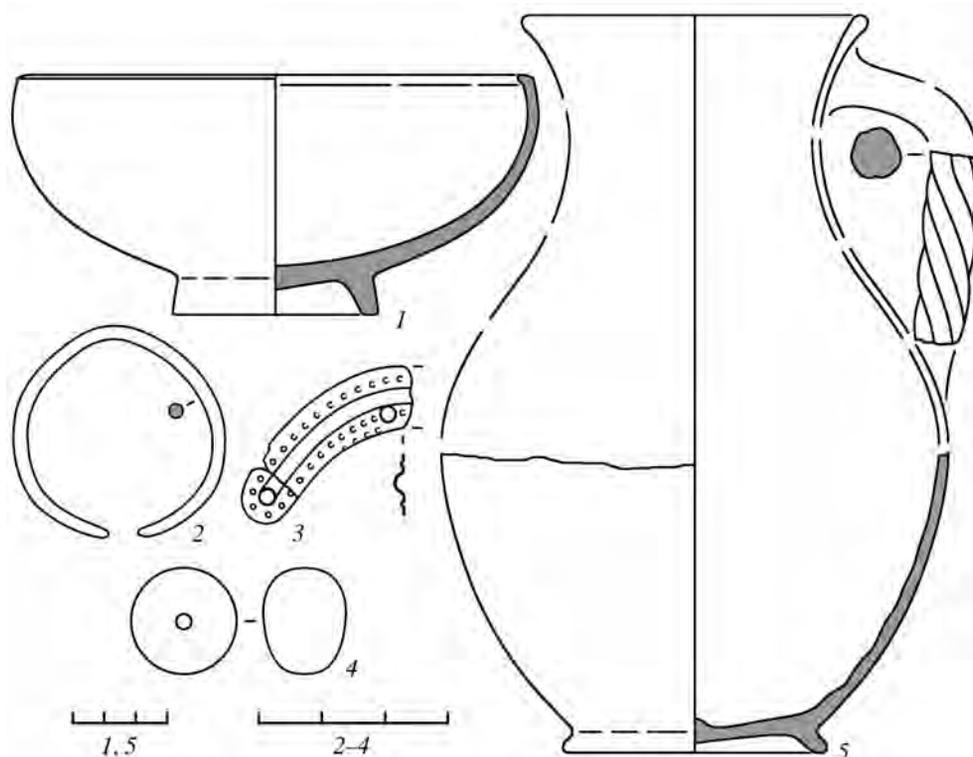

Рис. 1. Курганы у пгт. Акимовка. Находки из погребения 2 кургана 1 (2) и из погребения 1 (3–5) и насыпи (1) кургана 13: 1, 5 – красноглиняные сосуды, 2 – серебряное кольцо, 3 – серебряная позолоченная пластина, 4 – бусы из горного хрусталя.

и одно – к срубной (№ 1). Сарматское погребение (№ 2) зафиксировано в 4 м к северо-западу от центра кургана на глубине 0.9 м. Контуры погребального сооружения проследить не удалось, так как большая часть могилы была разрушена норами грызунов. От погребенного сохранились лишь верхняя часть грудной клетки и череп, судя по которым, он был уложен вытянуто на спине головой на СЗ. При погребении найдены: с правой стороны черепа – серебряное проволочное кольцо (рис. 1, 2), в районе шеи – обломок серебряной(?) бочковидной пронизи длиной 1.2 см (распался при расчистке).

Курган 13 находился в 4.5 км к юго-западу от пгт. Акимовка и замыкал курганную группу с противоположного, юго-восточного, края. Его высота 4, диаметр 36 м, насыпь не распаивалась. Первоначальный курган высотой 2.5, диаметром 28–30 м был возведен над центральным скифским погребением (№ 4) и окружен кольцевым рвом. В ходе совершения еще двух скифских захоронений (№№ 3 и 6) первоначальная насыпь была надстроена, достигнув современных размеров. В сарматское время в уже готовый курган были впущены погребения 1 и 5. Культурная принадлежность еще одного захоронения (№ 2) достоверно не установлена (позднекочевническое?).

Погребение 1, выявленное в 5 м к ВЮВ от центра кургана на глубине около 1 м, было почти полностью разрушено современной грабительской траншеей, направленной с юго-восточного края насыпи к ее центру. Точно определить ориентировку и положение покойного не удалось. Среди его разрозненных костей находились нижняя часть гончарного красноглиняного кувшина с витой ручкой, покрытого светлым ангобом (рис. 1, 5), обломок серебряной позолоченной пластины (рис. 1, 3), две округлые поперечно-сжатые бусины из горного хрусталя (рис. 1, 4) и аналогичная им по форме пронизь из глухого белого стекла диаметром 0.3 см (не сохранилась). Возможно, с этим же погребением следует связывать крупный фрагмент гончарной красноглиняной миски со следами красно-бурого лака (рис. 1, 1), найденный в верхней части насыпи кургана, недалеко от захоронения (в отвале грабительского шурфа?).

Погребение 5 обнаружено в 5.5 м к ССВ от центра кургана на глубине 1.1 м. Контуры погребального сооружения, за исключением западной стенки, проследить не удалось – большая часть могилы разрушена норой крупного животного (лисицы?). От скелета сохранились лишь грудная клетка и череп, судя по которым покойный также был уложен вытя-

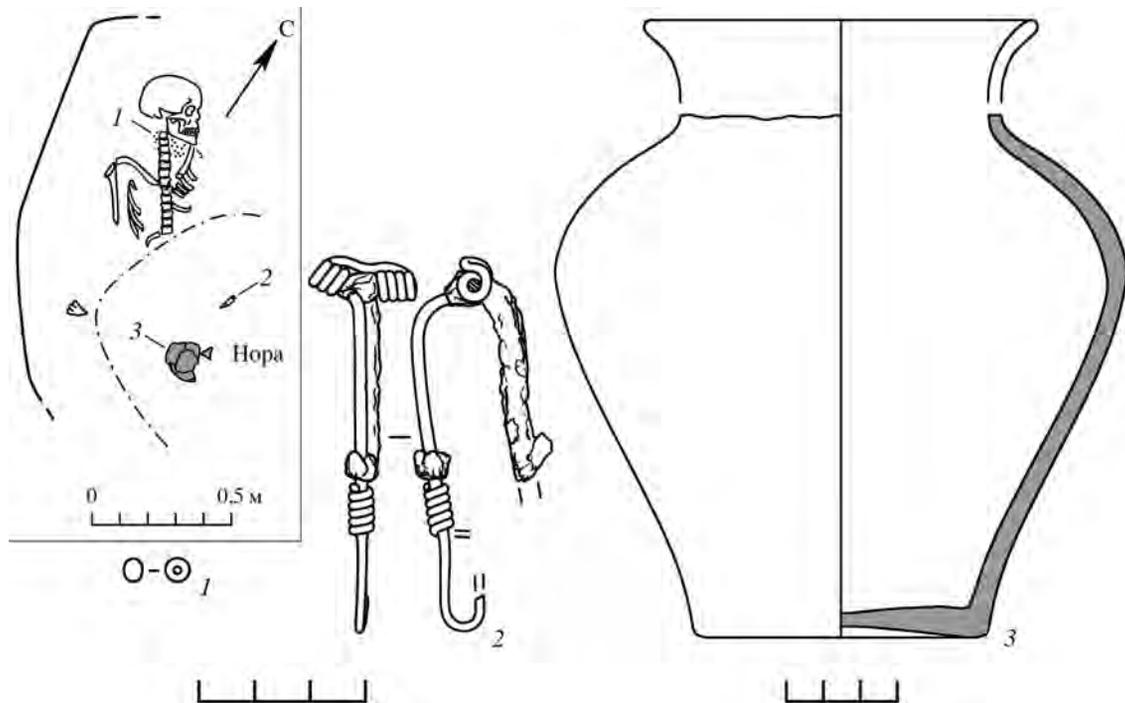

Рис. 2. Курганы у пгт. Акимовка. План и инвентарь погребения 5 из кургана 13: 1 – стеклянные бусы, 2 – бронзовая фибула с железной иглой, 3 – лепной горшок.

нуто на спине головой на СЗ. В районе шеи усопшего зафиксирована россыпь округлых поперечно-сжатых бус из глухого белого стекла (рис. 2, 1)¹. К юго-востоку от остатков скелета, в перемешанном грунте заполнения норы, обнаружены бронзовая фибула с железной иглой и развал лепного сосуда (рис. 2, 2, 3).

Инвентарь описанных захоронений хоть и скуден, все же достаточно информативен с точки зрения хронологии. Так, гончарные красноглиняные кувшины с витыми ручками, аналогичные образцу из погр. 1 кург. 13 (рис. 1, 5), относительно многочисленны как в сарматских погребениях, так на античных памятниках Северного Причерноморья (см., например, Костенко, 1979. С. 195. Рис. 4, 4; Симоненко, 1993. С. 7, 8. Рис. 1, 1б; Абрамов, Сазонов, 1992. С. 157. Табл. IX, 14; и др.). Исследователи датируют их широким хронологическим промежутком от III в. до н.э. до начала I в. н.э. (Алексеева, 1982б. С. 68, 69; Марченко, 1996. С. 82 и сл.; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003. С. 294).

Не редкость в Причерноморье и подобные сосуды из насыпи кургана 13 краснолаковые чаши с полусферическим туловом на невысоком кольцевом поддоне (рис. 1, 1). Такие изделия были наиболее

популярными в I в. до н.э. – начале – первой половине I в. н.э. (Храпунов, Мяскин, Мульд, 1997. С. 90, 91. Рис. 16, 5; 18, 1; 21, 1; Пуздровский, 2007. С. 80 и сл. Рис. 12, II, 1; 15, II, 5; 24, III, 1; 34, 25; 35, 12; 38, 6; Труфанов, 2005–2009. С. 142. Рис. 10, 6, 7), но изредка встречаются и в более позднее время (Журавлев, 2010. С. 55. Форма 16). Чаша, полностью идентичная публикуемой, найдена в склепе 17 некрополя Беляуса. О.Д. Дашевская датирует ее первой половиной I в. до н.э. (Дашевская, 2014. С. 25. Табл. 42, 3).

Длительное время бытовали округлые поперечно-сжатые бусы из горного хрусталя (рис. 1, 4) и аналогичные им по форме пронизи из глухого белого стекла (рис. 2, 1). Первые Е.М. Алексеева относит к концу II в. до н.э. – III в. н.э. (Алексеева, 1982а. С. 7), вторые датирует еще шире – всей античной эпохой (Алексеева, 1978. С. 63). Столь же широкую дату Е.М. Алексеева предлагает и для металлических бочковидных пронизей, отмечая их преимущественное распространение в первые века н.э. (Алексеева, 1982а. С. 21 и сл.).

Очень интересная находка из погр. 1 кург. 13 – фрагмент серебряной позолоченной пластинки длиной 3.2 см (рис. 1, 3). Этот предмет, скорее всего, первоначально имел форму лунницы и служил украшением костюма. Публикуемый образец украшен продольным рельефным гребнем, под-

¹ К сожалению, бусы подверглись сильной эрозии и расслоились, их точное количество установить не удалось.

черкнутым по краю пуансонным орнаментом. На его противоположных концах имеются сквозные отверстия, с помощью которых украшение, видимо, крепилось к основе. К сожалению, ни самой основы, ни ее следов не сохранилось.

Такие изделия до сих пор в сарматских захоронениях Северного Причерноморья не встречались, однако широко известны на позднескифских памятниках Предгорного и Северо-Западного Крыма. Так, очень близкие по форме образцы, украшенные рельефными выступами и пуансонным орнаментом, найдены в склепе 106 могильника Битак (Пуздровский, 2007. Рис. 37, 23) склепах 38 и 77 некрополя Беяуса (Дашевская, 2014. Табл. 63, 1; 95, 14) и склепе 148 могильника Левадки (Мульд, 2012. Рис. 1, 2). Все эти комплексы по сопутствующему инвентарю могут быть датированы I в. до н.э. (Дашевская, 2014. С. 30, 37).

На контакты сарматов с населением позднескифских городищ указывает и найденная в погр. 5 кург. 13 бронзовая фибула (рис. 2, 2). По своим основным внешним признакам – подвязному приемнику, узкой ножке, одночленному пружинному механизму с верхней тетивой – эта застежка, несомненно, относится к варианту 1 серии I лучковых подвязных фибул, датирующемуся в основном концом I в. до н.э. – первой пол. I в. н.э. (Амброз, 1966. С. 48; Кропотов, 2010. С. 71, 72, 332). Однако ряд деталей – длинная 8-витковая пружина, низкий приземистый корпус, подпрямоугольные очертания – сближают ее с фибулами среднелатенской схемы так называемого “неапольского” варианта, бытовавшими в предшествующий период (Амброз, 1966. С. 22; Кропотов, 2010. С. 48–50). Подобные образцы, совмещающие в себе признаки сразу двух фибульных групп, сосредоточены главным образом в Центральном Крыму. В могилах им сопутствуют вещи, характерные еще для второй пол. II – I в. до н.э.: веретенообразные флаконы, “шаровидные” курильницы, пряжки с неподвижными язычками, поясные крюки и т.п. Однако данный факт не дает основания для датировки подобных фибул столь широким временным интервалом (Зайцев, Мордвинцева, 2003. С. 150). Устойчивое стратиграфическое положение подвязных застежек в склепах с многократными погребениями – после или вместе с фибулами среднелатенской схемы, среди смешанных костей сразу нескольких захоронений – определенно указывает на их широкое распространение уже после выхода из употребления последних, т.е. ближе к концу I в. до н.э. (Кропотов, 2010. С. 50, 51, 67). Подвязные фибулы, сохраняющие в себе черты изделий среднелатенской схемы, возможно, бытовали несколько раньше основной массы под-

вязных застежек, однако и они не могли появиться ранее второй половины – последней четверти этого столетия (Кропотов, 2010. С. 51, 67).

Фибула из погр. 5 кург. 13 у пгт. Акимовка, по-видимому, использовалась в быту достаточно долго: ее игла сломалась в месте соединения с пружиной, и древний мастер, чтобы продлить использование застежки, изготовил ей новую иглу из отдельного куска железной проволоки; при этом один конец проволоки он закрепил на головке фибулы, другой пропустил между витками пружины к приемнику. Учитывая эти особенности, данную фибулу, как и комплекс, из которого она происходит, следует относить к несколько более позднему периоду, чем ее крымские аналоги, и датировать временем, близким к рубежу н.э. К сожалению, сопутствующие изделия находки – лепной горшок и округлые пронизи из глухого белого стекла – не позволяют уточнить предложенное определение.

Не предполагают узких датировок и серебряные кольца, аналогичные кольцу, найденному в погр. 2 кург. 1. Подобные украшения применялись как в течение всего античного периода, так и в последующее время.

Таким образом, приведенный хронологический анализ найденных в публикуемых комплексах вещей позволяет уверенно датировать I в. до н.э. два из них – погр. 1 и 5 кург. 13. При этом погр. 1, по-видимому, сопровождавшееся гончарной красноглиняной чашкой, покрытой в древности красно-бурым лаком, скорее всего, следует отнести еще к первой половине этого столетия, а погр. 5, содержащее раннюю подвязную фибулу, – к концу I в. до н.э. или даже рубежу н.э. К сожалению, погр. 2 кург. 1 содержало хронологически слишком маловыразительный инвентарь. Найденные в нем предметы – серебряное кольцо и бочковидная пронизь – узко не датируются. Поэтому отнесение данного захоронения к раннесарматскому времени в значительной степени условно и основывается лишь на его близости двум другим публикуемым погребениям по погребальному обряду.

Использование для захоронения уже существующих курганных насыпей, ориентировка покойного в северный сектор, незначительная глубина погребения, бедность погребального инвентаря – главные отличительные черты раннесарматских захоронений Северного Причерноморья (Симоненко, 1994. С. 32). Их малочисленность при распространении на довольно значительной территории – между речью Дона и Днепра – свидетельствуют о невысокой плотности населения в это время. Письменные источники конца II – I в. до н.э. упоминают в этом регионе роксолан/ревксиалов, с которыми, по-ви-

димому, и следует связывать данные памятники (Симоненко, 1991. С. 17 и сл.).

Описанные комплексы дополняют наши скудные знания о раннесарматских древностях Северного Причерноморья и указывают на тесные торгово-экономические связи кочевников региона с позднескифскими племенами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П., Сазонов Ю.С.* Керамика трех подводных комплексов Патрея // Боспорский сборник. Вып. 1. М.: Науч.-исслед. археологический центр "Архэ", 1992. С. 147–172.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 2. М.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Г1–12). 104 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 3. М.: Наука, 1982а (САИ; Вып. Г1–12). 104 с.
- Алексеева Е.М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия: материалы Анапской археологической экспедиции. Ч. II. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1982б. С. 5–116.
- Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Д1–30). 150 с.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Скифский курган с ранней уздой из Северо-Западного Приазовья // Боспорские исследования. Вып. XXIII. Симферополь; Керчь: НАНУ, 2010. С. 104–132.
- Дашевская О.Д.* Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие "Феникс", 2014. 284 с.
- Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: Крымское отд. Ин-та востоковедения НАН Украины, 2010 (МАИЭТ. Supplementum; Вып. 9). 320 с.
- Зайцев Ю.П.* Северное Причерноморье в III – II вв. до н.э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 67–72.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003. № 2. С. 135–154.
- Костенко В.И.* Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. 1979. № 4. С. 189–200.
- Кропотов В.В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1996. 340 с.
- Мульд С.А.* Исследования могильника у с. Левадки в Крыму // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. Київ: ІА НАНУ, 2012. С. 95–97.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Симоненко О.В.* Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17–28.
- Симоненко А.В.* Сарматы Таврии. Киев: Наук. думка, 1993. 144 с.
- Симоненко О.В.* Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. 1994. № 1. С. 32–48.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь; Керчь: НАНУ, 2003. С. 289–314.
- Труфанов А.А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Полевой дневник: Римское время. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2009 (Stratum plus; № 4/2005–2009). С. 117–328.
- Храпунов И.Н., Мяскин В.В., Мульд С.А.* Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып.1. Симферополь: Таврия, 1997. С. 76–155.

AN EARLY SARMATIAN BURIALS NEAR THE TOWNSHIP OF AKIMOVO IN THE ZAPOROZHYE OBLAST

Yurü V. Boltrik*, Victor V. Kropotov**

**Institute of Archaeology of NAS of the Ukraine, Kyiv (boltryk@ukr.net)*

***Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Simferopol (v-kropotov@bk.ru)*

The article presents the materials of three early Sarmatian burials studied in 1984 by the Azov Region new constructions expedition of the Institute of Archaeology of the Academy in Sciences USSR (the commander of the expedition Iu. V. Boltrik) near the urban settlement Akimovka in Zaporozhye Region. These secondary burials were found in the burial mounds at the depth of 0.9–1.1 m. Two of them (barrow 1 burial 2 and barrow 13 burial 5) are oriented heads to the North-West. The orientation of the third one (barrow 13 burial 1) has not been reliably ascertained as it had been destroyed by the robber trench. Among the grave goods there were a potters' red-clay jar with a twisted arm, a potters' red-clay bowl with the traces of a brown-red lacquer, and a bow-shaped tied fibula of the I series of the variant 1, keeping the features of the objects of the late La Tène scheme. These objects allow to date the complex to the 1st c. BC. Burial 1 from the barrow 13, apparently, accompanied by the potters' red-clay bowl with the traces of the brown-red lacquer, should be referred to the first half of this century and the burial 5 from the same barrow containing the bow-shaped fibula should be referred to the end of the 1st c. BC or even to the turn of AD. Unfortunately, burial 2 from the barrow 1 contained grave goods with an undefined date. That is why the reference of this burial to the early Sarmats period is significantly conventional and is based on only the similarity of its ritual features with two other mentioned burials. Described complexes update our sprinkling of knowledge about early Sarmatian antiquities of the Black Sea Region and point at the close trade and economic relations of the region's nomads with the late Scythian tribes.

Key words: Black Sea Region, Sarmatians, barrows, burial mounds, Hellenism – Roman time.

REFERENCES

- Abramov A.P., Sazonov Yu.S.*, 1992. Keramika trekh podvodnykh kompleksov Patreya [Ceramics of three underwater assemblages of Patreya]. *Bosporskiy sbornik [Bosporus collected papers]*, 1. Moscow: Arkhe, pp. 147–172.
- Alekseeva E.M.*, 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of the Black Sea Region], 2. *SAI*, G1-12. Moscow: Nauka. 104 p.
- Alekseeva E.M.*, 1982a. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of the Black Sea Region], 3. *SAI*, G1-12. Moscow: Nauka. 104 p.
- Alekseeva E.M.*, 1982b. Yugo-vostochnaya chast' nekropol'ya Gorgippii [South-Eastern part of the Gorgippia necropolis]. *Gorgippiya: materialy Anapskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Gorgippia: materials of Anapa archaeological expedition]*, II. Krasnodar: Krasnod. kn. izd-vo, pp. 5–116.
- Ambroz A.K.*, 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e. [Fibulae of south of the European part of USSR of the 2nd c. BC–4th c. AD]. *SAI*, D1-30. Moscow: Nauka. 150 p.
- Boltrik Yu.V., Fialko E.E.*, 2010. Skifskiy kurgan s ranney uzдой iz Severo-Zapadnogo Priazov'ya [Scythian burial mound with early bridle from the north-western Azov Region]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporus researches]*, XXIII. Simferopol'; Kerch': NAN Ukrainy, pp. 104–132.
- Dashevskaya O.D.*, 2014. Nekropol' Belyausa [Necropolis of Belyaus]. Simferopol': Feniks. 284 p.
- Khrapunov I.N., Masyakin V.V., Mul'd S.A.*, 1997. Pozdneskifskiy mogil'nik u s. Kol'chugino [Late Scythian necropolis at the village Kolchugino]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskii sbornik [Bakhchisaray historical-archaeological collected papers]*, 1. Simferopol': Tavriya, pp. 76–155.
- Kostenko V.I.*, 1979. Naibolee rannie sarmatskie pogrebeniya v bassejne Oreli i Samary [The earliest Sarmatian burials in the basin of Orel' and Samara]. *SA*, 4, pp. 189–200.
- Kropotov V.V.*, 2010. Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of the Sarmatian period]. Kiev: ADEF-Ukraina. 384 p.
- Marchenko I.I.*, 1996. Siraki Kubani [Syraki of Kuban]. Krasnodar: Izd-vo KGU. 340 p.
- Mul'd S.A.*, 2012. Issledovaniya mogil'nika u s. Levadki v Krymu [Researches of the burial ground at the village Levadaki in the Crimea]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2011 r. [Archaeological researches in the Ukraine in 2011]*. Kiïv: IA NANU, pp. 95–97.
- Puzdrovskiy A.E.*, 2007. Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia of the

- 2nd c. BC – 3rd c. AD. Burial sites]. Simferopol': Biznes-
Inform. 480 p.
- Simonenko A.V.*, 1993. Sarmaty Tavrii [Sarmatians of Tauria]. Kiev: Naukova dumka. 144 p.
- Simonenko O.V.*, 1991. Roksolani (poshuk arkhologichnikh vidpovidnostey) [Roxolani (the search of archaeological correlations)]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 4, pp. 17–28.
- Simonenko O.V.*, 1994. Rann'osarmats'kiy period u Pivnichnomu Prichernomor'i [Early Sarmatian period in the Black Sea Region]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 32–48.
- Tolstikov V.P., Zhuravlev D.V., Lomtadze G.A.*, 2003. Keramicheskii kompleks pozdneellinisticheskogo vremeni iz Pantikapeya [Ceramic assemblage of the late Hellenistic time from the Panticapeum]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporus researches]*, III. Simferopol'; Kerch': NANU, pp. 289–314.
- Trufanov A.A.*, 2009. Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [Chronology of necropolises of the piedmont Crimea of the 1st c. BC–3rd c. AD]. *Polevoy dnevnik: Rimskoe vremya [Field diary: Roman time]*. *Stratum plus*, 4/2005–2009. St.Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 117–328.
- Zaytsev Yu.P.*, 2012. Severnoe Prichernomor'e v III – II vv. do n.e.: ritual'nye klady i arkhologicheskie kul'tury (postanovka problemy) [Black Sea Region in the 3rd–2nd cc. BC: ritual hoards and archaeological culture (the forming of a problem)]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III – II vv. do n.e. [Antiquities of the Black Sea Region 3rd–2nd cc. BC]*. Tiraspol': Pridnestrovskiy gosudarstvennyy universitet imeni T.G. Shevchenko, pp. 67–72.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I.*, 2003. Podvyaznye fibuly v varvarskikh pogrebeniyakh Severnogo Prichernomor'ya pozdneellinisticheskogo perioda [Tied fibulae in barbarian burials of the Black Sea Region of the late Hellenistic period]. *RA*, 2, pp. 135–154.
- Zhuravlev D.V.*, 2010. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I – III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) [Red lacquer ceramics of the south-western Crimea 1st–3rd cc. AD]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]*. Supplementum, 9. Simferopol': Krymskoe ot-delenie Instituta vostokovedeniya NANU, 320 p.

КЛАД ВИЗАНТИЙСКИХ ФОЛЛИСОВ ИЗ ИЕРИХОНА

© 2016 г. М.Г. Абрамзон*, Л.А. Беляев**, А.Н. Ворошилов**, В.В. Зайцев***

* Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

** Институт археологии РАН, Москва (labeliaev@bk.ru)

*** Государственный Исторический музей, Москва

В статье публикуется клад византийских фоллисов VI в., найденный во время работ экспедиции Института археологии РАН в Иерихоне в 2010 г. Клад содержит 54 монеты императоров Анастасия I, Юстина I, Юстиниана I, Юстина II и Маврикия. Большинство фоллисов отчеканено на монетном дворе Константинополя; остальные выпущены в Фессалонике, Кизике, Никомедии и Антиохии. Позднейшая монета в кладе – фоллис Маврикия 592/593 г. – маркирует *terminus post quem* для тезаврации. Комплекс принадлежит к наиболее распространенному типу кладов византийской меди, зарытых на территории Палестины в VI в., и представляет большой интерес для изучения денежного обращения в восточных провинциях Византийской империи в контексте исторических событий.

Ключевые слова: Иерихон, Палестина, Византия, диоцез Восток, Анастасий I, Юстин I, Юстиниан I, Юстин II, Маврикий, денежное обращение, монетные клады, фоллисы, чеканка, хронология.

В 2010–2013 гг. Иерихонская российско-палестинская экспедиция Института археологии РАН проводила исследования в ходе строительства Музейно-паркового комплекса РФ, участок которого передан руководством Палестинской Национальной Автономии Правительству Российской Федерации в 1997 г. (предварительная публикация результатов: Беляев, 2011а, б). По всей зоне были открыты остатки каменных сооружений VI–VII вв. с комфортабельными помещениями и в южной части – хозяйственная зона (византийский и исламский периоды). Среди находок выделяется обширная коллекция монет конца ранневизантийского и арабского периода, а также эпох эллинизма, Иудейского царства, Рима, Византии и средневековья.

Работы первого полевого сезона (2010 г.) включали археологический надзор на всей территории комплекса. При обследовании траншеи (Тг 3/3, предназначена для опорной стены с северо-западной стороны здания музея) обнаружен клад (рис. 1), содержащий 54 фоллиса византийских императоров от Анастасия I (498–518) до Маврикия (582–602) (Беляев и др., 2011. С. 34). Большинство монет окислилось и спаялось в столбики, включающие от двух до шести фоллисов (рис. 2). Клад был найден на глубине около 1.5 м от дневной поверхности 2010 г. (–252.89 м в Балтийской системе высот). Он располагался под современной мощной (около 1 м) строительной подсыпкой и отложениями Нового времени, в верхней части культурного слоя, состоявшего из коричневого суглинка и булыжников разного

размера. Следы контейнера не выявлены, возможно, клад находился в мягкой таре или был завернут в матерiu. Не исключено, что часть комплекса утрачена при рытье траншеи.

Анализу этого клада и посвящена статья. По составу он примыкает к группе кладов VI в., происходящих из части диоцеза Восток, включающей территории современных Палестины, Израиля, Ливана и Сирии. Следует отметить, что среди кладов, зарытых на территории Палестины (Waner, Safrai, 2001) в VI в., доминируют клады медных монет. Они делятся на основные категории: 1) клады, состоящие только из фоллисов (иногда включают также полуфоллисы); 2) клады нуммиев; 3) клады из монет разных номиналов (Bijovsky, 2012. P. 335–343; Bijovsky, Benovits, 2015. S. 59. Note 12). Согласно такой классификации публикуемый клад принадлежит к первой группе: он содержит только фоллисы, которые выпускали монетные дворы Фессалоник, Константинополя, Кизика, Никомедии и Антиохии в течение отрезка времени, охватывающего более столетия (табл. 1). Самая ранняя монета в кладе – фоллис Анастасия I, отчеканенный в период после его монетной реформы, – между 498 и 512 г. Позднейшая монета в комплексе – фоллис Маврикия, выпущенный в 592/593 г. (рис. 3, № 54).

Фоллисы, отчеканенные в первой половине – середине VI в., составляют более двух третей монет в кладе. Почти все они носят следы интенсивного обращения. Чеканка последних полутора десятков

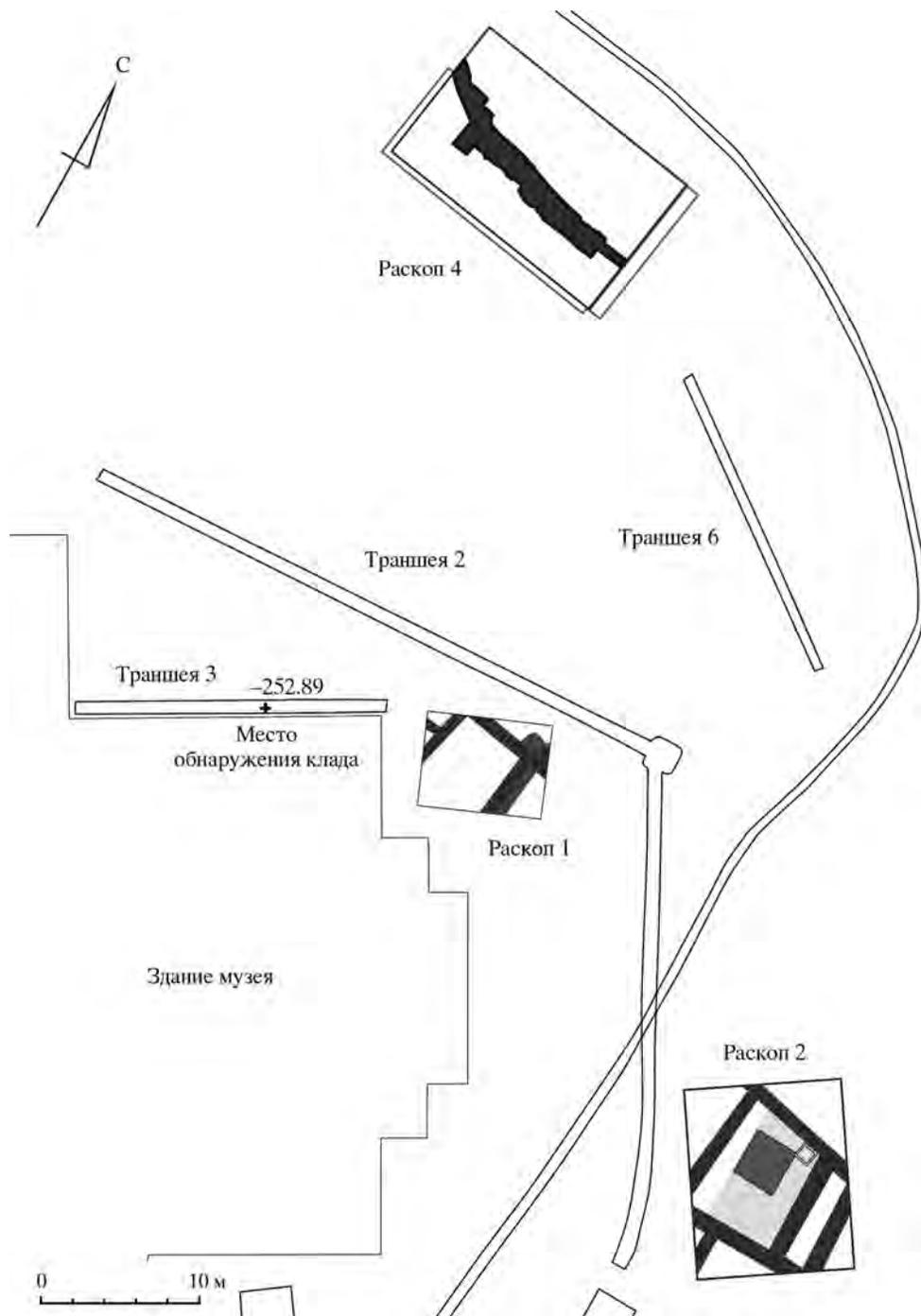

Рис. 1. Место обнаружения клада на схеме расположения раскопов 2010 г.

лет столетия представлена всего тремя фоллисами Маврикия. Большинство фоллисов принадлежит монетному двору Константинополя – 42 экз. (78%), затем следуют выпуски Антиохии – 6 экз. (11%) и Никомедии – 4 экз. (7%). По одной монете принадлежит монетным дворам Фессалоники и Кизика (табл. 2). Среди выпусков Константинополя самую большую группу образуют монеты, отчеканенные в пятой оффicine (Є). Подобное процентное соотношение

представительства монетных дворов типично для всех кладов, сокрытых в VI и VII вв., независимо от даты тезаврации. Во всех подобных комплексах преобладают выпуски Константинополя; за ними всегда следуют выпуски монетных дворов Антиохии и Никомедии (Vijovsky, Benovits, 2015. S. 62. Fig. 4).

Шестнадцать фоллисов Анастасия I (498–518) образуют наибольшую группу монет в кладе. Самый ранний фоллис (№ 1) имеет малый диаметр и вес

Рис. 2. Монеты из клада византийских фоллисов VI в. в момент находки. Иерихон, 2010 г.

Таблица 1. Состав Иерихонского клада 2010 г.

Император/даты	Фессалоника	Константинополь	Кизик	Никомедия	Антиохия	Всего
Анастасий I, 498–518		16				16
Юстин I, 518–527	1	14				15
Юстиниан I, 527–565		7			3	10
Юстин II, 565–578		5		4	1	10
Маврикий, 582–602			1		2	3
Итого	1	42	1	4	6	54

Таблица 2. Распределение монет в кладе по дворам и официям

Монетный двор	Официны						Всего
	А	В	Г	Δ	Є	Не ясно	
Фессалоника						1	1
Константинополь	5	4	6	8	13	6	42
Кизик		1					1
Никомедия	3	1					4
Антиохия	2	1	1			2	6

и, следовательно, выпущен в пореформенный период между 498 и 512 г. Остальные 15 монет (№ 2–16) относятся к последней серии крупных фоллисов, датируемой 512–518 гг. Все монеты этого императора из клада отчеканены на Константинопольском монетном дворе: во второй официне – 1 экз.; в третьей – 1 экз.; четвертой – 4 экз.; пятой – 7 экз. На трех остальных экземплярах знаки официн не определимы.

Юстину I (518–527) принадлежит следующая группа из 15 фоллисов (№ 17–31), из них 14 экз. отчеканены на монетном дворе Константинополя, а 1 экз. – в Фессалонике.

Монеты Юстиниана I (527–565), за исключением единственного фоллиса, отчеканенного в 542/543 г. (№ 38), принадлежат не датированной серии, выпущенной в первой половине его правления, между

Рис. 3. Клад византийских фоллисов VI в. из Иерихона (2010 г.).

527 и 538 г. Из них 7 экз. отчеканены в Константинополе, 3 экз. – в Антиохии. Подобное распределение выпусков монетных дворов наблюдается, например, и в кладе из набатейского города Обода (Южный Израиль), расположенного по пути из Газы и Петру (Bijovsky, Benovits, 2015). Монеты Юстиниана I, чеканенные в Константинополе и Никомедии после реформы 538 г., получили наибольшее распространение на Ближнем Востоке. Монетный двор Антиохии останавливал свою деятельность в 14 и 15-й годы правления Юстиниана во время захвата города персами, а затем в 17–19-й годы его правления по причине Великой чумы. Наиболее интенсивно антиохийский двор работает с конца 540-х годов (Gândilă, 2009. P. 175. Note 118).

Публикуемый клад включает 10 фоллисов Юстина II (565–578), выпущенных между 569/570 и 577/578 г. (№ 42–51). Половина из них отчеканена в Константинополе, 4 экз. – в Никомедии, 1 экз. – в Антиохии. Иерихонский клад 2010 г., так же как и упомянутый клад из Ободы и единичные монетные находки из региона (Bijovsky, Benovits, 2015. S. 59), свидетельствует о том, что фоллисы Константинопольского монетного двора пользовались наибольшей популярностью в денежном обращении Палестины в правление Юстина II. В целом же фоллисы составляли более половины всей массы монет этого императора (Gândilă, 2009. P. 178). Следует отметить также присутствие в кладе неизданного фоллиса с годом Х/П/І (13-й год правления = 577/578 г.) и знаком второй оффицины (В) (рис. 3, № 46). Ранее был опубликован единственный известный нам экземпляр этого года со знаком первой оффицины (А) из наиболее полной коллекции Думбартон Оакс (DOC¹. P. 214. No. 43).

Особенностью клада является отсутствие в нем фоллисов Тиберия II (578–582), провозглашенного императором в сентябре 578 г., накануне смерти Юстина II. Наконец, три позднейших монеты в кладе (№ 52–54) дошли от правления Маврикия (582–602), две из них выпущены монетным двором Антиохии, одна – Кизика.

Помимо публикуемого комплекса несколько схожих по составу кладов византийской меди происходят из данного региона. Большинство их имеет близкую датировку, относящуюся к VI в. или немного позднее. Массовая тезаврация была вызвана рядом катастрофических событий в регионе, случившихся в VI в.: упомянутой выше Великой чумой, персидскими вторжениями начиная с 540 г., крупным землетрясением 551 г., Самаритянским восстанием

555 г. и т.д. Данные события отразились на денежном обращении (Gândilă, 2009. P. 175). Г. Биджовски и Н. Беновитц делят все клады, “состоящие в основном из фоллисов”, на две основные хронологические группы. К группе А относятся клады фоллисов только VI в. – Иерихонский клад принадлежит именно к данной группе. Группа В объединяет комплексы, содержащие наряду с фоллисами VI в., составляющими большинство, монеты первой половины VII в. (Bijovsky, Benovits, 2015. S. 61, 62). Кроме того, можно выделить несколько подгрупп кладов данной эпохи.

Самая ранняя подгруппа состоит из кладов, зарытых около середины VI в. В нее входят, прежде всего, сокрытые в 538 г. два клада из израильских поселений Тель Яйоз и Бет Шеан Стурман (Bijovsky, Benovits, 2015. S. 61. Fig. 3. Note 28, 29), а также клад из синагоги Эн-Геди (Bijovsky, 2007. P. 162–165), зарытый в 540 г. Два других схожих по составу клада – из поселений Сарафанд (Ливан) и Джебел Раза (около Газы) – датируются временем накануне середины VI в. (Noeske, 2000. S. 137, 138; Beliën, 2005. P. 318.). Эта же подгруппа включает и схожие по составу клады, связанные с крупным землетрясением, случившимся в Ливане и разрушившим Бейрут 9 июля 551 г. Так, например, один из Бейрутских кладов 1994 г. (BEY011) состоял из 34 фоллисов Анастасия I, Юстина I и Юстиниана I (Beliën, 2005. P. 314–322). Другой Бейрутский клад 1994 г. (BEY004) содержал 79 монет Анастасия I и Юстиниана I (Abou Diwan, 2008). С тем же землетрясением 551 г. связаны еще два клада из Бейрута (BEY006 и 045), состоявшие из фоллисов Анастасия I малого размера, один из которых включал 63 монеты, другой – 60 (Beliën, 2005. P. 315). К данной подгруппе можно добавить и клад из XIV региона Нагал Кидрона (Израиль), сокрытый в 558 г. (Ariel, 2002. P. 297–300).

Следующая подгруппа объединяет клады, состоящие из монет второй половины VI и VII в. и включающие большое количество фоллисов Юстина II и Маврикия Тиберия. Среди них – упомянутый клад из Ободы, содержащий 72 фоллисы императоров от Анастасия I до Юстина II, большая часть которых была отчеканена в Константинополе. Клад зарыли в первые годы правления Юстина II (Bijovsky, Benovits, 2015), т.е. вскоре после 565 г. К последнему комплексу наиболее близок по составу клад из поселения Рафах (Spaer, 1978), зарытый вскоре после 573/574 г. Затем в хронологическом порядке следуют клады с поселений Бет Шеан I и II, зарытые соответственно в 574/575 и 575/576 гг. (Bijovsky, Benovits, 2015. S. 62. Fig. 3. Note 31, 32), “клад из Северной Сирии” – 584/585 г. (Gândilă, 2009. P. 176), датированный прежде 595/596 г. (Pottier, 1983;

¹ В статье принято сокращение: DOC – Bellinger A.R. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection..., 1966.

Todd, 1987; Noeske, 2000. S. 634–639), клад из синагоги Маез Хаим – 589/590 г. (Bijovsky, Benovits, 2015. S. 61. Fig. 3. Note 33) и публикуемый клад из Иерихона – 592/593 г.

Большая часть сирийско-палестинских кладов была зарыта уже после 595 г. (Gândilă, 2009. P. 176), например клад из синагоги в Мерот (Kindler, 1989). Два следующих клада – с поселений Кабри и Кедумим (Bijovsky, Benovits, 2015. S. 61. Fig. 3. Notes 34, 35) – сокрыты в 602 г. Наконец данный ряд кладов ранних византийских медных монет замыкает клад из Казрина (Израиль), содержащий 82 монеты Юстиниана I, Юстина II, Тиберия II, Маврикия и Фоки. Позднейшая монета в нем, фоллис 607/608 г., маркирует момент тезаврации, однако, возможно, клад мог быть сокрыт во время персидского вторжения в Сирию и Палестину, между 611 и 614 г. (Ariel, 1996).

Перечисленные клады и единичные монетные находки из Сирии, Ливана, Палестины и Израиля демонстрируют почти полное отсутствие датированных выпусков Юстиниана I, особенно в южной половине региона, соответствующей территории современной Палестины. По-видимому, они поступали в Палестину лишь в ограниченном количестве (Casey, 1996. P. 219–222; Beliën, 2005. P. 319).

Публикуемый клад из Иерихона подтверждает это наблюдение, поскольку включает единственный фоллис 542/543 г. и девять не датированных монет.

Итак, Иерихонский клад 2010 г., состоящий исключительно из фоллисов, принадлежит к наиболее распространенному типу кладов медных монет VI в., происходящих с территории Палестины. Он входит в одну подгруппу с кладами с поселений Рафах, Бет Шеан I и II, синагоги Маез Хаим, а также из Северной Сирии, имеющими близкую датировку. Несмотря на присутствие в публикуемом кладе выпуска Маврикия 592/593 г., вопрос о точной дате тезаврации остается открытым. Позднейшая монета могла бы определять *terminus post quem* для времени сокрытия клада. Однако, как отмечено выше, не исключена вероятность утери части клада во время рытья траншеи. Очевидно, клад мог быть зарыт либо в 592/593 г., либо вскоре после этой даты, либо несколько позже, в начале второго десятилетия VII в. Если связывать тезаврацию с военными действиями в регионе, как в случае с кладом из Казрина, то Иерихонский клад вполне мог быть сокрыт и во время персидских вторжений в Палестину, между 611 и 614 г.

Каталог

№ п/п	№ описи	Император	Вес, г	Размер, мм	Монетный двор	Оффicina	Литература	Дата
1	23	Анастасий I	9.06	28	Константинополь	–	DOC16	498–512
2	45	– " –	18.69	30	– " –	В	DOC23b	512–518
3	27	– " –	15.31	32	– " –	Г	DOC23d	– " –
4	1	– " –	15.91	32	– " –	Δ	DOC23f	– " –
5	3	– " –	12.78	32	– " –	Δ	DOC23f	– " –
6	25	– " –	11.15	29	– " –	Δ?	DOC23f?	– " –
7	50	– " –	15.21	30	– " –	Δ?	DOC23f?	– " –
8	2	– " –	15.24	34	– " –	Є	DOC23k	– " –
9	4	– " –	12.47	32	– " –	– " –	DOC23k	– " –
10	5	– " –	13.40	32	– " –	– " –	DOC23k	– " –
11	19	– " –	13.76	32	– " –	– " –	DOC23k	– " –
12	21	– " –	14.94	33	– " –	– " –	DOC23k	– " –
13	22	– " –	15.54	31	– " –	– " –	DOC23k	– " –
14	28	– " –	12.62	32	– " –	– " –	DOC23k	– " –
15	44	– " –	14.68	31	– " –	–	DOC23	– " –
16	36	– " –	15.57	30	– " –	–	DOC23	– " –
17	24	Юстин I	15.14	31	– " –	А	DOC8a	518–527
18	41	– " –	15.69	29	– " –	Г	DOC8c	– " –
19	53	– " –	13.61	29	– " –	Є?	DOC8e?	– " –
20	6	– " –	15.65	30	– " –	Є	DOC8e	– " –
21	7	– " –	16.03	32	– " –	Є	DOC8e	– " –
22	8	– " –	13.12	33	– " –	Є	DOC8e	– " –
23	30	– " –	14.25	30	– " –	Є?	DOC8e?	– " –
24	32	– " –	12.43	28	– " –	Є?	DOC8e?	– " –
25	39	– " –	15.54	28	– " –	–	DOC8	– " –
26	42	– " –	14.65	29	– " –	–	DOC8	– " –

№ п/п	№ описи	Император	Вес, г	Размер, мм	Монетный двор	Оффicina	Литература	Дата
27	26	– " –	10.52	29	– " –	A	DOC9a	– " –
28	43	– " –	17.79	29	– " –	A?	DOC9a?	– " –
29	47	– " –	14.40	29	– " –	A	DOC9a	– " –
30	10	– " –	14.24	30	– " –	Δ?	DOC9d?	– " –
31	9	– " –	8.15	30	Фессалоника	–	DOC23	– " –
32	49	Юстиниан I	14.15	31	Константинополь	Г	DOC28c	527–565
33	52	– " –	14.41	29	– " –	Δ	DOC28d	– " –
34	46	– " –	13.19	29	– " –	–	DOC28	– " –
35	34	– " –	12.41	29.5	– " –	Г	DOC30e	– " –
36	13	– " –	15.78	30	– " –	A	DOC31a	– " –
37	14	– " –	14.98	30	– " –	Г	DOC31b	– " –
38	20	– " –	9.83	29	– " –	Δ?	DOC41d	– " –
39	40	– " –	14.56	31	Антиохия	A	DOC210a	– " –
40	11	– " –	12.91	30	Антиохия	A?	DOC210a?	– " –
41	12	– " –	11.30	30	Антиохия	B?	DOC210b?	– " –
42	37	Юстин II	12.85	30	Константинополь?	B?	DOC26a	569/570
43	16	– " –	13.92	28	Константинополь	B	DOC32b	571/572
44	54	– " –	14.97	30	– " –	Г	DOC32c	571/572
45	35	– " –	13.24	31	– " –	Δ	DOC40d	575/576
46	15	– " –	14.48	29	– " –	B	DOC43	577/578
47	29	– " –	12.32	29	Никомедия	B	DOC94b	568/569
48	48	– " –	14.24	31	– " –	A	DOC96a	570/571
49	33	– " –	13.14	30	– " –	A	DOC100b.2	574/575
50	51	– " –	13.08	28	– " –	A	DOC103a	577/578
51	38	– " –	11.26	33	Антиохия	Г	DOC151b	570/571
52	31	Маврикий	10.65	28	Антиохия	–	DOC155	585/586
53	18	Маврикий	9.39	29	Антиохия	–	DOC159b	589/590
54	17	Маврикий	9.01	29	Кизик	B	DOC129b	592/593

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А.* Археологические работы 2010 года в Иерихоне: предварительное сообщение // Византийский временник. Т. 70 (95). М.: Наука, 2011а. С. 165–173.
- Беляев Л.А.* Проект “Византийский Иерихон”: работы 2010 года и перспективы исследований // РА. 2011б. № 3. С. 71–85.
- Беляев Л.А., Зайцев В.В., Ворошилов А.Н., Гомзин А.А.* Монеты из раскопок 2010 г. в Иерихоне (предварительное сообщение) // XVI Всерос. нумизматическая конф.: тез. докл. и сообщ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. С. 32–35.
- Abou Diwan G.* Un Trésor Monétaire de Beyrouth. À propos de la Circulation des Monnaies d’Anastase au VIe Siècle // Numismatic Chronicle. 2008. 168. P. 303–320.
- Ariel D. T.* A hoard of Byzantine folles from Qazrin // ‘Atigot. 1996. 29. P. 69–76.
- Ariel D. T.* The coins from surveys and excavations of caves in the Northern Judean Desert // ‘Atigot. 2002. 41/2. P. 281–301.
- Beliën P.* A hoard of Byzantine folles from Beirut // Numismatic Chronicle. 2005. 165. P. 314–322.
- Bellinger A. R.* Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. I. Anastasius I to Maurice, 491–602. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1966. 385 p.
- Bijovsky G.* The coins // En-Gedi excavations. II. Final report (1996–2002) / Ed. Y. Hirschfeld. Jerusalem, 2007. P. 157–233.
- Bijovsky G.* Gold coin and small change: monetary circulation in fifth-sixth centuries Byzantine Palestine. Trieste: Ediz. Univ. di Trieste, 2012 (Polymnia Numismatica antica e medievale Sudi; 2). 553 p.
- Bijovsky G., Benovits N.* A hoard of folles from Oboda and the mint of Antioch/Theoupolis // TOYTO APECH TH XWPA: Festschrift für Wolfgang Hahn zum 70. Geburtstag / Hrsg. W. von Szaivert, N. Schindel, M. Beckers, K. Vondrovec. Wien: Österreichische Forschungsgesellschaft für Numismatik, 2015 (Veröffentlichungen des Instituts für Numismatik und Geldgeschichte. Bd. 16). S. 57–75.
- Casey P. J.* Justinian, the limitanei, and Arab-Byzantine relations in the 6th century // J. of Roman Archaeology. 1996. 9. P. 214–222.
- Gândilă A.* Early Byzantine coin circulation in the Eastern provinces: a comparative statistical approach // American J. of Numismatics. Second series. 2009. V. 21. P. 151–226.
- Kindler A.* The synagogue treasure of Meroth, Eastern Upper Galilee, Israel // Proceedings of the 10th International

- Congress of Numismatics, London, September 1986 / Ed. I.E. Carradice. Wetteren: Culture, 1989. P. 315–320.
- Noeske H.-Ch. Münzfunde aus Ägypten. I. Die Münzfunde des ägyptischen Pilgerzentrums Abu Mina und die Vergleichsfunde aus den Dioecesen Aegyptus und Oriens vom 4–8. Jh. N. Chr. Prolegomena zu einer Geschichte des spätromischen Münzumschlages in Ägypten und Syrien. Bd. I / Hrsg. M.R. Alföldi, H.-M. von Kaenel, Berlin: Gebr. Mann Verlag, 2000 (Studien zu Fundmünzen der Antike; Bd. 12). 155 S.
- Pottier H. Analyse d'un trésor monétaire enfouis au VI siècles en Syrie Byzantine. Contribution à la méthodologie numismatique. Bruxelles, 1983 (Cercle d'Études Numismatique; Travaux, 10). 341 s.
- Spaer A. The Rafah hoard: Byzantine sixth-century folles // Numismatic Chronicle. 1978. 7th series. 18. P. 66–70.
- Todd R. A late sixth-century hoard from northern Syria // Numismatic Chronicle. 1987. 147. P. 176–182.
- Waner M., Safrai Z. A catalogue of coin hoards and the shelf life of coins in Palestine hoards during the Roman and Byzantine periods // Liber Annuus. 2001. № 5.1. P. 305–336.

A HOARD OF BYZANTINE FOLLES FROM JERICHO

Mikhail G. Abramzon*, Leonid A. Belyaev**,
Aleksei N. Voroshilov**, Vasily V. Zaytsev***

* Nosov Magnitogorsk State Technical University (abramzon-m@mail.ru)

** Institute of Archaeology RAS, Moscow (labeliaev@bk.ru, voroshilov.aleksej@yandex.ru)

*** State Historical Museum, Moscow (numizmat_gim@mail.ru)

This paper presents a hoard found during excavations at Jericho conducted by the archaeological mission of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in 2010. The hoard contains 54 folles of Anastasius I, Justin I, Justinian I, Justin II and Maurice. Most of the folles were minted in Constantinople while the rest in Thessalonica, Cyzicus, Nicomedia and Antioch. The latest coin in the hoard is Maurice's follis dating from 592/593, which actually provides the *terminus post quem* for its deposit. The hoard belongs to the most common type of cooper hoards from sixth-century Palestine and is of great importance for the study of monetary circulation in the eastern provinces of the Byzantine Empire in the context of historical events.

Key words: Jericho, Palestine, Byzantine Empire, diocese Orient, Anastasius I, Justin I, Justinian I, Justin II, Maurice, monetary circulation, coin hoards, folles, coinage, chronology.

REFERENCES

- Abou Diwan G., 2008. Un Trésor Monétaire de Beyrouth. À propos de la Circulation des Monnaies d'Anastase au VIe Siècle. *Numismatic Chronicle*, 168, pp. 303–320.
- Ariel D.T., 1996. A hoard of Byzantine folles from Qazrin. *Atigot*, 29, pp. 69–76.
- Ariel D.T., 2002. The coins from surveys and excavations of caves in the Northern Judean Desert. *Atigot*, 41/2, pp. 281–301.
- Beliën P., 2005. A hoard of Byzantine folles from Beirut. *Numismatic Chronicle*, 165, pp. 314–322.
- Bellinger A.R., 1966. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, I. Anastasius I to Maurice, 491–602. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 385 p.
- Belyaev L.A., 2011a. Arkheologicheskie raboty 2010 goda v Ierikhone: predvaritel'noe soobshchenie [Archaeological Fieldwork at Jericho in 2010: An Interim Report]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Annals]*, 70 (95). Moscow: Nauka, pp. 165–173.
- Belyaev L.A., 2011b. Proekt "Vizantiyskiy Ierikhon": raboty 2010 goda i perspektivy issledovaniy [The "Byzantine Jericho" Project: Fieldwork in 2010 and Perspectives of Investigations]. *RA [RA]*, 3, pp. 71–85.
- Belyaev L.A., Zaytsev V.V., Voroshilov A.N., Gomzin A.A., 2011. Monety iz raskopok 2010 g. v Ierikhone (predvaritel'noe soobshchenie) [Coins excavated at Jericho in 2010: An Interim Report]. *XVI Vserossiyskaya numizmaticheskaya konf.: tezisy dokladov i soobshcheniy. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha [XVI Pan-Russian Numismatic Conference: Abstracts of Papers and Reports]*, pp. 32–35.
- Bijovsky G., 2007. The coins. *En-Gedi excavations. II. Final report (1996–2002)*. Y. Hirschfeld, ed. Jerusalem, pp. 157–233.
- Bijovsky G., 2012. Gold coin and small change: monetary circulation in fifth-sixth centuries Byzantine Palestine. Trieste: Ediz. Univ. di Trieste. 553 p. (Polymnia Numismatica antica e medievale Sudi, 2).

- Bijovsky G., Benovits N.*, 2015. A hoard of folles from Obo-da and the mint of Antioch/Theoupolis. *ΤΟΥΤΟ ΑΡΕΧΗ ΤΗ ΧΩΡΑ: Festschrift für Wolfgang Hahn zum 70. Geburtstag*. W. von Szaivert, ed. Wien: Österreichische Forschungsgesellschaft für Numismatik, pp. 57–75. (Veröffentlichungen des Instituts für Numismatik und Geldgeschichte, 16).
- Casey P.J.*, 1996. Justinian, the limitanei, and Arab-Byzantine relations in the 6th century. *J. of Roman Archaeology*, 9, pp. 214–222.
- Gândilă A.*, 2009. Early Byzantine coin circulation in the Eastern provinces: a comparative statistical approach. *American J. of Numismatics. Second series*, 21, pp. 151–226.
- Kindler A.*, 1989. The synagogue treasure of Meroth, Eastern Upper Galilee, Israel. *Proceed. of the 10th Intern. Congress of Numismatics*. I.E. Carradice, ed. Wetteren: Culture, pp. 315–320.
- Noeske H.-Ch.*, 2000. Münzfunde aus Ägypten. I. Die Münzfunde des ägyptischen Pilgerzentrums Abu Mina und die Vergleichsfunde aus den Dioecesen Aegyptus und Oriens vom 4.–8. Jh. N. Chr. Prolegomena zu einer Geschichte des spätrömischen Münzumschlages in Ägypten und Syrien, I. M.R. Alföldi, H.-M. von Kaenel, Hrsg. Berlin: Gebrüder Mann Verlag. 155 S. (Studien zu Fundmünzen der Antike, 12).
- Pottier H.*, 1983. Analyse d'un trésor monétaire enfouis au VIe siècle en Syrie Byzantine. Contribution à la méthodologie numismatique. Bruxelles. 341 p. (Cercle d'Études Numismatique, Travaux, 10).
- Spaer A.*, 1978. The Rafah hoard: Byzantine sixth-century folles. *Numismatic Chronicle*, 7th series, 18, pp. 66–70.
- Todd R.*, 1987. A late sixth-century hoard from northern Syria. *Numismatic Chronicle*, 147, pp. 176–182.
- Waner M., Safrai Z.*, 2001. A catalogue of coin hoards and the shelf life of coins in Palestine hoards during the Roman and Byzantine periods. *Liber Annuus*, 5.1, pp. 305–336.

ДРЕВНИЕ КАРЕЛЫ В ФИНЛЯНДСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2016 г. С.И. Кочкуркина

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск (babkin@karelia.ru)*

Северо-Западное Приладожье (Приозерский р-он Ленинградской обл., Лахденпохский и Сортавальский р-оны Республики Карелия) – территория летописной корелы, предка карельского народа – изучается финляндскими и российскими исследователями уже более 100 лет. На фундаментальной источниковой базе (средневековые могильники, клады, селища и городища, жертвенные камни и т.д.) стало возможным сформулировать ряд важных научных задач в освещении древней истории карельского народа (его происхождение, территориальные границы, хронология и периодизация, использование естественно-научных методов, язычество и православие) и предложить пути их решения. Однако в силу ряда объективных причин и сложившихся в историографии традиций некоторые принципиальные вопросы этнокультурной истории народа остаются спорными и требуют дальнейших исследований.

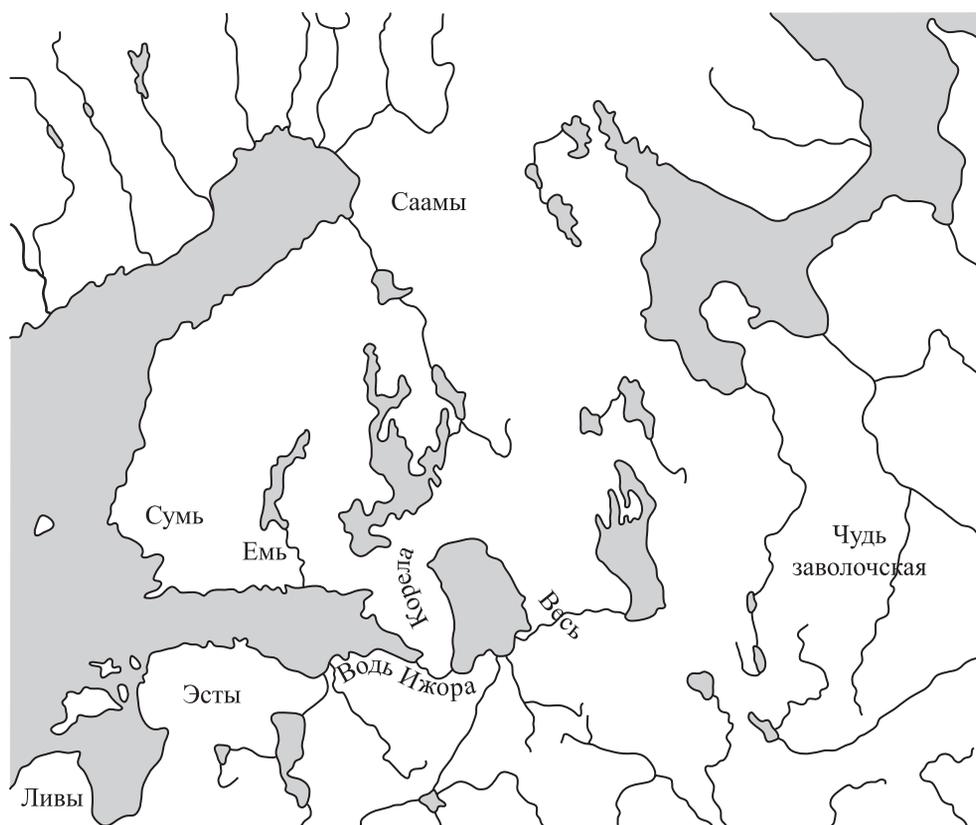
Ключевые слова: территория, народы, археологические памятники, датировка, естественно-научные методы в археологии, христианизация.

На территории Карелии археологические памятники эпохи Средневековья представлены несколькими историко-культурными типами (рисунк; каталог и ареалы средневековых памятников см. Кочкуркина, 2015. С. 35–148). В Юго-Восточном Приладожье (Ленинградская обл.), южной части Карелии и на северном побережье Онежского озера выявлены курганы рубежа I–II тыс. н.э., оставленные в основном прибалтийско-финскими народами (предки вепсов, карелов-ливвиков и людиков), в меньшей степени – скандинавами. Продвижение славян из Юго-Восточного Приладожья на Онежско-Ладожский водораздел, а затем и в Обонежье привело к формированию смешанного по составу населения (Муллонен, 2010. С. 427).

В восточной части Карелии, в бассейне Онежского озера на стоянках каменного–железного веков зафиксированы отдельные средневековые предметы. Долговременные раннесредневековые поселения пока неизвестны. Материальная культура представлена набором изделий из цветного металла, железа и фрагментов лепной керамики, на более поздних этапах – гончарными изделиями. Известны и бескерамические поселения. Этнокультурная принадлежность этих памятников пока остается спорной (Косменко, 1992).

В эпоху Средневековья Северо-Западное Приладожье было заселено древнекарельскими племенами,

названными в русских летописях корелой. Источниковая база археологического материала и данных смежных дисциплин создавалась исследователями России и Финляндии более века. Археологические памятники Средневековья на Карельском перешейке стали известны благодаря работам П.Т. Швиндта конца XIX в. Уроженец Ряйсяля (ныне пос. Мельниково Приозерского р-она Ленинградской обл.; сотрудниками музея-крепости Корела вблизи частично сохранившегося дома П.Т. Швиндта установлен гранитный памятный знак), с самого начала своей деятельности он увлекся исследованием истории родного края. В 1891 г. проводил раскопки в крепости Кякисалми (современный г. Приозерск). Во время путешествия по Карелии собрал богатый материал, частично вошедший в его работы, посвященные крестьянским костюмам и карельской вышивке. Этнографический опыт П.Т. Швиндта и глубокие знания в этой области сказались на высоком для того времени качестве публикации карельских могильников (Schwindt, 1893), но в финляндском научном обществе в свое время она не получила признания, хотя, по словам К.А. Нордмана (Nordman, 1968. Р. 43), ни до, ни после Швиндта таких обширных раскопок не проводилось. Исследователем была проделана немаловажная работа по сбору случайных находок, сохраненных его усилиями для науки. Зачастую они – единственные упоминания о некогда

Финно-угорское население Северо-Запада Восточной Европы эпохи Средневековья.

существовавшем памятнике. Докторский труд ученого значителен по кругу освещенных вопросов: довольно подробно описаны погребальные обряды и материальная культура, мужская и женская одежда, хозяйство и верования. Вопрос о происхождении культуры и ее связях с окружающими регионами П. Т. Швиндтом не разрабатывался, за что его упрекали современники. С сегодняшних позиций эти потери не кажутся катастрофическими – публикация памятников сохранила свою значимость и пережила многие ранее выдвинутые гипотезы и теории.

Большие работы в Северо-Западном Приладожье проводил Я. Аппельгрэн, опубликовавший огромную и трудоемкую работу о фортификационных сооружениях Финляндии, куда вошли и памятники Приладожской Карелии (Appelgren, 1891). К. А. Нордман, анализируя этот период в финляндской археологии, видел причину такого состояния науки в слишком малом числе специалистов-археологов, которым приходилось заниматься многими делами, не имея возможности остановиться на детальной проработке научных проблем (Nordman, 1968. P. 45).

Диапазон научных интересов А. М. Талльгрена простирался вплоть до Сибири. Он прошел

археологическую подготовку в Швеции, затем, заведая кафедрой археологии в Дерптском университете, организовал археологические исследования и охрану памятников в Эстонии, реализовал свою идею издания ежегодника *“Eurasia Septentrionalis Antiqua”*, где публиковались материалы по археологии Западной и Восточной Европы, а также провел небольшие раскопки около Выборга и Рауту (современное Сосново), посвятив карельской тематике три обзорные статьи (см. Кочкуркина, 1982. С. 8).

Отсутствие планомерных археологических работ в 1920-х годах в Северо-Западном Приладожье тормозило накопление материала. Обычная практика выявления древностей в то время осуществлялась через проверку поступивших от местных жителей сведений. Лишь в конце 1930 – начале 1940-х годов исследованиями Э. Кивикоски был внесен существенный вклад в изучение и публикацию древностей Северо-Западного Приладожья. Ею были раскопаны погребальные памятники в районе Сортавала и в Саккола-Патья (Ольховка), а также курганы на Олонецком перешейке. К числу заслуг исследовательницы нужно отнести доброкачественную по сравнению с материалами 1920-х годов полевую документацию. Э. Кивикоски выполнила грандиозную работу по созданию каталога

древностей Финляндии и Северо-Западного Приладожья (Kivikoski, 1973). В итоге к началу 1939 г. в археологических коллекциях Национального музея (г. Хельсинки) третья часть приходилась на изделия из Северо-Западного Приладожья и около 40% – на предметы каменного века из Карелии (Karjalan synty, 2003. S. 137).

В 70-х годах XX в. в Северо-Западном Приладожье археологические работы проводились под руководством А. Н. Кирпичникова (1984): раскопки крепости Корела и разведки в Тиверске.

С 1970-х годов и по настоящее время полевые исследования ведутся под руководством С. И. Кочкуркиной. За этот период изучены объекты с топонимами “линнавуори” и “линнамяки”, вскрыто около 3000 м² на городищах Тиверск, Куркиёки-Лопотти, Хямеенлахти, Соскуа, Терву и Паасо, выявлены городища-убежища (Кочкуркина, 2010).

Большой вклад в создание источниковой базы Северо-Западного Приладожья внес А. И. Сакса, опубликовавший результаты исследования вначале на финском (Saksa, 1998), а затем и на русском (Сакса, 2010) языке. Наиболее результативные полевые исследования были проведены им в Кууппала-Калмистомяки в 1985–1987, 1995 гг. (вскрыто более 500 м²). На памятнике выявлены культурные слои эпохи неолита и раннего металла, 25 погребений X–XV вв., а также предметы из разрушенных погребений. На городище Хямеенлахти А. И. Сакса в 1987 г. исследовал средневековый слой на площади около 70 м²; раскопал комплекс Ольховка (169 м²), состоящий из селищ, ритуальных куч и жертвенных камней. При археологических исследованиях территории древней крепости Корела на рубеже 80–90-х годов XX в. (раскопки А. И. Саксы и П. Уйно) были обнаружены строительные остатки, существовавшие на острове до возведения крепостных сооружений, и, предположительно, следы разрушенных погребений VIII–XIII вв., которые позднее были уничтожены строительными работами. Территорию Выборгской крепости и ее окрестностей в 1980-х годах изучал А. В. Тюленев, на рубеже XX–XXI вв. – А. И. Сакса.

Пополнению источниковой базы погребальных памятников в значительной степени способствовал С. В. Бельский (2012), исследовавший могильник Кюлялахти в Лахденпохском р-оне Республики Карелия в 2005–2009 гг. (вскрыты 426 м² и 93 погребения).

Итак, на территории летописной корелы к настоящему времени I – началом II тыс. н.э. датируются 17 могил и могильников, 6 кладов и отдельных находок монет, 43 местонахождения случайных находок, предметы, собранные при раскопках более поздних

древнекарельских городищ. Поселения этого времени археологами не выявлены. Археологические памятники XII–XV вв. представлены городищами (11), так называемыми хозяйственными сооружениями (7), могильниками (8, около 160 могил), погребениями с городища Тиверск (28), кладами с серебряными вещами (4). Кроме того, зафиксированы селища (8), значительная часть которых распахана, остатки разрушенных погребений в 31 пункте, случайные находки – в 53, около 20 жертвенных камней, 2 группы каменных куч (Кочкуркина, 2015. С. 39, 40).

Археологические памятники древних карелов активно привлекались и привлекаются финляндскими исследователями в качестве объектов научного анализа. Ю.-П. Таавитсайнен (Taavitsainen, 1990; 2003) в работах о древних крепостях Финляндии подчеркнул трудности, связанные с классификацией памятников, поскольку сооружались они с разными целями; датированием, так как вещественные доказательства порою скудны и противоречат радиоуглеродным датам; и разным предназначением.

В исследовании о древней Карелии П. Уйно (Uino, 1997) обобщены все имеющиеся на то время археологические источники, приведены разные точки зрения на спорные вопросы. К числу несомненных заслуг автора надо отнести богатый картографический материал. Ей удалось нанести на топографические карты не только важные археологические памятники, но и случайные находки. Основные позиции исследовательницы изложены в разделах коллективной работы “Karjalan synty” (2003).

В разделе X. Симола (Simola, 2003. S. 81–107, 110–115) впервые наиболее полно рассказывается о карельской природе: растительном и животном мире, новых палеоэкологических исследованиях в Северо-Западном Приладожье и Карелии. Однако все еще остается неразработанной методика использования данных естественно-научных дисциплин. Проведенные исследования в районе Сортавала, Куркиёки, Хийтола, на Валааме, Карельском перешейке показали наличие земледелия в I тыс. н.э., но синхронные археологические свидетельства присутствия населения в этом районе отсутствуют.

Большую ценность в книге “Karjalan synty” представляет диалектологический обзор, в то время как топонимические данные почти не использованы, несмотря на фундаментальные разработки в этой области исследователей Финляндии.

По антропологической характеристике карелы относятся к европеоидным народам с незначительной примесью монголоидности. Антропологами высказано предположение, что восточная Финляндия – Саво и Карьяла – заселена пришедшим

с юго-востока через Карельский перешеек населением, а затем уже население из восточного Саво освоило северное побережье Ботнического залива (Кайянойя, 1974). Одонтологическое исследование погребенных из нескольких десятков кладбищ XVIII–XIX вв. на территории Республики Карелия выявило, что по особенностям зубов карелы близки многим народам, населявшим Север европейской части России (Гравере, 1982). Изучение же черепов показало, что карелы занимают особое место в восточноевропейском ареале и отличаются от эстонских, финских, саамских, русских. Прямые аналогии имеются в могильнике каменного века Звейниёки (Латвия). Видимо, протокарелы, оттесненные на территорию Карелии и находясь в изоляции, сохранили в своем антропологическом типе наиболее древние черты (Хартанович, 2001. С. 133). Краниологическая серия из пос. Куркиёки, представляющая население Северо-Западного Приладожья конца XVIII – начала XIX в., продемонстрировала антропологическую однородность и промежуточное положение по многим признакам между финскими и карельскими черепами, но ближе к последним. Такая однородность, считает В. И. Хартанович, говорит о законченности процессов метисации финского и карельского населения и о большей доли карельского субстрата в антропологическом типе населения (Хартанович, 1986. С. 117, 118; 1990. С. 224; 2005. С. 19). Существенными в итоговом исследовании этнокультурной истории древнекарельского народа являются результаты анализа средневековой краниологической серии из могильника Кюлялахти, осуществленного В. И. Хартановичем и И. Г. Широбоковым (см. Бельский, 2012. С. 234). По их мнению, подтверждена гипотеза “об антропологической преемственности средневековой карелы и карельских групп XVIII – начала XX века. Полученные данные согласуются с высказанным ранее предположением о сохранении в облике средневекового населения Северо-Западного Приладожья морфологических черт древнейшего на рассматриваемой территории североевропейского антропологического типа”.

Естественно-научные методы. Отечественные исследователи являются пионерами в применении естественно-научных методов при изучении археологического наследия. Результаты микроструктурного исследования кузнечных изделий, осуществленного Л. С. Хомутовой (1982), показали, что производство отличалось высокой сложностью и не уступало в этом древнерусскому, прежде всего новгородскому, под влиянием которого развивалось. Использовались те же технологические схемы: трехслойный пакет, варка стальной полосы в рабочую часть клинка, наварка стального лезвия на железный клинок. Сравнение самой массовой категории

кузнечного инвентаря – ножей из древнекарельских поселений – показывает тесную связь местной технологии с северорусской. В производстве ножей наиболее часто употреблялись технологические схемы, доминирующие на севере Руси, прежде всего в Новгороде, в IX–XII вв., главным образом, – прогрессивная сварная техника. Она продолжала использоваться и в XIII–XIV вв. Длительное сохранение этой технологии можно объяснить не только устойчивостью традиций в среде кузнецов, но и тем, что до северной периферии Новгородской земли еще не дошли экономические стимулы, заставлявшие работать на широкий рынок и неизбежно приводившие к экономии металла и упрощению технологии (Кочкуркина, 2000. С. 30).

Меднолитейное дело у древних карелов развивалось в русле передовых традиций. Впервые результаты спектрального анализа химического состава металла 55 находок из археологических раскопок на городищах Тиверск и Паасо были осуществлены в 1980-е годы в Институте геологии КарНЦ РАН (Васильева, 1982. С. 185–188). Несмотря на то что Э. С. Васильева использовала качественный метод оценки концентрации химических элементов, эти данные позволили определить набор цветных металлов и сплавов, характерных для карельских памятников, и высказать суждения относительно источников поступления ювелирного сырья на эту территорию.

Спустя почти 30 лет в практику археологических исследований вошли более совершенные методы определения химического состава древних металлов и сплавов. С их помощью можно получить информацию о количественном содержании элементов без отбора проб и ущерба для сохранности изучаемых объектов. Для изучения химического состава Н. В. Енисовой были привлечены 76 находок с древнекарельских городищ.

Анализ показал, что из свинцовых латуней (сплав меди, цинка, свинца) изготовлены изделия, датирующиеся X–XII вв. Многочисленны украшения из оловянно-свинцовых бронз. Характерные примеси – серебро, мышьяк, сурьма – свидетельствуют о происхождении сырья из месторождений, обнаруженных на территории Германии.

Серебро представлено тремя пробами (два предмета украшения и прут). Различные комбинации легирующих компонентов в серебре, как правило, свидетельствуют о том, что к драгоценному металлу добавлялись в виде лома бронзовые, медные или латунные изделия, а также свинец в чистом виде.

Разнообразие карельских сплавов объясняется, прежде всего, многократной переплавкой изделий

и сырьевых продуктов, поступавших из разных источников. Карельская выборка имеет много общих черт с новгородской и в целом вписывается в картину распространения ювелирного сырья на Северо-Западе в X–XV вв. Однако состав цветного металла Карелии отражает специфическую ситуацию этого региона, вовлеченного в торговые и политические контакты как с Новгородом, так и с Западом (Ениосова, 2010. С. 248–262).

В последнее время при изучении средневековой гончарной керамики успешно применяются геохимические анализы, позволяющие определить состав глиняного теста, источники сырья, место ее изготовления (Поташева и др., 2013. С. 44–49). На вопрос, являлась ли круговая керамика древних карелов продуктом местного гончарного производства или какая-то ее часть попала к жителям городищ из соседних областей в ходе торговых или обменных операций, авторы ответили положительно: помимо гончарных сосудов, сделанных на месте, имеются привозные изделия.

На фундаментальной источниковедческой базе, созданной несколькими поколениями как отечественных, так и зарубежных археологов, стало возможным сформулировать ряд важных научных задач в освещении древней истории карельского народа и предложить пути их решения, хотя в силу ряда объективных причин и сложившихся традиций единого мнения у исследователей по некоторым вопросам нет. Остановлюсь лишь на некоторых из них.

О происхождении древних карелов. Использование всего спектра источников по этнической истории древних карелов позволило создать в общих чертах непротиворечивую картину, но некоторые спорные аспекты существуют, например, о происхождении племени корела. Этот вопрос долгое время оставался дискуссионным. Учеными-гуманитариями проделана обстоятельная и кропотливая работа, отклонены и представляют лишь библиографический интерес теории лингвистов и историков XIX в., так же как и теории начала XX в. о западно-финском происхождении карелов. Формированию таких точек зрения способствовали и объективные обстоятельства, прежде всего отсутствие археологических материалов I тыс. н.э. В последующие десятилетия исследователи, не удовлетворенные такими умозрительными выводами, главное внимание стали уделять археологическим данным. А. М. Талльгрэн, А. Европеус, К. А. Нордман считали мнение о переселении карельских племен с запада на восток необоснованным. Необоснованной представляется и гипотеза о заселении Карельского перешейка с востока, сформулированная в 1930-е годы

В. И. Равдоникасом: население, оставившее курганы, не могло принимать участие в формировании корелы, хотя наличие контактов отрицать нельзя (Кочкуркина, 1975. С. 303–305).

По мнению крупнейшего финноугроведа Д. В. Бурбиха (1947; 1971), разработавшего концепцию происхождения и этнического развития народа в XII–XVII вв., корела сформировалась на Карельском перешейке, но различные, пришедшие извне компоненты, изменили ее – в IX в. она называлась “кирьяла” и, видимо, ее первоначальный состав был иным (подробнее см. Кочкуркина, 1982. Сноска 4).

В последние годы в отечественной и зарубежной литературе древних карелов рассматривают как качественно новое формирование, возникшее на базе местного западнофинского и пришедшего из Юго-Восточного Приладожья населения. Расхождения наблюдаются в том, какая из составляющих преобладала. Одни полагают, что на формирование корелы оказали воздействие в первую очередь западная Финляндия, Готланд и Новгород; другие признают тесную связь населения Карельского перешейка и Юго-Восточного Приладожья. За истекшие годы археологический материал I тыс. н.э., который смог бы существенно пополнить источниковую базу и внести ясность в вопрос о происхождении древних карелов, практически не увеличился. По-прежнему исследователи оперируют скудной информацией, добытой еще в конце XIX – начале XX в., что неизбежно приводит к вольным трактовкам.

О территории летописной корелы. Историки, археологи, лингвисты и фольклористы считают, что в XII–XIV вв. Карельский перешеек с северо-западными берегами Ладожского озера до северо-восточных берегов Финского залива с г. Корела являлся древнекарельским центром. Этот вывод хорошо согласуется с топонимическими данными. Древнерусские летописи, берестяные грамоты довольно четко определяют территориальные границы корелы. Спорным остается вопрос о включении Миккельских озер (юго-восточная Финляндия, р-он Саво) в древнекарельский ареал. По традиционному установившемуся мнению, могильники Миккели представляют собой ответвление ладожско-карельской культуры (Nordman, 1924. S. 191–196; Tallgren, 1931. S. 192; Kivikoski, 1961. S. 271, 272). Однако позднее под влиянием результатов раскопок новых более древних могильников, которые по своему строению напоминали могилы западной Финляндии, было сделано заключение, согласно которому культура Миккели является сплавом культур хяме и карелов (Аугрää, 1939. S. 51–62).

Вместе с тем существующие общие черты памятников обоих регионов, как в погребальных обрядах,

так и в сопровождающих вещах (Кочкуркина, 1982. С. 57–75), позволяют заключить, что их близость нельзя объяснить лишь культурным заимствованием. Речь может идти только о едином этническом регионе. Имеющиеся различия не противоречат этому выводу. Они естественны, поскольку этничность – это весьма изменчивый феномен, подверженный как внутренним, так и внешним влияниям. О пребывании древних карелов на далеких территориях говорят предметы, топонимические данные, письменные источники, предания (Кочкуркина, 1982. С. 35, 36, 165–167). В настоящее время исследователи остановились на взвешенной, компромиссной точке зрения, признающей не только древнекарельское влияние на культуру Саво, но и присутствие на этой территории древних карелов (Taavitsainen, 1990. P. 105–107, 113; Lehtinen, 1994. S. 62–64; Uino, 1997. P. 172–174; Saksa, 1998. S. 167–172; Karjalan synty, 2003. S. 441–443).

Сказанное вовсе не означает, что район Миккельских озер был заселен только карелами, безусловно, здесь проживали и хяме, но в результате этнических взаимовлияний выработалась своя оригинальная и самобытная культура. Вывод о “карельскости” культуры Саво находит поддержку и в лингвистических материалах (Лескинен, 1976. С. 139–148; Leskinen, 1987. S. 77–95; Pirinen, 1988. S. 272–289; Leskinen, 2003. S. 448, 449).

Кроме саво-карельской группы, известны и другие. По мнению Д. В. Бубриха (1947), к XII в. сформировались следующие группы карелы: привыборгская, присайменская, приботнийская, корела в центральной части Карельского перешейка и ижора. Все они испытывали этнические влияния, одни в большей мере, другие – в меньшей, у одних преобладали западные элементы, у других – восточные. Именно эти обстоятельства привели к различию в материальной культуре.

О хронологии и периодизации. В Европе, Финляндии и России на этот счет существуют разные суждения. Доистория Финляндии представлена римским железным веком (0–400 гг.), временем переселения народов (400–600 гг.), периодом Меровингов (600–800 гг.), эпохой викингов (800–1025 гг.) и периодом крестовых походов (1025–1200 гг.). Для территории Карелии предлагаются несколько иные даты: средний железный век (300–800 гг.), период викингов (800–1100 гг.), период крестовых походов (1100–1300 гг.) (Karjalan synty, 2003. S. 562). Для древностей Карелии, на наш взгляд, I – начало II тыс. н.э. точнее было бы назвать периодом возникновения Древнерусского государства и формирования этносов на Северо-Западе России. Понимая всю условность названий хронологических периодов, придуманных самими

исследователями, видимо, во избежание путаницы на общеевропейском уровне, целесообразнее использовать, где это возможно, датировку по векам.

Действительно, вопросы датирования остаются сложными, несмотря на посвященную им научную литературу. В финляндских работах принципиальных разногласий о принадлежности памятников летописной карелы периоду крестовых походов (1050–1300 гг.) нет. В исследованиях К. А. Нордмана (Nordman, 1924) на огромном материале с привлечением обширных аналогий культура Саво и Корельской земли датируется XII–XIII вв. Для финляндских исследований второй половины XX в. характерно стремление удревнить некоторые вещи и памятники карелы в целом. Особенно ярко эта тенденция проявилась в трудах П.-Л. Лехтосало-Хиландер (Lehtosalo-Hilander, 1966). Взяв самую распространенную категорию женских украшений – овално-выпуклые фибулы типа Н – и проанализировав форму, размеры, способы крепления иглодержателя и орнаментику, исследовательница разделила их на несколько, по ее мнению, хронологически разных групп. Однако с заключением о датировке украшений периодом между 1000 и началом 1200-х годов (причем утверждается, что подобные фибулы не встречаются в погребениях конца 1200-х годов) трудно согласиться. В отечественной науке, напротив, прослеживалась тенденция омолодить даты, поднимая их до XIV в. Так, например, А. И. Сакса (2010. С. 132–142) погребальные памятники древнекарельской культуры датирует второй половиной XII–XIII – началом XIV в., С. Б. Бельский (2013) – XI–XV вв.

Объективные сложности, возникающие при определении временных границ памятников, понятны. Все даты получены типологическим методом, уязвимость которого очевидна. Привлечение аналогий с близлежащих территорий вызывает сомнения – синхронны ли эти вещи интересующим нас находкам, правильно ли перенесение дат со стороны без изменений, без допуска на местные условия? Если же между временем употребления оригинала и вещи, на которую переносится эта дата, имеется расхождение, то каким отрезком времени его измерить – годами или десятками лет? Факты долгого использования археологических артефактов в быту общеизвестны, в то время как погребения с монетами единичны. На базе новых изученных памятников С. В. Бельскому удалось построить непротиворечивую, за некоторым исключением, схему развития погребальной обрядности от кремаций до захоронений в могильных ямах. Унифицированный обряд погребения сформировался в XIV–XV вв. в соответствии с церковными установками (Бельский, 2013).

Процесс христианизации. Христианизация обеих территорий всегда интересовала исследователей. Этому способствовали интенсивные историко-культурные и политические связи Финляндии и Карелии. Зимой 1227 г. Ярослав Всеволодович двинул свои полки против народа хяме (*емь* русских источников), уже попавшего под влияние шведов, и, как сообщает, несколько преувеличивая, Лаврентьевская летопись (1962. С. 449), “всю землю их плени”. В том же году произошло крещение карелов: “послав крести множество Корел, мало не все люди”, т. е. по распоряжению князя было крещено почти все население, проживавшее, скорее всего, в центральных районах Северо-Западного Приладожья. Датский исследователь Д. Линд (Lind, 1977) подверг критике достоверность сообщений Лаврентьевской летописи, в том числе и о крещении карелов в 1227 г., по той причине, что новгородские летописи об этом событии не говорят. Высказывание Д. Линда активно поддержали зарубежные исследователи. Поскольку упоминание о крещении имеется только в Лаврентьевской летописи, создававшейся, по их мнению, в географически отдаленной Ростово-Суздальской земле, стало быть, известие о крещении карелов явилось частью православной пропаганды 1400-х годов. Но с этими доводами трудно согласиться. Логике исторических процессов того времени акция по крещению карелов не противоречит. Причина, по которой сообщение появилось именно в ростово-суздальской Лаврентьевской летописи, объясняется тем, что Ярославу Всеволодовичу после жестокой борьбы достался Переяславль Залесский в Ростово-Суздальской земле, в Новгороде же он был редким гостем, посещая его, как считает В. Л. Янин (2003. С. 198), “лишь в связи с военными операциями”.

Из краткого летописного сообщения непонятно многое: кто осуществлял крещение, каким образом оно происходило. Ясно, что принудительное крещение древних карелов диктовалось обостренной военно-политической ситуацией на северо-западных границах Руси. Следовало закрепить власть над населением, нейтрализовать шведское влияние, приостановить распространявшийся с запада католицизм на приграничные новгородские земли. Дальнейшие события показали, что такой способ решения территориальных споров в то время был необходим и оправдан. Согласно Ореховецкому мирному договору 1323 г., государственная граница отторгла западную корелу, попавшую под власть католицизма, шведских порядков и законов, от восточной, новгородской. Различно сложились и их судьбы. Основная часть корелы, тесно связанная с Новгородом экономическими, политическими и культурными узами, осталась под его властью.

Религиозная сторона массового крещения карелов оказалась на втором плане. Естественно, за короткий срок язычество искоренить невозможно. Рядовая часть населения, видимо, не изменила своих религиозных представлений. В археологических материалах XIII–XIV вв. предметы религиозного культа редки. Известна также берестяная грамота середины XIII в., написанная русскими буквами на древнекарельском языке и содержащая языческое заклинание. К тому же и монастыри в Корельской земле возникли не ранее XIV в. Новгородские архиепископы Макарий (1534 г.) и Феодосий (1543 и 1548 гг.) были обеспокоены стойким сохранением языческих обрядов у карелов и их соседей. Они слали грамоты-инструкции, напоминая многочисленным адресатам – чуди, ижоре, кореле – о необходимости и обязательности соблюдения православных обрядов. Поучала карелов и католическая церковь. В середине XVI в. финляндский епископ М. Агрикола в предисловии к “Псалтыри”, финскому переводу псалмов, укоряет финнов и древних карелов за их пристрастия к языческим обрядам, верованиям и культурам.

В Финляндии процесс христианизации проходил иначе. Обращение западнофинского населения в католичество произошло довольно безболезненно. В восточной Финляндии, где новгородское влияние оставалось сильным, картина была иной. Известно, что ранние христианские термины проникли в финский язык из древнеславянского: поп (*pappi*), поганный, язычник (*pakana*), крест (*risti*), кум (*kummi*), Библия (*raamattu*).

В работе “К вопросу о христианизации Финляндии. Исследование религии на основе археологических данных” (Purhonen, 1998) П. Пурхонен впервые рассмотрела вопросы религии на археологическом материале. Однако выявление конкретных археологических предметов в качестве христианских символов и мотивов, как и использование археологического материала в целом при освещении вопросов религии требует научного обоснования. К примеру, могут ли носимые на шее подвески в виде креста быть христианскими символами? Исследовательница сама признает, что найденные на территории Финляндии подвески были либо скандинавскими, либо восточнобалтийскими или новгородскими. Ранние христианские импульсы, по ее мнению, появились в западной Финляндии со стороны Скандинавии. Что касается христианских импульсов из восточной Балтии еще в эпоху викингов, то предположение исследовательницы было почти сразу раскритиковано ее соотечественником Ю. Луото (Luoto, 1999. С. 53–57), так как в эпоху викингов народы южного побережья Балтии еще оставались язычниками.

П. Пурхонен считает, что западные христианские погребения в районе Турку появляются в XII в., хотя языческие могильники с большим количеством погребального инвентаря еще продолжали существовать. В этой связи интересны топонимы, связанные с православным влиянием: г. Турку (от русского “торг”) и Пааскунта (от русского “погост”), данные, видимо, купцами-христианами из Новгорода. В южной центральной части Финляндии, на территории Хяме, согласно П. Пурхонен, христианство было внедрено силой во время так называемого второго крестового похода, т. е. около середины XIII в.

На побережье Ботнического залива, в устье р. Кеми, отмечены православные личные имена в названии хуторов и объектов ландшафта по всему течению реки, а также такие названия, как *säässinä* (часовня), *manasteri* (монастырь).

Что касается восточной Финляндии, то на таких кладбищах, как Микели–Тууккала–Висулахти, датирующихся XII–XIV вв., большинство погребений сопровождалось обильным инвентарем, далеким от христианской обрядности. В могильнике Каускила (XIV–XVI вв.), где обнаружено несколько языческих погребений, основная масса представлена поздними христианскими захоронениями. Позже на нем была сооружена часовня. По всей вероятности, эти материалы свидетельствуют о сходной ситуации с христианизацией как в Северо-Западном Приладожье, так и в приграничных с Карелией районах Финляндии, хотя П. Пурхонен утверждает, что территория Микели была христианизована с запада наперекор Карелии.

Итак, в результате исторического подхода к реконструкции древнекарельского этноса по археологическим источникам с привлечением сведений из гуманитарных и естественно-научных дисциплин удалось воссоздать модель древнекарельского этноса со всеми присущими только ему особенностями материальной и духовной культуры. Зарождение и проявление этноса проходили в определенной историко-культурной обстановке I – начала II тыс. н. э., в конкретных природных условиях среды обитания, сформировавших особенности поселенческой структуры и хозяйственной деятельности населения. Специфические формы материальной культуры были изменчивы и зависели не только от личных вкусов и пристрастий (особенно это касается женских предметов украшений), но и от активности и географической направленности торгово-культурных связей. Приобщение к христианству внесло свои коррективы в археологический набор признаков. Политические события государственного масштаба (войны, международные договоры и т. д.) приводили, с одной стороны, к усилению самосознания

древних карелов, подчеркиванию самобытности и защите своих рубежей, а с другой – к изменчивости территориальных границ, исходу карелов со своих традиционных мест заселения и, в конечном счете, к существенным изменениям основных маркеров этноса.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Карелия в рамках проекта проведения научных исследований “Гончарное производство и сырьевая база на территории Карелии (эпоха каменного века – Средневековье)” (№ 14–11–10002).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бельский С. В.* Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 годов) / Отв. ред. А. А. Селин. СПб.: Наука, 2012 (Свод археолог. источников Кунсткамеры; Вып. 3). 240 с.
- Бельский С. В.* Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. (хронология вещевых комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 30 с.
- Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1947. 51 с.
- Бубрих Д. В.* Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 5: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками: К 80-летию со дня рождения Д. В. Бубриха / Отв. ред. Г. М. Керт, М. И. Муллонен. Л.: Наука, 1971. С. 3–32.
- Васильева Э. С.* Характеристика медных сплавов с городищ Тиверск и Паасо // Древняя корела. Л.: Наука, 1982. С. 185–188.
- Граверс Р. У.* Одонтологическая характеристика карел // Изв. АН Латв. ССР. История. 1982. № 6 (419). С. 81–93.
- Енисова Н. В.* Новые данные о химическом составе цветного и драгоценного металла памятников летописной корелы // Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2010. С. 248–262.
- Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 276 с.
- Косменко М. Г.* Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ, 1992. 222 с.
- Кочуркина С. И.* Рец. на кн.: Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. // СА. 1975. № 2. С. 303–305.
- Кочуркина С. И.* Древняя корела. Л.: Наука, 1982. 215 с.
- Кочуркина С. И.* Железообрабатывающее ремесло у древних карелов и вепсов в эпоху средневековья // Гуманитарные исследования в Карелии / Отв. ред.

- О.П. Илюха. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2000. С. 23–30.
- Кочкуркина С.И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2010. 263 с.
- Кочкуркина С.И. Археологические памятники и этносы на территории Карелии в эпоху Средневековья // Истоки Карелии: время, территория, народы: Междисциплинарные исследования / Сост. С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 39–148.
- Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку // ПСРЛ. Т. 1. М.: Наука, 1962. 578 с.
- Лескинен Х. Карелы и Саво с точки зрения исследователя языка // Происхождение Карелии: Докл. семинара 30 июня – 2 июля 1976 г. Йёнсуу: Ун-т Йёнсуу, 1976. С. 139–148.
- Муллонен И.И. Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям: Программа фундаментальных исследований Президиума Российской Академии наук / Отв. ред. А.П. Дервянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 424–427.
- Поташева И.М., Чаженгина С.Ю., Светов С.А. Возможности применения микророндового анализа образцов круговой керамики к изучению технологии древнего гончарства карелов в эпоху Средневековья // Уч. зап. ПетрГУ. Сер.: Естественные и технические науки. 2013. № 8 (137). С. 44–50.
- Сакса А.И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.
- Хартанович В.И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР / Ред. И.И. Гохман, А.Г. Козинцев. Л.: Наука, 1986. С. 63–120.
- Хартанович В.И. К краниологии населения северо-западного Приладожья XIX – начала XX в. // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенет. процессы / Отв. ред. и авт. предисл. Р.Я. Денисова. Рига: Зинатне, 1990. С. 216–229.
- Хартанович В.И. Древние и современные антропологические типы Северо-Запада России и Фенноскандии // Очерки исторической географии / Под. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 499–507.
- Хартанович В.И. Антропологический состав карельского народа (общность и специфика территориальных групп как результат межэтнического взаимодействия) // Межкультурные взаимодействия в межкультурном пространстве пограничного региона / Сост. О.П. Илюха. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2005. С. 13–22.
- Хомутова Л.С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа // Древняя карела. Л.: Наука, 1982. С. 188–208.
- Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 512 с.
- Appelgren Hj. Suomen muinaislinnat. Helsingfors, 1891 (SMYA; V. XII). 237 s.
- Äyräpää A. Katsaus Savon muinaisuuteen // Viidennet museopäivät Kuopiossa 1938. Helsinki, 1939. S. 51–62.
- Karjalan synty. 1. osa / Ed. M. Saarnisto. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003. 560 s.
- Kivikoski E. Suomen esihistoria // Suomen historia I. Porvoo, 1961. S. 104–293.
- Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text. Helsinki: O. Y. Weilin, A. B. Goos, 1973 (Finnische Altertumsgesellschaft). 150 s.
- Lehtinen L. Mikkelin seudun kalmistot osana Savon varhaishistoriaa // Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkeliin seutu idän ja lännen välissä. Mikkeli, 1994. S. 6–25.
- Lehtosalo-Hilander P.-L. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta // SM. 1966. № 73. S. 22–39.
- Leskinen H. Pohjois-Karjalan murteet – silkkää Savoaa vai katoavaa Karjala? // Carelia rediviva. Joensuu, 1987. S. 77–95.
- Leskinen J. Karjalaisten kielimuotojen alkuperän arvoitus // Karjalan synty. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003. S. 448, 449.
- Lind J. Sjögrens Häme-teori og de russiske Krøniker // Historisk Tidskrift för Finland. 1977. Årg. 62. S. 286–323.
- Luoto J. Suomen varhaiskristillisyyden kokonaisuus // Muinaistutkija. 1999. № 2. S. 53–57.
- Nordman C.A. Karelska järnåldersstudier. Helsingfors: K. F. Puomies Boktryckeri A.-B., 1924 (FFT; V. XXXIV: 3). 200 s.
- Nordman C.A. Archaeology in Finland before 1920. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1968 (History of Learning and Science in Finland 1828–1918; V. 14a). 82 p.
- Pirinen K. Savon keskiaika. Savon historia I. Kuopio, 1988. 285 s.
- Purhonen P. Kristinuskon saapumisesta Suomeen: uskontoarkeologinen tutkimus. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1998 (SMYA; V. 106). 261 s.
- Saksa A. Rautakautinen Karjala. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 1998. 258 s.
- Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta. Helsinki, 1893 (SMYA; V. XIII). 206 s.
- Simola H. Karjalan luonto ja ihminen // Karjalan synty. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003. S. 81–115.
- Taavitsainen J.-P. Ancient Hillforts of Finland: Problems of Analysis, Chronology and Interpretation with Special Reference to the Hillfort of Kuhmoinen. Helsinki: University of Helsinki, 1990 (SMYA; V. 94). 294 p.
- Taavitsainen J.-P. Karjalan muinaislinnat // Karjalan synty. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003. S. 432–434.
- Tallgren A. M. Suomen muinaisuus. Suomen historia I. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1931. 256 s.
- Uino P. Ancient Karelia: Archaeological studies. Helsinki, 1997 (SMYA; V. 104). 426 p.

ANCIENT KARELIANS IN FINNISH AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Svetlana I. Kochkurkina

*Institute of Linguistics, History and Literature of the Karelian Research Centre of RAS,
Petrozavodsk*

Northern-West Ladoga (Priozersky District of Leningrad Oblast, Lakhdenpohhsky and Sortavalsky Districts of the Republic of Karelia), a territory of the chronicle korela, the ancestor of the Karelian people, has been studied by Finnish and Russian researchers for more than a century. Based on fundamental sources (medieval barrows, hoards, ancient settlements, sacrificial stones and etc.) it has become possible to define some important scientific problems in the treatment of ancient history of the Karelian people: the origin of ancient Karelians, borders, chronology and periodization, use of scientific methods, paganism and Orthodoxy. However, for some objective reasons and established traditions in historiography some principal problems of the ethno-cultural history of the people are disputable and demand further examinations.

Key words: territory, peoples, archaeological sites, dating, scientific methods in archaeology, Christianization.

REFERENCES

- Appelgren Hj.*, 1891. Suomen muinaislinnat. Helsingfors. 237 p. (Suomen muinaismuisto yhdistyksen aikakauskirja, XII).
- Äyräpää A.*, 1939. Katsaus Savon muinaisuuteen. *Viidenmet museopäivät Kuopiossa 1938*. Helsinki, pp. 51–62.
- Bel'skiy S.V.*, 2012. Mogil'nik Kyulyalakhti Kalmistomyaki v Severo-Zapadnom Priladozh'e (arkheologicheskie issledovaniya 2006–2009 godov) [Burial ground Kyulyalakhti Kalmistomyaki in the North-Western Ladoga Region (archaeological investigations of 2006–2009)]. A. A. Selin, ed. St. Petersburg: Nauka. 240 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov Kunstkamery, 3).
- Bel'skiy S.V.*, 2013. Pogrebal'nye pamyatniki Karel'skogo peresheyka i Severnogo Priladozh'ya XI–XV vv. (khronologiya veshchevykh kompleksov): Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Burial monuments of the Karelian Isthmus and Northern Ladoga Region of the 11th – 15th cc. (chronology of item's complexes): author's abstract...candidate of Historical Sciences]. St. Petersburg. 30 p.
- Bubrikh D.V.*, 1947. Proiskhozhdenie karel'skogo naroda: Povest' o soyuznike i druge russkogo naroda na Severe [The origin of the Karelian people: The story of an ally and a friend of the Russian people in the North]. Petrozavodsk: Gosizdat Karelo-Finskoy SSR. 51 p.
- Bubrikh D.V.*, 1971. Russkoe gosudarstvo i formirovanie karel'skogo naroda [Russian state and the formation of the Karelian people]. *Pribaltiysko-finskoe yazykoznanie [Baltic-Finnish Linguistics]*, 5. [Problems of interaction between the Baltic-Finnish languages and other system languages: To the 80th anniversary of D.V. Bubrikh]. G.M. Kert, M.I. Mullonen, eds. Leningrad: Nauka, pp. 3–32.
- Eniosova N.V.*, 2010. Novye dannye o khimicheskom sostave tsvetnogo i dragotsennogo metalla pamyatnikov letopisnoy korely [New data on chemical composition of non-ferrous and precious metal of the monuments of the chronicle Korela]. *Drevnekarel'skie gorodishcha epokhi Srednevekov'ya [Ancient Karelian hillforts of the Middle Ages]*. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp. 248–262.
- Gravere R.U.*, 1982. Odontologicheskaya kharakteristika karel [Odontologic features of the Karelian]. *Izvestiya Akademii nauk Latvyskoy SSR. Istoriya [Bulletin of the Latvian Academy of Sciences SSR. History]*, 6 (419), pp. 81–93.
- Karjalan..., 2003. Karjalan synty. 1. osa. M. Saarnisto, ed. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy. 560 p.
- Khartanovich V.I.*, 1986. Kraniologiya karel [The Karelians' craniology]. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya Evropeyskoy chasti SSSR [Anthropology of the modern and ancient population of the European part of the USSR]*. I.I. Gokhman, A.G. Kozintsev, eds. Leningrad: Nauka, pp. 63–120.
- Khartanovich V.I.*, 1990. K kraniologii naseleniya severozapadnogo Priladozh'ya XIX – nachala XX v. [To the craniology of the population of the North-Western Ladoga Region of the 19th – the beginning of the 20th cc.]. *Balty, slavyane, pribaltiyskie finny: Etnogeneticheskie protsessy [The Balts, the Slavs and the Baltic Finns: ethnogenetic processes]*. R.Ya. Denisova, ed. Riga: Zinatne, pp. 216–229.
- Khartanovich V.I.*, 2001. Drevnie i sovremennye antropologicheskie tipy Severo-Zapada Rossii i Fennoskandii [Ancient and modern anthropological types of the North-Western part of Russia and Fennoscandia]. *Ocherki istoricheskoy geografii [Essays of the Historical geography]*. A.S. Gerd, G.S. Lebedev, eds. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 499–507.

- Khartanovich V.I.*, 2005. Antropologicheskiy sostav karel'skogo naroda (obshchnost' i spetsifika territorial'nykh grupp kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeystviya) [Anthropological composition of the Karelian people (generality and specifics of the territorial groups as a result of the interethnic cooperation)]. *Mezhkul'turnye vzaimodeystviya v mezhkul'turnom prostranstve pogranichnogo regiona [Interethnic cooperation in the intercultural community of the frontier region]*. O.P. Ilyukha, ed. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp.13–22.
- Khomutova L.S.*, 1982. Tekhnologicheskaya kharakteristika kuznechnykh izdeliy iz raskopok Tiverska i Paaso po rezul'tatam metallograficheskogo analiza [Technological specification of a forged piece from the excavations of Tiversk and Paaso on the results of metallographic analysis]. *Drevnyaya korela [Ancient Korela]*. Leningrad: Nauka, pp. 188–208.
- Kirpichnikov A.N.*, 1984. Kamennye kreposti Novgorodskoy zemli [Stone fortresses of the Novgorod land]. Leningrad: Nauka. 276 p.
- Kivikoski E.*, 1961. Suomen esihistoria. *Suomen historia I*. Porvoo, pp. 104–293.
- Kivikoski E.*, 1973. Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text. Helsinki: O.Y. Weilin, A.B. Goos. 150 p. (Finnische Altertumsgesellschaft).
- Kochkurkina S.I.*, 1975. Retsenziya na knigu: Golubeva L.A. Ves' i slavyane na Belom ozere X–XIII vv. [A book review: Golubeva L.A. Wes and Slavs on the Belaye Lake in the 10th–13th cc.]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 2, pp. 303–305.
- Kochkurkina S.I.*, 1982. Drevnyaya korela [Ancient Korela]. Leningrad: Nauka. 215 p.
- Kochkurkina S.I.*, 2000. Zhelezoobrabatyvayushchee remeslo u drevnikh karelov i vepsov v epokhu srednevekov'ya [Iron-working craft of Ancient Karelians and Vepses in the Middle Ages]. *Gumanitarnye issledovaniya v Karelii [Humanitarian researches in Karelia]*. O.P. Ilyukha, ed. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp. 23–30.
- Kochkurkina S.I.*, 2010. Drevnekarel'skie gorodishcha epokhi Srednevekov'ya [The Ancient Karelians hillforts of the Middle Ages]. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 263 p.
- Kochkurkina S.I.*, 2015. Arkheologicheskie pamyatniki i etnosy na territorii Karelii v epokhu Srednevekov'ya [Archaeological sites and ethnos on the territory of Karelia in the Middle Ages]. *Istoki Karelii: vremya, territoriya, narody: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya [The origins of Karelia: time, territory, ethnos: Interdisciplinary researches]*. S.I. Kochkurkina, comp. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk, pp. 39–148.
- Kosmenko M.G.*, 1992. Mnogosloynnye poseleniya yuzhnoy Karelii [Multilayer settlements of the Southern Karelia]. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 222 p.
- Lavrent'evskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po akademicheskomu spisku [Lavrentyevskay Chronicle and Suzdal Chronicle according to the academic list], 1962. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian Chronicles], 1. Moscow: Nauka. 578 p.
- Lehtinen L.*, 1994. Mikkelin seudun kalmistot osana Savon varhaishistoriaa. *Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkelin seutu idän ja lännen välissä*. Mikkeli, pp. 6–25.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.*, 1966. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta. *Suomen Museo*, 73, pp. 22–39.
- Leskinen H.*, 1987. Pohjois-Karjalan murteet – silkkaa Savo vai katoavaa Karjala? *Carelia rediviva*. Joensuu, pp. 77–95.
- Leskinen J.*, 2003. Karjalaisten kielimuotojen alkuperän arvoitus. *Karjalan synty*. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, pp. 448, 449.
- Leskinen Kh.*, 1976. Karely i Savo s tochki zreniya issledovatelya yazyka [The Karelians and Savo from the linguistic point of view]. *Proiskhozhdenie Karelii: Doklady seminaru 30 iyunya – 2 iyulya 1976 g. [The origin of Karelia: Theses of the workshop, 30 June–2 July 1976]*. Joensuu: Universitet Joensuu, pp. 139–148.
- Lind J.*, 1977. Sjögrens Häme-teori och de russiske Krøniker. *Historisk Tidskrift för Finland*, 62, pp. 286–323.
- Luoto J.*, 1999. Suomen varhaiskristillisyyden kokonaisesitys. *Muinaistutkija*, 2, pp. 53–57.
- Mullonen I.I.*, 2010. Formirovanie etnoyazykovoy karty Karelii (po materialam toponimicheskogo atlasa) [Forming of the ethnic and language map of Karelia (on the materials of toponimic atlas)]. *Adaptatsiya narodov i kul'tur k izmeneniyam prirodnoy sredy, sotsial'nyim i tekhnogenym transformatsiyam: Programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy Akademii nauk [Adaptation of the peoples and cultures towards the environmental changes, social and technological transformations: Programme of the fundamental researches of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]*. A.P. Derevyanko, A.B. Kudelin, V.A. Tishkov, eds. Moscow: ROSSPEN, pp. 424–427.
- Nordman C.A.*, 1924. Karelska järnåldersstudier. Helsingfors: K.F. Puromies Boktryckeri A.-B. 200 p. (Finska Fornminnesföreningens Tidskrift; XXXIV: 3).
- Nordman C.A.*, 1968. Archaeology in Finland before 1920. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica. 82 p. (History of Learning and Science in Finland 1828–191, 14a).
- Pirinen K.*, 1988. Savon keskiaika. Savon historia I. Kuopio. 285 p.
- Potashcheva I.M., Chazhengina S. Yu., Svetov S.A.*, 2013. Vozmozhnosti primeneniya mikrozonodovogo analiza obraztsov krugovoy keramiki k izucheniyu tekhnologii drevnego goncharstva karelov v epokhu Srednevekov'ya [The options of using the microzond analysis of the round ceramics to studying the technology of the ancient pottery

- of the Karelians in the Middle Ages]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki [Proceedings of the Petrozavodsk University. Series: Natural Sciences]*, 8 (137), pp. 44–50.
- Purhonen P.*, 1998. Kristinuskon saapumisesta Suomeen: uskontoarkeologinen tutkimus. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. 261 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 106).
- Saksa A.*, 1998. Rautakautinen Karjala. Joensuu: Joensuun yliopistopaino. 258 p.
- Saksa A.I.*, 2010. Drevnyaya Kareliya v kontse I – nachale II tysyacheletiya n. e. Proiskhozhdenie, istoriya i kul'tura naseleniya letopisnoy Karel'skoy zemli [Ancient Karelia in the end of the 1st – the beginning of the 2nd millennium AD. The origin, history and culture of population of the chronicle Karelian Land]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 400 p.
- Schwindt T.*, 1893. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta. Helsinki. 206 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XIII).
- Simola H.*, 2003. Karjalan luonto ja ihminen. *Karjalan synty*. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, pp. 81–115.
- Taavitsainen J.-P.*, 1990. Ancient Hillforts of Finland: Problems of Analysis, Chronology and Interpretation with Special Reference to the Hillfort of Kuhmoinen. Helsinki: University of Helsinki. 294 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 94).
- Taavitsainen J.-P.*, 2003. Karjalan muinaislinnat. *Karjalan synty*. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, pp. 432–434.
- Tallgren A.M.*, 1931. Suomen muinaisuus. Suomen historia I. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö. 256 p.
- Uino P.*, 1997. Ancient Karelia: Archaeological studies. Helsinki. 426 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 104).
- Vasil'eva E.S.*, 1982. Kharakteristika mednykh splavov s gorodishch Tiversk i Paaso [Specification of copper alloys from the Tiversk and Paaso hillforts]. *Drevnyaya korela [Ancient Korela]*. Leningrad: Nauka, pp. 185–188.
- Yanin V.L.*, 2003. Novgorodskie posadniki [Novgorod posadniki]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 512 p.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
“СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАВКАЗА
В КОНЦЕ АНТИЧНОСТИ И НАЧАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ” Сухум, АБХАЗИЯ,
31 мая – 5 июня 2015 г.**

С 31 мая по 5 июня 2015 г. в г. Сухум (Абхазия) прошла международная научная конференция “Социальная стратификация населения Кавказа в конце Античности и начале Средневековья: археологические данные”. Конференция была организована Институтом археологии РАН и Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-21-12501Г(м). Помимо историков и археологов из России (Липецк, Махачкала, Москва, Симферополь) и Абхазии (Сухум, Новый Афон) в работе форума приняли участие специалисты из Венгрии (Ньиредьхаза, Сегед), Германии (Берлин), Испании (Барселона-Майнц), Польши (Варшава), Франции (Париж). К началу работы конференции был издан сборник тезисов, включающий материалы 35 докладов, подготовленных 41 автором (Социальная стратификация, 2015).

Всего на конференции было представлено 28 докладов (пять из которых были стендовые), посвященные как анализу уже известных археологических памятников, так и презентации нового материала, важного для изучения социальной стратификации древних обществ. Все доклады охватывали, как видно из названия самой конференции, период поздней Античности и начала Средневековья (III–VII вв.) и касались не только Кавказа, но и Северного Причерноморья, евразийских степей, а также Восточной, Центральной и Западной Европы. Такой территориальный диапазон был обусловлен необходимостью рассмотрения кавказского материала на широком культурно-историческом фоне типологически сопоставимых синхронных древностей Евразии (Мастыкова, 2014. С. 4).

Выбор тематики, связанной с палеосоциологическими реконструкциями, объясняется тем, что на переломе Античности и Средневековья (III–VII вв.) на Кавказе происходили глубокие изменения социального характера. В это время Кавказ оказался втянут в военно-политическое соперничество между Римской империей и Сасанидским Ираном, пытавшимися превратить кавказские народы в своих подчиненных союзников. Это стимулировало возникновение на Северном Кавказе и в Западном Закавказье

раннегосударственных образований, союзных или враждебных Ирану и Риму. Процесс государствообразования, в свою очередь, резко усилил социальное расслоение “варварских” социумов, появилась прослойка профессиональных воинов, выкристаллизовалась новая военизированная аристократия. Археологический материал и письменные источники этого времени надежно свидетельствуют об ускорении социального расслоения у народов Северного и Западного Кавказа, появлении здесь военной знати и формировании военно-дружинного сословия.

Основная задача конференции – на массовом археологическом материале (могильники, поселения) проверить критерии выявления социальной стратификации древних социумов, апробированные на других территориях (Восточная, Центральная и Западная Европа). Отправной точкой являлись работы по социальной стратификации согласно критерию богатства закрытых комплексов, широко проводимые в европейской археологии и получившие научную апробацию (работы Р. Кристляйна, Ф. Бирбрауера и др.). Для правильного понимания результатов, полученных в ходе исследований на Кавказе, важно было их сравнительное изучение с широким привлечением параллелей и аналогий из других регионов Европы, а также с использованием методических установок, хорошо разработанных на европейском материале. Сравнительное изучение этого археологического материала тем более необходимо, что и в других европейских регионах, как и на Кавказе, формирование протогосударственных образований у “варваров” (германцы, славяне и др.) также происходило под сильным военно-политическим воздействием сначала Римской, а потом Византийской империй.

Данная конференция была уже второй, посвященной палеосоциологическому изучению кавказских древностей поздней античности и раннего средневековья. Первая конференция, “Раннегосударственные образования и “княжеская” культура на Северном Кавказе в конце Античности – начале Средневековья”, проведенная в 2013 г. в Махачкале, показала, что выработанные на других территориях признаки социальной дифференциации в целом применимы

для кавказского региона, в частности для “вожде-ских” захоронений и кладов, а также для резиденций правителей и центров власти (Раннегосударственные образования, 2013; Гаджиев, Мастыкова, 2014)¹. Поэтому проверка таких критериев на более ординарном материале, как это было сделано на сухумском коллоквиуме, является очень актуальной и научно значимой. Необходимо было установить, насколько методы работы с массовым материалом, разработанные для изучения древностей других регионов, применимы к Северному и Западному Кавказу. Представлялось важным выявить элементы сходства и различия в социальной структуре древних обществ различных частей кавказского региона. Такая работа позволяет предоставить материал для реконструкции социальных моделей древних кавказских социумов в конце эпохи Античности и в начале Средневековья.

В первый день работы конференции было заслушано 9 докладов и все они были посвящены памятникам Абхазии. Сразу отметим, что программой конференции были предусмотрены как достаточно продолжительные выступления, позволяющие в необходимом объеме представить исследуемый материал, так и их последующее детальное обсуждение.

Утреннее заседание открыл *О.Х. Бгажба* (Сухум) докладом, в котором рассматривались проблемы, связанные с кузнечным ремеслом Абхазии во II–VII вв. Докладчик подчеркнул, что эти проблемы имеют особое значение, т. к. социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла позволяет судить о состоянии общества, в рамках которого данное ремесло развивалось.

Доклад *С.М. Сакания* (Сухум) был посвящен исследованию социального состава ранней христианской общины Абхазии (апсилы, абазгов, санигов, лазов), которая переживала становление новых социальных отношений и в конечном итоге сформировала ведущие силы социально-политической системы этой страны.

Продолжением абхазской тематики был доклад *В.А. Ньюшкова* (Сухум) об элите древнеабхазских обществ Западного Закавказья на рубеже средневековья в VI в. Автор обратил внимание, что при изучении социальной истории древнеабхазских обществ (абазгов, апсилы и мисимиан) необходимо учитывать не только археологические данные, в интерпретации которых существуют определенные трудности, но и письменные ранневизантийские источники.

Доклад *А.Н. Габелия* (Сухум) был посвящен эволюции социальных отношений населения Абхазии

в античную эпоху. Автор подчеркнул, что, несмотря на большое количество обобщающих работ о социальном развитии древнего населения Абхазии, единого мнения в абхазоведческой науке по этой проблеме не существует. Эта ситуация объясняется скудостью соответствующих письменных источников, но изучение конкретного археологического материала, по мнению автора, может дать дополнительные сведения для дальнейшего изучения этой проблематики.

Завершил утреннее заседание доклад *А.В. Аргун* (Новый Афон), представивший коллекцию монетных находок 2008 г. из Анакопийской крепости, состоящей преимущественно из монет IX–XI вв. По мнению докладчика, этот факт указывает на время расцвета Анакопии как крупного политического и экономического центра Абхазского царства и всего Восточно-Причерноморского региона.

На вечернем заседании было продолжено слушание докладов по абхазской проблематике. В докладе *И.А. Джопуа* (Сухум), посвященном позднеантичным погребениям и социальному составу населения Абхазии, были проанализированы погребения воинской знати, происходящие из некрополей Цебельдинской долины.

В докладе *Ш.Г. Кайтан* (Сухум) рассматривалась структура абхазского общества раннего этапа функционирования Великой Абхазской стены (VI–VIII вв.). Автор представил результаты последних охранно-изыскательских исследований, проведенных экспедицией Государственного Управления Республики Абхазия на ключевом объекте системы Великой Абхазской стены, провел сравнительный анализ с материалами других памятников и пришел к выводу, что такое мощное оборонительное сооружение как Великая Абхазская стена могла быть построена только консолидированным и развитым обществом.

Доклад *Н.В. Касландзия* (Сухум) был посвящен проблеме формирования института дружины в раннесредневековой Абхазии VI–VIII вв. Автором проанализирован не только археологический материал из цебельдинских некрополей, который свидетельствует о высокой степени милитаризованности населения Апсолии, но и проведен лингвистический анализ раннесредневековой терминологии, подтверждающий, по мнению докладчика, наличие дружинной организации у предков абхазов.

Завершил работу первого дня заседания доклад *Г.А. Сангулия* (Сухум), в котором стратификация и консолидация рассмотрены как факторы и механизмы цивилизационного развития Абхазии конца античности и раннего средневековья.

На утреннем заседании второго дня работы конференции было заслушано 4 доклада, посвященные памятникам Северного Кавказа. Открыл заседание

¹ Полные версии докладов этой конференции опубликованы (КСИА. 2014. Вып. 234).

доклад *Д. С. Коробова* (Москва), рассмотревшего на основе материалов могильника Клин-Яр 3 социальную стратификацию населения Кисловодской котловины V–VIII вв. С помощью проведенного многомерного статистического анализа катакомбных захоронений выявлены признаки социальных различий в аланском социуме в эпоху раннего средневековья.

В следующем докладе *Т. А. Габуева* (Москва) была предложена модель социальной стратификации аланского населения городища Брут и принадлежавших ему катакомбных могильников Брут 1 и Брут 2 в Северной Осетии в IV–V вв. По мнению автора, весь массив катакомб городища Брут делится на две социальные группы. Могильник Брут 2 можно считать кладбищем рядовых граждан, могильник Брут 1 – место погребения аланской элиты. В свою очередь, как подчеркнул докладчик, каждая из выделенных групп имела свою стратификацию.

Доклад *А. А. Кадиевой* (Москва) был посвящен могильнику Алдар-Резен позднеимского времени, расположенного недалеко от селения Кумбулта в Дигорском ущелье Северной Осетии. Впервые были представлены выразительные материалы этого уже давно раскопанного К. И. Ольшевским некрополя (коллекция ГИМ), но до сих пор не введенные в научный оборот. Наличие в погребальном инвентаре изделий из драгоценных металлов (золота, серебра) свидетельствует, по мнению автора, о том, что некрополь мог принадлежать элите местных племен.

Завершил утреннее заседание доклад *И. Г. Семёнова* (Махачкала), в котором, опираясь на анализ письменных источников (“История страны Алуанк” Мовсеса Каланкатуаци, сочинения Приска Панийского и Иордана) была рассмотрена этническая карта кавказской периферии Гуннской державы, было уделено внимание таким народам как соросги, акациры, “гунны” Восточного Кавказа.

На вечернем заседании было заслушено три доклада, посвященные памятникам Северного Причерноморья. В совместном докладе *А. Н. Ворошилова* и *О. М. Ворошиловой* (Москва) были проанализированы погребальные комплексы IV–V вв., оставленные жителями позднеантичной Фанагории и сделан вывод о социальной неоднородности фанагорийского общества в этот период. Прослежена зависимость между богатством погребений и погребальной архитектурой, отмечена эволюция погребального обряда, которая отразилась в том, что в римское время склепы были семейными усыпальницами, в которых хоронили до нескольких десятков человек, в позднеантичную эпоху склепы

становятся усыпальницами не более для 2–5, а иногда – одного человека.

Следующий доклад *А. А. Строкова* (Берлин) был посвящен возможностям реконструкции социальной структуры населения Азиатского Боспора в позднеантичную эпоху. На основе погребального обряда и инвентаря автор делает вывод, что население Азиатского Боспора сохраняло сложную социальную стратификацию. Выводы А. А. Строкова, согласно которому рядовые захоронения совершаются в простых грунтовых могилах, в то время как подбойные могилы и склепы принадлежат людям более высокого социального положения, перекликаются с выводами авторов предыдущего доклада. Отмечается, что каких-либо “княжеских” захоронений IV–V вв. на Тамани неизвестно, возможно, это объясняется состоянием источниковой базы.

В совместном докладе *И. Н. Храпунова* и *А. А. Стояновой* (Симферополь) были проанализированы погребения знати в могильниках предгорного Крыма позднеимского времени. Авторы отметили, что о социальной структуре населения предгорного Крыма можно судить только на основании археологических данных, представленных материалами группы изученных некрополей. Довольно однообразный погребальный инвентарь исследованных комплексов свидетельствует о достаточно слабой имущественной дифференциации населения.

После вечернего заседания для участников конференции была организована научная экскурсия в Драндскую церковь – памятник VI–VII вв., единственный по своему архитектурному типу и сохранности в Восточном Причерноморье.

Третий день заседаний начался с двух докладов, посвященных памятникам степных народов. Это доклад *С. В. Демиденко* (Москва), в котором были представлены новые материалы (раскопки 2013 г.), происходящие из кургана 1 могильника Гремячий III на Нижнем Дону (бассейн реки Курмоярский Аксай в Волгоградской области). Детальное изучение парадного уздечного набора, обнаруженного в этом кургане, позволило автору датировать его серединой III в. и обоснованно интерпретировать данный погребальный комплекс как элитный.

В докладе польского коллеги *Б. Ш. Шмониевского* (Краков) были рассмотрены погребальные традиции древних кочевников в конце античности и раннем средневековье, а именно – обычай класть монеты в погребения, так называемый обол Харона или монета мертвых. Автором отмечены существующие наиболее спорные вопросы – какие именно монеты можно интерпретировать как монеты мертвых, количество таких монет в погребении, локализация их в могиле. На примере погребальных комплексов, происходящих с северо-западных территорий

современного Китая, проанализированы генезис этого обычая и влияние на него других культурных традиций.

Далее были заслушаны доклады, представляющие памятники сопредельных регионов, Восточной, Центральной и Западной Европы. На утреннем заседании было заслушано еще 2 выступления. Доклад *И.А. Сапрыкиной* (Москва) был посвящен проблемам исследования химического состава изделий из драгоценных металлов. На примере коллекции золотых предметов из женского погребения гуннского времени с поселения Мухино 2 на Верхнем Дону автором выявлены методические проблемы, возникающие как при проведении анализа химического состава золота, так и при интерпретации полученных результатов. В большей степени эти проблемы связаны с предметами имеющих нестандартную технику изготовления.

В докладе *И.В. Белоцерковской*² (Москва) был представлен опыт выделения индикаторов социальной стратификации в женском погребальном костюме рязано-окских финнов V в. Женский костюм по количественному и качественному составу его элементов был разделен на четыре группы. Каждую группу определяет наличие определенных вещей-маркеров. На формирование комплекса признаков, отличавших престижные уборы от рядовых, повлияло, по мнению автора, участие рязано-окских финнов в процессах эпохи Великого переселения народов.

На вечернем заседании было заслушано еще три доклада. Доклад *И.О. Гавритухина* (Москва) был посвящен проблемам исследования социальной стратификации славян V–VII вв. В докладе отмечалось, что для славян, соотносимых с пражской культурой, возможностей для реконструкции социальной стратификации очень мало. Письменные источники содержат очень краткие сведения, а археологические находки представлены поселениями и кремациями с очень бедным инвентарем. В целом же славянское общество эпохи Великого переселения народов представляется как весьма архаичное, с затратами более сложной организации.

В совместном докладе венгерских коллег *Э. Иштванович* и *В. Кульчар* (Ньиредьхаза, Сегед) была рассмотрена социальная стратификация варваров гуннского времени в свете новейших исследований в Венгрии, как на территории Барбарикума, к западу от Дуная, так и в придунайских провинциях Римской империи. Особое внимание было уделено “одиноким” женским захоронениям с богатым инвентарем группы Тиссалёк-Мад, обычно соотносимым с социальными элитами. Авторы показали,

что такие захоронения далеко не всегда являются изолированными и часто интегрированы в ансамбль “варварского” некрополя с рядовым населением.

Испанский исследователь *Жуан Пинар Жил* (Майнц) в своем докладе показал какие маркеры социальной стратификации выявляются в материалах рядовых некрополей визиготского королевства Испании и Южной Франции. Автором было отмечено, что проблема социальной организации здесь является одной из наименее изученных, поскольку традиционно большее внимание уделяется изучению монументальной архитектуры, а “бедность” погребального инвентаря визиготских могил не способствовала появлению интереса к нему у исследователей. Проведенный анализ взаимовстречаемости вещей из погребений позволил автору выявить существование синхронных “качественных” групп, связанных с разными уровнями зажиточности древнего населения.

В завершении заседания было проведено обсуждение пяти стендовых докладов. Каждый из докладчиков сделал краткую презентацию. *А.И. Джоуа* (Сухум) представил интересные материалы нового могильника поздней античности и раннего средневековья, открытого в с. Куланрхуа (Гудаутский район, Абхазия). Всего на могильнике было исследовано 27 погребений.

В коллективном выступлении *А.А. Кадиевой*, *А.Ю. Скакова* (Москва) и *А.И. Джоуа* (Сухум) было рассказано о совместных исследованиях поселения Джантух в Восточной Абхазии. Полученные материалы свидетельствуют о неординарном характере поселения и позволяют авторам сделать вывод об относительно высоком социальном статусе его жителей.

В докладе *М.М. Казанского* (Париж) была предложена иерархия “воинских” погребений в Абхазии (II–VII вв.) и рассмотрены возможности социальных реконструкций. Автор подчеркнул, что “воинские” погребения Абхазии отражают социальную структуру древних социумов, однако эта иерархия проявляется по-разному в различных могильниках, и ее индикаторы могут варьироваться в зависимости от хронологического периода.

Совместная работа *А.В. Мастыковой* (Москва) и *Г.Л. Земцова* (Липецк), была посвящена рассмотрению богатого женского погребения с поселения Мухино 2 на Верхнем Дону в иерархии привилегированных могил гуннского времени. Наличие в этом погребении элементов женского убора, типичных для так называемой группы Унтерзибенбрунн, позволило авторам соотнести его с престижными погребениями европейского Барбарикума по “дунайской” схеме, предложенной немецким археологом Ф. Бирбрауером.

² Доклад был прочитан А.А. Кадиевой (Москва).

Последний стендовый доклад был представлен *О.В. Зеленцовой* (Москва), в котором по материалам раннесредневековых финских могильников Поволжья были рассмотрены археологические признаки социальной стратификации. Проведенный анализ встречаемости предметов погребального инвентаря в мужских могилах, сопоставление их с параметрами могильных ям и деталями погребального обряда позволил выделить четыре группы захоронений, различия между которыми имеют социологический характер.

В ходе заседаний шло оживленное и деловое обсуждение докладов, дискутировались спорные взгляды и моменты. На заключительном заседании были подведены итоги работы конференции. Участники коллоквиума констатировали, что критерии, выработанные на западноевропейском материале в целом, применимы и к понтокавказскому региону, даже если в трактовке самого западного материала иногда имеются расхождения. При этом, разумеется, необходима большая осторожность при переходе от чисто археологической классификации материала к его сопоставлению с социальными группами, поскольку, во-первых, археологический материал, как правило, дает более упрощенную картину социальной иерархии, а во-вторых, сведения письменных источников о социальной структуре древних народов Кавказа очень фрагментарны и зачастую неоднозначны. Отмечая сложность, а порой и спорность социальных интерпретаций этого материала, все участники, тем не менее, подчеркнули перспективность подобного рода исследований и их актуальность. Обращалось внимание, что для социальных реконструкций необходимо привлечение данных других наук, прежде всего физической антропологии. Большую проблему для понтокавказского региона представляет и слабая степень

опубликованности материала, что ведет к его фактической недоступности для исследования.

В последний день работы конференции состоялась насыщенная научная экскурсия в Национальный Новоафонский историко-культурный заповедник “Анакопия”. Участники семинара прослушали обстоятельную лекцию-экскурсию, смогли ознакомиться не только с этим известным археологическим памятником, но и посетить новый Музей Абхазского царства, открытый в 2010 г., уникальный памятник древнего зодчества IX–X вв. – храм Симона Кананита, а также Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь.

Материалы международной научной конференции планируется опубликовать в виде тематического сборника статей в одном из выпусков продолжающегося издания ИА РАН “Краткие сообщения Института археологии” (КСИА).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаджиев М. С., Мастыкова А. В.* Международный научный семинар «Раннегосударственные образования и “княжеская” культура на Северном Кавказе в конце Античности – начале Средневековья». Махачкала, 13–17 ноября 2013 г. // РА. 2014. № 3. С. 184–186.
- Мастыкова А. В.* Введение. “Вождская” культура Северного Кавказа эпохи Великого переселения народов и общеевропейский контекст // КСИА. 2015. Вып. 234. С. 3–8.
- Раннегосударственные образования и “княжеская” культура на Северном Кавказе в конце Античности – начале Средневековья: тез. междунар. науч. семинара (Махачкала, 13–17 ноября 2013 г.) / Ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2013. 52 с.
- Социальная стратификация населения Кавказа в конце Античности и начале Средневековья: археологические данные: Матер. междунар. науч. конф. Сухум, 31 мая – 5 июня 2015 г. / Ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2015. 92 с. (URL: http://archaeolog.ru/media/konf2015/Abhaz_materials.pdf)

Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум
Институт археологии РАН, Москва

В. Ш. Авидзба
А. В. Мастыкова

IN TER SCHOLARLY CONFERENCE “SOCIAL STRATIFICATION OF THE CAUCASUS POPULATION IN THE LATE CLASSICAL AND THE EARLY MEDIEVAL PERIODS FROM THE ARCHAEOLOGICAL RECORD” (Sukhum, Abkhazia, 31 may–5 june, 2015)

REFERENCES

Gadzhiev M. S., Mastykova A. V., 2014. Mezhdunarodnyu nauchnyi seminar “Rannegosudarstvennye obrazovaniya i “knyazheskaya” kul'tura na Severnom Kavkaze v kontse Antichnosti – nachale Srednevekov'ya”. Makhachkala, 13–17 noyabrya 2013 g. [International

Scholarly Seminar «Early polities and “princely” culture in the North Caucasus in the Late Classical–Early Medieval Periods» Makhachkala, 13–17 November 2013]. RA, 3, pp. 184–186.

Mastykova A. V., 2015. Vvedenie. “Vozhdeskaya” kul'tura Severnogo Kavkaza epokhi Velikogo pereseleniya narodov i obshcheevropeyskiy kontekst [Introduction. “Princely”

Culture of the North Caucasus in the Period of Great Migration in the Pan-European Context]. *KSIA*, 234, pp. 3–8.

Rannegosudarstvennyye obrazovaniya i “knyazheskaya” kul'tura na Severnom Kavkaze v kontse Antichnosti – nachale Srednevekov'ya: tezisy mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. [Early politics and “princely” culture in the North Caucasus in the late classical–early medieval periods. International Scholarly Seminar. Abstracts of Papers]. A. V. Mastykova, ed. Moscow: IA RAN, 2013. 52 p.

D.I. Gulia Abkhazian Institute for the Humanities of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Sotsial'naya stratifikatsiya naseleniya Kavkaza v kontse Antichnosti i nachale Srednevekov'ya: arkheologicheskie dannye: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Social Stratification of the Population of the Caucasus in the Late Classical–Early Medieval Periods from the Archaeological Record. Transactions of the International Scholarly Conference]. A. V. Mastykova, ed. Moscow: IA RAN, 2015. 92 p. (http://archaeolog.ru/media/konf2015/Abhaz_materials.pdf).

V.Sh. Avidzba

A. V. Mastykova

ПАМЯТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СМИРНОВА 1946–2016 гг.

2 января 2016 г. скоропостижно скончался известный археолог Юрий Александрович Смирнов.

Ю. А. Смирнов родился 18 сентября 1946 г. в г. Чойбалсан (Монголия). Интерес к истории и археологии проявился у него еще в школьные годы. Завершая среднее образование в вечерней школе, он в 1962–1964 гг. работал научно-техническим сотрудником отдела оружия ГИМ. В 1965 г. поступил

на исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, который закончил в 1969 г. по кафедре археологии. В университете проявились научные и организаторские способности Юрия: он возглавлял на кафедре Научное студенческое общество. Счастливая судьба археологов нашего поколения позволила ему достаточно рано начать самостоятельную полевую деятельность: свой первый открытый лист он получил, участвуя на четвертом курсе, в 1968 г., возглавил отряд и провел археологическую разведку памятников в Рязанской обл.

После окончания университета Юрий Александрович поступил на работу в Институт археологии АН СССР, где прошел путь от лаборанта до старшего научного сотрудника.

Научная деятельность Ю. А. Смирнова развивалась в нескольких направлениях. Еще студентом, благодаря курсу археологии каменного века, который в те годы читал О. Н. Бадер, Юрий заинтересовался археологией каменного века, точнее, – древнейшими формами погребального обряда. В это же время он познакомился с известным археологом, востоковедом и энтузиастом применения в археологии новых методов исследования Д. В. Деопиком, руководившим в университете семинаром по применению математических и формализованных методов к исследованию археологического материала. Постепенно это тесное общение переросло в многолетнюю дружбу.

В 1985 г. Ю. А. Смирнов под руководством Д. А. Крайнова защитил кандидатскую диссертацию на тему “Мустьерские погребения”, позже это исследование, значительно расширенное и дополненное,

было издано отдельной книгой (Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.: Наука, 1991. 341 с.). В основу работы была положена исчерпывающая сводка данных о погребениях неандертальцев на территории Евразии, впервые составленная автором. Влияние Д. В. Деопика наглядно проявилось в проведенном автором по единой системе детальном формализованном описании и критическом анализе всех известных к середине 1980-х годов мустьерских погребений Евразии. Изучение литературы, написанной практически на всех европейских языках, позволило подвергнуть коренной переоценке традиционные представления об уровне развития мустьерской культуры и доказать наличие у неандертальского человека целенаправленного и сложного погребального обряда. По словам редактора книги академика В. П. Алексеева, помимо непосредственного анализа конкретных погребений автор “предложил и развил интересную систему понятий, связанных с погребальным комплексом в целом, – систему, с моей точки зрения, заслуживающую... дальнейшей разработки”; это позволило ему назвать монографию Ю. А. Смирнова “крупным вкладом в археологию и палеоантропологию” (Смирнов Ю. А. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.: Наука, 1991. С. 4).

По сути конкретным выполнением пожелания редактора стало следующее фундаментальное исследование Ю. А. Смирнова – “Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения: исследование, тексты, словарь” (М.: Восточная литература, 1997. 280 с.). В этой монографии в полной мере реализовалось еще одно направление научных интересов Ю. А. Смирнова. Здесь он уже в значительной степени отходит от формализованного анализа источников, уделяя все большее внимание углубленному изучению содержательного аспекта погребальных обрядов у разных народов. Основная идея автора состоит в том, что погребальный обряд относится к социально-идеологической сфере человеческой деятельности, осуществляемой в двух направлениях: в разных формах и способах обращения с телом умершего; в построении модели потустороннего мира, т. е. в создании одной из самых ранних космологических теорий. На основании анализа сакральных текстов иудаизма, христианства, ислама, зороастризма, индуизма, буддизма, конфуцианства и других религий ученый последовательно раскрывает разные аспекты погребальной деятельности и представлений, выстраивает целостную систему анализа археологических погребальных

комплексов. Важное дополнение к этим разработкам – подготовленные автором материалы к словарю погребальных понятий и терминов.

Дальнейшие исследования Ю. А. Смирнова в этой области связаны с изучением представлений разных народов о жизни человеческой души после смерти ее материальной оболочки – тела. Этому посвящены две небольшие монографии: “Книги мертвых: Свет и Тьма в конце тоннеля” (М.: Таус, 2011. 104 с.) и “Вечный свет жизни. Сакральные тексты и погребальные традиции” (М.: Человек, 2013. 212 с.).

Однако научная деятельность Юрия Александровича была связана не только с теоретическим исследованием и осмыслением погребальных обычаев. Будучи высококвалифицированным археологом, он практически ежегодно участвовал в раскопках археологических памятников разных эпох: палеолита, неолита, бронзового и раннего железного веков, позднего Средневековья и Нового времени.

В последние 20 лет Ю. А. Смирнов активно использовал свои профессиональные навыки в общественной культурной деятельности. Это проявилось в археологических раскопках погребений на расстрельном Бутовском полигоне (1997, 2001, 2002 гг.); в Успенском соборе Иосифо-Волоцкого монастыря (2001 г.), где были обнаружены захоронения основателя монастыря св. преп. Иосифа Волоцкого и казанского царевича Федора Мелехдеяровича, крещенного в Москве и ставшего русским воеводой Федором Долголядским; в Соловецком, Дивеевском и других монастырях, а также в Александровской слободе (2002–2011 гг.), где он вместе с М. В. Фроловым продолжил раскопки, начатые еще в 1970–1971 гг. экспедицией академика Б. А. Рыбакова. Особо следует отметить составленный Ю. А. Смирновым список обретенных и перенесенных мощей святых, чтимых Русской Православной Церковью, за всю историю России (Обретение и перенесение мощей святых, чтимых Русской Православной Церковью, в истории России с 988 г. по 2001 г. // Три четверти века: Д. В. Деопику – друзья и ученики / Отв. ред. Н. Н. Бектемирова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 502–525).

Помимо этого, Ю. А. Смирнов более 15 лет был доцентом кафедры общетеоретических дисциплин Государственной классической академии им. Маймонида, читал курс лекций “Культурология в свете мифологии”.

Из неполных 70 лет жизни Юрия Александровича 54 года было отдано им археологии, 44 – Институту археологии, а вся его жизнь в целом досталась всем нам – родным, друзьям и коллегам.

Светлая память о Юрии Александровиче Смирнове навсегда сохранится в наших сердцах.

*А. В. Кашкин, Ю. Б. Цетлин,
М. В. Фролов*

Институт археологии РАН, Москва
ООО “КРОМ”

ПАМЯТИ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ ЕНУКОВОЙ 1956–2016 гг.

12 марта 2016 г. после непродолжительной, но тяжелой болезни скончалась О.Н. Енукова, специалист по славяно-русской археологии, веселый и доброжелательный человек.

Оля Данилова родилась в старом русском городе Владимире. Там же после окончания школы в 1973 г. работала на тракторном заводе копировщицей и на заводе точного машиностроения сборщиком часов, что наложило отпечаток на всю ее жизнь: она прекрасно чертила и великолепно рисовала, могла отремонтировать любые механические часы. Свое отпускное время она проводила в археологических экспедициях: участвовала в раскопках Ольвии и Херсонеса.

В 1976 г. Ольга поступила на подготовительное отделение исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и в 1977 г. стала студенткой. Проблема с выбором специализации не стояла: только кафедра археологии. На первом курсе Оля Данилова оказалась в семинаре Т.А. Пушкиной, где шла подготовка студентов-археологов к раскопкам гнездовских курганов. Глубокий интерес и увлеченность избранной профессией сыграли свою роль уже в студенческие годы. За годы учебы в университете Ольга принимала участие в полевых исследованиях памятников разного характера и эпох:

античного Танаиса (1977 г.), древнерусских курганов и городища в Гнездове (1978, 1980–1982 гг.), Великого Новгорода (1979 г.), античного городища “Чайка” в Евпатории (1980 г.), курганов эпохи бронзы в Северо-Кавказской археологической экспедиции (1979–1981 гг.). Научным руководителем О. Даниловой стал Д.А. Авдусин, предложивший ей в качестве темы дипломной работы материалы одного из известнейших памятников раннесредневековой муромы – Подболотьевского могильника. В 1982 г. работа была успешно защищена, а в дальнейшем подготовленная на ее основе большая статья была опубликована.

Еще на “рабфаке” Ольга встретила со своим будущим мужем В.В. Енуковым и практически не расставалась с ним не только в стенах университета, но и в экспедициях, где они зачастую получали участки и отряды “на двоих”. Именно в это время сложился научный, творческий, семейный “тандем”, который выдержал проверку всей их счастливой жизнью. В 1980 г. они провели первые самостоятельные раскопки на древнерусском Лазаревом городище под Ельней. Предложение полностью самостоятельно организовать работу отряда исходило от Д.А. Авдусина, поставившего условием свое участие только в качестве опытного фотографа. Этот своеобразный эксперимент был успешно осуществлен, и будущая семья Енуковых благополучно сдала очередной экзамен.

В 1982 г. молодая супружеская пара прямо из Смоленской экспедиции уезжает по распределению в г. Волгоград, где О.Н. Енукова работает в Волгоградском пединституте ассистентом кафедры истории СССР. В 1984 г. она переезжает на родину мужа в г. Курск. С 1985 по 1991 г. О.Н. Енукова – преподаватель Курского культурно-просветительного училища. Этот период жизни был посвящен воспитанию малолетних детей – дочери Дины и сына Димы. Выезды в поле были редкими, обычно на несколько дней, но только вместе с детьми. Исключением был сезон 1985 г., когда удалось “вырваться” в Ростов Великий, о котором надолго сохранила теплые воспоминания.

В 1990 г. состоялся полноценный “возврат в науку”. С этого времени каждый сезон – в поле. В 1991–2002 гг. О.Н. Енукова – заведующая научно-исследовательским отделом Курского государственного областного музея археологии. В 2002 г. супруги осуществили новый проект: они организовали НИИ археологии юго-востока Руси при

Курском государственном университете. С этого времени О.Н. Енукова стала старшим, а затем ведущим научным сотрудником НИИ, фактически выполняя обязанности не предусмотренного штатным расписанием заместителя директора, успешно решая многочисленные вопросы и проблемы научного и организационного характера.

Все эти годы супруги активно занимаются полевой деятельностью, поддерживая, а порой и заменяя друг друга. Были моменты, когда они начинали уточнять, чей Открытый лист был получен на тот или иной памятник. Их всегда объединяло стремление к стационарным исследованиям, которые сопровождалась комфортно обустроенным лагерем. В этом проявлялась одна из характерных черт внимательной к окружающим, доброжелательной и остроумной Ольги. В экспедициях Енуковых побывали, нередко – по многу раз, друзья и коллеги из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Киева, Сум, Калуги, Ельца, Орла. В числе исследованных объектов – исторический культурный слой в Курске и Рыльске, Ратский, Липинский, Шуклинский, Горнальский комплексы, первый в археологии полностью изученный курганный могильник колочинской культуры в Артюшково, многослойное поселение в Студеновском. За пределами Курской области были раскопки в Подмосковье и в Самарской области.

В этом перечне ведущими были два памятника: Курск и Липино. Не будет преувеличением сказать, что именно с Енуковых началось систематическое археологическое изучение древнего Курска. В итоге была реконструирована топография этого древнерусского города и прослежена динамика его развития. Но особое место в жизни О.Н. Енуковой занимало Липино. Комплекс исследовался долгие годы

(1993, 1995–1998, 2000, 2001, 2003–2009 гг.), на городище и селище было изучено около 1 га. В результате впервые на древнерусском селище была прослежена уличная планировка территории, которая начала формироваться в конце XI в. Впоследствии улицы приобрели типичный для городской жизни облик, с деревянными мостовыми и частоколами вокруг усадеб.

Материалы раскопок в Липино позволили разработать методику воссоздания конструкции построек по сохранившимся деталям в условиях сухого слоя и послужили основой большого научного исследования. Его итогом стала успешно защищенная в 2006 г. кандидатская диссертация “История домостроительства населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв.”. В 2007 г. это исследование было издано в виде книги.

О.Н. Енукова является автором более 50 публикаций. Сегодня в редкой работе, касающейся домостроительства, нет ссылок на эти исследования. Вместе с мужем они выполнили около трех десятков проектов по грантам РФНФ, целевым программам Министерства культуры, Министерства образования и науки, Администрации Курской области и Курского государственного университета.

В 2014 г. было положено начало новому проекту стационарных исследований Ратского археологического комплекса, реализацию которого Енуковы запланировали на много лет. Весь сезон 2015 г., последний в ее жизни, Ольга Николаевна провела на Рати.

Светлая память об Ольге Николаевне Енуковой, успешном археологе, прекрасном человеке, заботливой матери и надежном друге навсегда сохранится в памяти ее друзей и коллег.

Воронежский государственный университет
Институт археологии РАН, Москва
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

А.З. Винников
А.В. Кашкин, А.Е. Леонтьев, А.М. Обломский
Т.А. Пушкина